

СОЧИНЕНІЯ И ПИСЬМА
СВЯТОГОРЦА,

СОБРАННЫЯ ПОСЛѢ ЕГО СМЕРТИ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

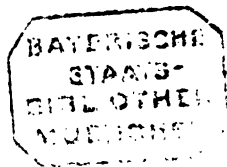
**ВЪ ТИПОГРАФИИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ.**

1858.

Р. н. 5176

Отъ Санктпетербурскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позво-
ляется. Марта 19 дня 1858 года.

Цензоръ *Архимандритъ Макарий.*

СВЯТОГОРЕЦЬ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Характеръ и бытъ семьи, въ которой родился и первоначально воспитывался Святогорець.—Особенное на него вліаніе этого быта и характера. — Воспитаніе въ учебномъ заведеніи и раннее сиротство.—Способности и направленіе.—Окончаніе учебнаго курса и характеръ.—Семейная жизнь и священнической санъ.—Семейныя утраты, путешествіе по святымъ отечественнымъ мѣстамъ и постриженіе въ монашество.—Путешествіе на св. гору Аѳонскую и въ Палестину. — Прибытіе въ отечество и изданіе *Писемъ о св. горѣ*.—Возращеніе на св. гору, послѣдняя дѣятельность и жизнь.—Смерть.

Святогорець, извѣстный особенно какъ авторъ *писемъ о св. горѣ Аѳонской*, — въ крещеніи Сумеонъ, въ монашествѣ Саррафимъ, и наконецъ въ схимонашествѣ Сергій,—былъ родомъ изъ Вятской губерніи, Орловскаго уѣзда, села Пищальскаго, сынъ дьячка Авдія Веснина, служившаго при церкви того села. Родился 1814 г. Августа 27 дня.

Отець его былъ человекъ бѣдный и многосемейный. Изъ семерыхъ его дѣтей Сумеонъ былъ послѣдній. По рассказамъ тамошнихъ старожилонъ и вообще очевидцевъ, дьячекъ Авдій отличался особеннымъ трудолюбіемъ, добротою, попечительностію о дѣтяхъ, страннопримствомъ и постоянною ласковою.—Даже на старости, онъ самъ работалъ въ полѣ, какъ самый усердный земледѣлецъ, безъ устали, изо всѣхъ силъ, междутѣмъ, когда не было полевыхъ и т. п. работъ, занимался столярнымъ ремесломъ: дѣлалъ сундуки, столы, оконницы и проч.,—и при этомъ однакоже былъ всегда исправнѣйшимъ и ревностнѣйшимъ исполнителемъ обязанностей и требъ своего званія по церкви (*). Доброта его простиралась до того,

(*) Замѣчательны искреннею правдивостію рассказы простонародныхъ о старикѣ Авдіѣ. Вотъ одинъ изъ нихъ: «Бывало, чуть только солнышъ»

что при своей многосемейности, имѣя на своемъ попеченіи, въ числѣ своихъ дѣтей, еще двухъ братнихъ сиротъ племянника и племянницу, — такъ что во всей семьѣ съ своею женою былъ самъ одинадцатьи; — и зѣботѣсь содержать и воспитывать такое семейство по возможности прилично, — онъ старался и умѣлъ даже прихожанамъ бѣднякамъ помогать по крайнимъ своимъ силамъ. — Досужихъ часовъ, въ точномъ смыслѣ слова, у него не было. Время свободное отъ трудовъ рабочихъ и служебныхъ было все посвящено на первоначальное обученіе и воспитаніе дѣтей. Правда, онъ былъ человѣкъ, какъ говорится, старинный: не получилъ никакого образованія, наученъ былъ только читать, писать и пѣть по церковному, складывать по-латыни, да прочитавъ наизусть нѣсколько молитвъ и отвѣтовъ изъ катихизиса или церковной исторіи. За то отъ природы надѣленъ былъ здравымъ и крѣпкимъ разсудкомъ, доброю волею и хорошею смышленостію, помощію которыхъ, подъ руководствомъ жизни, нужды и опыта, умѣлъ достаточно развить и упрочить за собою свои немногія знанія, усвоить себѣ прямой взглядъ на вещи, и понимать по-

ко начнетъ выглядывать изъ-за лѣску, старикъ Авдей ужъ копаются себѣ на полѣ: такъ и пашеть, да лошаденку свою понужаетъ, словно его-то самого кто погоняетъ. Инда днемъ это — жарынь такая: либо сварышься, либо испечешься на работѣ, либо оводъ (мухи и проч.) заѣсть, — ну и пересташь немного, покуда отойдетъ; а ему все нипочемъ: сидеть на землю, вздохнетъ, да утрегся рукавомъ, и опять пошелъ. Али въ полѣ работать нельзя: ненастье тамъ что лп, непора, — ево не замай: опять мастерить что нибудь дома: столы, окошницы, сундуки, да опосля и продать намъ. Труженикъ былъ, нечево сказать, — падохъ на работу. — Ну, и къ службамъ Божиимъ охотливъ былъ. Бывало какал тамъ ни-на-есть служба, али такъ треба какая, ужъ онъ въ церкви прежь всѣхъ. За то опять и добрякъ былъ: попросишь, бывало, хлѣба на посѣвъ — не хватаетъ, али другаго чего, — коли есть, не откажетъ, послѣднимъ подѣлится. — Жена у него была тоже добрая старушка, смирная и богомольная, и крестьянство — своихъ прихожанъ умѣла наблюдать. Вѣстимо, она, по-женскій, покровительвѣ была, за то и угождать завсегда всѣмъ умѣла. — Семья у нихъ была большая: самъ девять, да, окромѣ своихъ, держалъ при себѣ сиротъ — племянника и племянницу, — а все не обидчикъ былъ, не желалъ забрать чужова: «чужимъ, говорить, кускомъ сытъ не будешь; а коли и взялъ (занялъ) что у ково, такъ и норовилъ скорѣй отдать».

требность нравственного развитія и образованія. Въ слѣдствіе этого онъ всегда самъ училъ дѣтей своимъ, до доступленія ихъ въ училище, и, можно сказать, корнѣмъ надъ этимъ, стараясь передать дѣтямъ все, что самъ зналъ и умѣлъ. Но особенно при этомъ его заботою было положить и укоренить въ сердца дѣтей зерно вѣрности и страха Божія, такъ, чтобы дѣтя съ малолѣтства принимало постоянно чувствовать присутствіе Божіе, и въ своихъ провинностяхъ и несправностяхъ—бояться прежде всего наказанія Божія. Если кто изъ дѣтей полѣнился выучить урокъ, или оказалъ непослушаніе, или въ церкви стоялъ разсѣянно, или вообще въ чемъ нибудь провинился, — отецъ подволилъ его къ домашней иконѣ и, указывая на ликъ образа, говорилъ: «видишь, Богъ смотритъ на тебя, сердится и хочетъ наказать тебя!—Проси скорѣе у него прощенія, и обѣщайся, что ты болѣе не станешь гнѣвить Его, а всегда будешь и окромень, и послушенъ, и прилеженъ, и мабоженъ, да непремѣнно».—И дѣтя, смотря на икону, горячими слезами омывало свои проступки и чистосердечно обѣщало исправиться.

Среди такихъ заботъ и трудовъ, скромный домъ Авдія всегда былъ радушно открытъ для всякаго странника; а поклонники святыхъ, своимъ посѣщеніемъ, приносили въ домъ Авдія особенную радость. Живые рассказы ихъ о далекихъ и великихъ святыхъ продолжались иногда по цѣлымъ днямъ и ночамъ, и до того востергали душу старика, что для нихъ онъ забывалъ свои—обыденныя занятія, и провожалъ такихъ гостей всегда съ душевною скорбію, что самъ не можетъ также видѣть св. мѣстъ и тамъ поклониться угодицамъ Божіимъ.—Но самымъ любимымъ занятіемъ старца Авдія, во вечерахъ, особенно на правдники, было чтеніе духовныхъ книгъ и преимущественно *Четивъ — Мисей*. Это чтеніе обыкновенно сопровождалось нѣкоторою семейною торжественностію и обрядностію. Съ наставаніемъ сумерекъ, старецъ бралъ книгу и садился за столъ, за которымъ, тогда же усаживалась вся семья подъ надзоромъ матери и старей сѣдой плени. За тѣмъ отецъ читалъ въ слухъ всѣхъ, съ возмож-

нбю ясностию и readabilityю; иста же советъ или не для
всѣхъ понятныя переводить, толковать и старался передать
языкомъ для всѣхъ знакомымъ и понятнымъ. И всѣ слушали:
эти патриархальная обрядность и простота чтения несколько
располагала и дѣтей посильно вникать въ читаемое; — и ко-
нечно, послѣ такихъ приветственныхъ, вечернихъ уроковъ, на от-
ходѣ ко сну, душа каждаго изъ нихъ, настроивалась особенно
духовно и набожно, а еще болѣе душа дѣтская — впечатля-
тельная.

Такая жизнь, складывалась изъ своихъ простыхъ и не раз-
нообразныхъ началъ: чувства нужды, постоянного и честна-
го труда, довольства не многими и набожной вѣры, имѣла
свое особенное направление, и необходимо влила на бытъ,
развитіе и характеръ дѣтей: въ этой семейной средѣ зачина-
лось ихъ существованіе, изъ нея основъ зародилась и развивалась
ихъ жизнь, на ея началахъ возникла, загибдалась и опери-
лась ихъ первая мысль, — наконецъ подѣ ея условіями скла-
дывался и опредѣлялся характеръ дѣтей. Тѣмъ не посред-
ственнѣе и глубже это вліяніе должно было проникнуть и
растворить душу и настроеніе дитяти, чѣмъ послѣднее
было воспримчивѣе и впечатлительнѣе, чѣмъ физическое
и нравственное его сложеніе было къ тому болѣе настроено
и приспособлено. Въ семь случаевъ постоянный предъ глазами
примѣръ труда и терпѣнія, соединеннаго съ набожною вѣ-
рою, — вся эта строгая, благочестивая настроенность, эта эле-
гическая гармонія семейнаго быта — должна была все-
цѣло отвѣчать въ развитіи и настроеніи дитяти, и потому
чутко и обаятельно прозвучать на всю его посѣдующую
жизнь и дѣятельность.

Въ этой — то средѣ рождался и первоначально воспитывался,
подъ ирровомъ и надзоромъ родительскимъ, достопамятный Свя-
тогорецъ, тогда Сумеонъ. Съ самаго рожденія онъ не отачал-
ся прочнымъ тѣлеснымъ сложениемъ, былъ худощавъ, въ-
сколько смугль и вообще, какъ говорится, хилъ. А по-
этому и, съ другой стороны, какъ послѣднее дитя, во обще-
ественному закону, онъ былъ какъ — то преимуществен-

любить отцовъ и матерю. Мать уже, старая, престарая и набожная женщина, не могла, какъ говорится, надѣяться любовью къ ребенку, и вслѣдствіи заботилась соблюсти и упрочить его здоровье; сверхъ того, задумывалась надъ своими слабѣющими силами и надъ старостію мужа, и затѣмъ переходя мыслію къ предстоящей участи своего послѣдняго дитяти, даже можетъ быть и предчувствуя дальнѣйшую его судьбу, она до слезъ сокрушалась надъ нимъ, и болѣе признавалась въ своихъ невольныхъ опасеніяхъ оставить его съ малолѣтства сиротою. И малютка, понимая ласки и любовь матери, съ тѣмъ вмѣстѣ невольно становился предметомъ нерадостныхъ впечатлѣній и преждевременно свмкался съ грустными опасеніями и меланхолическимъ настроеніемъ. Особенно, когда случалось, мать заболѣвала, или чувствовала ослабленіе силъ, онъ тосковалъ до слезъ и плакалъ дѣтски, пока мать не начинала оправляться. А всѣ эти обстоятельства, имѣя ослабляющее вліяніе на тѣлесное его развитіе, тѣмъ болѣе возбуждали его впечатлительность и воспріимчивость, и тѣмъ замѣтнѣе и быстрѣе вызывали къ развитію его нравственную сторону: чувство горли и испытаній — учитель неснисходительный и для ребенка. — Съ другой стороны отецъ, какъ мужчина, умѣлъ любить сына по-своему. Конечно и ему не разъ приходили на мысли думы и опасенія, которыя тревожили мать, но онъ не любилъ высказывать ихъ, не желая себя и жену тревожить и сына печалить преждевременно. Понимая свою позднюю пору, онъ тѣмъ болѣе горюнился и тѣмъ усерднѣе заботился дать сыну первоначальное воспитаніе и научить его всему, чему могъ и училъ другихъ дѣтей, по крайней мѣрѣ, чтобы прочнѣе подготовить его къ дальнѣйшему ученію въ училищѣ, и хотѣ въ этомъ отношеніи поставить его на ноги, а такъ говорилъ, Божія воля, Богъ милостивъ. И мальчишка съ 7-ми лѣтъ онъ началъ учить постепенно читать и писать, за тѣмъ катихизису и священной исторіи, наконецъ нѣтному церковному пѣнію и чтенію по латыни, а главное и болѣе всего, молитвѣ и набожности — вообще страху Божію. Къ большому удовольствію и рвенію отца, ученикъ оказывался способнымъ, по-

нѣжнымъ и прілежательнѣмъ! Оно скоро переняло и внушавшіе отцовскіе уроки. На 9-мъ году уже читалъ и пѣлъ съ отцомъ въ церкви и могъ учиться самъ безъ непосредственной сторукой укавки. А во время дѣтскихъ чтеній библейскихъ событій и въ Четивъ—Миссеи былъ самымъ усерднымъ и неутомимымъ слушателемъ. Наконецъ, во временахъ, отецъ братья его съ собою на работу и тамъ забѣлливо приучалъ его къ посильному труду. Такъ что 9-ти лѣтній мальчикъ смотрѣлъ уже не столько ребенкомъ, сколько лицомъ начинающимъ понимать, малолѣтномъ настроеннымъ смысленно и дѣльно, довольно обученнымъ, трудолюбивымъ и набожнымъ. Онъ уже понималъ, что значить ученіе, въ трудолюбіи видѣлъ добродѣтель, а его набожность простиралась до нѣкотораго созерцанія въ задумчивости. Во всѣхъ предметахъ, поринававшихъ его дѣтскіе взоры, какъ то: буря, громъ, молніи, въ мирно гудящихъ и раздѣляющихся облакахъ и проч., онъ чувствовалъ близкое присутствіе Божества. Очевидно и здѣсь нравственныя силы мальчика должны были развиваться напередъ и на счетъ физическихъ.—Наконецъ, вслѣдствіе обоюднаго вліянія попеченій и заботъ отца и матери, подъ этимъ крыломъ родительской любви, темпераментъ и характеръ будущаго Святогорца сложились и спаялись естественно и замѣтно опредѣляясь въ слѣдующихъ чертахъ: при видимой худобѣ и тонкомъ ростѣ, можно было видѣть въ дитяти не столько слабость, а болѣе мягкость развивающихся физическихъ силъ; его постоянная наивность и прямотіе всегда отбѣивалась кротостію и послушаніемъ; его глубокая впечатлительность и воспримчивость какъ то особенно родилась съ предметами меланхолическими: и отзывались грустнымъ настроеніемъ; его мысли и понятія носили слѣды болѣе-нежели дѣтской зрѣлости и задумчивости; въ его желаніяхъ слышалось терпѣніе и самоограниченіе, вообще въ его настроеніи отражалась чистосердечная набожность и наклонность къ поэтическому развитію. Мы увидимъ, какъ всѣ эти черты теперь еще дѣтскаго возраста развились, со всею точностію и вѣрностію, вслѣдствіе дальнѣй-

шей обстановки, и среди послѣдующихъ обстоятельствъ, и наконецъ, приняли широкіе размѣры въ жизни и дѣятельности Святогорца. Но очевидно такой складъ дѣтяти какъ-то особенно согласовался съ общимъ характеромъ и направлениемъ быта и жизни всей семьи, и самымъ близкимъ образомъ роднился съ патриархально-религіознымъ ея настроениемъ. И это настроеніе, незамѣтно, но глубоко запечатлѣвшись въ мягкой душѣ мальчика, дѣйствительно отразилось въ мысляхъ и попятіяхъ Святогорца, и особеннымъ образомъ влияло на все его нравственное развитіе. Особенно сильно дѣйствовали на него и глубоко западали въ его душу эти домашнія чтенія изъ библейской и церковной исторіи, или изъ Четив-Мисей, и рассказы путешествовавшихъ о святыхъ дальнихъ мѣсть. Уже сами въ себѣ назидательные и потрясающіе сердце, тѣмъ болѣе, что происходили часто и притомъ почти всегда въ вечернее время—на отходѣ ко сну, они глубоко врѣзывались въ его памяти и тревожили его дѣтское воображеніе даже во время сна и ночи. Не рѣдко дитя, послѣ увлекательнаго вечерняго повѣствованія о какомъ нибудь пустынникѣ, или описанія какой нибудь отдаленной святыни,—и на другой день, и дальше, всецѣло вспоминало эти вечерніе и набожные уроки, живо воспроизводило ихъ, какъ явленія, и за тѣмъ чаще и чаще останавливалось и задумывалось надъ ними своею дѣтскою душою, желая примѣнить ихъ къ себѣ и на себѣ видѣть ихъ осуществленіе. А чѣмъ чаще это было, тѣмъ больше оно свыкалось съ этими повѣствованіями, тѣмъ сильнѣе и постояннѣе ощущало потребность въ нихъ; наконецъ въ душѣ его возникло и стало развиваться особенное начало, призывающее его къ отдаленному—высокому. Онъ уже ощущалъ въ себѣ неясное призваніе не только къ труду и терпѣнію, но къ подвижничеству и строгому благочестію. Бывало, его дѣтское воображеніе и чувство до того разгорались, что онъ не давалъ покоя своей старой и слѣпой нянѣ;—все звалъ ее итти туда, о чемъ на канунѣ или прежде онъ слышалъ рассказъ или чтеніе, и на отговорки няни, что онъ очень малъ, а она стара и слѣпа, самъ обѣщался вести ее по

самой прямой дорогѣ и идти безъ устали; наконецъ когда она соглашалась отправиться съ нимъ къ самымъ отдаленнымъ святынямъ, даже въ Иерусалимъ, какъ только онъ подростеть, онъ не отставалъ отъ нея съ вопросами: скоро ли онъ вырастетъ и будетъ большой, и можетъ ли напримѣръ чрезъ нѣсколько времени быть уже взрослымъ; иногда случалось, по утрамъ становился подъ мѣрку и смотрѣлъ, на сколько онъ выросъ.—Вотъ почему Святогорецъ такъ часто и съ такою любовью вспоминаетъ свои дѣтскія стремленія къ путешествію по св. мѣстамъ, и такъ задушевно выражается, что съ самыхъ малыхъ лѣтъ онъ любилъ помечтать о св. горѣ Аѳонской, о Палестинѣ, Иерусалимѣ и Гробѣ Господнемъ, и жаждалъ видѣть ихъ въ дѣйствительности. «Еще въ дѣтствѣ, говоритъ онъ, занимала меня мысль о путешествіи къ св. мѣстамъ. Помню, какъ я не рѣдко, особенно по вечерамъ, со слезами молилъ Бога перенести меня къ святынямъ; а ночью мнѣ снилось, будто въ какомъ-то чудномъ, невѣдомомъ для меня мѣстѣ святыя ласкаютъ меня. Я былъ тогда ребенкомъ» (*).

Такъ прожилъ Святогорецъ подъ кровомъ и надзоромъ родительскимъ до 10-ти лѣтняго возраста, и прожилъ все это время, не смотря на опасенія матери, спокойно, невинно и счастливо, подчинялся трудолюбивымъ заботамъ и попеченіямъ отца. Онъ такъ горячо любилъ отца и мать, и такъ привыкъ постоянно чувствовать себя подъ защитою ихъ любви, что съ трудомъ и со слезами представлялъ необходимость и время разлуки съ ними. На 11-мъ году, по обыкновенному морядку, отдали его въ училище, въ г. Вятку, гдѣ въ то время уже обучался братъ его постарше. Школьная жизнь, школьныя занятія, холодное и строгое обращеніе учителей, чувство дали отцовскаго дома и своего одиночества чуждо и холодно пахнули на его теплую душу, и мальчикъ унылъ и какъ-то робко прицалъ; днемъ онъ видимо и боязно сталъ отъ всѣхъ уединяться, а ночи, случалось, не смыкая глазъ, плакалъ и

(*) См. Дневникъ.

тосковалъ,—и уроки не шли на умъ. Начались испытанія будущаго Святогорца. За неученіемъ уроковъ слѣдовали наказанія, а за ними еще большія слезы и тоска, затѣмъ опять упущенія, и опять наказанія и слезы; наконецъ все это слилось въ какое-то безвыходное и самое безотрадное положеніе. Приходя изъ училища на квартиру къ обѣду, мальчикъ почти не сталъ пить и ѣсть. «Что ты, Сеня, не ѣшь», спрашивали его жившіе съ нимъ товарищи,—ребенокъ заливался слезами. «Эка бѣда, выскли! Случится и еще не одинъ разъ, — здѣсь, братъ, не дома»; и Семень рыдалъ какъ-то сиротски неутѣшно. Заслышали объ этомъ отецъ и мать, и старикъ Авдій, имѣвшій и прежде обыкновеніе навѣщать своихъ учащихся дѣтей, чтобы понаблюсть за ними, понавѣдаться объ ихъ ученіи и успѣхахъ, незамедлялъ и на этотъ разъ собраться въ путь, не смотря на старость свою: а чтобы скорѣе утѣшить дѣтей, особенно младшаго, онъ даже предварительно извѣстивъ ихъ о скоромъ прибытіи своемъ къ нимъ. Семень такъ обрадовался этому, что въ назначенный день, какъ разъ день праздничный, съ ранняго утра, тихонько, никому не сказавшись, отправился за нѣсколько верстъ встрѣчать своего роднаго старца, и встрѣтилъ его со слезами: старикъ шелъ пѣшкомъ, съ посохомъ въ рукахъ и сумою на плечахъ. Порадовалъ отецъ дѣтей: трон сутки пробылъ у нихъ,—все ласкалъ и утѣшалъ ихъ, и уговаривалъ младшаго не тужить и привыкать къ необходимой жизни. «Голубчикъ! Станешь плакать, и намъ почуется тоскливо; а мать уже стара, и плакать ей теперь не подъ силу. Что дѣлать? Вѣдь ты не одинъ такой горемыка. Вѣдь пельзя же не учиться. Учись хорошенько, такъ и насъ порадуешь на старости». И мальчикъ, плача, обѣщавъ быть спокойнѣе и терпѣливѣе. Но еще тоскливѣе заняло его сердце и безотрадиѣе сжалась его душа, когда отецъ собрался домой и они—дѣти пошли провожать старика. Верстъ пять они шли, посылая съ отцомъ по поклону и заочному поцѣлюю матери и роднымъ, наконецъ старикъ остановился, перекрестилъ, и облобызалъ дѣтей, и велѣлъ воротиться; у Семена замерло сердце, отъ слезъ потемнѣло въ гла-

захъ, когда отецъ, видъ болѣе и болѣе удаляясь, поднялся съ сумою и своимъ дорожнымъ пострѣхомъ на отдаленный пригорокъ, остановился, оглянулся, и послѣдній разъ махнувъ дѣтямъ поднятою шляпою, скрылся за прилѣскомъ. Опять одиночество, опять жизнь въ чужбѣ, и снова та же шумная, непривѣтливая школа!... Неразъ вспоминалъ Семенъ, и въ послѣдствіи, это первое свиданіе съ отцомъ внѣ дома отцовскаго и эти первые проводы. Но время и обстоятельства, а еще болѣе счастливая дѣтская природа—лучше утѣшитель: мальчикъ мало помалу тихо и покорно подчинился своей необходимой участи, и сталъ приниматься за дѣло. Впрочемъ, ни тогда, ни послѣ онъ не могъ близко свыкнуться съ этою школьною жизнью и школьнымъ ученіемъ. Дѣтская рѣзвость и ученическія обычныя шалости никогда не были ему по душѣ, не ладились съ его тихимъ и кроткимъ настроеніемъ. Онъ только видимо помирился съ своею судьбою, и затаялъ свои прежнія думы и желанія, схоронивши ихъ въ своей дѣтской душѣ. Онъ былъ ученикомъ толковымъ и понятливымъ, и, казалось, прилежнымъ; и въ классѣ слушалъ наставника, казалось, со всѣмъ вниманіемъ и напряженностію; но эти формальные, холодные уроки не роднились съ его душою, не трогали его воображенія, и смутно и сбивчиво проходили въ его памяти,—даже не рѣдко они отрицательно возбуждали душевную дѣятельность мальчика. Случалось, слушая учителя, онъ въ то же время вспоминалъ какъ училъ его отецъ, какъ онъ усердно и радушно толковалъ и объяснялъ ему то, что казалось не понятнымъ, и какъ иногда, въ домашнемъ кружку, внятно и вразумительно читалъ своимъ старческимъ—дребезжащимъ голосомъ сказанія о святыхъ подвижникахъ и чудныхъ событіяхъ, и набожно слушали его въ то время старушка мать, слѣпая няня, братья и сестры.... А тамъ и понеслось живое дѣтское воображеніе мальчика по роднымъ полямъ и лугамъ, по всѣмъ близкимъ и знакомымъ мѣстамъ и предметамъ, и закружилось около отцовскаго дома, у роднаго очага, и привилось къ родной семьѣ.... И вотъ урокъ учительскій миновалъ для ученика. А онъ все сидѣлъ и, казалось, слушалъ учителя, и

разгоралась его голова, въ глазахъ искрилась мысль и жизнь, въ лицѣ проступала тѣнь: душевнаго жара и напряженія. Замѣчая въ лицѣ ученика это выраженіе мысли и внутренней дѣятельности, учитель не рѣдко принималъ его за прямой знакъ внимательнаго слушанія, и съ самодовольствіемъ обращался къ ученику заставляя повторять сказанное. Но ученикъ Веснянъ вздрагивалъ, и вставалъ растерявшись; не зная, о чемъ его спрашиваютъ и что ему отвѣчать. Такимъ образомъ, не смотря на природную толковость и понятливость, не смотря на видимое прилежаніе и послушаніе, онъ смотрѣлъ ученикомъ какъ-то полурастеряннымъ, полурасцѣленнымъ, вообще не собранннмъ въ силы, или, какъ выражаются тамъ, рахманнымъ. И сталъ онъ по этому ученикомъ самаго средняго разряда.

Такъ протекло два года его школьной жизни и воспитанія въ училищѣ. Въ эти два года Семень мало измѣнился, не смотря на видимый переходъ въ отроческій возрастъ. Онъ замѣтно повзрослъ, но все же былъ худощавъ, замѣтно привыкъ къ своей школьной жизни, сталъ терпѣливѣе и разумнѣе, но весь его нравственный характеръ остался съ тѣмъ же настроеніемъ и постепенно развивался въ прежнихъ своихъ чертахъ. И теперь не могъ онъ безъ тоски оставить отеческій домъ послѣ побывокъ и гощеній въ немъ. Онъ каждый годъ ѣздилъ домой не менѣе трехъ разъ: на праздники Рождества Христова, на масляницу съ первою недѣлею великаго поста (Паску за весеннюю распутацею по неволѣ приводилось сидѣть въ своей школьной квартирѣ), и наконецъ на лѣтнее вакаціонное время. И всякій разъ входы его въ училище необходимо были безъ горькихъ слезъ; отецъ и мать всегда необходимо напутствовали его благословеніемъ и со слезами уговаривали не тосковать и не тужить, а стараться хорошенько учиться, быть постоянно послушнымъ и благонравнымъ, и молиться Богу, «чтобы Богъ далъ здоровья и надѣлилъ хорошиими дарованіями»; Семень тоскливо кланялся въ ноги отцу и матери, со слезами цѣловалъ ихъ руки, грустно прощался съ родными и съ плачемъ отправлялся въ училище. Особен.

не были трогательны и навсегда остались напутным для Савитогорца проводом его съ праздника Рождества Христова, на третьемъ году его училищной жизни, а отъ роду на 13-иъ. Старикъ Авдѣй и жена его Елена въ то время замѣтно одряблѣли и не рѣдко хворали; особенно самъ Авдѣй: уже праздникомъ онъ чувствовалъ себя нездоровымъ, хоть, по привычкѣ къ дѣятельности и по природной упрямости своихъ слабѣвшихъ силъ, не хотѣлъ лежать въ постели и держался по возможности на ногахъ. Въ утро, назначенное для отправления Семена въ училище, онъ поднялся съ самой ранней поры, а за нимъ и все въ домѣ зашевелилось. Работникъ (такъ зовется тамъ въ селахъ прислуга) запрягъ лошадей и одѣлся на готово, чтобы провезти Семена въ городъ. Сложили и уложили все напутственные узелки, и уложили ихъ въ сани подъ одинокіе ученическіе подушку и войлочекъ, прикрытые шубнымъ нагольнымъ одѣяломъ. Семенъ въ это время немогъ ни къ чему рукъ своихъ приложить. Онъ грустно и робко смотрѣлъ на всѣ эти сборы, сквозь слезы старался улыбаться на хлопотливыя заботы отца и матери, и, нехотя, съ болю, надѣлъ свой обычный бѣдный оюртучекъ и нагольный тулупчикъ, осыпался и взялся за фуражку. «Ну теперь пора», сказалъ не весело отецъ; «садитесь по мѣстамъ», и всѣ молча разошлись. Старикъ задумался, поникъ головою, и рѣдкія, но крупныя слезы покатились по его сѣдой бородѣ. «Мати, добавилъ онъ, затеплила бы ты свѣчу предъ образами. Хочется сегодня побольше поговорить съ Семеномъ». Что - то тяжелое легло на душу Семена, и какимъ-то непонятнымъ, грустнымъ предчувствіемъ заняло его сердце: «на что, батюшка, зажигать свѣчу, вѣдь можно и такъ». Но мать послушно и тоже какъ-то испуганно уже стояла предъ образами, и дрожащею рукою зажигала свѣчу въ божницѣ. «Дитя мое, отвѣчалъ съ замѣтною задумчивостію отецъ, свѣча не пожѣнаетъ: самый ликъ Божій веселѣе и милосердѣе смотреть, когда предъ нимъ теплится нашъ хоть бѣдный огонекъ. Сенья, родной мой! Вотъ ужъ два года третій, какъ мы впервые провожали тебя въ училище, и я и мати, тоже зажег-

ми събчу. предъ образами, поклонилсь и бѣгословилъ тебѣ своими благоословенными именованіи; хочется еще бѣгословити тебѣ. Нынѣ тебѣ уже тринадцатый годъ, но ты все еще случашь и плачешь на чужой сторонѣ. Что дѣлать, голубчикъ! Самъ видишь, я становлюсь уже старъ да и слабъ, и надѣяться тебѣ — присмагивать за тобою въ городъ — теперь уже стасть не кому: самъ я не могу, не подв снаю иль, а мать — куда ей? Слава Богу, что по избѣ-то сама бродитъ. Вотъ милостивъ, менеть я и поправляюсь, но вера, дѣла, привычки ко всему: не вѣшь жить съ отцомъ и матерью, хоть не радостно и сиротство, и не дай Богъ его ниному. Вотъ скоро ты будешь все болѣе и болѣе подростать и станешь перенимать отъ людей все, что будетъ попадаться на глаза старайся, дѣла, перенимай только хорошее, что не противно Богу и не стыдитъ совѣсти. Унпоу прилежно, будь послушенъ, правдомы и добръ ко всемъ. Благодарю Господа, что теперь не ешь дакъ и не слышалъ я за тобою ничего не добраго. Но старайся и послѣ всегда быть хорошимъ человекомъ. Будь всегда во всемъ честенъ и добросовѣстенъ: ложь и обманъ ближне прѣки предъ Богомъ и прѣдъ совѣстію. Тосковать и плакать объ насъ не содѣтуй: самъ видишь, что мы дряхлые старики, скоро будемъ ни къ чему: не пригодны. Довольно для насъ, если ты станешь поминать насъ почаще; и не забудешь меня съ матерью въ молитвахъ своихъ, въ которыхъ прошу не обуть влять и всѣхъ твоихъ родныхъ: братьевъ, сестеръ и друзей. А главное, вотъ тебѣ завѣтъ мой, дитя: быть постоянно во всемъ набожнымъ и богомольнымъ. И если случится: карау кабудь невзгода, несчастіе, или тяжкая утрата, не предавайся тоскѣ и отчаянію: грѣшно; но будь терпѣливъ и, скрывая сердце, тотчасъ же и всегда обращай съ молитвою къ Богу и къ Пресвятой. Ево Богоматери. Въ этой молитвѣ шлатьку сколько душъ будетъ угодно, даже чѣмъ больше будетъ слезъ и усердія, тѣмъ скорѣе найдешь утѣшеніе. Слышишь, Сеня, голубчикъ мой! Молись чаще и усерднѣе, и Богъ не оставитъ тебя. Помни, что надъ всеми нами и надъ всѣмъ міромъ естъ воля Божія, — и что случается съ нами, и что можетъ слу-

чтись, то все бывает по волѣ, по повелѣнію Божию. И спытаній и горя въ жизни бываетъ много, и тебѣ встрѣтится, на твою долю, довольно! дерзавши все терпѣливо и набойно, и Господь возмудрится надъ тобою, и твое терпѣніе поставитъ тебѣ въ заслугу»... Старикъ замолчалъ и видимо заплылъ. «Благослови Господи, заключилъ онъ, вставая съ мѣста и подходя къ божицѣ, чтобы взять свою благословенную икону;— возми, мати, и ты свою икону, и благословишь ребенка виѣстѣ». Голосъ его недрожжалъ, а какъ-то грустно и торжественно колебался. «А ты, дитя, встань на колѣни и помолись усерднѣе. Да благословитъ тебя Господь и оградитъ тебя отъ всякаго искушенія, да покрываетъ тебя своимъ покровомъ, защититъ, утѣшитъ и приютитъ тебя Пречистая Его Матерь», сказалъ отецъ, благословляя сына;— «Да благословитъ тебя Христось—Царь небесный и Матерь Божія—Владычица небесная», повторила мати, благословляя сына, съ рыдающимъ плачемъ. Вся эта трогательная рѣчь отца и эта грустная торжественность благословенія горько сдавили душу Семена, и сердце его надрывалось отъ тоски и слезъ: «эхъ Господи! сказалъ онъ, вышедши изъ отцовскаго дома и садясь въ сани,—что это такое? Тоска какая-то смертельная!» И уѣхалъ онъ въ горькихъ слезахъ и безотрадношъ предчувствіи... По приѣздѣ въ городъ, мало по малу успокоился и принялся за свои обычныя занятія и школьное ученіе. Прошло около двухъ недѣль,—и Семенъ получилъ изъ дома письмо, въ которомъ извѣщаютъ его, что отецъ его, честный старецъ Авдій, упокоился на вѣки, и въ заочномъ благословеніи просилъ сына молиться объ его душѣ. Тихо и глубоко заплакалъ мальчикъ, затѣмъ горько и безотрадно зарыдалъ, и наконецъ ясно и грустно понялъ, что онъ теперь на всегда ужъ сирота. «Господи! Неужели это не сонъ, не ужели въ самомъ дѣлѣ отецъ....» и онъ снова горько плакалъ. Прошло еще около мѣсяца,—новое горе: у Семена умеръ братъ его Павелъ, который былъ нѣсколько старше Семена, и въ то время за болѣзнію оставался дома. Приѣхалъ Семенъ опять въ домъ родительскій, на масляницу, но тамъ уже не было

отца, не было и брата: они уже были въ своихъ новыхъ жилищахъ подлѣ церкви, гдѣ виднѣлись двѣ высокія свѣжія могилы. Въ домѣ отцовскомъ была только старая его мать, да и та чуть ходила: все не здоровилось. Не радостно погостилось это время для Семена, но еще не радостиѣ было прощаніе съ матерью. Снова прибылъ онъ въ училище, и снова принялся, хоть грустно, за свое ученіе. Черезъ полтора мѣсяца опять Семень получаетъ письмо, и на этотъ разъ ужъ боится и распечатать. Сердце его билось, руки дрожжали, когда онъ вскрылъ письмо; и вотъ онъ узналъ, что его послѣднее утѣшеніе миновалось, что и добрая, потрудившаяся старушка, мать его переселилась къ отцу.... что и ей ужъ прощѣи вѣчный покой всѣ родные и знаемые, и только отъ него— послѣдняго сына ждетъ она вѣчной памяти. «Вѣчный покой и вѣчная память и тебѣ, родная моя матушка», благовѣрно взмолился сынъ и опять на долго загоревалъ.

Всѣ эти тяжелыя утраты, такъ преждевременно и такъ скоро одна за другою послѣдовавшія, сильно потрясли душу тринадцатилѣтняго мальчика, и глубоко потревожили тихое и кроткое настроеніе его духа. Прежняя склонность его къ уединенію, къ сосредоточиванію въ самомъ себѣ, и къ дѣтскому меланхолическому раздумью, теперь тяготила его и наводила тоску. Чтобы заглушить свое горе, разсѣять не отступную мысль о своемъ сиротствѣ и одиночествѣ, онъ дѣтски бросился въ крайность: сталъ искать развлеченія въ шумныхъ дѣтскихъ шалостяхъ, въ нескромныхъ ученическихъ компаніяхъ и вообще въ ребяческомъ разгулѣ и раздолѣѣ.

Впослѣдствіи, сожалея о своихъ прежнихъ уклоненіяхъ, Святогорецъ указываетъ частію и на это время. — Но Промыслъ Божій бдѣлъ надъ сиротою и, посылая испытанія, не допускалъ его до конечнаго паденія. Въ насильныхъ развлеченіяхъ Семень не могъ найти истиннаго утѣшенія: своимъ поддѣльнымъ самозабвеніемъ онъ только обманывалъ себя и другихъ. И конечно такое состояніе не могло быть продолжительно: чѣмъ больше въ немъ было принужденія, тѣмъ скорѣе оно должно было пройти и тѣмъ большею, конечно,

*

послѣдовалось болѣю и тоскою. А затѣмъ прежнія цѣлостности и привычки, прежнія воспоминанія и тихое — меланхолическое настроеніе пробуждались въ отлхнувшей душѣ и отрезавшейся совѣсти. — Къ тому же Семенъ, въ то время, по сиротству, былъ взятъ въ число казенныхъ пансіонеровъ и сталъ подѣ ближайшій надзоръ своего начальства; слѣдовательно, его растерянность и упущенія были благовременно замѣчаемы и останавливаемы. — Наконецъ, непривыкши съ дѣтства къ ревности и бойкости, при непрочномъ здоровьи и видимой худобѣ, Семенъ между школьными шалунами былъ очевидно не на своемъ мѣстѣ. Тогда какъ тѣ скоро и ловко затѣвали какую нибудь выходку и, шалѣвши непоморщась, умѣли и концы хоронить и отъ преслѣдованій увернутся, — ему какъ-то все неудавалось, у него все выходило робко и принужденно, такъ что въ шалостяхъ онъ казался болѣе страннымъ и жалкимъ, чѣмъ забавнымъ. А отъ того и самыя компаньоны его въ такихъ случаяхъ смотрѣли на него съ недобріемъ и глумленіемъ, и, въ случаѣ отвѣтственности, незапинаясь выдавали его начальству, какъ самую незлобивую и терпѣливую жертву. — Во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, судьбою сироты невидимо но осязательно руководилъ Промыслъ Божій. Подъ этимъ вразумительнымъ руководствомъ, Семенъ скоро обозналъ свое ложное положеніе — свою растерянность; онъ увидѣлъ, что безпечность и шалости не поведутъ къ добру, что онъ надживается ими только новой горе-стыдъ и униженіемъ, а между тѣмъ его сиротство и одиночество неминувалось и неумещишилось, — и что съ утратою добраго поведения теряется доброе участіе въ его сиротствѣ и всякое право на покровительство Божіе. Онъ понялъ, что всѣ эти школьныя шалости не понемъ, не по его душѣ, не по его слабымъ силамъ. И стало жаль ему своей минувшей невинности и безукоризненности: онъ пересталъ обшиться съ шалунами, снова сталъ уединяться съ своею задумчивостію и грустью, и сдѣлался опять кроткимъ и глубоко набожнымъ мальчикомъ, прилежнымъ и благоправнымъ ученикомъ.

Однакоже горе и терпѣніе, — всѣ эти испытанія прошли не

Безъ вліянія на характеръ Семена: въ его прежнемъ кроткомъ настроеніи отразилось терпѣніе и смиреніе, — его простодушіе и дѣтская наивность отгѣнились теперь нѣкоторою обдуманностію и озабоченностію, — въ его меланхолической впечатлительности выразилось начало поэтической задумчивости и грусти, а въ его набожности послышалось осязаніе надъ собою руки Божіей, мольба къ Промыслу и тайные отроческіе обѣты. (*)

На 15-мъ году Семень переведенъ былъ въ Семипарію. Этотъ переходъ, достигаемый горькими трудами и терпѣніемъ, порадовалъ сироту. Особенно заняла его мысль, что здѣсь учать писать и сочинять. И проходя первый курсъ Словестности и Шитики, онъ съ такою энергіею, съ такимъ возбужденнымъ стараніемъ и любовію взялся за дѣло, что сталъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ и благонадежныхъ воспитанниковъ. Впрочемъ преимущественное его вниманіе было обращено на поэзію, и въ этомъ родѣ своими удачными опытами онъ приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность во всемъ заведеніи: всѣ наставники замѣтили и признали въ немъ особенную поэтическую способность.

Но въ послѣдующихъ двухъ курсахъ его занятія были неровны и самое ученіе не всегда успѣшно. Можетъ быть, нѣкоторыя науки приходились ему не подушѣ, но вѣроятно же, разныя увлеченія, свойственныя юношескому возрасту а еще болѣе пылкой, поэтической душѣ Семена, были тому причиною. Покрайней мѣрѣ, на эти увлеченія указывалъ впоследствии самъ Святогорецъ, выражался объ нихъ съ аскетическою строгостію. «Юность моя, говоритъ онъ, и теперь болѣзненно мечется въ глаза мнѣ съ различными ея преткновеніями, а тогда я былъ въ упоеніи, и нѣкому было удержать меня. Въ учебномъ заведеніи я привыкъ ловко проводить наставниковъ и надзирателей, и только нѣкоторые случаи изъ моей грустной тогдашней жизни были замѣчены.»

Несмотря однакожъ на то, Семень Весниъ до конца семи-

(*) См. дневникъ.

нарскаго курса слылъ и былъ воспитанникомъ способнымъ и дѣльнымъ. Сознвая и самъ въ себѣ эти способности, онъ только не хотѣлъ приложить на столько старанія къ ученію, чтобы достигнуть въ этомъ отношеніи первыхъ степеней;—у него было свое стремленіе, своя задача, свое призваніе. Это—поэзія. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ выучился писать стихи, по- нялъ и обнаружилъ въ этомъ отношеніи свои способности,— эта наука навсегда сохранила для него всю полноту и свѣ- жость интереса, и, до самаго выхода его изъ Семиваріи, была самымъ любимымъ его предметомъ, самымъ лучшимъ для него занятіемъ. И въ этомъ отношеніи ему, естественно, хотѣлось отличія и извѣстности. Въ послѣдній годъ своего уче- бнаго курса (въ 1833) онъ написалъ стихи на день восшествія на престолъ Государя Императора Николая Павловича и рѣ- шился поднести ихъ въ день торжества Начальнику Губерніи, при общемъ собраніи чиновъ. Стихи были предварительно про- читаны и процензорованы самимъ Ректоромъ, впрочемъ безъ вѣдома объ ихъ дальнѣйшемъ назначеніи. Витскимъ граждан- скимъ губернаторомъ, въ то время былъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Е. Ренкевичъ, который слылъ въ губер- нии человѣкомъ добрымъ и снисходительнымъ, особенно,—го- ворятъ, любилъ ободрять и поощрять молодыхъ даровитыхъ людей въ ихъ благородныхъ предпріятіяхъ, и даже охотно по- могалъ имъ деньгами. Чтобы представить ему свое стихотворе- ніе, Семень Веснигъ, не успѣвши во время найти того посред- ства, которое совѣтовалъ было и рекомендовалъ ему старшій братъ его Дмитрій, рѣшился лично явиться къ Губернатору. Много при этомъ было борьбы юношеской робости съ молодою рѣшимостію и настойчивостію, но, за побѣдою надъ первою, не мало было и торжества. Вотъ что писалъ Семень тогда же объ этомъ въ своемъ задушевномъ письмѣ къ любимому брату Дмитрію: «Вотъ, наконецъ, и понедѣльникъ, день столь ожн- «даемый,—и сердце мое забилося въ трепетномъ волненіи. Ка- «залось, вокругъ меня все перемѣнилось: при отрадной мысли, «что я поэтъ, все было весело и вдохновенно,—при робкомъ «опасеніи и сомнѣніи, все напротивъ глядѣло неприятно и

«ушло. Самая улица, по которой я шелъ къ губернаторскому дому, казалась мнѣ новою, и я едва узнавалъ ее. Какое-то смѣшанное чувство радости и торжества и вмѣстѣ робкаго опасенія и страха заставляло невольно меня трепетать. «И мнѣ кажется, что всякій, пока я шелъ къ своей цѣли, «могъ видѣть и читать на моемъ лицѣ что-то необыкновенное. Но вотъ в домъ... Ноги мои подгибались, холодный «потъ выступалъ на лицѣ, я трепеталъ... Въ самомъ дѣлѣ, думалъ я, вотъ мнѣ придется быть въ блестящемъ обществѣ и «въ роли пѣта!... Что-то ждетъ меня за тѣмъ, — равнодушіе, насмѣшка, или похвала?... Между тѣмъ, съ этими мыслями и раздумьемъ взобрался я на высокую лѣсницу, стараясь принять «спокойный видъ и быть равнодушнымъ ко всѣмъ встрѣчающимся мнѣ предметамъ. По обыкновенію, въ такой высоко-«торжественный день, въ залѣ губернатора собрались всѣ «чины, предъ которыми былъ и самъ губернаторъ. Туда-то «и мнѣ нужно было обратиться. Представъ теперь меня «идушимъ съ принужденнымъ равнодушіемъ, съ серіозной «миной, въ школьномъ скюртукѣ и съ тетрадью въ рукахъ. «Кто бы не улыбнулся, видя меня въ такомъ положеніи? Но «дѣлать было нечего; не обращая ни на что вниманія, я рѣшительно шелъ дальше. Двери открылись двумя жандармами. «Залъ былъ полонъ чиновныхъ людей. Сначала я сробѣлъ, не «вошелъ и сталъ выжидать, пока поразѣдутся. Съ уменьшеніемъ числа поздравителей, я успокоился, вошелъ въ залу, «приблизился къ губернатору и, все таки, дрожащею рукою «далъ ему свою завѣтную тетрадку. Мой Фебъ—Его Превосходительство взялъ её, посмотрѣлъ на меня очень пристально, «прочелъ заглавіе, и рукою далъ мнѣ знакъ подойти къ себѣ «поближе. Тутъ я оживился, и давай читать ему привѣтные «(въ родѣ посвященія) стихи—да такъ смѣло и ровно, что «и самъ губернаторъ и всѣ оставшіеся и вновь прибывшіе къ «тому времени чиновники остались, видимо, довольными, о «чемъ мнѣ и послѣ говорили. Прослушавъ стихи, генераль «ушелъ въ гостиную, приказавъ, говорятъ, мнѣ дожидаться, «но я, отъ радости и волненія былъ самъ несвой, и, недослы-

«цалъ приказаніа, взявъ фуражку и — маршъ домой. — О, если бы ты пресмотрѣлъ тогда на меня!... Отъ души по-смѣялся бы, видя меня на верху такого благополучія, и, «отъ-радости, почти существующаго. Я не бѣнзаль, а летѣлъ: «поги несли меня какъ крылья; руки разбѣкали воздухъ, какъ «самое уворное сопротивленіе, глаза блистали самодоволь- «ствомъ и восторгомъ; щеки горѣли; словомъ: во всемъ мо- «жемъ существѣ происходило и выражалось что-то особен- «ное, и все показывало, что я былъ у губернатора и поднесъ «ему мое стихотвореніе.» Самые стихи написаны высокопарно и фразисто и вообще въ нихъ выражается еще начальное развитіе поэтическаго таланта, періодъ его воспитанія, под- «ражательности и зависимости; но снѣжее поэтическое чувство въ нихъ замѣтно выступаетъ изъ своей оболочки. Стихи по- «правилъ начальнику, также какъ и энергическая смѣлость и «благородное стремленіе ихъ юнаго автора. Въ послѣдствіи «они, для поощренія молодаго бѣднаго пята, стараніемъ гу- «бернатора были напечатаны, — и здѣсь прилагаются въ под- «дѣлникѣ *).

(4) ЧУВСТВА РУССКАГО ВЪ ДЕНЬ ВОСНЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Томись коварный хищникъ трона,
Въ злодѣйскихъ замыслахъ истлѣй,
Не силась съ Русскаго Сіона
Похитить наглостью царей!
О нѣтъ! Твое злодѣйство пале!
Сей день—величія начало:
И ты съ симъ неспровергнуть въ прахъ!
Въ сей день, Предызбранный судьбою
Предсталъ, Россія, предъ тобою,
И палъ предъ Нимъ твой гордый врагъ!—
Тотъ врагъ, что злобою свѣдаясь,
Стремился предвосхитить тронъ,
Гдѣ Петръ Великій утверждаясь,
Чертилъ для подданныхъ законъ;
Гдѣ духъ Екатерины дивной,
Гдѣ геній кротости обильно
Въ Благословенномъ просіялъ,
И мудрый геній Николая,
Чертой величія блистая,

Ободренный этим поощрением, Семеновъ въскорѣ написалъ и поднесъ губернатору новые стихи—на день его тезоименитства. Эти стихи были также приняты снисходительно и заслужили одобрительный отзывъ, но, по своему назначенію, остались не

Коварство, замыслы попразь!
 И о, Россія, безпредѣльно
 Должна ты нѣжностью дышать,
 И нынѣ духъ благоговѣйной
 Съ восторгомъ сладостнымъ сливать!
 И ты скользила ужъ надъ бездной:
 Погибель злая неизбѣжно
 Похитить силлася тебя!
 Еще минута... тыбъ склонилась,
 И можетъ быть бы воздымилась
 Струей багровой кровь твою!..

Но все минулось!.. Ты свободой
 Дохнула сладостно съ симъ днемъ!
 И новой чудною добротой
 Красится въ царствіи твоёмъ—
 Монархъ, поправши злобы силы;
 И духъ Россіи, духъ унылый
 Возсталъ съ тобой и совоскресъ!
 А врагъ, таящійся незримо,
 Злодѣйствомъ, гордостью томимый,
 Какъ тѣнь сокрылся и исчезъ!
 Судьба враждующая тщетно
 Еще хотѣла злобною быть,
 И славу Росса непримѣтно
 Войной сугубою затмить;
 А лавръ, невянущій въ побѣдахъ,
 Предъ изумленнымъ взоромъ свѣта
 Съ меча насиліемъ сорвать,
 Престоль Монаршій ниспровергнувъ,
 Иль рабству чуждому подвергнувъ,
 Тѣмъ Росса сильнаго попрасть.

О, тщетно съ шумомъ разразился
 Со всѣхъ сторонъ надъ Россію громъ,
 И Персъ съ симъ буйственно кичился,
 Какъ врагъ, въ безуміи своемъ,
 Служить орудьемъ приговора;
 Но лишь къ виновнику раздора
 Перунъ отмщеня Ты пустилъ,
 Монархъ, со звукомъ грозной брани,—

напечатанными. Впрочемъ для юнаго поэта довольно было докан того поощренія: его поэтическая способность стада извѣстна, его имя напечатано.

Съ другой стороны, не смотря на минутныя увлеченія возраста, на которыя съ аскетическою строгостію указываетъ самъ Святогорецъ, его нравственное настроеніе вообще всегда было проникнуто глубокою религіозностію и набожностію. Еще съ дѣтства зароненныя и согрѣтыя въ его душѣ первыя

И вмигъ твердыни Эривани
 Потрясъ и съ шумомъ низложилъ!
 Среди сихъ блистательныхъ событій,
 Еще ли преклонить во прахъ
 Мечъ, лавромъ Персіи обвитый,
 Разцвѣтшій славою въ бояхъ,
 Стремится гордость мусульмана?
 И сей во образъ тирана,
 Прослыть владыкой восхотѣлъ
 Ужель всемирныя державы?
 Ужель безсмертной ищетъ славы,
 И сей кичливый изувѣръ?

Но пусть, съ развалинъ уже трона,
 Надмѣнно онъ провозгласилъ:
 Исчезнетъ Росская корона!
 И взоръ свой дерзкій устремилъ
 Взоръ полный злобы и коварства, —
 Въ предѣлы сѣвернаго царства,
 И мышцу дерзостно поднималъ,
 Клялся, въ усиліи стремленья,
 Онъ быть виновникомъ паденья
 Державы первой изъ державъ!

«Что мнѣ и гдѣ противостанеть!»
 Давноль онъ сладостно мечталъ?
 Давно ли?.. но и тотъ ужъ вянетъ,
 Кто Россамъ рабство нарекалъ!
 И мнилъ ли въ кроткомъ Николаѣ
 Найти онъ Марса, и взоръ далѣ
 Простерть съ сей буйственной мечтой?
 О тотъ, кто такъ перуны мечеть,
 Склонился въ прахъ и самъ трепещеть,
 Монархъ Великій, предъ Тобой!

Ахъ! тщетно онъ, съ душой мятежной,
 Въ стѣнахъ Стамбула заключася,

вонятія о Богѣ и его Промыслѣ, чудныя сказанія о св. Божіихъ и благодатныхъ чудесахъ, мечты о путешествіяхъ ко святынямъ, и наконецъ память о сердечномъ—сокрушенномъ желаніи даже старика отца посѣтить св. мѣста и поклониться

Уже отзвонъ безнадежной
Войны безвременно томась,
Хотѣлъ попать такъ стойко—мощныхъ—
Героевъ сѣверныхъ, полночныхъ.
О вѣтъ, Онъ самъ отъ нихъ поправъ!
И вмѣсто мести справедливой,
Отнынѣ мирною оливою,
Монархъ, Тобою увѣнчанъ!

Такъ пусть Стамбуль потомству скажетъ
О буйствѣ изверга сего;
На лавръ увядшій свой укажетъ
Со словомъ: Россъ низвергъ его!
И тотъ, кто славою пѣнится,
Кто Россю побѣдять кичится,—
Промолвить въ горестныхъ слезахъ:
«Таковъ-то Россъ, наперсникъ славы,
Врага надмѣннаго поправый—
Онъ славенъ въ мирѣ и въ бѣлахъ!

«Таковъ-то Россъ!» зредь грустной думы,
Со вздохомъ тяжкимъ повторить,
И угасающимъ перуномъ,
Онъ больше съ симъ не возгремитъ;
Но мечъ поднятый тихо склонить,
Свой щитъ блистательный уронить,
Напишетъ трепетной рукой
На рунахъ кровью обогранныхъ:
Страшись, о сынъ иноплеменный!
Россъ въ полѣ Марсовомъ герой!

И слѣдомъ вдохновенны звуки
Къ потомству съ славой полетять,
И будутъ тамъ тебѣ порукой;—
О Россъ! И тамъ тебя почтять!
Гордись, гордись въ сей день желанный
Монархомъ свыше дарованнымъ,
Тебя прославившимъ собой;
Предѣломъ мира оградившимъ;
Величьемъ, славою почтившимъ;—
Гордись, дарующимъ покой!

Гробу Господню, — всё это начало религіозности и набожности не были забыты, оставлены и растеряны. Пророкъ Божій незримо и всецѣло хранилъ ихъ въ дѣтской душѣ, живя въ отроческомъ возрастѣ, и теперь съ развитіемъ юношеской ду-

Но ахъ! Едва дыханьемъ мира
Тебя онъ кротко освѣтитъ,
И съ тихимъ вѣяньемъ зефира
Съ полей побѣда прилетитъ,
Какъ въ новомъ шумѣ грозной брани
Дымятся кровью Русскихъ длани,
И сердцу сладостный покой,
Едва въ сіяньи полною блеснетъ,
То вдругъ затмится, то исчезнетъ,
Какъ призракъ будто бы ночной!

Такъ, такъ, и звукъ побѣдъ гремѣщій
Не силенъ былъ смирить враговъ,
И миръ Россіи даровавшій,
Летитъ во поле Марса вновь—
Летитъ съ враждебнымъ сворить рокомъ!
Онъ гнѣвнымъ озираетъ окомъ
Врага мятежнаго, и вмигъ
Полю и рати разсыпаетъ,
И снова лавры пожинаетъ —
И снова Россѣ нмѣ сталъ великъ!

О дивный доблестной душою
И кроткій сердцемъ Николай,
Ты славень, чудень добротою,
Тобой счастливъ полночный край!
И духъ враждующія Польши,
Незрящей миценья слѣдствій горшихъ
Съ твоей любовью совасталъ!
Ты взоръ прѣвѣтственный и вѣжннй
Склонилъ, какъ извергъ безнадежный
Перунъ карающій лобзаетъ!

Когда отмстительной и грозной
Минутой страшной, роковой,
Мятежникъ казнью непреложной
Томясь, упалъ передъ тобой:
Ударъ судьбы неотразимый,
Ничѣмъ, ничѣмъ неотклонимый
Уже былъ рушиться готовъ:

ши онъ пробудились, благодѣтно воскресли, размысли и со-
зрѣли. Теперь Семень уже не смотрѣлъ на каждое облачко,
на каждый небесный предметъ, какъ на изображение Бога-
ства, за то ведаѣ сознательно и разумно, и, значитъ, еще бо-

Уже рѣзмахъ надъ нимъ несется,
И смерть надъ жертвою смѣется,
Тренимой тяжестью оковъ;

Но Ты судъ небу представлялъ,
Врагу свободу даровалъ.
И болѣе тѣмъ себя прославилъ
Предъ взоромъ трепетныхъ державъ!
Весь міръ то зрять, и удивляясь,
Твоимъ величіемъ шлѣнаясь,
Шлететь безсмертія вѣнецъ;
А Марсъ блистательной чертою,
Съ улыбкой пишетъ надъ Тобою:
«Герой-Отечества Отецъ!»

Такъ день сей, день воспоминаній,
И въ нашемъ сердце воскреситъ
Величіе Твоихъ дѣланій,
И симъ Тебя благословитъ
Нашъ духъ, любовью пылая,
Въ восторгѣ вѣжно лобзая
Слѣды промчавшихся временъ;
Въ минуту тихихъ вдохновеній,
Онъ, звучнымъ гласомъ пѣснопѣній,
Сей славный превозноситъ день!

О, пусть судьба еще возстанетъ;
Не страшень гнѣвъ ея для насъ;
Нашъ лавръ съ Тобою неувадетъ,
Но паче славою красясь,
Тебя къ безсмертью провождаетъ!
И промыслъ такъ предназначаетъ,
Чтобы сугубою войной,
Кичливый врагъ и величавой
Отнынѣ собственною славою
Увѣнчивалъ Тебя герой!

О, славься Царь непобѣдимый!
Россіи пѣснь Тебѣ звучитъ,
И эхомъ шумнымъ разносимый
Ея гласъ всюду пролетитъ!

лѣе набожно, видѣлъ выраженіе Благости Божіей и дѣйствіе Промысла Божія. Теперь онъ уже не располагалъ такъ легко и явно самымъ путешествіемъ ко св. мѣстамъ, какъ легкой прогулкой до дальняго сосѣдняго поля (какъ бывало разсуждалъ объ этомъ въ дѣтствѣ съ своей няней), за то ясно сознавалъ, что это путешествіе есть подвигъ, сопряженный съ лишеніями и трудами, а потому-то оно и душеспасительно, потому-то и надобно совершить его. И если съ его стороны были увлеченія товарищескими разгулами, онъ никогда не доходили до самозабвенія, и тотчасъ послѣдовались обращеніемъ къ Богу и самымъ искреннимъ раскаяніемъ предъ Нимъ. Наконецъ, самъ Промыслъ Божій, такъ замѣтно руководившій судьбою Семена въ предшествовавшихъ возрастахъ, и теперь велъ его по особому пути и вразумительно указывалъ ему на особенное предназначеніе и призваніе. Тотъ, кого Семень просилъ, Господь Богъ, и Та, которую онъ молилъ, Матерь Божія, сами предъизбирали его себѣ и устроили жизнь его. Вотъ что говоритъ объ этомъ впоследствии святогорецъ въ своихъ келейныхъ запискахъ. «Въ юности моей, говоритъ онъ, когда я еще оканчивалъ курсъ ученія и то увлекался товарищескими разгулами, измѣняя долгу и совѣсти и безпощадно убивая время и нравственное чувство, то горько

Пусть міръ сликующій воспещеть,
И какъ въ сіяньи лучь—возбещеть
Хвала Твоя по всей земли!
О, славься Царь превознесенный,
И въ день сей, день благословенный,
Съ Престола Твоего воззри!

Россія славится Тобою!
Почтивши дивною красой,—
Закономъ мудрымъ, правотою—
Ты тѣмъ даешь блаженство ей!
Отъ Трона мудрыя Паллады,
Ліются ей лучи отрады,
Подъ кровомъ скиптра Твоего.
И въ позднихъ отзвухъ преданья
Она почтетъ Твои дѣянья
Виною величья своего!

иногда сътовалъ и даже плакалъ о заблужденіяхъ перваго возраста и самыхъ лучшихъ лѣтъ, прося Господа Бога и Богоматерь устроить мою жизнь къ сердечному благу и навести и упредить стопы мои на путь истины и правды,—разъ я заснулъ, и мнѣ представилось, что я быстро несусь отъ запада на востокъ. За мною была чрезвычайная тьма, мракъ и ужасная дебрь, такъ что западъ весь былъ въ какомъ-то безжизненномъ, отверженномъ состояніи, а между тѣмъ востокъ игралъ свѣтомъ. Мнѣ казалось, что я изъ мрачной дебри вышелъ и быстро приближался къ храму на родинѣ, въ ту самую церковь, гдѣ я былъ крещенъ и принялъ печать, званіе и имя христіанина, съ принятіемъ частнаго имени въ честь св. Симеона Столпника. Радости сердца, восторговъ духа и истинно райскаго блаженства всѣхъ чувствъ моихъ я не могу выразить, когда, обратившись на мрачный западъ, увидѣлъ, что изъ такого страшнаго мѣста я вышелъ.... Весело и съ удивительнымъ чувствомъ вступилъ я въ теплую церковь, имѣющую два придѣла: правый во имя св. Соловецкихъ угодниковъ Зосимы и Савватія, а лѣвый пр. Сергія Радонежскаго; теплую церковь я прошелъ, не останавливаясь, а въ холодной—Троицкой я сталъ по срединѣ, не престававъ радоваться духовно, и въ этомъ положеніи проснулся.

«Вѣрно жить мнѣ велитъ Богъ у Троицы въ Сергіевской лаврѣ, подумалъ я, проснувшись, и всегда думывалъ такъ, не смотря на то, что дано было обѣщаніе — уйти въ Соловецкій монастырь.»

Отсюда очевидно, что набожность Семена и тогда еще едва не доходила до мысли о монашествѣ и уединеніи.

Въ 1834 году въ Іюль мѣсяцѣ Семень Веснинъ кончилъ курсъ ученія, имѣя отъ роду только 20 лѣтъ. Всего ученія было 4 года въ училищѣ и 6 въ семинаріи. Въ эти 10 лѣтъ онъ выросъ и развился физически и нравственно: его темпераментъ опредѣлился окончательно, его характеръ созрѣлъ и установился навсегда въ своихъ началахъ. Это былъ юноша высокаго и тонкаго росту, смуглый, черноволосый, нѣскольکو курчавый, съ кроткимъ и выразительнымъ лицомъ, и съ

авергическою до мечтательности душою. Его рѣчь, всегда мягкая и плавная, показывала ясность мысли и опредѣленность понятий, и дышала не поддѣльнымъ чувствомъ и протосердечіемъ. Его умъ сложился нѣсколько мечтательно и созерцательно, въ его желаніяхъ и волѣ замѣтна была рѣшимость и въ то же время набожная преданность Промыслу и покорность судьбамъ Божиимъ. Мѣсто прежней дѣтской наивности въ немъ теперь замѣнила самая добродушная и задушевная откровенность, его прежняя впечатлительность обратилась теперь въ положительную наклонность къ задумчивости и размышленію, такъ что минуты самой живой веселости у него могли сопровождаться задумчивою мыслью и меланхолическимъ чувствомъ.

Съ чувствомъ признательности оставивъ Семинарію, которая кормила и воспитывала его, какъ сироту, цѣлыхъ лѣтъ, и родственно простившись съ наставниками и товарищами, Семенъ Веевинъ помѣстился у старшаго брата своего Димитрія, священника, и до нынѣ, въ с. Круглышскомъ. Это человѣкъ простой и доброй души, съ симпатическимъ характеромъ и практическимъ умомъ. Какъ старшій изъ оставшихся братьевъ, онъ замѣнялъ для Семена, въ сиротствѣ, отца и мать, и брата и друга, и Семенъ всегда питалъ къ нему особенное расположеніе, до конца жизни сохранивши къ нему чувства глубокаго уваженія и сыновней преданности и дружески-братской любви. Отъ того-то впоследствии большая часть писемъ Святогорца адресованы были на имя этого человѣка и полны самой горячей любви къ нему и самой глубокой скорби по немъ, на чужбинѣ, Первая пора отдыха и свободы пролетѣла быстро и не замѣтно, въ родной семьѣ, въ совершенномъ спокойствіи и тихомъ довольствѣ. Но въ это же время естественно являлись думы и самъ собою возникалъ вопросъ о дальнѣйшей жизни: къ чему опредѣлиться и какъ пристроиться молодому человѣку? О. Димитрій, согласно съ другими родными, слѣдуя общему въ ихъ сословіи обыкновенію и порядку, сталъ совѣтовать Семену, неотложно, искать священническаго мѣста и невѣсту. Но молодой человѣкъ думалъ

и располагалъ иначе: ему хотѣлось исполнить давнее, завѣтное желаніе покойнаго отца и свою задушевную, еще съ дѣтства взлелѣянную, набожную мечту—постранствовать по св. мѣстамъ, посѣтить всѣ святыни, поклониться чудными останкамъ угодниковъ Божіихъ, видѣть св. гору, побывать въ Иерусалимѣ, помолиться у гроба Господня, и тамъ—то насладиться всей высокою и небесною поэзіей, а за тѣмъ... что Богъ велитъ и на что укажетъ Промыслъ.... И равнодушно выслушивая совѣты и побужденія старшаго брата и родныхъ, онъ отвѣчалъ на нихъ своею рѣшимостію отправиться прежде всего путешествовать,—что это его самое искреннее, самое давнее и задушевное желаніе, что о женитьбѣ и мѣстѣ онъ еще и не думалъ и не думаетъ, и что пусть самъ Богъ располагаетъ его судьбою. И дѣйствительно нельзя не видѣть, что Промыслъ Божій непосредственно и осязательно руководилъ, въ этомъ случаѣ, желаніями юноши, и какъ будто предупреждалъ его въ будущемъ назначеніи: здѣсь чутко слышится какое то предъизбраніе и призываніе со стороны высшей, невидимой Воли. Отъ того то, можетъ быть, этотъ тихій и кроткій юноша и такъ пастойчивъ былъ въ своихъ желаніяхъ, что даже когда представилось въ виду хорошее мѣсто, онъ не хотѣлъ воспользоваться никакою возможностью получить оное. Но чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ частыя и не отступныя просьбы и настоянія родныхъ утомили молодаго человѣка, и онъ уступилъ и покорился имъ. Чрезъ втораго брата Василія, то же священника, жившаго неподалеку отъ г. Орлова, онъ познакомился въ этомъ городѣ съ семействомъ одного священника и благочиннаго, о. Алексѣя Никонова, у котораго была 17-лѣтняя дочь Анна. Красота этой дѣвицы а еще болѣе кротость и доброта ея души произвели такое впечатлѣніе на сердце молодаго человѣка и такъ поправились ему, что онъ, опавъ затаивши и скоронивши въ своей душѣ свои прежнія мечты о путешествіи, рѣшился искать ея руки. Къ тому же времени представилось и мѣсто священника въ селѣ Ацвежскомъ (или Ачужскомъ), по сосѣдству Семену съ братомъ Димитріемъ. Получивъ это мѣсто, вмѣстѣ съ согласіемъ невѣсты, Семень

Весниъ 20 Января 1835 г. женился, 11 Февраля поставленъ во священника, а въ мартѣ мѣсяцѣ новый іерей, погостивъ нѣсколько дней у старшаго брата, съ его напутственнымъ оубрѣніемъ и благожеланіемъ, отправился на свой новый постъ, къ своему новому званію, къ своей новой семейной жизни.

Тихо и ровно потекла эта жизнь счастливой четы: взаимная любовь и глубокое семейное согласіе, нерѣдкія свиданія съ родными, особенно съ старшимъ братомъ Димитріемъ, оживляли однообразный сельскій бытъ, счастливли молодыхъ людей, и о. Симеонъ блаженствовалъ. «Наступило время, говорить онъ, лучшей моей жизни, моей тихой радости въ прекрасные безмятежные дни супружества. И я блаженствовалъ.» Съ любовію и энергіею занялся новый іерей и своею паствою. Его кроткій, располагающій характеръ, благообразная и умная наружность, ровная, живая и увлекательная рѣчь, а еще болѣе доброе и снисходительное обращеніе — скоро пріучили и зарасположили къ нему прихожанъ. Назиданія о. Симеона были выслушиваемы съ особымъ усердіемъ и набожною покорностію. Между Ацвежскими прихожанами и теперь сохраняется прекрасная и самая почтительная память объ о. Симеонѣ.

Но недолго продолжалось его семейное счастье. Промыслъ Божій, такъ очевидно руководившій его намѣреніями и желаніями еще предварительно женитьбѣ, теперь ясно и чувствительно напомнилъ ему о своемъ предъизбраніи, и перстъ Божій грозно указалъ на новый путь... Менѣе-чѣмъ черезъ годъ у о. Симеона родилась дочь—Анастасія, и черезъ 10-ть дней, послѣ того, (13 Декабря 1835) прекрасная, добрая и такъ имъ любимая жена его умерла. Тяжела была эта утрата, и понятно горемолодаго священника. Оставшись вдовымъ на 22-мъ году своей жизни и съ двухнедѣльнымъ младенцомъ на рукахъ, онъ даже немогъ сначала скорбѣть,—онъ поникъ всѣмъ существомъ подъ грознымъ урокомъ судьбы, и закрывалъ глаза предъ своимъ несчастнымъ положеніемъ. Первою мыслію его, въ этомъ случаѣ, было бѣжать изъ своего дома, отъ своего прихода, даже оставить дитя свое, и скрыться отъ

горя гдѣ нибудь—въ монастырѣ. Но таже благодѣнь Божія, которая такъ глубоко испытывала и очищала его душу, — сама послала ему утѣшеніе въ терпѣніи и вѣрѣ, и спасла отъ отчаянія. Прежде всего, чтобы раздѣлить и облегчить горе, о. Симеонъ отправился съ дитятею къ брату Димитрію, который, бывши на этотъ разъ у него въ числѣ печальныхъ гостей, взялъ его и дитя съ собою въ свой домъ, и старался сколько могъ, утѣшить и успокоить его. Когда прошли и были вытерпѣны первыя минуты горя и тоски, и о. Димитрій самъ же опять проводилъ брата на мѣсто служенія, о. Симеонъ укрѣплялся въ своемъ терпѣніи молитвою и вѣрою въ Промыслъ Божій и находилъ утѣшеніе въ малюткѣ дочери: «испытавшій подобную потерю, говорилъ онъ впослѣдствіи, пойметъ мое положеніе, по-вѣритъ, какъ я любовался своею ненаглядною дочкою.»

Впрочемъ, чтобы облегчить тоску, которая все еще снѣдала и точила его сердце,—чтобы хоть навремя избѣжать и невидѣть того, что такъ живо напоминало его сердцу недавно минувшее счастье, и было постояннымъ неумолчнымъ свидѣтельствомъ его горькой, невозвратной утраты,—а главное, видя въ своемъ несчастіи особенное водительство и указаніе Промысла Божія, о. Симеонъ рѣшился совершить путешествіе въ Соловецкій монастырь и помолиться тамошнимъ угодникамъ Божиимъ. Съ наступленіемъ весны 1836 г., испросивши разрѣшеніе, онъ оставилъ дочь свою на попеченіе брата Димитрія, и 10 Апрѣля, то есть почти чрезъ 5-ть мѣсяцевъ послѣ смерти жены, отправился, съ молитвою, въ путь, пѣшкомъ и въ соупутствіи двухъ мѣстныхъ поселянъ. Прощаясь съ дочерью, онъ вложилъ ей въ дѣтскія ручки стихи, подъ заглавіемъ: *Настенькѣ разлучный напѣвъ*. Какъ выраженіе его глубокой тоски и намѣренія уже не возвращаться, эти стихи приводятся здѣсь въ цѣлости.

Дай, въ послѣдній разъ, проститься,
 Можетъ быть, дитя съ тобой;
 Можетъ быть—не воротиться
 Мнѣ съ дороги въ край родной.

Ты еще не знаешь горя
 И не плачешь такъ, какъ я;

Но тебя такая жъ доля
Ждетъ здѣсь, милая моя!

Отъ младенческой постели
Нѣтъ тебѣ счастливыхъ дней:
Всѣ надежды улетѣли
Съ доброй матерью твоей.

Сни жъ дитя, не пробужайся:
Душень этотъ бѣлый свѣтъ;
Въ немъ красой не развивайся:
Здѣсь тебѣ веселья нѣтъ!

Подростешь и улыбнешься,
Будешь звать отца и мать,
Но родныхъ недозовешься,—
Ихъ тебѣ ужъ не видать!

И младенчески тоскуя,
Будешь ждать, въ душѣ своей,
Ты роднаго поцѣлуя,
И не выждешь отъ людей;

Мать твоя уже въ могилѣ,
Мнѣ не жить дитя съ тобой:
Я, покорный вышней силѣ,
Предалъ Богу жребій свой!

О! я плачу надъ тобою,—
Я для міра не жилецъ.
Пусть надъ живію твоею
Будетъ пѣстуномъ Творецъ!...

19 Апрѣля странникъ достигъ Тотмы (Вологодской губ.) и былъ въ монастырѣ св. Θεодосія, гдѣ въ первый разъ въ жизни видѣлъ и лобызалъ нетлѣнныя мощи св. угодника. Въ письмѣ отсюда къ брату Димитрію, онъ говоритъ: «какъ приятно смотрѣть на плѣнительное мѣстоположеніе монастыря, а болѣе всего, какъ утѣшительно для тоскующей души видѣть «нетлѣнныя св. мощи Преподобнаго, и какъ радостно смотрѣть «на братство... Господь милосердый, продолжаетъ онъ, удостоилъ меня грѣшнаго дважды приложиться къ мощамъ Преподобнаго. Не знаю, что я тогда чувствовалъ, когда, недостойныя уста, нечистыя, скверныя мои уста касались прославленному, нетлѣнному тѣлу великаго подвижника. Ска-

«жу только, что страшно, при сознании своего недостойства, касаться святыни: одна мысль—что, если недопуститъ невидимая сила? Горел... О, еслибы вы взялись воспитать несчастную, дорогую, сердечную мою сиротку Настеньку, ради имени Христова, —не разстался бы я съ монастыремъ и посвятилъ «бы себя на жизнь единенную!...»

21 Апрелья онъ былъ подъ Устюгомъ, и писалъ брату изъ лодки, на которой плылъ отъ Тотмы. Дальнѣйшій его путь до Соловецкаго монастыря описанъ былъ въ путевомъ журналѣ, который несохранился. Мая 1—3 о. Симеонъ увидѣлъ и Соловецкій монастырь. Истинно величественное и поэтическое мѣстоположеніе этого монастыря, его отдаленность и уединеніе отъ твердой земли, безмятежная жизнь въ этой обители— въ кругу подвизавшихся старцевъ, и въ постоянномъ присутствіи при чудныхъ останкахъ св. угодниковъ Божіихъ, все это подѣйствовало такую отрадою на осиротѣвшую душу странника, такъ утѣшительно отозвалось его надорванному сердцу, что онъ, незадумываясь долго, чрезъ нѣсколько же дней по прибытіи въ монастырь, рѣшился было совѣмъ остаться здѣсь, и, увѣдомляя объ этомъ брата Димитрія, со слезами умолялъ призреть его дочь сироту. О. Димитрій, видя воспѣшную рѣшимость брата, всѣми мѣрами убѣждалъ его возвратиться домой, и чтобы дѣйствительнѣе побудить его къ тому, въ заключеніе своего отвѣтнаго письма написалъ, что если о. Симеонъ останется въ монастырѣ, — дочь его будетъ отослана въ свое село Ацаежъ: «пусть она живетъ тамъ одна, «и оставленная отцемъ пусть приютится при могилѣ матери и просится въ ея объятія». Письмо это уничтожило всю рѣшимость и всѣ планы о. Симеона остаться въ Соловецкомъ монастырѣ, и онъ, пробывши тамъ около мѣсяца, 16 Юня тогоже 1836 г. возвратился къ брату Димитрію.

Послѣ непродолжительнаго отдыха, о. Симеонъ снова прибылъ въ свой Ацаежъ. О. Димитрій опять самъ проводилъ его до мѣста и устроилъ его хозяйство, устранивши всѣ мелочныя хлопоты и заботы, которыя въ домашнемъ быту могли тревожить тоскующую душу брата. Но одинокая жизнь въ мѣрѣ

тяготила о. Симеона: по отъѣздѣ брата, онъ снова заскучалъ и загрустилъ, и сѣтуя на брата, вызвавшего его изъ мирныхъ стѣнъ монастырскихъ, снова задумалъ было проситься странствовать. Чтобы занять его въ домашнемъ быту и надежнѣе привязать къ сельской жизни, о. Димитрій сталъ настоятельно совѣтовать ему строиться и завестись побольше домою и хозяйствомъ, «да забывай, говорилъ онъ, что у тебя есть прихожане, и на твоихъ рукахъ дочь, которую нужно вскормить и воспитать по христіански.» Чувствуя себя не хозяиномъ, о. Симеонъ не соглашался начать стройку дома: «какое, говорилъ, хозяйство безъ хозяйки; самъ я неумѣю хозяйничать, а дочь моя еще такъ мала.» Однакожъ уступилъ настояніямъ брата: домъ пачали строить. Но о. Симеонъ дѣйствительно былъ не хозяинъ: неимѣлъ практической способности и положительности, притомъ ему было всего еще 22 года;—и въ настоящемъ случаѣ онъ доказалъ это. Выстроивши домъ по плану братнему, наскорою руку, онъ все затѣмъ перемѣнилъ въ немъ по своему: одну комнату выбралъ себѣ съ дочерью, а другія, находя очень большими и скучными въ одиночествѣ, перегородилъ на нѣсколько мелкихъ комнатокъ, и оставилъ ихъ какъ бы на произволь кому угодно: «тѣ, говорилъ онъ, не мои, хозяйскія, а вотъ моя комната съ Настенькой—это мой уголокъ.» Впослѣдствіи и этотъ скромный уголокъ былъ разгороженъ, до того, что о. Симеонъ самъ чувствовалъ тѣсноту въ немъ, и долженъ былъ занять другой. Наконецъ, въ письмѣ къ брату, онъ шуточно извѣщалъ, что теперь у него въ домѣ цѣлый лабиринтъ комнатъ и келей, а жить негдѣ: вездѣ тѣсно, неловко и скучно, такъ что хоть вонъ изъ новаго дома выходи. «За то, говорилъ онъ, я почти каждый день и даже неподнажды живу на новосельѣ; Настинька со мною всегда на одной квартирѣ и также часто празднуетъ новоселье». Однакожъ эта постройка хоть на время разнообразила и мысль и жизнь о. Симеона, и онъ было успокоился. Даже восторженно радовался своему новому дому, мечтая видѣть дочь свою на возрастѣ и хозяйкою въ этомъ маленькомъ лабиринтѣ.

Но Промыслъ Божій снова призывалъ о. Симеона къ себѣ и

указывалъ ему нное домостроительство въ жизни мѣрской. То, что еще такъ горячо радовало о. Симеона и было дорого и мило ему здѣсь на землѣ, Богъ все взялъ отъ него на небо. Недаромъ говаривалъ онъ ранѣе, что если бы не Настенька, онъ не разстался бы съ Соловецкимъ монастыремъ, или удалился бы въ другой: его дочь, чрезъ годъ и одинъ мѣсяць, по его возвращеніи изъ Соловецкаго путешествія, именно въ половинѣ Августа 1837 г., умерла, и оставила его одного сиротствовать свой вѣкъ. Переноса это горе, о. Симеонъ старался найти утѣшеніе только въ терпѣніи и молитвѣ и въ мысли о путешествіи. «Сердце мое, говоритъ онъ, тогда замерло для удовольствій земли и безусловно отозвалось на благодатный призывъ неба. Путешествіе по св. мѣстамъ мнѣ «стало представляться уже какъ единственное наслажденіе». Чрезъ 5-ть мѣсяцовъ послѣ этого обстоятельства, 21 Января 1838 г., о. Симеонъ нежданно назначенъ былъ въ должность казначея Спасоорловскаго монастыря въ г. Орловѣ, съ оставленіемъ за нимъ и священническаго мѣста въ селѣ Ацвежѣ. Какъ ни неожиданно было это назначеніе, тѣмъ болѣе что оно могло замѣдлить его намѣреніе скорѣе путешествовать, онъ съ покорностію послѣдовалъ начальственному указанію— помѣстился въ монастырѣ, и только уже временно посѣщалъ свой домъ и свой приходъ. Его скорбная и вмѣстѣ отрадная мысль о путешествіи была оставлена на время. Но еще чрезъ полгода, въ томъ же 1838 г. на Вятку прибылъ новый Епископъ, преосвященный Неофитъ, и о. Симеонъ, испросивъ у него позволеніе сходить въ Кіевъ и поклониться тамошнимъ угодникамъ, 25 Іюля 1838 г. отправился во второе свое путешествіе. Этотъ путь его лежалъ чрезъ Москву и описанъ о. Симеономъ въ его дневникѣ (*). Впрочемъ описаніе простирается только до Москвы, куда прибылъ скорбный и одинокій паломникъ уже 25 Августа. Затѣмъ отсюда его впечатлѣнія и путешествіе рассказываются въ семейной перепискѣ съ братомъ и тестемъ, и рассказываются коротко и отрывис-

(*) Дневникъ этотъ помѣщенъ въ настоящей книжкѣ.

то, такъ что можно только слѣдить и видѣть, какъ грустный, одинокій и набожный молодой странникъ перебирается пѣшкомъ изъ города въ городъ, или върѣе, изъ монастыря въ монастырь, заходитъ и молится въ каждой церкви, припадаетъ къ св. гробницамъ, вездѣ ищетъ и лобызаетъ нетлѣныя мощи святыхъ, или какъ добродушно и грустно-восторженно любитъ и восхищается онъ разнообразіемъ встречающихся видовъ и предметовъ, поэзію новыхъ невиданныхъ имъ мѣстоположеній, и какъ иногда умѣетъ заставить говорить самую безгласную жѣстность, подняться и прозвучать самое давнее и повидимому давно успувшее преданіе. Въ Кіевъ онъ прибылъ 11 Сентября и пробылъ тамъ около мѣсяца. Изъ письма его отсюда къ брату видно, что здѣсь особенно ласково припалъ его высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ и К. А. Неволинъ, бывшій тогда ректоромъ университета св. Владимира, въ послѣдствіи профессоръ С. Петербургскаго университета. Г. Неволинъ былъ товарищемъ по семинаріи старшему брату о. Симеона — Дмитрію. — Наконецъ 5 Ноября странникъ возвратился уже въ свой Ацвежъ, въ свой домъ, и писалъ брату Дмитрію:

Сбылось судьбы обѣтованье —
 Я видѣлъ часть святой Руси,
 И дальнихъ странъ очарованье,
 И неба свѣтлыя красы!
 Тамъ все не то!..

Я видѣлъ Волгу. Чувства полный,
 Ея играющія волны,
 Я взоромъ странничьимъ дарилъ
 И долго, долго любовался,
 И за струей ея слѣдилъ,
 И въ мысляхъ прошлаго терпелся.
 Да: эта грозная рѣка
 Была уютомъ для разбои,
 И средь разбойничьяго боя
 Убийства грѣшная рука
 Сливала кровь съ ея волнами,
 И подъ прибрежными лѣсами
 Потомокъ Каина рыскалъ
 И ждалъ добычи роковой...

Я эти мысли съ вѣй сливалъ,
 И думалъ: волны вѣковыя
 Все также льются, какъ всегда,
 И нѣтъ ужъ проплаго слѣда—
 Оно въ пучинѣ океана
 Въ одно ужъ цѣлое слилось,—
 Но имя Стеньки—атамана
 До насъ предапьемъ донеслось.

И грустно на берегу высокомъ
 Душой задумчивой мечталъ,
 И на событїи далекомъ
 Я жизнь разбойничью читалъ.
 И на душѣ моей мечтанье
 Лежало темной пеленой,
 И я тоскующей душой
 Леталъ за волжскою волной
 Въ далекій Каспїй..... Мнѣ желанье
 Тотъ край, знакомый по мечтамъ,
 Завидной краской рисовало,
 И сердце пламенно желало
 Еще бы видѣть все и—тамъ!

Но тамъ за Волгою широкой
 И тотъ я видѣлъ край святой,
 Гдѣ, отлетѣвъ уже душой,
 Въ пещерѣ темной и глубокой
 Нетлѣнно тѣломъ во гробахъ
 Лежать Печерскїе святые....

О, тамъ я самъ склонился бъ въ прахъ
 И легъ бы въ доски гробовыя....
 Или оставивъ этотъ мїръ,
 И чувствъ бунтующихъ волпенье,
 Какъ зачарованный кумиръ,
 Я бъ жизнью праведной разбилъ,
 И двѣй унылое теченье
 Подвижной кельѣ подарилъ.
 И проч.....

Прогостивши у брата около двухъ недѣль, о. Симеонъ, въ концѣ Ноября явился къ архіерею. Преосвященный, обла-скавъ его, предложилъ ему жить вмѣстѣ съ собою, и возло-жилъ на него обязанности духовника ставленниковъ (новоцо-ставляемыхъ священно-церковно-служителей); въ слѣдствіе чего о. Симеонъ въ концѣ Января 1839 г. перемѣстился въ

архіерейскій домъ, въ архіерейскія комнаты; его приходъ и имѣніе въ селѣ Ацвежѣ было поручено вѣдѣнію о. Димитрія, который тогда былъ уже благочиннымъ.

Преосвященный Неофитъ душевно полюбилъ о. Симеона и съ участіемъ слѣдилъ за его осиротѣвшей душой. Замѣчая его грусть, а также видя глубокую набожность и религіозность, вмѣстѣ съ аскетическимъ настроеніемъ, онъ, между прочими совѣтами, предложилъ молодому вдовствующему священнику поступить въ монашество. О. Симеонъ, хоть давно знакомъ былъ съ этою мыслию и почти свыкъся съ нею, однакоже не вдругъ объявилъ свое желаніе, и только послѣ долгаго обдумыванья и испытанія надъ собою, взвѣсивъ и разобравъ разные совѣты опытныхъ людей, окончательно и навсегда рѣшился дать монашескій обѣтъ и принять иноческій образъ. Въ томъ же 1839 г., чрезъ 10-ть мѣсяцовъ по возвращеніи изъ Кіевскаго путешествія и чрезъ 8-мъ послѣ перемѣщенія въ домъ архіерейскій, Августа 28 — однимъ числомъ позже дня рожденія, ровно 25-ти лѣтъ отъ роду, о. Симеонъ былъ постриженъ, и нарѣченъ въ монашествѣ Серафимомъ. Промыслъ Божій невидимо, но осязательно довелъ своего избранника до предначертаннаго пути и указалъ на его жребій.

Отрѣшившись, такимъ образомъ, отъ міра, отъ всѣхъ отношеній и обязанностей къ нему, инокъ о. Серафимъ теперь одиноко и свободно предался своей давней мысли о путешествіи на Востокъ. Еще въ дѣтствѣ таившіяся въ его душѣ — мечты, о св. горѣ Авонской, о Палестинѣ, объ Іерусалимѣ, теперь пробудились и обратились въ непреодолимое желаніе видѣть жребій Богоматери и пролить слезы молитвы у гроба Господня. И сталъ онъ неотступно просить отпуска себѣ. Преосвященный Неофитъ, уступая его просьбамъ, исходатайствовалъ ему этотъ отпускъ на заграничное путешествіе. Въ концѣ Іюля 1840 г. (чрезъ 11-ть мѣсяцовъ послѣ постриженія) о. Серафимъ отправился изъ Вятки, и заѣхалъ проститься съ братомъ и родными, а 28 Августа о. Димитрій проводилъ его до границы губерніи. Письма изъ этого путешествія, адресованныя на имя брата—о. Димитрія, помѣщены въ сей

книгѣ подѣ заглавіемъ—писемъ изъ Одессы (1840 г.).— Но о. Серафимъ недостигъ на этотъ разъ своей желанной цѣли: прибывъ въ Одессу, онъ былъ удержанъ политическими смутами на Востокѣ, и, несмотря на всѣ попытки, немогъ получить пропуска за границу. Возвратившись на родину, онъ снова помѣстился у преосвященнаго Неофита, въ должности казначея архіерейскаго дома. Черезъ нѣсколько времени, на него была возложена еще должность законоучителя въ училищѣ канцелярскихъ дѣтей, и проходя эту должность два года, до самаго отправленія своего на Аѳонъ, съ достоинствомъ и усердіемъ, онъ заслужилъ глубокое уваженіе и искреннюю любовь своихъ воспитанниковъ, и оставилъ между ними самую прекрасную память о себѣ (*). Стихи, которыя онъ писалъ для нихъ, по ихъ просьбѣ, на праздникъ Рождества Христова, и теперь у многихъ сохраняются, а многими читаются на изустъ.

Однакожъ неуспѣхъ перваго путешествія на Аѳонъ и въ Палестину, обманутая надежда видѣть Іерусалимъ, сильно тревожили набожную душу о. Серафима и отзывались тоской въ его сердцѣ. Мысль о новомъ путешествіи къ этимъ св. мѣстамъ была отрадна, и неоставляла его. Несмѣя однакожъ снова безпокоить начальство скорою просьбою объ отпускѣ за границу, онъ уже чрезъ два года терпѣнія рѣшился просить объ этомъ, и то сначала чрезъ посредство и ходатайство стороннихъ, свѣтскихъ лицъ. Преосвященный Неофитъ снова исходатайствовалъ ему этотъ отпускъ, и о. Серафимъ, въ Іюль мѣсяцѣ 1843 г. (чрезъ 2 года и 9 мѣсяцевъ, по возвращеніи изъ перваго путешествія на Аѳонъ) опять радовался надеждою видѣть Іерусалимъ и Аѳонъ. Сдавши свои обязанности по архіерейскому дому и училищу канцелярскихъ дѣтей, онъ отправился сначала къ роднымъ, и 25 Іюля простился съ дорогимъ братомъ на послѣдней станціи Вятской губерніи.— Въ этомъ то путешествіи началась и происходила та дѣятель-

(*) См. *Воспоминанія о Святогорцѣ въ Вятск. губ. Вѣдомостяхъ 1855 г. № 9—10.*

ная переписка о. Серафима съ друзьями, краснорѣчивая и полная духовно-религіозной поэзіи и высокаго интереса, которая неоднократно была напечатана подъ названіемъ писемъ Святогорца о св. горѣ Аѳонской.—Прибывъ въ Одессу и проживши тамъ около мѣсяца, о. Серафимъ не писалъ отсюда ничего, вѣроятно потому, что прежде былъ уже въ ней, писалъ объ ней, а еще болѣе рассказывалъ по возвращеніи. 30 Сентября онъ отправился изъ Одессы въ Константинополь, въ немъ пробылъ 8 дней, оттуда 8-го Декабря пустился въ море и 10-го числа прибылъ на св. гору Аѳонскую. Здѣсь о. Серафимъ прожилъ 10¹/₂ мѣсяцовъ, даже слишкомъ, и слѣдовательно имѣлъ время изучить всѣ обычаи этого единственнаго въ мірѣ мѣста, видѣть всѣ замѣчательности св. горы. Въ 1844 г. проживши на Аѳонѣ около полугода, о. Серафимъ рѣшился навсегда сдѣлаться святогорцемъ, и 23 Марта въ великій четвертокъ принялъ схиму съ именемъ Сергія. Тогда ему было 29¹/₂ лѣтъ. Въ томъ же году Сентября 1-го онъ отправился въ Палестину на поклоненіе гробу Господню, и благополучно достигъ этого давно желаннаго мѣста. Здѣсь онъ провелъ болѣе полугода, подвизался на мѣстѣ распятія Спасителя страстную седмицу, видѣлъ и описалъ высокое торжество Воскресенія Христова, странствовалъ по св. мѣстамъ и монастырямъ Палестинскимъ, вездѣ благоговѣнно и набожно лобызалъ Богошествованную землю, и въ 1845 г. снова прибылъ на Аѳонъ. Наконецъ въ Іюль мѣсяцѣ 1847 г. о. Серафимъ, теперь Святогорецъ и схимникъ Сергій, возвратился на Вятку, желая повидаться съ родными и друзьями, и между прочимъ имѣя въ виду приготовить на свободѣ свою переписку къ печати. Радостно встрѣтили его родные и друзья;—распросамъ небыло конца;—попрежнему, отечески ласково, даже дружественно принялъ его преосвященный Неофитъ. Всего странствованія Святогорца по св. горѣ и Палестинѣ, со времени отбытія его изъ Вятки до возвращенія, было 4 года, а жизни его, во время возврата, 33 года безъ мѣсяца.

Первыя письма Святогорца были напечатаны другомъ его П. С. Свѣденцовымъ, въ Маясѣ 1845 г., безъ вѣдома самого

автора. Узнавъ объ этомъ Святоторецъ, еще на Аѳонѣ, изъ письма г. Свѣденцова, а также отъ многихъ Петербуржцевъ, посѣщавшихъ св. гору, немало дивился, на въ томъ время остался доволенъ, что благочестивая публика со вниманіемъ и живымъ интересомъ читаетъ его письма, и гг. издатели «Маяка» приглашаютъ его присылать такихъ писемъ побольше. Въ отвѣтъ на письмо г. Свѣденцову онъ писалъ: «Вы пишете, между прочимъ, что гг. издатели Маяка просятъ, чтобъ я чрезъ васъ дѣлился съ ними святогорскими письмами: очень благодаренъ имъ за ласковый привѣтъ. Я недумалъ, впрочемъ, чтобъ мои думы задушевные и чувства грѣшпаго сердца когда-либо были оттиснуты на страницахъ журнальныхъ, хотя временемъ искренно жалѣлъ, что я далеко возможности передать на нихъ перомъ неопытнымъ свѣтлость событій святогорскихъ; но когда вы взяли за это дѣло, — будь такъ, — «уступаю вашимъ дружескимъ распоряженіямъ моими заграничными письмами, — на то вѣрно есть воля Божія.» Впослѣдствіи увѣдомляя того же г. Свѣденцова о лестныхъ отзывкахъ на счетъ своихъ напечатанныхъ писемъ — многихъ Петербуржцевъ, онъ присовокупляетъ: «Вотъ на случай у меня подготовлено довольное число новыхъ статей о чудотворныхъ иконахъ Аѳонскихъ, переведено нѣсколько сказаній о чудесахъ Божіей матери и пр., такъ что собраніе всего составитъ очень «порядочную тетрадь. Все это было читано для братіи, въ церкви, въ присутствіи русскихъ поклонниковъ, и статьи «увлекли ихъ, плѣнили и растрогали...» Возвращаясь въ Россію, Святоторецъ рѣшилъ собрать и обработать всѣ свои письма о св. горѣ Аѳонской и о Палестинѣ, и напечатать ихъ въ пользу Русско-Аѳонскаго монастыря. Первая часть этихъ писемъ была совсѣмъ готова къ печати еще въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1848 г., и о. Серафимъ поручилъ издать ее слѣпцу Гр. Ширяеву, съ которымъ сблизился (впослѣдствіи впрочемъ принужденъ былъ разойтись) во время путешествія на Аѳонѣ; для чего въ томъ же году 25 Іюля слѣпецъ отправился сначала въ Москву а оттуда потомъ въ Петербургъ. Съ поступленіемъ писемъ въ печать, (это было во 2-й половинѣ 1849

года) издатель Гр. Ширяевъ, находя необходимымъ личное присутствіе самого Святогорца при изданіи его писемъ, настоятельно звалъ о. Серафима въ Петербургъ, который и незамедлль явиться сюда.

Во время пребыванія въ Вятской губерніи, Святогорецъ жилъ большею частію уединенно: то на архіерейской дачѣ, называемой *Пустынею*,—одинъ въ домикѣ при озерѣ,—то въ Спасоорловскомъ монастырѣ, гдѣ былъ прежде казначеемъ, составивъ въ это послѣднее время *описаніе Спасоорловскаго монастыря*.—а нерѣдко гостилъ и у родныхъ, особенно у любимаго брата Дмитрія. Здѣсь-то онъ и трудился надъ обработкою своихъ писемъ и статей, которыя готовилъ къ печати. Съ Ноября до по ловины Декабря 1849 г. онъ прогостилъ почти исключительно у брата Дмитрія, и это было послѣднее ихъ свиданіе, послѣднія бесѣды на землѣ. Впрочемъ навѣщалъ иногда и свой Ацвежъ—свой скорбный уголокъ, гдѣ въ то время на его мѣстѣ былъ уже другой братъ о. Василій. Въ послѣднее предъ отбытіемъ время ѣздилъ въ свое родное село—Пищальское—поклониться тамъ могиламъ родныхъ и праху родителей, и на этотъ случай оставилъ стихи, полныя элегическаго чувства: *На могилѣ отца*.

Непробуденъ сонъ могилы,
Прахъ мой милый и родной!
Гдѣ возму я столько силы,
Чтобъ не плакать надъ тобой?

О! какую тайной дивной
Твой загробный жребій скрыть!
О! какъ чудно сонъ могильный
Разрушаетъ и живить!

Тщетно горькими слезами
Я здѣсь плачу: жребій твой
Былъ отмѣченъ здѣсь трудами,
Тамъ готовъ тебѣ покой.

Съ вѣрой въ милость Провидѣнья,
Надъ тобою, прахъ родной,
Я склонюсь въ слезахъ моленья:

«Боже Всѣдѣй и Святой!
«Духъ отца въ Своихъ селеньяхъ
«Со святыми упокой...»

Наконецъ 16 Декабря 1849 г. Святогорецъ отправился въ Москву и болѣе уже не возвращался на родину. Прибывъ въ Москву уже въ наступившемъ 1850 году, онъ получилъ отъ издателя Ширяева, изъ С. Петербурга, два экземпляра своихъ уже отпечатанныхъ писемъ объ Аѳонѣ, и немало этому радовался, а въ слѣдъ за этою посылкою явился и самъ Ширяевъ. Между тѣмъ живя въ Москвѣ, Святогорецъ былъ обласканъ многими знатными и замѣчательными лицами, духовными и свѣтскими, хорошо познакомился съ Гоголемъ, намѣревавшимся съ о. Серафимомъ путешествовать на Востокъ, и собралъ здѣсь пособіе въ пользу своего монастыря на Аѳонѣ-Русика. Отсюда, вмѣстѣ съ Ширяевымъ, онъ отправился въ С. Петербургъ.

Въ С. Петербургѣ Святогорецъ пробылъ около года. И здѣсь, также какъ въ Москвѣ, онъ былъ обласканъ и благосклонно принятъ многими знатными особами духовными и свѣтскими, особенно преосвященнымъ митрополитомъ Никаноромъ, и Иннокентіемъ епископомъ херсонскимъ и др. Вскорѣ по прибытіи сюда, онъ издалъ вторую часть своихъ писемъ объ Аѳонѣ. Обѣ книги были приняты Русскою публикой съ одушевленіемъ и радушіемъ, и письма Святогорца къ друзьямъ его о св. горѣ Аѳонской разходились чрезвычайно быстро. Наконецъ собравши чрезъ это изданіе своихъ писемъ, а также и здѣсь, какъ въ Москвѣ, отъ знатныхъ знакомствъ, достаточное пособіе въ пользу Русика, о. Серафимъ, въ томъ же 1850 году отправился обратно на свой родной и благословенный Аѳонъ, куда и прибылъ чрезъ Кіевъ, Одессу, Царьградъ и Солунь, 12 Марта 1851 г. благополучно.

Радостно и торжественно встрѣтила его Аѳонская братія. Это свиданіе съ нею, почти послѣ 4 лѣтней разлуки, Святогорецъ описалъ въ своихъ послѣдующихъ письмахъ, помѣщенныхъ въ настоящей книжкѣ. (См. письмо къ А. К.).

По возвращеніи на св. гору, о. Серафимъ, всецѣло посвя-

тивъ себя иноческому житію и аскетическимъ подвигамъ, снова принялся, среди этихъ подвиговъ, за свои литературныя занятія. Несмотря на то, что для этихъ занятій у него почти небыло времени, кромѣ часовъ, назначенныхъ для необходимаго отдохновенія, — его литературная дѣятельность въ то время была очень сложна и разнообразна. Въ послѣднее пребываніе въ Россіи, особенно по изданіи своихъ *писемъ о св. горѣ*; онъ пріобрѣлъ много новыхъ друзей и знакомыхъ, и потому велъ постоянную и самую сложную переписку съ разными лицами. Дивный Аѳонъ, его чудные сподвижники, новости, древности и рѣдкости были неистощимымъ и всегда занимательнымъ для сей переписки предметомъ. Изъ этихъ писемъ нѣкоторые Святогорецъ самъ хотѣлъ издать отдѣльною книгою, въ видѣ третьей части *писемъ къ друзьямъ о св. горѣ Аѳонской*, и уже посылалъ ихъ въ печать, но, неизвѣстно почему, они остались не напечатанными, — а многія, по разнымъ причинамъ, до сихъ поръ не могли быть собраны, и хранятся въ рукахъ тѣхъ, къ кому писаны. — Кромѣ того, въ этотъ же непродолжительный періодъ дѣятельности, онъ написалъ и оставилъ слѣдующія сочиненія: а) *Путеводитель по св. горѣ Аѳонской и Указатель ея святынь и прочихъ достопамятностей*, который и отпечатанъ въ послѣдствіи — уже по смерти Святогорца, — въ 1854 г., въ пользу Русскаго Пантелеимонова монастыря на Аѳонѣ. б) *Эсфигмено-Вознесенскій монастырь* — описаніе (*). в) Обработывалъ и заканчивалъ свои *Записки палестинскія*, — намѣревался издать ихъ отдѣльною книгою; дальнѣйшая судьба этого труда неизвѣстна; по смерти Святогорца найденъ только небольшой отрывокъ изъ сихъ записокъ (**). г) Началъ вести *Келейныя записки*, съ цѣлію собрать и передать въ нихъ по возможности всѣ извѣстныя ему изъ собственной жизни, или изъ жизни другихъ, чудныя событія, въ которыхъ проявлялись или особенныя благодат-

(*) Помѣщенное въ настоящей книжкѣ.

(**) Тоже помѣщенный въ настоящей книжкѣ.

ныя дѣйствія и попеченія объ насъ Промысла Божія, или чудесное заступничество и ходатайство святыхъ Его. Впрочемъ это занятіе было только промежуточнымъ, въ минуты благоговѣйнаго досуга и размышленія (*). д) Предпринялъ было написать историческій очеркъ: *Русскіе инаки на св. горѣ Аѳонской съ X до половины XIX вѣка*, и довелъ его уже до XVI столѣтія (**), но заболѣзнями, а также за другими важнѣйшими занятіями, не успѣлъ окончить. е) Главнымъ же и преимущественнымъ его трудомъ было составленіе обѣщаннаго имъ *Аѳонскаго патерика*, въ которомъ онъ хотѣлъ собрать и издать житія всѣхъ прославившихся отцовъ Аѳонскихъ; но и этотъ трудъ, за болѣзнями и раннею смертію о. Серафима, остался далеко неконченнымъ, и неизданнымъ (***). ж) Наконецъ и въ это время, какъ и всегда, Святогорецъ неоставлялъ своихъ поэтическихъ занятій, и написалъ было много стиховъ духовнаго содержанія, намѣреваясь издать ихъ цѣлымъ собраніемъ въ отдѣльной книжкѣ, но послѣ почти всѣхъ раздражѣлъ и разослалъ разнымъ лицамъ.

И все это время—въ продолженіе двухъ лѣтъ и 9-ти мѣсяцовъ, Святогорецъ жилъ, трудился и подвизался совершенно одиноко, съ своею аскетическою мыслию и поэтическою благоговѣиною душою. По прибытіи на Аѳонъ, его давняя мысль объ отшельничествѣ развилась до того, что ему недостаточно было уединенія въ самой обители, и чрезъ мѣсяцъ онъ переселился въ одинокую пустыню, гдѣ устроена была для него келья, съ церковію *Козьмы и Даміана*. Путь до этой *Козьмо-Даміановской* пустыни изъ обители былъ довольно далекъ и труденъ: не менѣе 2-хъ часовъ хода и все въ крутую гору. Не смотря на то, о. Серафимъ ежедневно ходилъ въ монастырь на бдѣнія и къ своему духовнику, и по исполненіи этихъ обязанностей также ежедневно возвращался въ свою

(*) Начатокъ этихъ записокъ, оставшіяся послѣ Святогорца, помѣщается въ сей книжкѣ.

(**) Тоже помѣщается въ настоящей книжкѣ.

(***) Нынѣ его продолжаетъ сподвижникъ о. Серафима на Аѳонѣ, монахъ Азарій.

пустыню, къ своимъ одинокимъ трудамъ и подвигамъ. Только болѣзни и крайнее истощеніе иногда останавливали этотъ обычай. И въ такомъ случаѣ самъ духовникъ, или игумень Русска посѣщали его въ пустынь. Нерѣдко бывали здѣсь и другіе игумены, особенно скитовъ: Болгарскаго, Ильинскаго и Сарайскаго. Вся братія монастыря глубоко любила и уважала о. Серафима, и въ его аскетической строгой жизни видѣла образецъ для себя. Бывшій ученикъ его І. А. въ письмѣ объ немъ (*) говоритъ, что это былъ человѣкъ рѣдкой души: горячая любовь къ ближнему, дѣтская простота, вѣрующая добротѣ каждаго, крайняя нестяжательность, и самоотверженіе всегда отличали его характеръ, а его воздержаніе было удивительно; онъ неимѣлъ ничего для себя, и между тѣмъ такъ много благодѣлалъ монастырю.

Отъ усиленныхъ занятій и подвижническихъ трудовъ здоровье о. Серафима, и безъ того слабое и ненадежное, разстроилось, и онъ часто сталъ страдать разными болѣзненными припадками. Черезъ полтора года, по возвращеніи на св. гору, въ Августъ мѣсяцѣ 1852 г., онъ такъ заболѣлъ, что близокъ былъ къ смерти. Въ это время ему было видѣніе (**), вслѣдствіе котораго духовникъ его предсказалъ ему недалекую смерть—черезъ годъ, и Святгорецъ съ сихъ поръ, дѣйствительно постоянно готовился къ смерти, одушевляясь вѣрою и надеждою, что онъ сподобится умереть на св. Аѳонѣ.

Между тѣмъ въ 1853 г. предъ началомъ мпнувшей войны, когда многіе изъ иноковъ уходили съ Аѳона отъ окружавшихъ смуть, рѣшился было и о. Серафимъ, съ сердечнымъ, сокрушеніемъ оставить на время свой безцѣнный Аѳонъ и возвратиться въ отечество. Три раза онъ собирался въ путь, и три раза братія провожала его, но парохоть, приходившій къ Аѳонской горѣ для принятія и сдачи пассажировъ и почты, останавливался то у Сѣверной, то у Южной пристани, и о. Серафимъ немогъ угадать на него и отправиться.

(*) Письмо съ Аѳона.

(**) Смот. Келейныя записки.

Въ послѣдній разъ даже было заказано пароходу пристать къ сѣверной пристани, и о. Серафимъ, съ провожавшею его братією, нарочно ночевалъ на этой пристани, чтобы неупустить ранняго прибытія и отбытія парохода, по случившаяся по утру буря заставила пароходъ пристать къ южной пристани, и Святогорець снова прождалъ напрасно: путь отъ одной пристани до другой лежалъ по горному хребту и былъ далекъ и труденъ, а пароходъ останавливался обыкновенно на самое короткое время. Такимъ образомъ о. Серафимъ не могъ отправиться и послѣ третьей неудачи въ предпріятіи, считая это явнымъ предупрежденіемъ со стороны Божіей Матери, умиленно возблагодарилъ Царицу небесную и со словомъ «Аминь», возвратился въ свою пустыню.

Вскорѣ затѣмъ—чрезъ полгода, о. Серафимъ заболѣлъ водяною болѣзнію, и послѣ новаго ему видѣнія слыша отъ духовника новое предсказаніе скорой смерти себѣ, ежечасно готовился къ смерти. Онъ велъ постоянную исповѣдь своей души, мыслей и желаній предъ своимъ духовникомъ и ежедневно пріобщался Св. Тѣлнъ Христовыхъ. Въ 1853 г. Декабря 17 дня достопамятнй Святогорець, іеромонахъ о. Серафимъ и схимонахъ пустынникъ Сергій, смиренно, и въ полномъ сознаніи простившись со всею братією, тихо и молчвенно предалъ Богу душу свою, оставивъ по себѣ на Афонѣ и отечествѣ прекрасную и самую благочестивую память. *Αἰώνια σοῦ μνήμη*

ВАШЕ СІЯТЕЛЬСТВО, (*)

КНЯЗЬ ПЛАТОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

И я со своей стороны привѣтствую васъ привѣтствіемъ св. церкви: «Христосъ воскрес!»—привѣтствуетъ васъ и о. Аникита, при гробѣ котораго, въ скиту св. Пророка Іліи, я былъ вчера, и которому поклонился отъ васъ съ желаніемъ ему райской славы и вѣчнаго блаженства. Миренъ совъ и сладокъ могильный покой вашего возлюбленнаго брата!... Въ невозмутимой тишинѣ гробоваго безмолвія, подъ сѣнію Божественнаго храма, о. Аникита отдыхаетъ отъ земныхъ своихъ трудовъ, послѣ смутъ и тревогъ страннической жизни, и никто и ничто уже не нарушитъ его могильнаго сна и не возмутитъ спокойствія его подвижническихъ костей! Средака повятыся иногда далекій пришлецъ православнаго Сѣвера, сложитъ при скромной его могилѣ свои паломническія мольбы, и съ грустнымъ чувствомъ оставитъ потомъ, и оставитъ на всегда — смертное жилище безсмертнаго князя—поэта и дивнаго подвижника нашего времени, — и опять гробовая тишина, и опять вѣчный покой для св. останковъ о. Аникиты!... Много, можетъ быть, протекло уже такимъ образомъ мимо его скромной могилы усердныхъ читателей и соотчичей его, болѣе и

(*) Сіѣшнимъ помѣстить здѣсь это письмо Святогорца къ покойному Министру Народнаго Просвѣщенія, П. А. Ширинскому-Шихматову, доставленное намъ предъ окончаніемъ уже печатанія настоящей книги.— Желательно, чтобъ и другія его письма и статьи, остающіяся у разныхъ лицъ, появились скорѣе въ печати, особенно предназначенныя къ тому самимъ Святогорцемъ. Изд.

того пронеслось иногда надъ нею молитвенныхъ вздоховъ къ Богу о покоѣ и блаженствѣ почившаго въ ней, но ни одна еще родственная слеза не пала на безжизненный прахъ его, и ни одинъ вздохъ братскаго сердца и тоскующей любви не подаренъ могилѣ и св. костямъ всѣми присными оставленнаго на страпѣ чужой — вашего брата о. Аникиты! Въ строгомъ уединеніи скитской пустыни почилъ онъ о Господѣ, а его братія и други, пламенно любившіе и любящіе его, далеко, далеко отсюда, и только чуждые ему пришлецы, отъ нихъ же есмь и азъ, — доносятъ ему родственныи привѣтъ отъ нихъ, проговаряютъ ему слово ихъ сердечнаго сочувствія къ его пустынному одиночеству, передадутъ ему поклонъ и желаніе нетлѣнныхъ вѣнцовъ райской славы, и оставляютъ снова сиротствующимъ одинокій гробъ его!... Когда же братское лобзаніе, когда же дружескій вздохъ и кровная слеза потревожатъ его безмолвныя кости и сладко возмутятъ его могильный покой? Богъ вѣсть!...

Вотъ мысли и чувства, которыя занимали меня, князь, при поклоненіи моемъ гробу о. Аникиты, и при засвидѣтельствovanіи ему вашей братской любви; которыя занимаютъ меня и теперь — при памяти незабвеннаго брата вашего, составляющаго честь и красоту нашего русскаго общества, въ чужломъ для насъ краю. И какъ мы рады, что Господь уложилъ его подвижническія кости не въ родственномъ и родовомъ склепѣ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ, а здѣсь на св. горѣ, — рады потому, что о. Аникита, въ своихъ мертвенныхъ останкахъ, остается залогомъ нашихъ лучшихъ дней и постоянной внимательности и сочувствія Россіи къ страдальческимъ судьбамъ нашей страннической жизни на священныхъ высотахъ плѣннаго Аѳона!

Скитъ св. Пророка Іліи, куда перенесены изъ Аѳонъ кости о. Аникиты, послѣ трехгодичнаго ихъ покоя тамъ въ могилѣ, — этотъ Русскій скитъ въ настоящее время очень хорошо устроенъ, во всѣхъ частяхъ своего внѣшняго расположенія и устройства выказываетъ строгій характеръ нашихъ русскіхъ обитателей, и при обзорѣнн невольно переноситъ

мысль и думы въ отдаленные края родственнаго сѣвера. Прѣжнихъ зданій скита и слѣдовъ уже нѣтъ; а этого, признаться, крайне жаль, потому—что въ здѣшнемъ скиту много бы можно сохранить для потомства самыхъ драгоценныхъ воспоминаній и предметовъ для его археологическихъ изысканій. Такъ, напр. здѣсь первоначально подвизался нашъ современникъ, о. Паисій Величковскій, знаменитый литературными трудами въ аскетическомъ родѣ; въ этомъ же скиту провелъ нѣсколько времени, даже въ той же самой кельи, гдѣ уединенно текли дни и годы старца Паисія, вашъ братъ—не мѣше, если не болѣе знаменитый—о. Апикита, и здѣсь же наконецъ имѣлъ ночлегъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, въ странствіе свое по св. горѣ, въ 1845 г., но ни той ни другой келій, такъ драгоценныхъ и близкихъ русскому сердцу, не сохранили и не поддержали для потомства скитяне. Теперь новыя зданія замѣнили прѣжнія, можно сказать, священныя, и это ни мало не трогаетъ сердца невнимательныхъ нашихъ соотчичей, любящихъ пустую внѣшность и хвалящихся памятниками своего строительства, выказывающаго болѣе укоризненный духъ и характеръ эгонзма, чѣмъ истинную заботливость о благосостояніи скита. Впрочемъ, при такомъ грустномъ предубѣжденіи моемъ противу здѣшнихъ скитянь, уничтожившихъ вконецъ драгоценныя памятники мнувшаго, меня очень порадовала надпись на западной стѣнѣ скита, которою обозначены годъ, мѣсяцъ и число ночлега Великаго Князя. По крайней мѣрѣ, стирая съ лица земли прѣжнія зданія, надобно бы было озаботиться съѣмкою ихъ вида, чтобъ о современной и предшествовавшей нашему времени архитектурѣ дать понятіе отдаленному потомству, которое, можетъ стать, будетъ внимательнѣе насъ къ произведеніямъ древняго міра. А то и наши Русскіе Аѳонцы пошли въ слѣдъ Грековъ и начинаютъ терять исторію своего собственнаго аскетическаго быта на св. горѣ. Что дѣлать?... При своей невнимательности ко всему изящному, мы неможемъ подарить Россію даже видами св. горы, которые были бы вѣрны и точны въ своихъ очертаніяхъ. Правда, наши сборщики милосты-

ни издавали и издають въ Россіи картины Аѳона — въ полномъ его объемѣ, но такъ не вѣрно, что было бы лучше, если бы они не брались за это дѣло. Даже отдѣльные виды Русика и Пророко-Ильинскаго скита такъ слабы, что съ грустнымъ чувствомъ надобно смѣжить глаза, чтобы невидѣть этой суздальской каррикатуры. Что дѣлать?...

Въ скитѣ св. Пророка Иліи сопутствовалъ мнѣ любимый и скромный послушникъ о. Аникиты, русскаго монастыря схимникъ Геронтій. Этотъ только Авва чаще всѣхъ навѣщаетъ одинокій гробъ вашего милаго брата; съ младенческимъ простосердечіемъ онъ рассказываетъ мнѣ, по временамъ, о разныхъ случайностяхъ жизни своего почившаго старца—о. Аникиты, и не рѣдко слеза дѣтской любви, тоскующей объ отшедшемъ въ вѣчность, наворачивается и дрожитъ на старческихъ ресницахъ добраго схимника. О. Геронтій сопутствовалъ вашему брату изъ Палестины въ Аѳонскую гору, прибылъ съ нимъ сюда и, нѣсколько времени оставаясь при немъ въ скиту, впоследствии, по отъѣздѣ о. Аникиты въ Аѳины, былъ назначенъ отъ него строителемъ Митрофаніева храма. Въ настоящее время Геронтій уединяется въ моей пустынѣ, ухаживаетъ за виноградомъ и чрезвычайно любитъ возиться съ фруктовыми деревьями; онъ мой сподвижникъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и пустынный поваръ. Въ память о. Аникиты, по сю пору остается у Геронтія клеѣпчатое пальто, защищавшее покойнаго, въ далекихъ странствіяхъ его, отъ Палестинской пыли и случайныхъ дождей. Съ благоговѣніемъ хранитъ Геронтій это наслѣдство и подарокъ своего старца, и бережетъ какъ зеницу своего схимническаго ока. Многіе у него просили, на память отца Аникиты, эту драгоценность, но скромный Геронтій ни за что въ свѣтѣ и никому нехочетъ ее уступить.—Геронтій—чудесный старецъ!...

Не помню, говорилъ ли я вамъ лично, какъ кости о. Аникиты оставались въ скиту въ самомъ небрежномъ положеніи. Дѣйствительно, мнѣ крайне было жаль и больно видѣть ихъ, въ прошедшій разъ, запыленными и при томъ въ простомъ лубяномъ ящикѣ. Тяжелое и грустное чувство давило мою съ-

тующую грудь, и странное непріятное впечатлѣніе производило на меня подобнаго рода небреженіе скитанъ къ благоухающимъ костямъ современнаго намъ аскага, дивнаго о. Аникиты; потому-то собственно въ одномъ изъ Аѳонскихъ моихъ писемъ я коснулся этого, желая возбудить тѣмъ въ каждомъ изъ русскихъ сердечное сочувствіе къ моимъ справедливымъ жалобамъ на невнимательность скитанъ къ почившему, а въ родныхъ его и друзейхъ чувство долга и обязанности — озаботиться, приличнымъ храненіемъ костей родственныхъ и близкихъ сердцу ихъ. Но теперь уже совсѣмъ не то. Близъ праваго клироса, въ стѣнѣ Митрофаніева храма, изсѣченъ скромный нишъ или гробъ, и тамъ-то мирно покоятся мертвенные останки вашего дивнаго брата. На лицевой мраморной плитѣ вырѣзана на греческомъ и русскомъ языкахъ надпись, объясняющая въ немногихъ строкахъ біографію его. Впрочемъ, при совершеніи мною молитвенной памяти надъ гробомъ о. Аникиты, опять таки я былъ непокоенъ.

«Почему жъ вы не сдѣлали никакого отверстія на гробъ о. Аникиты, для желающихъ видѣть и лобызать его подвижническіе кости?» спросилъ я настоятеля: «Не только родные князя, но и я и каждый изъ русскихъ, продолжалъ я, съ любовью и сердечнымъ утѣшеніемъ облобызалъ бы ихъ; а вы насъ лишили этого!... Прискорбно это; къ тому же на св. горѣ вѣковой обычай не скрывать братскихъ костей, а представлять ихъ каждому на видѣ въ назиданіе и въ память всеобщаго тлѣнія въ могильномъ мракѣ».

— «Кому будетъ угодно видѣть кости о. Аникиты, отвѣчалъ игумень, мы можемъ разломать стѣнку, а впослѣдствіи опять ее возобновимъ».

И толкуйте послѣ этого съ Аѳонцами, подумалъ я и въ глубокое размышленіе о таинственныхъ судьбахъ нашего загробнаго назначенія, оставилъ могильный затворъ вашего возлюбленнаго брата, разъ уже явившаго одному изъ здѣшнихъ подвижниковъ славу, которою осіявается онъ въ свѣтлости святыхъ и въ ликахъ ангельскаго міра. А какъ вы думаете, князь! я, вѣдь, васъ счастливѣе гораздо, потому что вы

лишены удовольствія видѣть и лобзать, съ чувствомъ братской любви, милыя вашему сердцу кости о. Анникиты, между тѣмъ я и пользовался уже полнымъ правомъ на это удовольствіе и, если захочу, буду пользоваться имъ во всякое время. Не такъ-ли?—О, конечно! Блаженъ и о. Анникита, что вмѣсто пространнаго пути свѣтской жизни, часто уклончивой отъ собственнаго креста своего, онъ избралъ тернистую стезю голгоевскихъ лишеній и скорби: если не здѣсь на земли, такъ теперь тамъ за гробомъ онъ вполне ужъ понялъ не оцѣненность и ангельское достоинство аскетическихъ подвиговъ. Имѣя въ виду современный образецъ истиннаго самоотверженія, и я теперь нехочу ни радостей, ни славы земной, ни дружбы, ни внимательности знаменитостей людскихъ, потому что всё это суета суетствій и всяческая суета. Наша пустыня, наша безвѣстность и ни чѣмъ не возмутимая тишина иноческой жизни дарятъ насъ, временемъ, чувствами истинно райскаго утѣшенія, ангельскаго мира и всѣмъ тѣмъ, что Господь нарекъ царствіемъ своимъ, скрытымъ въ нашемъ собственномъ сердцѣ, въ неукоризненной тишинѣ совѣсти и въ возможной непорочности духа.

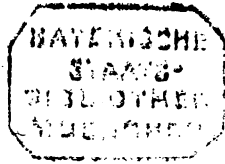
На св. гору я прибылъ благополучно 12 марта, и теперь, послѣ смутъ и тревоженій страннической моей жизни въ Россіи, сладко отдыхаю въ моей заоблачной пустынѣ — вблизи Русика. Отъ души признаюсь и по совѣсти скажу, что я счастливѣйшій изъ земнородныхъ, потому что, при лишеніяхъ плотскихъ и при посильныхъ трудахъ аскетичества, мое сердце покойно, тихая радость и чувство не земнаго утѣшенія — мой пустынный жребій... Ахъ, князь! Любите Бога: сладка любовь Господня!... Молитесь Ему: молитва возставитъ противу вашихъ собственныхъ страстей всѣ силы вашего духа, и духъ, при содѣйствіи и помощи свыше, подавитъ васъ всякое чувство и каждую мысль укоризненную, недостойную загробнаго предназначенія вашего, и поставитъ въ васъ выше мудрованій плотскихъ и условій и требованій грѣшнаго міра. Чтобъ легко пронестись по воздушнымъ высотамъ, сквозь несмѣтныя полчища адскихъ силъ, стрегущихъ путь нашего восхожденія

къ небу, надобно намъ, по замѣчанію св. отцовъ, здѣсь еще на земли сокрушить адъ и всю силу его силою молитвеннаго духа, и тогда-то уже, на крыльяхъ ангельской славы, въ младенческой простотѣ и непорочности сердца, мы свободно полетимъ къ небу, такъ что никто и ничто уже не преградить нашего загробнаго пути къ возлюбленному, къ нашему безпѣнному и пресладкому Иисусу, въ царствіи котораго насъ ждутъ уже, давно ждутъ — наши братія и друзья и всѣ милые и близкіе страдальческому нашему сердцу... Полетимъ же туда!... Но простите, что я забылся, и далеко и высоко странствую моею тоскующею мыслью и мечтами: отъ избытка сердца глаголютъ уста, а отъ свѣтлости и чистоты аскетическихъ думъ играетъ скромное перо. Прощайте!...

Поручая Васъ благодати Божіей и заступленію Царицы Небесной, имѣю честь быть съ чувствами моего сердечнаго уваженія и почтительности

Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга Святгорець І. Серафимъ.

1851 г. Апр. 24 дня св. гора
Аѳонская, Козьмодамиановская
пустыня, близъ Русика.

**НАПИСАННОЕ О СВЯТОГОРЦѢ И ЕГО «ПИСЬМАХЪ КЪ
ДРУЗЬЯМЪ СВОИМЪ О СВЯТОЙ ГОРѢ АЕОНСКОЙ.**

1. СЪВЕРНАЯ ПЧЕЛА, 1850 г. № 40.

Любителямъ легкаго, пріятнаго, увлекательнаго, и притомъ умилительнаго и поучительнаго чтенія, совѣтую прочесть «*Письма Святогорца о святой горѣ Аеонской*». Имя автора вамъ неизвѣстно, а знаемъ только, что онъ исполненъ истиннаго благочестія, глубокой преданности къ престолу и пламенной любви къ отечеству, и знаетъ хорошо русскую грамоту. Хотя послѣднее обстоятельство многіе почитаютъ ничтожнымъ, однакожъ самыя письма Святогорца показываютъ важность русской грамоты. Еслибъ прекрасныя мысли и чувства, рассказы и описанія мѣстностей, въ письмахъ Святогорца изложены были такимъ языкомъ, какимъ пишутъ нынѣ господа повѣствователи *натуральной школы*, то человѣкъ, одаренный изящнымъ вкусомъ, немогъ бы прочесть книгу, которую наслаждается теперь какъ лакомствомъ. Нашъ Святогорецъ отправился изъ Одессы въ Константинополь 30-го Сентября 1843 года, прибылъ на святую Аеонскую гору 10-го Октября, а оттуда отправился въ Палестину, на поклоненіе Гробу Господню, 1-го Сентября 1844 года; слѣдовательно онъ пробывъ на Аеонской горѣ ровно десять мѣсяцовъ, и имѣлъ время изучить всѣ обычаи этого единственнаго въ мірѣ мѣста, устраненнаго отъ всего свѣтскаго и житейскаго. На гористомъ клочкѣ земли, выдавшемся въ морѣ, пространствомъ въ восемьдесятъ верстъ въ одинъ конецъ, и въ двадцать верстъ въ другой (болѣе или менѣе), между неприступныхъ скалъ и пропастей, находятся 20 монастырей, 10 скитовъ, до 800 пустынныхъ келій и до

10,000 иноковъ, почти одною третью болѣе, нежели во всей Россіи (*). Всѣ живыя существа женскаго рода изгнаны изъ святаго обиталища, и на Аѳонской горѣ не производится молока и даже не высиживаются яйца. Нашъ Святогорецъ нашель убѣжище въ монастырѣ, въ которомъ обыкновенно поселяются Русскіе пришельцы, и потому монастырь прозванъ *Руссика*. Въ этомъ монастырѣ монашествуютъ не одни Русскіе, но вообще всѣ Славяне Православнаго Исповѣданія: Булгары, Сербы и т. п. Русскихъ было до 30-ти человекъ. Всѣхъ монаховъ въ Русикѣ до 200 человекъ, между которыми находится нѣсколько Грековъ и одинъ окрестившійся Еврей. Описаніе этого монастыря во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно любопытно. Можно полагать, что Русскіе начали посѣщать святую гору еще со временъ Великой Книгини Ольги. Весьма занимательны и поучительны жизнеописанія извѣстнѣйшихъ Русскихъ иноковъ, до вступленія ихъ въ монашество, и первое мѣсто между ними занимаютъ похождения схимника Макарія (въ мірѣ Михаила). Онъ родился въ Елисаветградѣ, въ 1772 году,—воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ (несказано въ которомъ), служилъ, разумѣется, въ военной службѣ, былъ въ походѣ въ Голландію (при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ), оттуда, неизвѣстно по какому случаю, переѣхалъ въ Шотландію, и тамъ, разбогатѣвъ случайно, не хотѣлъ болѣе служить, и, доставъ иностранный паспортъ, возвратился въ Петербургъ, а потомъ пріѣхалъ въ Екатеринославль, называясь вездѣ Нѣмцемъ. Но и этотъ талисманъ, т. е. нѣмецкое прозваніе, не спасъ его отъ заслуженнаго наказанія. Превжній товарищъ его, старинный кадетъ, уличилъ его въ самозванствѣ, и Михаилъ былъ посланъ въ линейные баталіоны, на Кубань, безъ выслуги. Въ одномъ разъѣздѣ Михаилъ взятъ былъ въ плѣнъ Черкесами, и достался въ рабство Князю Морадину, близъ Анапы. Не вытерпѣвъ тяжести рабства, Михаилъ бѣжалъ, но попался въ плѣнъ другимъ горцамъ, и его перепродали въ Лаузы. Варвары начали его терзать и мучить, чтобъ онъ отрекся отъ Христіанства, но Михаилъ выдержалъ пытки, и имѣлъ случай бѣ-

(*) По статистическимъ свѣдѣніямъ, въ Россіи около 7000 монашествующихъ.

жать и скрыться въ дѣкихъ горахъ Апатоліи. Тамъ скватни его Турки, и на Трапезундскомъ базарѣ продали Чурумскому Паишѣ. Нѣсколько разъ Михаилъ бѣгалъ, но наконецъ былъ пойманъ сыщиками послѣдняго своего господина, и до того замученъ пытками, что рѣшился принять магометанскую вѣру. Духъ уступилъ плоти. Укрѣпившись въ силахъ, Михаилъ снова бѣжалъ и попалъ въ Черноморскія поселенія. Но и тутъ же избѣгнулъ своей судьбы. Черноморцы, у которыхъ онъ находился, были раскольники Липованы, заклятые враги табаку и курильщиковъ, и, узнавъ, что Михаилъ тайно курить трубку, подстерегли его, и пойманъ на дѣлѣ рѣшились очистить землю отъ беззаконника, т. е. утопить въ Черномъ Морѣ. По счастью, въ это время прибыли къ Черноморцамъ Булгары за покупкою рыбы и икры. Они освободили его и увезли съ собою въ Константинополь. Михаилъ предпринялъ странническую жизнь, и наконецъ попалъ къ Запорожцамъ, бывшимъ въ Турецкомъ подданствѣ до окончанія послѣдней нашей войны съ Турціею, и зная хорошо Турецкій языкъ, принять Кошевыми въ драгоманы. Тутъ кончились всѣ страданія Михаила, и онъ зажилъ, какъ говоритъ нашъ Святогорецъ, по-павски; но совесть мучила его, и онъ отправился на Аѳонскую гору, покрывъ себя схимою, и съ 1826 года посвятилъ себя самому строгому покаянію. Почтенный нашъ Святогорецъ говоритъ, что на Аѳонской горѣ много такихъ Русскихъ, которыхъ жизнь, до вступленія въ монашество, представляетъ удивительныя случайности. Я сообщилъ въ нѣсколькихъ отрывистыхъ словахъ извѣстіе о Михаилѣ, въ схимничествѣ Макаріѣ, но въ письмахъ Святогорца жизнеописаніе его представлено въ подробности, въ самыхъ занимательныхъ формахъ. Это и романъ и драма! Святогорецъ описываетъ со всею подробностью жизнь отшельниковъ, всѣ обряды церковные, всѣ духовныя подвиги, предпринимаемые для спасенія души, — сообщаетъ древнія и новыя преданія святой горы Аѳонской, и живописно рисуетъ мѣстности. Разсказъ Святогорца увлекательный. Нельзя оторваться отъ книги.

По вѣжнымъ чувствамъ, изъявляемымъ нашимъ Святогорцемъ въ письмахъ его къ друзьямъ, можно догадываться, что онъ еще не отрекся отъ міра, а по намекамъ на побужденія къ странствію по святымъ мѣстамъ очевидно, что онъ еще

человѣкъ молодой. На стр. 260—261 почтенный Святгорецъ говорить: «Болятъ мое сердце отъ разлуки съ Аеономъ, томится мысль, и я теряю присутствіе духа; но дѣлать нечего, надобно кончить путешествіе, давно желаемое мною; время спѣшить въ Іерусалимъ, о которомъ любилъ я мечтать отъ дѣтскихъ дней моихъ, и даже въ лучшее, въ золотое время юности, — въ который такъ долго, такъ давно и такъ постоянно переносили меня и свѣтлая память библейскихъ событій, и краснорѣчивые рассказы Гг. Муравьева (Андрея Николаевича) и Иорова (Авраама Сергѣевича).»

Одно удивляетъ меня, какъ нашъ умный и свѣдущій Святгорецъ, описавъ столько монастырей, пропустилъ монастырь Эсфигменскій, можетъ быть, незначительный на Аеоноской горѣ, но чрезвычайно важный для Русскихъ, потому что здѣсь спасался Святый Антоній Печерскій, создавшій достославную Лавру Печерскую. Въ письмѣ изъ обители Эсфигменской, отъ 21 Августа 1849 г. (*), неизвѣстный сочинитель письма говорить, что эта обитель находится въ крайнемъ упадкѣ, и что вся надежда на игумена Агафангела, собирающаго въ Россіи подавнія на возобновленіе и устройство обители. Я имѣлъ случай познакомиться съ почтеннымъ отцемъ Агафангеломъ, находящимся нынѣ въ Петербургѣ, и узналъ отъ него слѣдующія подробности объ Эсфигменской обители.

Греческій Императоръ Маркіанъ (**) и Святая Царица Пульхерія были первыми основателями Эсфигменскаго монастыря, что на святой горѣ Аеоноской. Создавши монастырь, Святая Царица дала ему неоцѣненное сокровище — часть животворящаго древа креста Господня. Въ этой обители процвѣтали въ различныя времена многіе святые мужи. Въ ней первоначально также жилъ и подвизался Св. Антоній Печерскій, свѣтильникъ Земли Русской, основатель Киевопечерской обители. Монастырь Эсфигменскій находился постоянно подъ покровительствомъ какъ Греческихъ Императоровъ, такъ впоследствии и подъ

(*) См. сочиненіе «Творенія Св. Отцевъ,» въ русскомъ переводѣ, съ прибавленіями духовнаго содержанія, издаваемые при Московской Духовной Академіи. Годъ седьмой, кн. 4. 1849 г. стр. 659—672.

(**) Род. 391 по Р. Хр., скончался въ 457 г. Св. Царица Пульхерія род. въ 399, преставилась въ 453 году. Память ея празднуется 10 Сентября.

сѣнію Царей Русскихъ. Благочестивый Государь Михаилъ Оеодоровичъ царскою своею грамотою дозволилъ настоятелямъ этого монастыря прїѣзжать чрезъ четыре года въ Россію для сбора добровольныхъ подавій, при дарованіи различныхъ льготъ касательно ихъ путешествія. Царская сія грамота была возобновлена блаженной памяти Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ. Такимъ образомъ обитель долго пользовалась царскими милостями, но когда смуты и гоненія на Аеонскую гору не давали инокамъ возможности думать о дальнихъ путешествіяхъ, то и поѣздки ихъ въ Россію прекратились. Они заботились единственно о томъ, какъ бы сохранить то сокровище, которое ввѣрено было имъ Св. Царицею.

Наконецъ гоненія и смуты прекратились; иноки опять собрались въ опустошенный монастырь. Честное древо животворящаго креста Господня опять было внесено въ Эсфигменскую обитель; но о поѣздкахъ въ Россію невозможно было и думать: другія лица, другія времена, другія обстоятельства, и поѣздки эти остались въ памяти иноковъ только по преданію. Но не смотря на бѣдность монастыря, на его полуразвалившіеся стѣны, не представлявшія ни какихъ удобствъ для отшельниковъ, — строгое общежитіе, въ немъ содержащееся, болѣе же сокровище животворящаго креста Господня привлекали къ нему изъ всѣхъ странъ множество желающихъ мира и тишины.

Такъ продолжалось до 1845 года, когда гора Аеонская была осчастливлена прїѣздомъ Высокаго Путешественника, Сына Русскаго Государя. Великій Князь Константинъ Николаевичъ посѣтилъ обитель Эсфигменскую; Онъ не оставилъ также безъ вниманія скалы, въ которой находится пещера Преподобнаго Антонія, нѣмая свидѣтельница его трудовъ постническихъ. Надъ этою-то пещерою и воздвигается нынѣ церковь во имя Св. Антонія Печерскаго, и для этой потребности, равно какъ и для возобновленія самой обители Высочайше дозволено было архимандриту монастыря прїѣхать изъ столь дальней страны для сбора доброхотныхъ подавій.

Прошедшаго 1848 года, онъ и прїѣхалъ, взявъ съ собою животворящее древо креста Господня, пожертвованное въ монастырь святою его основательницею. По благословенію Святѣйшаго Синода дана была отцу архимандриту Агафангелу книга, съ которою онъ ходилъ и собиралъ пожертвованія. По

истеченіи срока, книга была имъ представлена въ Св. Синодъ, вмѣстѣ съ собранными деньгами, которыя доставятся въ Эсфигменскій монастырь чрезъ Русскую Константинопольскую Миссію....

Θ. Б.

II. СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА 1850 г. № 49.

Сочиненіе, о которомъ я говорилъ въ № 40 СѢВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ: «*Письма Святогорца къ друзьямъ своимъ о святой горахъ Авонской*», читается съ наслажденіемъ и быстро расходуется. Нашъ Святогорецъ въ письмахъ часто упоминаетъ о слѣпомъ Русскомъ странникѣ, и между прочимъ говоритъ, на стр. 3 и 4: «Дивенъ этотъ слѣпецъ Григорій, съ которымъ, послѣ встрѣчи въ Вяткѣ, встрѣтился я нечаянно въ Одессѣ, и съ тѣхъ поръ мы неразлучны. Онъ обѣщаетъ мнѣ передать, со временемъ, подробности своей жизни, свое одинокое путешествіе по святымъ мѣстамъ Русскимъ, и я, при случаѣ, сообщу вамъ его живые рассказы и изумительные опыты его терпѣнія и рѣшимости. Послѣ неоднократныхъ странствій по Сѣверу, почти по всѣмъ святымъ мѣстамъ Россіи, онъ наконецъ рѣшился странствовать (*) за границу и поклониться Гробу Господню. Есть люди, которые, смотря на его жалкое положеніе, на слѣпоту, съ изумленіемъ спрашиваютъ: «да что влечетъ его къ Святой Землѣ? Пусть бы онъ что видѣлъ, а то что за удовольствие и что за необходимость въ такомъ путешествіи!» На эти возраженія не мое дѣло отвѣчать. Если бы спросить объ этомъ самого слѣпца, онъ, вѣрно, нашелся бы въ отвѣтахъ, потому что языкъ его живъ; воображеніе отъ первыхъ впечатлѣній природы, когда онъ былъ еще съ глазами (онъ ослѣпъ на десятомъ году) чрезвычайно пылко; память самая счастливая, такъ что онъ для меня кажется болѣе удивительнымъ, нежели жалкимъ» и проч. Послѣ изложеннаго мною мнѣ-

(*) Онъ странствуетъ безъ проводника, и даже по городу ходитъ одинъ, руководствуясь слухомъ.

Θ. Б.

нія о сочиненіи: «*Письма Святогорца*» и проч., этотъ занимательный слѣпецъ, Григорій Ивановичъ Ширяевъ, родомъ Пермскъ, изъ простаго званія, явился ко мнѣ, и я вполне убѣдился въ истинѣ словъ Святогорца, что этотъ слѣпецъ человекъ *удивительный* и по чувству и поразуму. Онъ пришелъ ко мнѣ поблагодарить за похвальный отзывъ о сочиненіи друга его, Святогорца, сказавъ, что вся выручка отъ продажи этой книги предназначена въ пользу Русскаго монастыря (Руссика) — на святой горѣ Аѳонской. Благодарить за хорошій отзывъ о книгѣ друга, — это вѣрно обычай жителей святой горы Аѳонской. У насъ напротивъ, послѣ хорошаго отзыва о книгѣ или о чемъ бы то ни было, авторъ или властитель хваленаго поступаетъ въ число противниковъ хвалителя, для убѣжденія другихъ, что онъ не напрашивался на похвалу, но что дѣло такъ хорошо, что даже враги должны были похвалить. Это характеристика XIX вѣка! Сколько біографій написалъ я, въ теченіе двадцати осми лѣтъ, для увѣковѣченія памяти людей заслуженныхъ, полезныхъ отечеству, и разумѣется, что это стоило мнѣ труда и хлопотъ, — и только дважды имѣлъ утѣшеніе слышать изъявленіе благодарности отъ родственниковъ, а именно отъ дѣтей героя 1812 г., Графа Коновницына, и отъ супруги покойнаго А. И. Лорера. Вотъ почему изъявленіе благодарности слѣпцомъ, за похвалу прекрасному сочиненію его друга, удивило меня и порадовало. Мнѣ хотѣлось узнать нѣсколько подробностей объ авторѣ *Писемъ Святогорца къ друзьямъ своимъ о святой горѣ Аѳонской*, но слѣпецъ сказалъ мнѣ, что авторъ не желаетъ, чтобъ имя его было извѣстно публикѣ. Мнѣ позволено только объявить, что авторъ писемъ священникъ, уроженецъ Вятской губерніи; въ молодыхъ лѣтахъ, лишившись жены и ребенка, рѣшился онъ вступить въ монашество на святой горѣ Аѳонской. Автору теперь не болѣе тридцати лѣтъ отъ рожденія. На счетъ удивленія моего (см. № 40 Сѣверной Пчелы), что въ письмахъ Святогорца не помѣщено извѣстіе о монастырѣ Эсфигменскомъ, въ которомъ первоначально жилъ и подвизался Св. Антоній Печерскій, слѣпецъ сказалъ мнѣ, что описаніе этого монастыря находится во второй части, которая уже изготовлена къ изданію въ свѣтъ.

III. СЪВЕРНАЯ ПЧЕЛА 1850 г. № 156.

. . . . Не могу оторваться отъ присланной мнѣ точнымъ и вѣрнымъ, какъ Брекетовскіе часы, П. А. Ратьковымъ, второй части *Писемъ Святогорца къ друзьямъ своимъ о святой горѣ Аѳонской*. Характеръ этого сочиненія аскетическій, т. е. духовно-поучительный, съ историческими, этнографическими (нравоописательными) эпизодами. Авторъ рассказываетъ въ письмахъ къ друзьямъ видѣнное и слышанное, и сообщаетъ преданія о чудесахъ, совершившихся на св. горѣ Аѳонской, и о духовныхъ подвигахъ отшельниковъ. О пользѣ такого сочиненія почитаю даже излишнимъ говорить, а что касается до занимательности, то вторая часть еще занимательнѣе первой части, о которой я уже отзывался въ Пчелкѣ. Авторъ обладаетъ тѣмъ качествомъ, которое не изучается ни въ одной школѣ, но дается природою, — слогомъ. Это тоже, что прелѣсть рисунка и колоритъ въ живописцѣ. Есть писатели, которые пишутъ правильно, но скучно и вяло. Есть живописцы, которые рисуютъ фигуры и драпировку съ математическою вѣрностію, и въ колоритѣ придерживаются строго природы, а между тѣмъ картины ихъ сухи, безжизненны и не привлекаютъ взоровъ. Педанты критиковали слогъ Карамзина въ его литературныхъ произведеніяхъ, порицали портреты Кура и картину Шопена, Судъ Соломоновъ. Слогъ Святогорца естественный и увлекательный. Все, что онъ рассказываетъ, оживлено и одушевлено, и читатель видитъ и чувствуетъ вмѣстѣ съ авторомъ. Прочитавъ двѣ части писемъ Святогорца, могу сказать, что я былъ на Аѳонской горѣ, въ Палестинѣ, и присутствовалъ въ Иерусалимѣ при высокомъ торжествѣ Воскресенія Господня. Кто сильно чувствуетъ, у того поэзія невольно изливается изъ сердца. Умилительно выразилъ въ стихахъ чувства свои Святогорецъ; въ эпиграфѣ къ первому письму:

«Какъ сладки сердцу тѣ минуты,
 Какъ каждый мигъ неоцѣнимъ,
 Когда я мирно и безъ смуты,
 Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,

Въ предѣлахъ дивной Палестины,
 Мечталъ о родинѣ моей;
 Когда въ краяхъ святой чужбины
 Молился съ чувствомъ за друзей;
 Когда тамъ, въ скромный часъ молитвы,
 Я за Россію говорилъ,
 Чтобъ въ сладкій миръ и въ буряхъ битвы
 Всемощный Богъ ее хранилъ!

Святая Аѳонская гора — уголокъ Россіи. Между множествомъ иноковъ изъ всѣхъ православныхъ странъ, тамъ находится болѣе двухъ сотъ Русскихъ, изъ которыхъ значительное число живетъ въ уединенныхъ кельяхъ, а другіе помѣщаются въ монастырѣ. Въ Русскомъ монастырѣ или Русикѣ, находится до пятидесяти Русскихъ иноковъ. Въ концѣ 1846 года въ Русикѣ освященъ новыи храмъ во имя Святителя Христова Митрофана, перваго Воронежскаго Епископа. Постройка храма тянулась медленно, понедостатку средствъ; наконецъ прибывшій на поклоненіе на святую Аѳонскую гору С.-Петербургскій купецъ Семенъ Максимовичъ Комаровъ устроилъ богатый иконостасъ, и снабдилъ храмъ утварью, вскорѣ самъ постригся въ монахи, и потомъ принялъ схиму. Истинные Русскіе никогда не измѣняются въ чувствахъ высокой любви своей къ благодѣтельствуящему Россіи Царскому Роду, и Святогорецъ живо описалъ радость всѣхъ Русскихъ, когда, послѣ осмичасоваго бдѣнія въ храмѣ, они торжественно провозглашали многолѣтіе Государю Императору и Августѣйшей Его Фамиліи.

Не могу говорить болѣе объ этой увлекательной книгѣ, потому-что еще не дочиталъ ея, и сказалъ только предварительно нѣсколько словъ, слѣдуя первому внушенію. Книга издана извѣстнымъ уже моимъ читателямъ слѣпцомъ Григоріемъ Ширяевымъ «для уплаты долговъ Русскаго Пантелеймоновскаго монастыря, на святой горѣ Аѳонской». Слепецъ Григорій удивительный и необыкновенный челоѣкъ, въ полномъ смыслѣ сихъ словъ, по рѣдкимъ качествамъ души и разума, и я познаю съ нимъ покороче моихъ читателей, въ будущихъ листахъ Пчелы. Между тѣмъ совѣтую всѣмъ добрымъ Русскимъ людямъ приобрести Письма Святогорца, потому-что это сочиненіе вполне заслуживаетъ вниманія и по содержанію, и

по изложенію, и по цѣдѣ, съ которою оно издано въ свѣтъ. Послѣ этого не могу ни о чемъ болѣе говорить. Съ высоты святой Аѳонской горы нельзя смотрѣть на землю. Все кажется мелко!...

IV. С. Петербургскія Вѣдомости 1850 г. № 63.

Письма Святогорца къ друзьямъ своимъ о св. горѣ Аѳонской.

Давно не читали мы такой любопытной книги, какъ эти «Письма Святогорца». Предметъ ея—описаніе святыхъ обителей и убѣжищъ отшельниковъ на горѣ Аѳонской, — предметъ чрезвычайно занимательный для всѣхъ христіанъ, но до сихъ поръ мало извѣстный, и потому еще больше любопытный, даже совершенно новый для многихъ читателей. Что мы знали до сихъ поръ о горѣ Аѳонской и святыхъ ея убѣжищахъ? Очень немногое, изъ мимоходныхъ извѣстій рѣдкихъ посѣтителей этого любопытнаго мѣста, не изучавшихъ предмета, и отъ того иногда невѣрныхъ повѣствователей, какъ доказываетъ почтенный Святогорецъ. Старинныя свѣдѣнія объ Аѳонскихъ обителяхъ не представляли живой картины настоящаго. Иностранные писатели не могли пособить въ этомъ случаѣ, потому что они почти никогда не любопытствовали узнать отдаленнаго и чуждаго имъ хранилища святыхъ преданій; а мы ужъ какъ-то привыкли получать свѣдѣнія даже о самихъ себѣ отъ чужеземныхъ писателей. Наконецъ, рѣшиться на трудный подвигъ посѣтить Аѳонскую гору, прожить тамъ довольно долго, изучить ея достопамятности и описать ихъ съ одушевленіемъ и христіанскимъ умиленіемъ—могъ только православный Русскій, приготовленный къ своему подвигу жизнію и ученіемъ, христіанинъ и писатель,—словомъ, такой писатель, какимъ является въ книгѣ своей авторъ «Писемъ Святогорца.» Отъ того сочиненіе его не просто занимательно, но увлекательно для всякаго читателя.

Изъ намековъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ книги, видимъ, что авторъ ея принадлежитъ къ духовному званію,

что онъ урженецъ Ватскій, и человекъ, должно быть, еще молодой. Въ Сѣверной Пчелѣ прибавлено къ этимъ извѣстіямъ, что онъ священникъ, который, лишившись жены и ребенка, рѣшился вступить въ монашество на святой горѣ Аѳонской. Впрочемъ, онъ говоритъ очень мало о себѣ, и, сообщивъ краткія подробности о своемъ перѣздѣ изъ Одессы — черезъ Константинополь — на Аѳонъ, посвящаетъ описанію его всю первую часть своихъ писемъ, упоминая только въ послѣднихъ объ отъздѣ своемъ оттуда въ Іерусалимъ. Сердечно желаемъ, чтобы онъ не лишилъ Русской публики описанія и остальнаго своего путешествія. Оно должно быть столько же занимательно, какъ и первая часть, посвященная описанію Аѳонской горы. Мы сообщимъ нѣсколько свѣдѣній о ней, заимствуемыхъ нами изъ книги Святогорца.

Святая гора Аѳонская можетъ, съ одной стороны, называться и называется полуостровомъ, потому-что выдаваясь съ трехъ сторонъ въ свѣтлыя воды Архипелага, съ сѣверо-запада хотя и соединяется съ материкомъ Македоніи незначительнымъ перешейкомъ, но и тотъ перерѣзанъ Ксерксомъ, который, начиная войну съ Греками, отдѣлилъ св. гору отъ материка каналомъ, для удобнаго сообщенія флота отъ залива Монте-Санто съ Контессо. Пространство св. горы полагаютъ въ длину до 80, а въ поперечникъ до 20 верстъ; въ иныхъ мѣстахъ больше или меньше. Высота самой главной горы, вѣщающей южную оконечность, простирается до двухъ верстъ слишкомъ въ отвѣсѣ, отъ чего при наступленіи зимы на горныхъ вершинахъ бываетъ снѣгъ, а ниже еще наслаждаются благоуханнымъ воздухомъ. Вообще климатъ тамъ южный, здоровый, измѣняющійся только въ нѣкоторыхъ необыкновенныхъ мѣстностяхъ.

Гора Аѳонская была знаменита и въ древности. Тамъ поклонялись Аполлону, тамъ бывали торжества языческія, и одаренные живымъ воображеніемъ древніе Греки хотѣли даже изсѣчь изъ главной горы исполнскую статую, въ честь Александра Македонскаго. Когда возсіалъ свѣтъ Христа Спасителя, Пресвятая Богоматерь приняла святую гору подъ свое покровительство, и донинѣ почитается особою Заступницею тамошнихъ мѣстъ и обитателей. Святогорецъ рассказываетъ объ этомъ любопытныя мѣстныя преданія.

Здѣсь заимствуемъ собственныя слова Святогорца:

«Первый изъ пустынножителей Аѳона былъ св. Петръ, избразасмый съ предлинною, до земли, бородою. Пещера, гдѣ онъ спасался, и теперь существуетъ въ неизмѣнномъ своемъ видѣ. Послѣ него Аѳонская гора представляетъ уже собою какъ бы рай, въ которомъ плоды дѣятельной ангельской жизни и проявленія силъ и даровъ благодати въ безчисленныхъ подвижникахъ—обратили на св. гору особенное вниманіе православнаго міра, такъ что во время всеобщаго потрясенія умовъ ересями, и въ эпоху жалкаго отпаденія Западной Церкви отъ Восточной, Аѳонская гора оставалась единственнымъ оплотомъ, на которомъ твердо и незыблемо утверждалась чистота Вѣры и Православія, за что впрочемъ и она прошла тяжелый искусъ, и поплатилась страдальческою кровію истинныхъ своихъ подвижниковъ и погибелью слабыхъ и легковѣрныхъ, о чемъ я вамъ напомнимъ современемъ. Если бы писать исторію Аѳонской горы, а не простыя дружескія письма, я провелъ бы васъ, друзья мои, чрезъ длинный рядъ вѣковыхъ событій, въ которыхъ вы сами могли бы видѣть, что значила и что значитъ Аѳонская гора въ христіанскомъ мірѣ, и по отношенію къ Церкви, и по отношенію къ политическимъ переворотамъ нынѣ сокрушеннаго Востока. Довольно замѣтить, что въ самое грозное для всего Востока время, время паденія Греціи, св. горѣ Аѳонской было и остается легче, чѣмъ Іерусалиму и Византіи. И даже нынѣ ничего неутратила она изъ своихъ безцѣнныхъ сокровищъ — изъ чистоты вѣры и обрядовъ, изъ духа истинной подвижнической жизни, изъ церковнаго благолѣпія; она только бѣднѣе теперь, и подъ постыльнымъ *харачемъ* (данью или оброкомъ); но звѣрскій фанатизмъ ислама далекъ отъ ея святынь, такъ что онѣ неприкосновенны для него, недоступны, и почти недоступнѣе ихъ Софіи и Омаровской мечети въ Іерусалимѣ.

Надобно впрочемъ признать, что въ древности св. гора имѣла гораздо болѣе населенности иноческой, чѣмъ нынѣ, и была богаче числомъ обителей, которыхъ насчитывалось въ X вѣкѣ до 180; но при этомъ слѣдуетъ взять во вниманіе и упадокъ нравственнаго чувства въ народѣ Греческомъ, и разсѣяніе, и тысячи тысячъ Грековъ, падшихъ подъ мечемъ и свинцовымъ игомъ Оттоманскаго ижувѣрства. Нынѣ на св. горѣ

существуетъ 20 монастырей, 10 скиговъ и до 800 пустынныхъ келій. Населенность иноческая простирается въ настоящее время до 10,000 иноковъ, тогда какъ въ древности она восходила иногда до 50,000!... И теперь на св. горѣ монашествующихъ болѣе, нежели во всей Россіи, потому что въ Россіи ихъ полагается до 7,000 обоюго пола.

Но при такомъ значительномъ уменьшеніи и обителей и монашествующихъ на св. горѣ, современный духъ ея подвижничества остается въ неизмѣнной силѣ, въ такой же точно, какую мы видимъ въ первыхъ подвижникахъ христіанства.

Описаніе множества чудесныхъ событій, удивительныхъ примѣровъ постничества, самоотверженія, силы вѣры, наполняетъ книгу почтеннаго Святогорца, которая имѣетъ важное достоинство разказовъ очевидца. Никакое воображеніе не можетъ представить себѣ тѣхъ лишеній, той добровольной бѣдности и трудовъ, какіе нагалаютъ на себя Аѳонскіе иноки. Вся жизнь ихъ проходитъ въ молитвенномъ трудѣ, и только малую частію въ работахъ, необходимыхъ для пропитанія. Въ пищу не употребляютъ они даже молока — не потому, чтобы молочное было воспрещено уставами, но потому, что не только женщины, но и животныя женскаго рода не имѣютъ входа на св. гору. Даже итицы живутъ тамъ безъ самокъ. Любопытныя сказанія объ этомъ можно прочесть въ самой книгѣ.

Для Русскихъ читателей особенно занимательны извѣстія о Русскомъ монастырѣ, съ незапамятныхъ временъ существующемъ на Аѳонской горѣ. Авторъ «писемъ Святогорца» относитъ начало его ко временамъ волверенія христіанства въ Россіи, описываетъ разныя измѣненія въ состояніи его, возвышеніе, упадокъ и разныя дѣйствія, какими подвергалась эта Русская обитель, поддерживаемая покровительствомъ Божиимъ.

«Бравныя смуты 1821 года имѣли тяжелое и грустное вліяніе на судьбы св. горы, а съ нею вмѣстѣ и Русскаго монастыря. По подозрѣніямъ Порты, будто бы въ тайныхъ сношеніяхъ съ Россіею, Князь Каллимахъ (возстановитель Русскаго монастыря, бывшій Валахскій Господарь) страдальческимъ путемъ пошелъ къ Богу, во слѣдъ св. Патріарха вселенскаго Григорія. Князя вытребовали изъ Валахіи въ Константинополь, гдѣ онъ и былъ убитъ Турками. Съ той поры Русскій монастырь рѣшительно потерялъ всякую надежду на пособія человѣческія;

не доконченныя его постройки требовали значительныхъ суммъ; продовольствіа жизненныя, расхищенныя въ смуты масліемъ Турецкаго Правительства, чувствительно истощались, и, пока еще можно было, занимая у людей, болѣе внимательныхъ къ нуждамъ бѣдствующихъ, съ платою высокихъ процентовъ, монастырь вошелъ въ огромныя долги, простирающіеся и въ настоящее время до нѣсколькихъ тысячъ рублей. Это до такой степени унизило его въ виду св. горы, что было опубликовано вслухъ всего Святогорскаго общества, что ежели кто повѣритъ заимообразно Русскому монастырю 25 левовъ (5 рублей), и послѣ не будетъ возможности получить съ него, — святогорское правительство не обязывается принимать жалобъ подобнаго рода, по публичномъ оглашеніи упадка, крайней бѣдности и совершенной несостоятельности Русскаго монастыря. Въ это критическое время страдающіе иноки, въ конечномъ истощеніи жизненныхъ продовольствій, были вынуждены, перемалывая бобъ, изъ него печь хлѣбы, и тѣмъ удовлетворять существеннымъ требованіямъ жизни. Положеніе невѣроятное, но, къ сожалѣнію, статочное, и оно тѣмъ вѣрнѣе оправдывается, чѣмъ добросовѣстнѣ станемъ входить въ разбирательство самыхъ тяжелыхъ для Русскаго монастыря слѣдствій послѣдней войны порты съ Россією, потому что въ эту смуту вся св. гора была занята Турецкими войсками. На равнѣ съ прочими, если еще меньше, и Русскій монастырь былъ расхищенъ; его земли были отобраны, и нѣкоторые изъ старцевъ, желая лучше умереть тамъ, гдѣ отложены власы и даны обѣты умереть безъ выхода, нежели бѣжать съ прочими на безопасныя далекіе острова, жестоко были или перебиты по патамъ, или измучены работами. Изъ числа такихъ страдальцевъ и теперь еще нѣкоторые живы, только остаются въ изувѣченномъ и болѣзненномъ положеніи. — Отъ 1820 года, почти въ 12-тъ лѣтъ, монастырь Русскій оставался на произволъ испытующаго промысла, безъ братства. Только послѣдній миръ Россіи съ Турцією доставилъ разсыпаннойся братіи возможность собраться въ своемъ свѣщенномъ пріютѣ, отдышаться свободою и безмятежіемъ иноческой жизни, и даже снова покоить въ немъ, съ 1839 года, до тридцати, если не болѣе, Русскихъ иноковъ. Въ настоящее время число всего братства возходитъ до 200 членовъ, между которыми есть часть Грековъ, Болгаръ, Сербовъ, Молдаванъ, и однихъ

изъ окрестившихся Евреевъ. Не подумайте при этомъ, что разноплеменность и многоязычіе братства могутъ нарушить единство духа и спокойствіе жизни: напротивъ! Имѣя въ виду одну загробную цѣль, одно желаніе и настроенность духа, мы всѣ — едино стали, подѣ предстоятельствомъ нашего скромнаго и опытнаго пастыря геронты.

«Впрочемъ, настоящій желанный миръ дорого стоилъ Русскому монастырю, и, кажется, не прежде дарованъ свыше, какъ по горькомъ опытѣ искушенія, постигшаго въ немъ блаженной памяти Князя Ш****, въ иночествѣ іеромонаха А*** Вы едва ли знаете и читали біографію этого знаменитаго инока, отложившаго всѣ заслуженныя имъ почести, славу рода и громкость имени Русскаго Князя, и смѣнявшаго крестъ, стоявшій патріотической груди его многихъ трудностей службы Царю и отечеству, на сокровенный и свинцовый, но безцѣнный крестъ иноческаго самоотверженія (стр. 58)» Авторъ сообщаетъ далѣе трогательныя подробности о подвигахъ этого достопамятнаго мужа — нѣкогда и отличнаго Русскаго поэта! — изумлявшаго своимъ подвижничествомъ даже Аѳонскихъ отшельниковъ, и скончавшагося въ качествѣ іеромонаха при Русской миссіи въ Аѳинахъ.

Въ монастырѣ Русскомъ на Аѳонѣ, Русикѣ, неизмѣнно наблюдается въ молитвенныхъ бдѣніяхъ слѣдующій порядокъ: ночь исключительно посвящается молитвѣ, и только четыре часа удѣляется отъ нея для покоя, послѣ утомительныхъ трудовъ дневнаго послушанія. Въ полночь производится звонъ въ средній колоколъ на келейное правило, заключающее въ себѣ 1200 поясныхъ, а если нѣтъ праздника или субботы и поіелея, то сто и земныхъ поклоновъ, съ молитвою къ Богу, Всепѣтой Богородицѣ, а частію и ко св. Ангелу Хранителю. Въ часть за полночь стучать въ току, т. е. въ деревянную доску, на утренню, Впрочемъ только зимою и въ осень: лѣтомъ, по краткости ночей, утрення начинается за часть до полночи, и самое келейное правило совершается тогда послѣ обѣда. «Утрення прдолжается у насъ въ будни часа четыре, а у Грековъ и пять, если не болѣе,» говоритъ намъ Русскій Святогорецъ. «Но бдѣнія прдолжаются иногда 10, 12 и 14, и ничуть не менѣе 8 часовъ. Возможное ли дѣло — безъ роздыха столько времени пребыть въ церкви, на молитвѣ? спросите вы. Неоспо-

римо трудное дѣло, но, только съ нашей стороны, а не стороны Благодати Божіей, сила которой совершается въ немощи (стр. 83.)». «Какъ вы думаете, долголи поется у насъ первый псаломъ: *Благослови, душе моя, Господа?* Частъ съ четвертью!.. Изъ этого вы можете видѣть, каково должно быть наше бдѣніе, если такъ долго тянется пустынночестки — скромное пѣніе перваго только псалма... «Это невыносимо! Это истинно лишнее! завопите, слушая о такихъ подвигахъ нашей жизни. Разумѣется, невыносимо для меня съ вами, какъ для немощныхъ духомъ; но здѣсь цѣлыя тысячи изможденныхъ иноковъ легко и съ удовольствіемъ выносятъ всеощныя бдѣнія, и скачуютъ, если когда, вмѣсто ихъ, назначается на нѣкоторые изъ воскресныхъ дней обыкновенное славословіе (стр. 86)».

Въ такихъ-то подвигахъ духовной жизни проходятъ дни и годы Афонскихъ отшельниковъ, вполне отрехшихся отъ міра, но еще жалѣющихъ о слабости своей молитвы! Ихъ удивительное смиреніе, ихъ дивное забвеніе всѣхъ плотскихъ наслажденій — невольно переносятъ ко временамъ первоботныхъ, полныхъ вѣрою христіанъ, которые въ наше время сами кажутся чудомъ христіанской святости, и которые достойны были чудесъ, ниспосылавшихся имъ Богомъ. «Письма Святогорца» доказываютъ утѣшительную истину, что христіанство и чистое православіе никогда не погибали и не погибнутъ, и надобно только обратиться къ живому примѣру св. горы, чтобы понять всю силу этой истины. Да, мы увѣрены, что «Письма Святогорца» произведутъ благотѣльный толчокъ для многихъ дремлющихъ духомъ. А что эти «Письма» будутъ имѣть читателей ми весь православный міръ, въ томъ убѣждаетъ насъ высокая занимательность ихъ и одушевленіе, съ какимъ написана вся книга. Изъ приведенныхъ нами выписокъ читатели могутъ видѣть, что изложеніе ея отличается, кромѣ того, правильнымъ легкимъ языкомъ, показывающимъ въ авторѣ «Писемъ Святогорца» образованнаго писателя.

К. П.

V. Вѣдомости Московской Городской Полици 1850 г.

№№ 85 и 97.

Письма Святоторца къ друзьямъ своимъ о святой горѣ Аѳонской. Часть первая С. П. Б. 1850 г.

Письма Святоторца, о которыхъ мы до сихъ поръ слышали только прекрасные отзывы Сѣверной Пчелы (№ 40 и 49) и С. Петербургскихъ Вѣдомостей (№ 63), наконецъ дошли и до насъ; мы прочли ихъ и читаемъ съ истинно-христіанскимъ наслажденіемъ и съ чувствомъ особеннаго уваженія къ св. горѣ Аѳонской, которая составляетъ самый любопытный и занимательный предметъ всей почти книги. Искренно сознаемся, что, до настоящаго времени, мы ничего еще подобнаго не читывали, и даже не слышали о святой горѣ, объ этомъ замѣчательномъ мѣстѣ, гдѣ, по словамъ Святоторца, въ глубокомъ уединеніи и въ отдаленіи отъ міра, пребываютъ въ строгихъ подвигахъ самоотверженія до 10,000 иноковъ. Правда, многіе изъ нашихъ соотечественниковъ, страствуя въ Иерусалимѣ, ко Гробу Господню, посѣщали и посѣщаютъ Аѳонъ; но ихъ рассказы такъ неудовлетворительны и слабы, что мы почти ничего вѣрнаго не могли отъ нихъ зачать; а потому и знали св. гору Аѳонскую не болѣе, какъ только по одному имени. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли и было ли хоть одно изъ современныхъ о ней сказаній удовлетворительное во всѣхъ отношеніяхъ, проникнутое духомъ вѣры и теплотою сердечнаго убѣжденія? Все, что имъ писали доселѣ наши Русскіе путешественники о св. горѣ, исключая г. Барскаго, или во многихъ случаяхъ не вѣрно, какъ замѣчаетъ и самъ Святоторецъ, или и вѣрно, но слабо,—и это потому, что никому изъ гг. паломниковъ не приходило на мысль,—посвятить себя на долгое время Аѳонской жизни для того, чтобы изучить ея характеръ, лично убѣдиться въ ея современномъ достоинствѣ очевидными опытами, слѣдить за ними съ строгою внимательностію, подслушать древнія и новыя преданія тамошняго края и передать все это безъ преувеличенія, въ духѣ сообразномъ съ нашею церковію. На подобный подвигъ могъ рѣшиться только человѣкъ, живо и глубоко проникнутый чувствомъ аскетической важности, по

отношенію къ Богу и къ міру, притомъ человѣкъ съ изящнымъ вкусомъ и образованностію. И труженникъ въ такомъ родѣ явился, въ наше время, нѣкто погъ именемъ Святогорца, который и подарилъ публику своими письмами о св. горѣ Аeonской, — письмами, полными истиннаго вдохновенія, религиозной занимательности и глубокаго чувства. Слогъ Святогорца чистый, легкій, со всѣми условіями современнаго вкуса, такъ-что письма его увлекаютъ, и для всѣхъ сословіи, для каждаго пола и возраста могутъ доставить истинное наслажденіе, трогательное убѣжденіе къ возрожденію духа отъ жизни земной и суетной къ жизни новой, небесной, къ благодатнымъ чувствамъ умиленія и увѣренности въ любви, въ благодати Божіей и въ неистощимости чудесныхъ силъ нашего Бога и въ настоящее время. Тогда какъ, при всеобщемъ стремленіи къ суетѣ мірской и къ удовольствіямъ плоти, мы привыкли думать, что и жизнь иноческая ничего не имѣетъ отличительнаго отъ нашей, обыкновенной, Святогорець выставляетъ намъ на видѣ, какъ очевидецъ, изумительные образцы самоотверженія и непоколебимой твердости въ ношеніи страдальческаго креста иноками св. горы. По изложеніи историческихъ свѣдѣній о древнемъ Аeonѣ, Святогорець говоритъ, что, въ настоящее время, хотя число обитателей на немъ и населенность иноческая уменьшились; но современный духъ подвижничества остается въ неизмѣнной силѣ, въ такой же точно, какую мы видимъ въ первыхъ подвижникахъ христіанства. Для примѣра онъ рассказываетъ слѣдующій случай: «въ одной пустынѣ жили два отшельника; одинъ изъ нихъ былъ помоложе другаго, и считалъ себя ученикомъ старшаго. Однажды ученикъ, мѣшая въ печи уголье, какъ-то сронилъ съ дровка желѣзную кочергу. Ахъ, отче, согрѣшилъ я! воскликнулъ тревожно ученикъ: кочерга свалилась, и остается въ огнѣ! Подѣзай и достань, повелительно сказалъ старшій; и тотъ, ни мало не медля, перекрестился, подѣзъ въ печь, досталъ кочергу и нисколько не пострадалъ отъ обхватившаго его пламени.» Такова сила истиннаго послушанія! замѣчаетъ Святогорець, и прибавляетъ: «мнѣ показывали одного изъ этихъ пустынниковъ, старшаго.»

Потомъ Святогорець продолжаетъ: «есть здѣсь и новыя мученики, проливающіе кровь свою за Господа Иисуса. Таковы были, назадъ тому 20 лѣтъ, четыре инока, изъ которыхъ,

впрочемъ, одинъ отпалъ и погибъ. Мощи трехъ остальныхъ находятся на св. горѣ у бывшего духовнаго ихъ старца. Вотъ что рассказываютъ объ нихъ: они были христіане, но, находясь въ дѣтствѣ у турокъ въ услуженіи, были увлечены ими въ магометанство. Впослѣдствіи, узнавъ опасность своего положенія, они обратились къ покаянію, и чтобъ удобнѣе и лучше и скорѣе умилоствитъ оставленнаго ими Господа, они удалились на св. гору и прилѣпились къ одному духовному старцу, прося его совѣтовъ, что имъ дѣлать, и что начать. «Молитесь и плакать!—кратко отвѣчалъ старецъ;—если грѣхи всего міра не превышаютъ заслугъ нашего Господа, продолжалъ онъ,—то ваши, конечно, не такъ тяжелы, чтобы не могъ ихъ взять на Себя *Носящій всяческая глаголомъ силы Своея*. Молитесь и плачьте; спасеніе ваше несомнѣнно. Я ручаюсь!—прибавилъ съ трогательною увѣренностію духовникъ.—Но мы желаемъ умереть, и не иначе, какъ своею собственною кровью запечатлѣть наше покаяніе и исповѣданіе вѣры,—отвѣчали кающіеся.—Хорошо это,—замѣтилъ старецъ,—но столько ли вы сильны въ духъ и крѣпки въ вѣрѣ, чтобы вынести всѣ пытки, всѣ ужасы казней и самую смерть?... Лучше плачьте и молитесь; кровь и смерть Богочеловѣка безцѣннѣе и удовлетворительнѣе всѣхъ жертвъ,—слѣдовательно, и самой вашей крови, жизни и страдальческой смерти.» Долго убѣждалъ старецъ кающихся; но, видя ихъ неуступчивость и непремѣнное желаніе страдать за Христа, наконецъ сказалъ: «буди по вашему!—умирайте за свое отступничество; только не впадите въ горшай. Я бы не совѣтовалъ рѣшаться на страдальческой подвигъ: онъ великъ предъ Богомъ, и выносите только тѣми, которыхъ самъ Богъ ищетъ и вызываетъ на него; а вы идете по собственному своему произволу. Впрочемъ да будетъ воля Господня!» Послѣ всѣхъ напрасныхъ съ своей стороны убѣженій, старецъ уступилъ пламенному желанію кающихся отступниковъ. Чтобы достойно приготовить ихъ къ страдальческому вѣнцу, имъ назначены были отдѣльные затворы, въ которыхъ они провели шесть недѣль въ постѣ и молитвѣ. Въ теченіе этого времени и самъ старецъ, и нѣкоторые изъ высшихъ подвижниковъ Аѳона, не преставали за нихъ и для нихъ просить помощи свыше. Когда кончился затворъ, кающіеся приняли св. схиму и приобщались Св. Таинъ Хри-

стовыхъ. Самъ старецъ поплылъ съ ними въ Константинополь, для услажденія сердець ихъ въ страдальческомъ подвигѣ. По прївѣдѣ туда, всѣ четверо одѣлись въ Турецкое платье различнымъ образомъ, явились во дворець и просили тайнаго свиданія съ Султаномъ, завѣря придворныхъ, что они имѣютъ къ нему очень важное доведеніе. Немедленно было о нихъ доложено, и Султанъ захотѣлъ ихъ видѣть. Ставъ предъ нимъ, новые исповѣдники имени Христова сказали такъ чрезъ своего старшаго брата: «Государы! мы къ тебѣ съ жалобою; выслушай и разсуди наше дѣло!»

«Продавцы предложили намъ драгоценный камень, завѣря насъ, что онъ не поддѣланный, но чисто драгоценный; по неопытности мы плѣнились его наружнымъ блескомъ, сочли за дѣйствительный и рѣшились купить. Дорого, слишкомъ дорого, государь, мы заплатили за него; между тѣмъ впослѣдствіи оказалось, что этотъ камень поддѣльный и совершенно ничтожный, который не стоитъ ничего болѣе, какъ только кинуть его въ грязь. Какъ ты думаешь объ обманщикахъ? — спросили наконецъ всѣ четверо Султана. — Не понимая тайны, Султанъ обвинилъ обманщиковъ, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на предстоящихъ ему клеветовъ своихъ....»

«Ты правъ, государь! — началъ тогда снова говорить тотъ-же исповѣдникъ; — обманщики—Турки и вашъ ложный Магометъ.... да будетъ онъ проклятъ! — Съ этимъ словомъ всѣ четверо сбросили съ себя Турецкія чалмы и попирали ихъ ногами, а потомъ и магометанское платье, которымъ были одѣты для удобнаго входа во дворець. — Но дослушай терпѣливо, государь, — продолжалъ старшій исповѣдникъ: въ дѣтствѣ насъ обольстили Турки величіемъ Магомета и увлекли насъ вслѣдъ его: мы отреклись истиннаго Бога Иисуса Христа, и прильзились къ вашему пророку. Но заблужденіе наше, по милости Божіей, намъ открылось, и мы отрекаемся теперь торжественно нашего лжепророка Магомета, и исповѣдуемъ единаго истиннаго Бога Иисуса Христа. Теперь твоя воля: дѣлай съ нами, что хочешь; мы на все готовы, на самую смерть, если тебѣ угодно.» Удивленный такою смѣлостію, и избѣшен- ный дерзостію этихъ исповѣдниковъ Христовыхъ, Султанъ отдалъ ихъ на волю Турковъ. Много и тяжело страдали они, и потомъ брошены были въ тюрьму. Старецъ не переста-

валъ навѣщать ихъ и укрѣплять тамъ въ назангахъ исповѣдничества; но входъ въ тюрьму ему былъ наконецъ воспрещенъ. Чувствуя необходимость въ утѣшеніи и въ поддержаніи духа юныхъ страдальцевъ, старецъ уговорилъ одного священника Константинопольскаго посѣщать ихъ; и тотъ, входя въ тюрьму, подъ предлогомъ подаванія милостыни, сколько могъ, утверждалъ въ духѣ исповѣдничества томившихся страдальцевъ. Наконецъ наступилъ рѣшительный день: положено было, если они не обратятся снова и не благословятъ Магомета, какъ великаго пророка, отсѣчь имъ головы. Всѣ четверо были выведены на мѣсто казни; старецъ былъ неотлучно при нихъ, и радостнымъ сердцемъ желалъ имъ твердости въ полученіи мученическаго вѣнца, уже осѣнаншаго ихъ. Старшій подлонилъ свою выю подъ мѣчь, и голова покатила на помость. Старецъ, видѣвъ себя отъ радости, схватилъ ее на свои руки и благоговѣнно поцѣловалъ ее. Дошла очередь до втораго; смерть старшаго устранила его, и бѣдный юноша отсекся отъ Господа своего, отъ вѣнца и отъ славы своей. Старецъ совершенно уналъ духомъ, видя испугъ его. Двое остальныхъ страдальцевъ бросились цѣловать руки отступника и, ухватившись за ноги его, со слезами упрашивали именемъ Божиимъ, именемъ дружбы, не отставать отъ нихъ, идти въ царство жизни и сладкаго покоя въ Богѣ и съ Богомъ; но ихъ оттолкнули отъ богоотступника и увлекли его въ сторону. Двое остальныхъ послѣдовали ко Господу за старшимъ своимъ братомъ, путемъ крови и страдальчества.... Между тѣмъ старецъ озабочивался спасеніемъ святыхъ тѣлъ ихъ. Правительствомъ было назначено тѣла убитыхъ вывезти и кипуть въ море; обрадованный старецъ всѣ силы употребилъ, и выручилъ ихъ изъ рукъ невѣрныхъ. Подкуплены были исполнители приговора, отыскавъ корабль, отправившійся къ св. горѣ, и Самъ Господь благопоспѣшилъ старцу въ его желаніи; тѣла, вмѣсто моря, были выкинуты на корабль, и старецъ скрылъ ихъ въ новую бочку, нарочно на тотъ разъ изготовленную. Раскинулись паруса, корабль полетѣлъ ко св. горѣ.»

Но не иноки только возвышаются, и въ наше время, до такой степени страсотерпческаго подвига; умилительный образецъ страданія за вѣру во Христа Святогорецъ представляетъ въ Константинопольской Гречанкѣ, пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ

Софія. Развѣзъ его о Софія трогательный, полный сердечнаго олушевленія, который считаю долгомъ помѣстить здѣсь изъ слова въ слово.

«Одинъ придворный Турокъ случайно увидѣлъ пятнадцатилѣтнюю Софію, и до такой степени плѣнился ея красотой, что рѣшился овладѣть ею, но что-бы то ни стало.

«Софія дѣйствительно была ангельской красоты. У нея не было отца; мать-старушка жила бѣдно и въ неизвѣстности, утѣшаясь надеждами на счастливую будущность своей дочери. Рѣдко Софія оставляла свой домъ; а если и выходила изъ него, то только въ церковь, или по необходимости къ своимъ знакомымъ. Но чего не превозможетъ сатанинская власть изувѣра, и притомъ придворнаго, могучаго Турка?—Онъ похитилъ прекрасную Гречанку и затаялъ ее въ отдѣльныхъ тѣсныхъ комнатахъ двора своего. Мать узнала о мѣстѣ похищенія своей Софіи тогда уже, какъ та стала страдать и выносить разнаго рода пытки отъ своего безчеловѣчнаго похитителя, который, желая украсить этимъ перломъ Востока свой преступный гаремъ, прежде всего старался увлечь невинную къ отступничеству вѣры, а потомъ уже захватить ее формою закона и правъ въ свои адскія когти. Но ни ласки, ни вѣжности, ни угрозы варвара—не могли поколебать твердости Софіи. Онъ приказалъ ее бросить въ душную темницу, гдѣ и начались ея дѣйствительныя страданія за вѣру. Тамъ ставили ей на голову тазъ съ раскаленною золою, и заставляли держать до тѣхъ поръ, пока пепелъ остынетъ; разгоряченныя въ мангалѣ (*) яйца клали ей подъ мышки; бѣдная Софія переносила всѣ ужасы пытки. Наконецъ ей объявили, если она не образумится, и не приметъ добровольно волю свѣтлаго эфенди, — ее бросятъ въ море. Она съ презрѣніемъ отвернулась отъ своихъ мучителей и оставалась тверда, какъ камень, уповая всею силою вѣры на благость Господа Иисуса и Его Пречистой Матери.

«Разъ, въ глухую полночь, вывели ее изъ темницы, привели къ пристани, посадили въ легкій каякъ и вывели на средину пролива.

«Согласна-ли ты принять нашу вѣру и покориться нашему

(*) Мангалъ—жаровня.

эфе́ндъ? — грозно спросилъ Софію одинъ изъ сидѣвшихъ въ кайкъ Турокъ. Жизнь, или смерть тебѣ, продолжалъ онъ, —выбери любое! При первомъ твоёмъ словѣ, противномъ волѣ эфе́нда, мы выбросимъ тебя въ море.... говори!

«Напрасны твои угрозы, смиренно отвѣчала Софія: я не страшусь ихъ. Съ любовію и вѣрою въ моего Христа Спасителя привиму всякую смерть. Дѣлайте, что хотите, —топите меня! Нѣтъ, мы тебя не утопимъ, возразилъ тотъ же Турокъ, а лучше—въ петлю. Но и это не вдругъ: мы прежде измучимъ тебя; высосемъ по каплямъ твою кровь и вынудимъ согласіе на волю нашего свѣтлаго эфе́нда. Если же ты будешь такъ глупа, что и послѣ всѣхъ такихъ пытокъ останешься непреклонною, мы повѣсимъ тебя на позоръ всего Стамбула.

«Софія въ безмолвіи отвернулась отъ нихъ въ сторону, и начала тихо молиться. Турки отвезли страдальцу въ темницу.

«Мать Софіи узнавши о бѣдствіяхъ своей несчастной дочери, бросилась къ Константинопольскому Патріарху, и умоляла его, именемъ Бога, вырвать невинную жертву изъ когтей могучаго Турка.

—«Что я могу сдѣлать? грустно произнесъ св. Патріархъ, —страдаю съ тобою; чувствую всю тягость твоего горя; по, кромѣ молитвъ моихъ къ Богу, ничѣмъ не могу пособить ни тебѣ, ни дочери твоей. Одно могу сказать тебѣ въ утѣшеніе: поди въ Русскую Канцелярію и тамъ проси защиты. Если Русская миссія вступится, дочь твоя будетъ свободна; если же не вступится, будемъ молиться, чтобы Самъ Господь явилъ помощь несчастной страдальцѣ. Болѣе ничего не могу тебѣ сказать.... Спиши, пока время не ушло, воспользоваться покровительствомъ Русскаго Министра; (*) одно его слово, и Софія твоя спасена.

Грекъ драгоманъ, принявшій участіе въ положеніи Софіи, явился къ Министру; объяснилъ ему подробности дѣла и самыми живыми красками очертилъ картину позора, томленія и страданій несчастной плѣнницы, и наконецъ убедительно просилъ его вступить въ это дѣло.

(*) Посланника Русскаго въ Константинополь Греки обыкновенно такъ зовутъ.

«Министръ растрогался; позвалъ своего драгомана, и тотчасъ же послалъ его къ верховному визирю съ вопросомъ: «развѣ для насъ мало своихъ Турчанокъ? Для чего похищаете христіанокъ и подвергаете ихъ пыткамъ, стараясь увлечь въ магометанство, вопреки правъ трактата съ Россією?» Послѣ этого онъ приказалъ объяснить верховному визирю обстоятельства похищенія Софіи и требовать, чтобъ плѣнница непременно была представлена въ русскую миссію, которая беретъ ее подъ свое покровительство.

«Драгоманъ явился къ верховному визирю, и отъ имени русской миссіи даетъ ему вопросъ:

— Что это значитъ? съ изумленіемъ спросилъ визирь, выслушавши драгомана. Мы помнимъ наши отношенія къ Россіи, и свято хранимъ статьи мирнаго трактата. Но кто похищаетъ Гречанокъ? Я никогда не слышалъ подобной наглости.

«Драгоманъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, и указалъ на самую темницу, гдѣ томилась невинная жертва. Възбѣшенный визирь приказалъ потребовать къ себѣ похитителя; но къ счастію Софіи, его не было дома: онъ за день предъ тѣмъ былъ откомандированъ по какому—то порученію.

— Успокойте Министра! сказалъ визирь, отпуская драгомана; я не оставлю этого дѣла безъ вниманія; Гречанка тотчасъ же будетъ представлена въ миссію.

«Грустно сидѣла Софія въ углу своей тѣсной и сырой темницы. Напутствованная Божественнымъ словомъ и подкрѣпленная Тайнствомъ Святаго Причащенія, чрезъ проникнувшего къ ней святаго отца духовнаго, и съ дѣтства возрожденная матерью своею въ духъ вѣры и православія, она сладостно возносила душею къ Предвѣчному, и спокойно ждала послѣдней пытки и самой смерти, которыми угрожали ей рабы эфенди. Вдругъ послышадся ей вдали тихій шорохъ быстрыхъ шаговъ; ближе,—она узнаетъ своихъ мучителей; сердце ея предсказало близкую гибель; она стала молиться, бросилась на колѣна и просила Господа, да не отринетъ ее въ послѣднія минуты страданій.

«Дверь съ трескомъ отворилась, и четыре Турка, съ важными факелами, вошли въ темницу Софіи; въ рукахъ одного изъ нихъ была шелковая петля.

— Одумалась ли ты, и рѣшилась ли принять вѣру вѣликаго пророка и быть женою нашего добраго и великодушнаго эфен-

да? ласково спросилъ Софію державшій петлю Турокъ,—говори, безумная! или ты думаешь отвергать пресвѣтлаго повелителя, который, изъ великой любви къ тебѣ невѣрной, столько терпѣть и щадить жизнь твою! Покорность волѣ его украситъ жизнь твою веѣми дарами Востока; всѣ сокровища его и мы, рабы повелителя, падемъ къ ногамъ твоимъ; блага твои неисчислимы, если смиришь свое упрямство и сдѣлаешься женою пресвѣтлаго. Но горе противной волѣ его; вотъ награда за непослушаніе!—Онъ поднялъ надъ головою Софіи раздернутую петлю.

«При видѣ петли, Софія поблѣднѣла; смертный трепеть пробѣжалъ по ея жиламъ; но эта мгновенная робость, эта прирожденная немощь нашей природы — легко исчезла при сладкой мысли объ имени Христовомъ. Она перекрестилась, спокойно взглянула на петлю и на исполнителей демонской воли своего эфенди, и, съ чувствомъ глубокой преданности волѣ провидѣнія, произнесла: «эта петля можетъ только соединить меня съ Богомъ, но никогда угрозы не заставятъ отказаться отъ любви и вѣры моего Христа Спасителя.»

«Турки значительно переглянулись между собою, плюнули и ушли, сказавши ей: «дура ты! не хочешь себѣ счастья. Пропaday же здѣсь, собака!»

«Едва только Турки вышли изъ темницы, явились къ Софіи четыре прекрасно-одѣтыя Турчанки. Съ искреннею привѣтливостію и вѣжливостію они обласкали ее, и просили слѣдовать за ними. Софія не понимала внезапной переменны своего положенія. Молча вышла она въ коридоръ, откуда незнакомки провели ее въ верхній этажъ, и оставили въ обширной, великолѣпно-убранной комнатѣ, обєблированной роскошными диванами, накинутыми бархатною тканью; это былъ домъ Сераскира.

«Черезъ нѣсколько минутъ тѣже Турчанки явились съ тазомъ, съ тонкими полотнами и богатыми женскими нарядами; нѣсколько банокъ бальзамическихъ мазей и разныхъ духовъ разстали на полу, и съ сердечнымъ участіемъ просили Софію раздѣться, чтобъ натереть ее мазями, объясняя, что страданія ея требуютъ подкрѣпленія силъ. Въ недоумѣніи смотрѣла она на окружающихъ; сначала упорствовала, но наконецъ уступила ихъ ласкамъ, особенно когда сказали ей, что она скоро увидитъ мать свою — старушку. Окончивши натиранія и обрызгиванія

духами, онѣ одѣли ее въ легкое шелковое платье и не просили ить объѣду. Все, что Востокъ даритъ извѣженному вкусу роскоши, было въ излишествѣ поставлено на столѣ. Турчанки осыпали Софію ласками, ни на шагъ не отступали отъ нея, жалѣя, что такъ много пострадала она отъ безсмысленнаго изверга, и чрезъ нѣсколько дней общали ей полную свободу. Софія терялась въ догадкахъ и не понимала, откуда и отъ чего такая перемена въ ея положеніи. Она боялась, не новыя ли это сѣти ея варвара; но предавшись дѣтски Промыслу Божію, молча повиновалась волѣ своихъ прислужницъ, вѣжливо принимала ихъ ласки, и улыбалась на ихъ безпечное веселье и дѣтскія рѣзвости.

«Ни одного мужчины не видала она въ теченіи цѣлой недѣли, кромѣ чернаго Негра, отвратительной наружности. Наконецъ Софіи объявили, что она должна отправиться въ Русскую миссію, вмѣстѣ съ матерью, которая дѣйствительно явилась къ страдальцѣ въ тотъ самый день, когда назначено было отправление Софіи къ Министру. Нечего говорить о трогательной сценѣ свиданія матери съ дочерью, послѣ долгой и тяжелой ихъ разлуки: ихъ слезы были выше и плѣнительнѣе всякаго краснорѣчія.

«Когда Софія была представлена Министру въ скромномъ, но красивомъ костюмѣ, съ жизнію въ застѣнчивыхъ очахъ, онъ съ чувствомъ посмотрѣлъ на страдальцу и съ улыбкою сказалъ бывшимъ при немъ:

«Она истинно—рѣдкая красавица!»

«Тогда же Софія отдана была ликующей матери; и съ тѣхъ поръ онѣ по нынѣ остаются при доброй Домницѣ Валахской и подъ ея особеннымъ покровительствомъ.»

Но чтобы вполне узнать и оцѣнить достоинство «писемъ Святогорца, «надобно прочесть всю книгу, чего мы и желаемъ отъ души всѣмъ, кто только доророжитъ назидательнымъ и пріятнымъ чтеніемъ. Раскаиваться вѣрно не будете, а напротивъ, поблагодарите Бога за внушеніе Святогорцу—подарить намъ такимъ прекраснымъ сочиненіемъ, которое можетъ доставить намъ наслажденіе и душевную пользу.....

Что касается до Святогорца, мы знаемъ о немъ немного; и самъ онъ ничего особеннаго не говоритъ о себѣ; значитъ наше дѣло—уважать его скромное молчаніе. Впрочемъ, знаемъ,

изъ Свѣт. Пислы (№49), что онъ уроженецъ Вятскій, и догадываемся, по нѣкоторымъ мѣстамъ изъ его писемъ, въ которыхъ онъ не рѣдко упоминаетъ о Вяткѣ, какъ о своей родинѣ, что онъ находился тамъ священникомъ, но впоследствии, лишившись жены и дитяти, оставилъ мѣръ и принялъ на себя иноческій образъ. На св. гору Аѳонскую онъ отправился изъ Одессы, вмѣстѣ со слѣпцомъ Г. Ширяевымъ, 1843 г. сент. 30, и благополучно прибылъ туда 10 октября; а 1-го сентября 1844г. выбылъ въ Палестину, въ надеждѣ переписки съ друзьями своими—и оттуда. Вторая часть его писемъ уже поступила въ печать, и конечно она доставитъ намъ такое-же наслажденіе и душевную пользу, какъ и первая. О, дай Богъ, чтобы почаще выходили въ свѣтъ сочиненія подобнаго рода и съ подобною увлекательностію!...

Н. С—нковскій.

VI. Москвитянинъ 1850 г. № 8.

Письма Святогорца къ друзьямъ своимъ о святой горѣ Аѳонской. Ч. I. С. П. Б. 1850 г.

Книга состоитъ изъ 18 писемъ, изъ которыхъ одно посвящено описанію Константинополя, а остальные описанію святой горы. Въ нѣкоторыхъ описываются подробно нѣкоторыя важнѣйшія мѣста св. горы, напр: Русскій Пантелеймоновъ Монастырь, Карея и т. под.

Письма возбуждаютъ живой интересъ, частью по занимательности самаго предмета, частью потому, что Авторъ, живо проникнутый своимъ предметомъ, умѣлъ собрать и совмѣстить въ своей книгѣ всё занимательное, всё важное и современное, что относится къ Аѳону и жизни Аѳонскихъ подвижниковъ. Онъ сообщаетъ довольно ясное понятіе о мѣстности и зданіяхъ Аѳонскихъ; въ одушевленныхъ разказахъ онъ знакомитъ насъ съ преданіями, живущими на Аѳонѣ и связанными съ святыми мѣстами его. Ясно и отчетливо онъ описываетъ намъ различные классы Аѳонскихъ подвижниковъ; живо характеризуетъ ихъ образъ жизни въ частныхъ особенныхъ разказахъ.

Вообще «Письма Святогорца» обличают въ Авторѣ челоѣка образованнаго, и виѣстѣ съ тѣмъ челоѣка съ вѣрою теплою и живною. Онъ старается доказать, что повѣствованія, какія мы читаемъ о чудесахъ и откровеніяхъ въ Чети — Минеяхъ, повторяются и теперь для вѣрующихъ. Его рассказы о чудныхъ, несомнѣнныхъ, современныхъ событіяхъ на Аѣонѣ, — очевидцы которыхъ настоящіе, живыѣ обитатели Аѣона и самъ писатель, — его рассказы о чудныхъ пустынникахъ, и теперь живущихъ въ пещерахъ Аѣонскихъ, о мученикахъ нашего времени, напомнимъ собою мучениковъ первыхъ вѣковъ христіанства, — переносятъ мысль нашу къ первымъ временамъ Христовой Церкви, и въ тоже время сильно потрясаютъ душу, когда представишь, что все это *не прошедшее*, а настоящее, и совершается *во очію нашею*.

Авторъ собственно занимается Аѣономъ современнымъ, въ настоящемъ его видѣ. Исторіи и археологіи онъ касается не много; о рукописяхъ Аѣонскихъ говоритъ еще меньше....

Изъ послѣдняго письма мы видимъ, что Авторъ отправляется въ Іерусалимъ; стало быть, изъ описанія Палестины составится вторая часть его писемъ. Путешествіе по Аѣону совершенно Авторомъ въ 1843 и 1844 годахъ.

VI. Москвитянинъ. 1850 г. № 15.

Письма Святогорца къ друзьямъ своимъ о святой горѣ Аѣонской. Ч. II. С. П. В. 1850 г.

Вторая часть «Писемъ Святогорца» заключаетъ въ себя 15 писемъ, и внимательностію своего содержанія не уступаетъ первой. Множество новыхъ подробностей о монастыряхъ святогорскихъ, описанныхъ уже въ первой части, и нѣкоторыя свѣдѣнія о тѣхъ, коимъ почтенный Авторъ еще не посвящаетъ своихъ писемъ; сказанія о чудотворныхъ иконахъ, находящихся на святой горѣ; подвиги отшельничества прошедшаго и настоящаго времени; устройство протата или главнаго управленія святогорскими монастырями: таково главное содержаніе новыхъ писемъ. Но нестѣсласный никакимъ планомъ, Святогорецъ разнообразитъ оной рассказъ многими вставками, если не все-

гла относящимися прямо къ предмету его писемъ , то болѣе или менѣе любопытными, назидательными. Такъ, первое письмо его посвящено болѣею частію описанію страстной и свѣтлой седмицы въ Іерусалимѣ; третіе занято разсказомъ о слѣдѣхъ Григоріѣ, который былъ спутникомъ Автора въ путешествіи по св. мѣстамъ; въ пятомъ изложено нѣсколько мыслей о характерѣ Византійской и Италіанской живописи, и проч.—Сообщаемъ нѣкоторыя подробности о жизни Слѣдѣ Григоріа (Шаряева), которому мы обязаны изданіемъ этихъ писемъ.

Родился онъ въ одной изъ деревень Камышловскаго уѣзда, Пермской Губерніи, и на 10-мъ году лишился зрѣнія. «При слѣпотѣ моей, разсказываетъ онъ, я немогъ уже быть полезнымъ въ общественныхъ занятіяхъ и въ семейной жизни; а потому главнымъ и единственнымъ моимъ предметомъ была церковь. Мой духъ и самое сердце требовали этой пищи. Я постоянно началъ погружаться въ созерцаніе на всегда утраченныхъ для меня красотъ природы, и легче сталъ переноситься мыслию и глубже проникать въ неизслѣдимыя судьбы Божественнаго о мнѣ Промысла и Творческой мудрости. Лучшимъ изъ наслажденій моихъ, и даже необходимою, сдѣлалось тогда слушаніе духовнаго чтенія, въ которомъ такъ много назидательныхъ образцовъ вѣры и терпѣнія христіанскаго; самая молитва была единственнымъ условіемъ къ успокоенію сердца и къ отраженію отъ него малодушія и ропота на Провидѣніе. Я искренно предался Богу, часто началъ ходить въ церковь, и всѣхъ, кто только могъ мало—мало читать, я просилъ утѣшать меня чтеніемъ изъ Четь—Миней или другихъ назидательныхъ книгъ. Къ развитію въ моей юной и пылкой душѣ первыхъ зародышей духовной жизни всего болѣе способствовалъ нашъ сельскій священникъ, мой крестный отецъ, у котораго я по нѣскольку дней сряду оставался для того только, чтобы слушать чтеніе правственныхъ и догматическихъ книгъ, и неупустительно быть въ церкви при каждой службѣ, гдѣ проводилъ цѣлыя дни и ночи. Къ утѣшеніямъ подобнаго рода, къ утѣшеніямъ въисереннымъ и чистымъ, присоединились и другія, просто ребяческія: я страстно любилъ звонить на колокольнѣ. Не рѣдко читалъ я иногда и на клиросѣ то, что выучивалъ на память, какъ — то: шестопсалміе, часы и проч. Такимъ образомъ мое ребячество протекло въ самыхъ невинныхъ, чистыхъ и даже разнообраз-

ныхъ удовольствіяхъ, которыя, не раздражая чувственности и не питая страстей плоти, на противъ того, имѣли особенное вліяніе на проявленіе первыхъ разцвѣтовъ моей жизни по Богѣ и для Бога, такъ что въ тринадцать лѣтъ я началъ замышлять многое въ отношеніи улучшенія моего нравственнаго чувства, и располагался къ путешествію по св. мѣстамъ, да при томъ къ какому путешествію—то?... Къ совершенно одинокому.... Я нехотѣлъ ни какого себѣ товарища или спутника, рѣшился испытать мои собственныя силы и руководство слуха, которымъ такъ богато одарены жертвы карающей насъ судьбы, т. е. слѣпцы. Напрасно уговаривали меня мои родные, и самымъ убѣдительнымъ образомъ представляли мнѣ опасности подобнаго путешествія: я ничего и слышать не хотѣлъ, вполне надѣясь видѣть на себѣ оправданіе словъ Божественнаго Давида: *Ангеломъ Своимъ заповѣсть, сохранить ты во всѣхъ путяхъ твоихъ; на рукахъ возмутъ тя, да некогда преткнеши о камень ногу твою.* Какъ ни объясняли мнѣ, каждый по собственному понятію, стихъ Псалтири, я стоялъ на своемъ и съ торжествующимъ видомъ повторялъ: «это не для зрячихъ сказано, потому что чувствовать и знать преткновенія на пути дѣлю только слѣпца, а зрячій, какъ говоритъ пословица, развѣ за солнышко запнется. Послѣ долгихъ, но напрасныхъ со стороны моихъ родителей убѣжденій—усадить меня дома, я настоялъ на своемъ, и на первый разъ предпринималъ не дальнія путешествія, напрѣкъ Сумеону Верхотурскому, а потомъ къ вашему Николаю Великорѣцкому.» Путешествія такъ пришли по душѣ слѣпцу, что впоследствии времени онъ началъ предпринимать и болѣе отдаленныя странствія, посѣтилъ почти всѣ св. мѣста Русской земли, былъ въ Палестинѣ и на Синаѣ, и почти вездѣ одинъ—безъ проводника, руководствуясь только указаніями того внутренняго чувства, коимъ Богъ умудряетъ слѣпцовъ.... Окончивъ задуманныя странствованія, онъ предполагаетъ, подобно Святоторцу, поселиться на Афонѣ.

Изъ монастырей св. горы, кромѣ Русскаго, особенное вниманіе наше привлекаетъ Эсфигменъ, потому что въ немъ подвижался Преподобный Антоній Печерскій. Отлагая подробное описаніе Эсфигмена до времени, Святоторецъ сообщаетъ намъ лишь нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній о немъ, которыя мы и передадимъ здѣсь.

Эсфигментъ въ русскомъ переводѣ значитъ *утѣшенный*, потому что рѣшительно со всѣхъ сторонъ, исключая восточной, онъ сжатъ сосѣдственными высотами и выдвинутъ въ море, которое съ шумомъ и ревомъ бьется о низменную скалу, гдѣ возвышается онъ. Въ аскетическомъ отношеніи онъ принадлежитъ къ первому классу Аѳонскихъ монастырей, потому что общежительный. Основателями его были Феодосій Младшій, императоръ Греческій, и сестра его Пульхерія.

«Кромѣ святынь монастыря, насъ трогательно здѣсь занялъ престарѣлый епископъ Германъ, уроженецъ Румелійскій, пребывающій на покой, послѣ іерархическихъ трудовъ; его келья въ самомъ верхнемъ ярусѣ, и галлереею выходитъ на монастырскую площадь. По прибытіи своемъ сюда, онъ скоро похмивлся, и, не смотря на то, что много помогъ обителю, наровиѣ съ прочими тѣрпѣть строгость киновіатской жизни. Чтобы постоянно имѣть въ памяти послѣдній часть жизни и укоренить въ своемъ сердцѣ чувство загробнаго страха, преосвященный выкопалъ себѣ, при наружной стѣнѣ церкви, могилу, которая и остается не закрытою въ виду его жилища. Часто смиренный владыка выходитъ на террасу своей кельи, садится противу церкви, лицомъ къ своей могилѣ, и слезы умиельнаго раздумья, о неизвѣстности загробной судьбы, текутъ изъ его старческихъ очей. По чувству глубокаго смиренномудрія и по самой старости онъ не служитъ, а, когда ему угодно, приобщается изъ рукъ священнодѣйствующаго іеромонаха. Какъ паразительны для нашего самолюбія образцы подобнаго смиренія!... Въ нашу бытность здѣсь, владыка задумчиво и долго сидѣлъ на своей возвышенной террасѣ, противу могилы. Впослѣдствіи мнѣ очень было жаль, что я не удостоился быть у него и побесѣдовать съ нимъ. Разбитые дорогою, мы предпочли тѣлесное отдохновеніе сердечной пользы; впрочемъ при могилѣ преосвященнаго были. Тогда какъ съ грустными чувствомъ мы осматривали этотъ символъ нашего ничтожества, т. е. могилу, владыка не сводилъ съ насъ очей своихъ, оставаясь неподвижно на террасѣ; онъ и самъ иногда приходитъ сюда плакать, и любить смотрѣть на вѣчный покой своей труженнической жизни.

«Послѣ небольшого отдыха, по обзорѣни монастыря и послѣ поклоненія и лобзанія св. мощей и Животворящаго Древа, мы

направились къ горной пещерѣ нашего Кіевскаго пощерника, Преподобнаго Антонія. Путь туда лежитъ чрезъ быстрый ключъ; крутизна и неудобства исхода между кустарниками и, въ добавокъ, но выносимый жаръ насъ задушали и обезсиляли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ сѣживалась тропка и такъ подмыта дождевыми стоками, что мы должны были безпрестанно цѣпляться за кустарники, чтобы не пролетѣть подъ гору. Впрочемъ не болѣе четверти часа мы взбирались такъ.

«Пещера Св. Антонія изсѣчена въ скалѣ; гладкая площадка развита предъ него и обнесена каменною легкою загородкою. Вровень съ главною пещерою, есть другая теснѣе и гораздо нестройнѣе первой. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда стоитъ отшельническая двухъ-этажная келейка, сѣверо-восточный уголъ которой треснулъ и отвалился. Келейка эта выдвинута на самый край отвѣсной скалы, при которой лежитъ глубокая пропасть до самаго моря, бурно утѣсняющаго волнами своими хладный гранитъ.... Внутри кельи страшно оставаться: одинъ подземный ударъ, легкій вулканическій перекалъ, и она можетъ восточною своею частью, а всего скорѣе сѣверовосточнымъ отшатнувшись уже угломъ, улетѣть въ бездну. Мы застали въ ней престарѣлаго отшельника, который, презирая страхъ и опасенія, спокойно доканчиваетъ здѣсь подвижническій вѣкъ свой. Онъ принялъ насъ очень ласково, и провелъ къ пещерѣ нашего Кіевскаго пощерника.

«Пещера преподобнаго Антонія, вѣроятно, ничего не измѣнила въ себѣ со времени ея первоначальнаго обитателя, развѣ только строгую постѣль его, которая теперь заложена, примѣтно, новыми дощечками, — и каминъ. Радужный пустычникъ по гречески объяснялъ намъ и бѣдность монастыря и самой пустыни Антоніевой, и съ старческимъ простосердечіемъ располагалъ будущею судьбою келейки, здѣсь находящейся. Ему хотѣлось здѣсь устроить церковь, обновить келью и имѣть всѣ удобства и условія къ спокойному отшельничеству. Мы не мѣшали старцу заранѣе восхищаться будущимъ, и поддерживали въ немъ духъ справедливой вѣры въ небесный Промыселъ.

«Видъ отсюда на Востокъ чрезвычайно хорошъ. — Пустыня Св. Антонія единственна во всѣхъ отношеніяхъ своего аскетическаго достоинства. Самая пещера вполне удовлетворяетъ въ

требованиямъ мысли и духа; здѣсь невозмутимая тишина, удаленіе: не только отъ свѣта, но и отъ самыхъ звуковъ; только море и небо, небо и море—единственные видимые предметы. Въ нашу пору небо было ясно и свѣтло; солнце дробилось въ нерезкихъ волнахъ моря и ярко отражалось въ нихъ своими жгучими лучами; оно проникало въ самую глубину растрескавшихся скалъ и ущелій; природа въ царственной красотѣ полной вѣсны; только море тревожилось перекатомъ волнъ и сердито разбивалось о неподвижный гранитъ пустынныхъ скалъ....»

Но на св. горѣ есть мѣста еще удивленія, еще неприступныя, и одно изъ такихъ Святогорецъ описываетъ въ 5-мъ письмѣ.

«Каруля считается безмолвнѣйшею изъ всѣхъ извѣстныхъ здѣсь пустынь, и путь туда не только труденъ, но и опасенъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ тамъ, съ замирающимъ отъ страха сердцемъ, рассказываютъ о крайности жестокаго пути и о самыхъ опасностяхъ на немъ: потому что, Каруля не иное что, какъ отвѣсная прибрежная скала, господствующая надъ бездною Архипелага, съ южной стороны св. горы. Высоту этой скалы, отъ моря до отшельническихъ келій, полагаютъ до 150, а широту до 50 сажень. Чтобы взобраться туда, надобно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣпляться за камень руками и даже висѣть всѣмъ корпусомъ надъ бездною.... Мгновеніе оплошности, и—поминай какъ звали.... На Карулю не всѣ ходятъ по причинѣ трудности и опасностейъ пути. По рассказамъ очевидцевъ, тамъ устроена небольшая церковь во имя Св. Георгія Побѣдоносца, и есть нѣсколько келій. Первоначальный обитатель этой строгой и не всѣмъ доступной пустыни былъ какой-то кающійся разбойникъ: (по преданію онъ жилъ при Аеонасѣ Аеомокомѣ,) а по смерти его она оставалась и остается по сю пору совершенно свободною для всякаго. Не смотря на то, что такъ опасенъ туда путь и жизнь сопряжена со всевозможными лишеніями и скорбью, Каруля почти никогда не остается пустою: кто нибудь тамъ занимаетъ страшную пустыню. Въ настоящую пору уединяется тамъ Русскій архимандритъ Онуфрій, у котораго борода до колѣнъ. Въ бытность Барскаго, въ 1744 году, уединился на Карулѣ кающійся корсарь, т. е. морской разбойникъ.

«Продовольствіе получаютъ карулякіе отшельники иногда»

нать монастырей, на всего болѣе отъ прѣзжающихъ мимо оу-горы кораблей и паролей христіанскихъ. Рѣдкій изъ моря-ковъ не знаетъ Карулъ; каждый капитанъ или шкиперъ кора-бля и каждый (дочникъ), какъ скоро подѣзжаетъ къ Ка-руль, посылаетъ матросовъ къ корзинкѣ, которую однажды на всегда укрѣпили на блокѣ и опустили къ самому морю та-мошніе отшельники, и кладетъ въ нее то, что Богъ внушитъ положить и советъ. Между тѣмъ Карульскіе иноки, имъ толь-ко извѣстною тропою, спускаются нѣсколько ниже отъ своей пустыни къ морю, и тамъ изъ свѣщенной корзинки берутъ себѣ то, что христіанцы положить. Такимъ образомъ жизнь на Карулѣ вполнѣ почти обезпечивается милостынею отъ про-ѣзжающихъ мимо св. горы кораблей. Главный недостатокъ тамъ въ водѣ, потому что на Карулѣ нѣтъ ключей, и вода не иначе можетъ быть запасена на круглый годъ, какъ только стоками во время дождей. Между пустынными произведеніями тамошней природы отшельники находятъ годною къ употре-бленію только дикую капусту, которая растетъ въ трещинахъ прибрежныхъ скалъ»...

Говоря о первой части Писемъ Святогорца, мы пожалѣли, что онъ ничего не сообщалъ намъ о древностяхъ Аеона, о его библіотекахъ и рукописяхъ: теперь онъ снимаетъ съ себя этотъ укоръ. «Я, пишеть онъ, хотя и люблю исторію, т. е. историческія статьи читаю съ полнымъ удовольствіемъ; но пи-сать многи исторически, хотѣбы и о св. горѣ — какъ угод-но — не берусь, потому что исторія для меня и скучна, въ сво-ихъ археологическихъ изысканіяхъ, и неизвѣстна въ точно-сти и вѣрности своихъ событій; она требуетъ строгой исти-ны и неумолимой правды.» Не считая нужнымъ спорить съ почтеннымъ авторомъ о скукѣ исторіи, мы надѣемся, что со временемъ онъ перемѣнитъ свое мнѣніе; ибо въ одномъ мѣ-стѣ говоритъ: «если угодно будетъ Господу Богу и проллит-ся моя жизнь, я возьмусь за перо снова, но уже съ строгою и историческою критикою и послѣдовательностію, и не въ видѣ писемъ.» Пока мы находимъ у него только не многія свѣ-дѣнія о предметѣ, такъ много занимающемъ ученый міръ. О библіотекахъ Аеонскихъ онъ показываетъ тоже самое, что и г. Григоровичъ, т. е. что онѣ въ самомъ небрежномъ поло-женіи. «Аеонскіе иноки, какъ необразованные простячки, о

старинныхъ книгахъ и рукописяхъ, болышею частію писанныхъ на пергаменѣ, думали не какъ о драгоценныхъ произведеніяхъ древняго ученаго міра, а какъ о ничтожной ветхости, напрасно занимающей только мѣсто. Не дивно послѣ этого, если случится здѣсь увидѣть въкоторыя звена въ окнахъ заклеенными археологическимъ отрывкомъ какой нибудь книги или рукописи. Можетъ быть, такимъ образомъ столькоже утрачено священныхъ памятниковъ ученой старины, сколько ихъ стигло отъ небреженія и сырости подвального воздуха, и расхищено неблагонамѣренными учеными. Мнѣ сказывали здѣсь, что на Западъ продавали прежде отсюда библіотечный соръ, т. е. книги и рукописи, не по одиночкѣ и порознь каждую книгу и рукопись, а безъ разбора и цѣлыми пудами! Въ другомъ мѣстѣ, говоря о малодоступной библіотекѣ Карейской, богатой рѣдкими рукописями, изъ которыхъ особенно замѣчательна *трагедія*, т. е. пергаменъ или цѣлая козлиная шкура, на коей изложены правила Аѳонской жизни, — Святогорець замѣчаетъ: «со своей стороны, не отягощая себя до времени строгимъ историческимъ обзорѣніемъ Аѳона, я не силія и не силюсь открыть себѣ вхокъ въ здѣшній и другіе архивы, которые, конечно, для меня гораздо будутъ доступнѣе, чѣмъ для другихъ, потому что я здѣсь уже какъ свой, и, при достаточныхъ средствахъ, легче и гораздо болѣе могу найти путей къ тайникамъ Аѳонскихъ библіографическихъ сокровищъ, и къ сердцу ихъ счастливыхъ обладателей. Для меня еще время не ушло...» Мы усердно просимъ почтеннаго автора, чтобы это время пришло какъ можно скорѣе, и всѣ друзья науки будутъ благодарны ему столько же, сколько благодарятъ его теперь любители назидательнаго чтенія.

На Аѳонѣ существуетъ нѣсколько училищъ, но какихъ! Одно изъ нихъ, находящееся въ Карѣѣ, Святогорець описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Представьте себѣ учениковъ — иноковъ съ длинными бородами: какоежъ учебное ихъ занятіе, какія книги питаютъ ихъ любознательность? Первая часть арифметики и Начатки Христіанскаго Ученія, т. е. краткій Катихизисъ... Это бы не бѣда еще, по вотъ что плохо: ученикамъ не даютъ свободы въ образѣ жизни, и питаютъ ихъ неудобосваримою пищею. И по неволѣ брадатые школьники даютъ тягу, предпочтая,

при грубой нищѣ, тяжелые труды, изъ-за книги съ удовольствіемъ стремятся къ своему дѣлу, чтобъ копать землю и бить камень, чѣмъ рыться въ глубинѣ премудрости. Между тѣмъ учителя получаютъ здѣсь очень хорошее жалованье. Что дѣлать!...»

Съ подобными мыслями грустно покинуть книгу, посвященную Аѳону. Откроемъ её снова, наудачу: насъ останавливаетъ описаніе освященія храма во имя св. Митрофанія въ Русскомъ монастырѣ. Храмъ этотъ строился нѣсколько лѣтъ и поскудости средствъ обители едва ли могъбы скоро быть оконченъ. Приѣздъ одного Русскаго богомольца, С. Петербургскаго купца С. М. Камарова, помогъ ходу дѣла: тронутый бѣднѣмъ положеніемъ монастыря, онъ далъ обѣтъ устроить иконостасъ въ новый храмъ и озаботиться о внутреннемъ его украшеніи. Спустя три года (1846), онъ прибылъ на св. гору съ сдѣланнымъ въ Россіи иконостасомъ и церковною утварью, и 23 Ноября, день, когда празднуется память св. Митрофанія, храмъ былъ торжественно освященъ. Благословеніемъ Россіи и Державному Царю съ изъясненіемъ чувствъ сердечной признательности благотворителю монастыря не было конца. Еще до освященія храма, на вопросъ братіи монастырской Комарову: «останется ли жить съ ними?» нашъ богомольецъ обыкновенно отвѣчалъ: «а вотъ подожду освященія храма. Когда это дѣло совершится, и я вполне исполню мой обѣтъ, тогда посмотрю, что со мною сдѣлаетъ св. Митрофаній, и что онъ скажетъ мнѣ. Теперь я ничего не предполагаю.» Но спустя нѣсколько дней послѣ совершенія торжества, онъ принялъ на себя ангельскій образъ, а потомъ и схиму... Отсюда мысль невольно переносится къ отшельникамъ Аѳонскимъ, и особенно къ нашимъ соотечественникамъ, которыхъ на св. горѣ подвизается до 200 человѣкъ; (*) дѣла къ богомольцамъ, приходящимъ на поклоненіе мѣстнымъ святынямъ... Объ одномъ изъ послѣднихъ, помѣщикъ С. Петербургской губерніи, Гловскаго уѣзда, П. А. К-въ, находимъ въ письмахъ Святогорца слѣдующія строки: «Это человѣкъ прекраснаго сердца

(*) Въ томъ числѣ въ Русскомъ монастырѣ до 50. ч. Въ этой обители каждый праздникъ возглашается многолѣтіе Государю Императору и всей Высочайшей Фамиліи, потомъ св. Синоду и всѣмъ православнымъ.

и доброй настроенности духа. Послѣ бурныхъ лѣтъ юности и послѣ разгуловъ офицерской жизни, онъ посвятилъ себя страстию по св. мѣстамъ Востока, и притомъ въ такое время, когдабы другой, на его мѣсть, и недумалъ о такомъ пожертвованіи Богу: г. К—въ только что обручился съ избранною имъ невѣстою, и оставилъ ее съ тою цѣлю, чтобы исполнивши до вѣзда страннической обѣтъ свой, въ послѣдствіи остаться на всегда труженникомъ семейной жизни...

Второю частью своихъ писемъ Святгорецъ процѣдится съ читателями, можетъ быть, на долго, но не навсегда, а «до тѣхъ дней и поръ, говоритъ онъ, когда опять увижу я мой Русскъ, и когда разыграется моя мысль и само воображеніе при новомъ обзорѣни бездѣльныхъ для меня мѣсть оставленнаго Аона.» Это было писано въ 1847 г.; авторъ отправлялся тогда, по порученію своего монастыря, въ Россію. Не знаемъ, возвратился ли онъ; но если Святгорецъ снова среди мѣсть, которыя вдохновляютъ ему краснорѣчивыя страницы, то какъ же намъ не просить и не надѣяться, что онъ не замедлитъ доставить всей читающей публикѣ опять такое же наслажденіе, какое доставили издавныя имъ письма! Дай Богъ ему силъ душевныхъ и тѣлесныхъ для этого труда!...

VIII. Сынъ Отечества, 1850 года, мѣсяць Іюнь.

Письма Святгорца къ друзьямъ своимъ о святой горѣ Аонской. Часть первая. С. Петербургъ. 1850.

Письма Святгорца могутъ служить прекраснымъ пополненіемъ къ интересному путешествію на Синай г. Уманца, съ которымъ мы уже познакомили нашихъ читателей въ майской книгѣ Сына Отечества. Авторъ скрылъ свое имя, и тѣмъ лишилъ насъ удовольствія знать, кто такой именно прибавилъ въ нашей литературѣ имя свое къ числу именъ немногихъ нашихъ писателей, которые такъ внимательно передаютъ русской публикѣ свои путевыя замѣтки и впечатлѣнія. Край, описываемый камъ г. Уманцомъ, такъ и неизвѣстнымъ путешественникомъ на Аонскую гору, преимущественно предъ прочими странами, долженъ обрѣтать на себя вниманіе всякаго и быть предъ-

метомъ изученія. До сторожа; роща, свидѣтельница многихъ важныхъ событій и выдающихъ подвиговъ христіанства. Начавъ интересныя письма свои передачею того грустнаго ощущенія, которое всякій испытываетъ, переступая за рубежъ родной земли, вѣрять себя чуждому климату и чуждымъ обычаямъ и повѣрять, очертя видѣ Константинополя, авторъ приступаетъ прямо къ описанію святой Аѳонской горы. Гора эта, выдающаяся въ воды Архипелага, имѣетъ 80 верстъ длины и 20 въ поперечникѣ. Высота ея простирается до двухъ слишкомъ верстъ въ отвѣсѣ. Она и въ древности была знаменита. До Рождества Христова, такъ же какъ и нынѣ, стекались къ нее поклонники, съ тою только разницею, что тогда курился на ней фиміамъ передъ золотымъ кумиромъ Аполлона, находившимся на самой высш Аѳона, часто покрываемаго облаками, — а нынѣ приносятся безкровныя жертвы Спасителю міра. Первымъ пустынножителемъ Аѳона, по словамъ автора, былъ св. Петръ, и пещера, гдѣ онъ спасался, и теперь существуетъ въ неизмѣнномъ видѣ. Нынѣ существуютъ на святой горѣ 20 монастырей, 10 скитонъ и до 800 пустынныхъ келій. Нынѣшняя населенность иноческая простирается до 10 тысячъ человекъ; въ древности она возросла до 50 тысячъ. Цифра замѣчательная и удивительная въ исторіи вѣры и христіанства! Авторъ прекрасно и увлекательно описываетъ подвиги первыхъ отшельниковъ Аѳона, и, обогативъ свои письма преданіями, переходитъ къ описанію русскаго монастыря, находящагося на святой горѣ. Авторъ относитъ его основаніе къ временамъ княженія Ярослава Владиміровича, основываясь на запискахъ Барскаго Григоровича, посѣщавшаго такъ же Аѳонъ въ прошедшемъ столѣтіи.

Судьба русскаго монастыря на Аѳонѣ имѣетъ самую высокую занимательность. Нѣсколько разъ онъ подвергался разнымъ перемѣнамъ, то упадалъ, то опять приходилъ въ цвѣтущее состояніе.

Въ настоящее время число братій простирается до 200 человекъ разныхъ націй. Между всѣми его русскими иноками, особенно былъ замѣчательнъ одинъ названный въ монашествѣ Аникитою, отложившій всѣ заслуженныя почести, славу рода и громкость имени русскаго князя и смѣшавшій кресты, стоившіе патріотической группѣ его многихъ трудовъ службы Царю и отечеству, на крестъ иноческаго самоотверженія. Жизнь

пустыннолювъ Аеопа и природа его стоить вышняя. На всей окрестности Аеопа нѣтъ ни одного кусточка, ни травки, ни малейшей птички. Аеопа вѣчный и строгій аскетъ, и только нѣсколькими уступами ниже, въ грозныхъ трещинахъ его скалъ, растетъ плѣвительный, такъ называемый «неуздаемый цвѣтъ Божіей Матери.» Съ этою строгою природою согласуется и келейная жизнь иноковъ. Пища ихъ самая утѣренная и суровая. Служба церковная продолжается на святой горѣ очень долго, а особливо во дни торжественныя. Она длится иногда двѣнадцать часовъ и болѣе. Вотъ одно любопытное преданіе, переданное намъ авторомъ въ его четырнадцатомъ письмѣ.

Во время церковнаго служенія въ память Святителя Христова Митрофана, продолжавшагося очень долго, слабый силами и сложеніемъ, греческій монахъ Иларіонъ, жившій въ русскомъ монастырѣ, утомленный пѣніемъ на клиросѣ, долженъ былъ, наконецъ, не окончивъ бдѣнія, удалиться въ свою келью. Въ тихомъ раздумьи и жалобахъ на слабость, по которой онъ не докончилъ своего молитвеннаго подвига въ честь русскаго Святителя, онъ задремалъ. Легкій сонъ усвоилъ его чувства, и голова невольно склонилась на подушку. Въ эту самую минуту, Иларіонъ видитъ предъ собою сѣдаго старца, въ архіерейской мантии и съ святительскимъ жезломъ въ рукахъ; святая екіма монаха черѣтитъ на осіяваемой небеснымъ свѣтомъ главѣ являющагося, въ чертахъ котораго и въ одѣяніи Иларіонъ узналъ русскаго чудотворца. «Вы возлюбилъ меня, кротко сказалъ ему по-гречески Святитель Христовъ Митрофанъ, и я навсегда буду съ вами.» Эти слова потрясли невыразимымъ чувствомъ сердце Иларіона; онъ очнулся, но уже никого небыло предъ нимъ. Иларіонъ привладала искренною пріязнью къ русскому монашескому обществу. Всѣ монахи монастыря русскаго отличаются высокими подвигами пустыннаго сподвижничества, и авторъ очень подробно описываетъ жизнь многихъ изъ нихъ, особливо же отца Тихона, о которомъ упоминаетъ и А. Н. Муравьевъ въ своемъ путешествіи по Валааму.

Сынъ сѣдаго велико — устюжскаго переводчика, отецъ Тихонъ, въ мѣрѣ Тимошеи, еще въ Валаамѣ обратилъ на себя вниманіе святостію своей жизни; онъ въ продолженіи пятнадцати лѣтъ обрекъ себя на добровольную нѣмоту, и наконецъ, желая жить вдали отъ всякаго житейскаго шума, перепрѣсѣлся

на св. Афонѣ. Не менѣе замѣчательная жизнь другаго русскаго монаха, Макарія, бывшаго въ плену у Турокъ и потерѣвшаго отъ нихъ сильныя мученія за вѣру христіанскую. Авторъ описываетъ всѣ эти сподвижничества языкомъ легкимъ, увлекательнымъ, отъ котораго интересъ разсказа еще больше.

Приведемъ въ доказательство какое-нибудь мѣсто изъ выдержку. Вотъ какъ мастерски описываетъ авторъ предметъ самый простой (стр. 127.)

«Нынѣ, на Пасхѣ, я также бродилъ за обителью, и теперь только-что оттуда. День ясный; тишина не возмутимая ни дѣханіемъ вѣтра, ни звуками прижавшихся въ тѣни птичекъ. Долго сидѣлъ я на скалѣ соседней горы, думая о прошломъ и тоскуя о минувшемъ невозвратимомъ. Прело мною были видны самыя оборочительныя: внизу, подъ горою, уединенно красовался Русикъ съ зелеными своими крышами и позлащенными крестами, чего на всемъ Востокѣ, не только на св. горѣ, не найти. Зеркальное море, словно карта, раскинуто было на необозримомъ пространствѣ; нѣсколько островковъ возставало изъ его мирной бездны и неподвижныя капки (челны), съ опущенными парусами, разсыпаны были по ней; а тамъ къ западу, Олимпійскія горы въ поразительномъ видѣ выказывались изъ за Македонскаго материка. Подъ ногами видъ еще удивительнѣе и возвышеннѣе. Здѣсь были прежде кельи отшельниковъ, но Турки, въ послѣднюю войну, рассыпали ихъ; и вотъ, въ одномъ стѣнномъ нишѣ, лежитъ предѣмное голое (?) черепъ какаго-то убитаго челоуѣка. Какъ же узнать, что убитаго? Но нѣсколькими небольшими проломами на черепѣ и по разсказамъ, потому—что при разореніи здѣшнихъ келій Турки перебили и самыхъ отшельниковъ. — Осматривая этотъ черепъ, я грустно спрашивалъ:

—Чей-то ты? гдѣ-то душа, обитавшая въ тебѣ? Ни пользоваться на вопросы!

Я съ чувствомъ поцѣловалъ безжизненный лобъ, уныло пропѣлъ надъ нимъ «со святыми упокой», и съ тужею мыслию погружившись въ свое будущее, которое, разумѣется, также рассыплется и мои кости, я сложилъ черепъ въ его гробовой нишѣ, и въ глубокемъ раздумьи долго бродилъ надъ тѣмъ же предметомъ въхъ маслинъ.»

Такииъ слогомъ написаны и всѣ письма, которыхъ 18. При

концѣ послѣдняго насъ остановили невольныя слова: «Конецъ первой части». Отдѣльные выпуски вредятъ цѣлому. Такіе отдѣльные выпуски могутъ быть допускаемы только тамъ, гдѣ между предыдущимъ и послѣдующимъ нѣтъ никакой связи; мы только въ такомъ случаѣ готовы извинить поспѣшность автора, въ выпускѣ своихъ писемъ безъ окончанія, если во второй части онъ насъ ознакомитъ съ чѣмъ — нибудь новымъ, не связаннымъ ничѣмъ съ Аеономъ.

IX. Отечественныя Записки, изд. А. Краевскимъ. 1850 г. № 9

*Письма Святогорца о святой горѣ Аеоноской, часть первая.
С. П. Б. 1850 г.*

Аеоноская гора съ давняго времени постоянно привлекала вниманіе богомольцевъ и путешественниковъ. — Русскіе паломники, отправлявшіеся къ святымъ мѣстамъ, считали всегда непремѣнною обязанностію побывать на знаменитой горѣ и рассказать соотечественникамъ о своихъ впечатлѣніяхъ. Новѣйшіе наши путешественники, посѣщавшіе Востокъ, также не мало говорили о святогорскихъ обителяхъ и пустынникахъ. Однакожь, не смотря на то, у насъ не было до сихъ поръ сочиненія, исключительно посвященнаго святой горѣ, въ которомъ можно было бы познакомиться съ этимъ духовнымъ владѣніемъ, застроеннымъ одними монастырями и скитами и населеннымъ только монахами и пустынножителями. Между тѣмъ предметъ занимателенъ въ высшей степени: аеоноское общество, составляющее отдѣльную, почти независимую общину, подчиненное своимъ собственнымъ законамъ и постановленіямъ, связанное общою любовію къ пустынной жизни и аскетическому созерцанію, общество многолюдное и разноплеменное, поставившее себя единственною священною цѣлю умерщвленіе плоти и искорененіе страстей, — чрезвычайно поучительно для наблюдателя. Въ этомъ отношеніи «Письма Святогорца о святой горѣ Аеоноской» до крайности любопытны, тѣмъ болѣе, что онѣ писаны лицомъ духовнымъ, вполне постигающимъ сущность пустынножеской жизни и сочувствующимъ ей отъ всего сердца. Никто, кромѣ отшельника, не могъ

бы изобразить въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ отшельнической жизни. Свѣтскій путешественникъ не былъ бы въ состояніи изобразить внутренней, можно сказать, душевной жизни аѳонскаго братства, которая понятна вполне только тому, кто самъ не чуждъ этой созерцательной жизни. Вотъ почему «Письма Святогорца» кажутся намъ единственною въ этомъ родѣ книгою.

Важнѣйшее и неоспоримое достоинство этой замѣчательной книги, изъ которой отрывки были напечатаны въ «Маякѣ современнаго образованія» на 1845 годъ, состоитъ именно въ томъ, что авторъ слегка, только мимоходомъ говоритъ о предметахъ, обращающихъ до сихъ поръ исключительно вниманіе свѣтскихъ путешественниковъ; но вмѣсто того описываетъ подробно и съ неподражаемымъ увлеченіемъ все, что касается внутренняго, духовнаго значенія отшельнической жизни. Путешественникъ прожилъ на Аѳонской горѣ около года, обходилъ почти все монастыри ея и скиты, молился во всехъ замѣчательныхъ храмахъ, жилъ въ русской обители св. Пантелеймона, бесѣдовалъ со многими иноками, схимниками, — и онъ очень подробно описываетъ свои набожныя впечатлѣнія при видѣ высокихъ подвиговъ религіозной жизни; передаетъ извѣстія о важнѣйшихъ киновіатахъ и отшельникахъ, объ ихъ подвижничествѣ, о бывшихъ дѣяніяхъ и настоящихъ чудесахъ обитателей, рассказываетъ духовныя легенды и біографіи замѣчательныхъ монаховъ. Книга его отличается такими поэтическими красками и такимъ популярнымъ краснорѣчіемъ, что многія страницы перечитываешь по нѣскольку разъ, не зная, чѣмъ болѣе восхищаться, интереснымъ-ли содержаніемъ книги, или ея увлекательнымъ изложеніемъ.

Путешественникъ начинаетъ свой разсказъ съ самой минуты отплытія Одесскаго парохода, описываетъ плаваніе по Черному морю, прибытіе въ Константинополь, первыя впечатлѣнія при взглядѣ на царградскія святыни, томлящіяся подъ игомъ исламизма, путешествіе въ Балаклійскій храмъ къ живоносному источнику, наконецъ плаваніе на каикѣ по Мраморному морю и пріѣздъ къ Аѳону. Эта часть книги составляетъ, можно сказать, введеніе, и мы не будемъ много говорить о ней, тѣмъ болѣе, что авторъ, горя нетерпѣніемъ видѣть святыя мѣста аѳонскія, къ которымъ съ самаго дѣтства влекло его нео-

должное желаніе, пишетъ первый письма нѣсколько отрывисто и поверхностно. Впрочемъ и здѣсь есть страницы весьма любопытныя. Таковъ, напримеръ, разсказъ путешественника о его спутникахъ, изъ которыхъ особенно замѣчательнъ слѣпецъ Григорій, образецъ необыкновенной воли и самоотверженія. Потерявъ зрѣніе на десятомъ году жизни, этотъ энергическій паломникъ обошелъ нѣшкомъ все святаыя мѣста въ Россіи и, наконецъ, рѣшился пуститься за-границу, въ Палестину и Египетъ. Походженія этого слѣпца разсказаны съ особеннымъ простодушіемъ и возбуждаютъ въ читателѣ невольное къ нему участіе. «Есть люди, говоритъ авторъ, которые, смотря на его жалкое положеніе, на слѣпоту, съ изумленіемъ спрашиваютъ: «да что же его влечетъ къ святой землѣ? — Пусть бы видѣлъ, да то, что за удовольствіе и что за необходимость въ такомъ «путешествіи? На эти возраженія не мое дѣло отвѣчать. Главная цѣль его путешествія—слава Божія, по его собственнымъ словамъ. Я ничего не вижу, говоритъ онъ иногда на возраженія людей, но ужели не въ силахъ чувствовать или приимать внутреннія впечатлѣнія тѣхъ событій, которыми полна «Палестина? Можетъ быть тѣ, которые видятъ, менѣ меня способны при разсѣяніи чувствовать важность путешествія по «святой землѣ, потому особенно, что ихъ занимаетъ болѣе «внѣшность, тогда какъ я ищу духа вѣры и внутреннихъ наслажденій моего странствія. Очень могло бы стать, что «еслибъ я былъ съ глазами, я поражался бы только видами «природы, а потому, при очарованіяхъ зрѣнія, сердце оставалось бы пусто и съ неясными только отголосками, съ едва «долетающими до него звуками райскаго утѣшенія.»

Письма путешественника о самой Аѳонской горѣ отличаются уже болышю подробностію и проникнуты одушевленіемъ человека, разсказывающаго о любимомъ предметѣ, къ которому нѣсколько лѣтъ летѣли самыя пламенныя его мечты и желанія. Съ этою-то частію книги мы познакоимъ читателей.—

Аѳонская гора (Afhos), знаменитая въ древности по храму Аполлона и колоссальному прозвѣту ваятеля Диократа, предполагаемаго изсѣчь изъ нея цѣлую исполненскую статую Александра Великаго, а впоследствии по своимъ православнымъ обителямъ, составляетъ обширную возвышенность, отдѣленную отъ материка каналомъ, вырытымъ по приказанію Ксеркса. Эта гора

простирается въ длину на восемьдесятъ верстъ, въ ширину на двадцать, и, по исчисленію Гумбольдта, возвышается на 2065 метровъ надъ уровнемъ моря. Первый христіанскій пустышникъ, поселившійся на Аеопахъ, былъ св. Петръ. Вслѣдъ за нимъ начало стекаться на гору множество отшельниковъ изъ Греціи, Малой Азіи и Египта, явились пустышныя кельи, монастыри, скиты, и въ смутныя времена ересей она отличалась неизбежностію вѣры и чистотою Православія. Въ короткое время Аеопа достигъ такого цвѣтущаго состоянія, что въ Хѣлкѣ на немъ считалось до 180 монастырей и около пятидесяти тысячъ монаховъ. Нашествіе Турокъ, фанатическая нетерпимость поклонниковъ корана и, наконецъ, ослабленіе духа благочестія въ греческомъ народѣ — уменьшили населеніе святой горы. Теперь на ней находится 20 монастырей и 10 скитовъ, не считая отдѣльных келій, разбросанныхъ по всему полуострову, число которыхъ полагаютъ до 800. — Населеніе Аеопа простирается въ настоящее время до 10,000 человекъ, и, слѣдственно, монаховъ на немъ все еще вдвое болѣе, чѣмъ во всей Россіи. Не смотря однакожъ на такой упадокъ Аеопской горы въ числѣ иноковъ, духъ ея обитателей остается въ необытнотной чистотѣ и блескѣ: число истинныхъ подвижниковъ не уменьшилось, и они отличаются такими дѣяніями, какія только можно было встрѣтить за пятнадцать и болѣе вѣковъ назадъ. — Авторъ рассказываетъ много примѣровъ самаго высокаго подвижничества, которыхъ онъ самъ былъ очевидцемъ. Въ числѣ святогорскихъ общинъ одно изъ почетныхъ мѣстъ занимаетъ монастырь св. Пантелеѣмона, или, такъ называемый Русикъ. Послѣднее названіе онъ получилъ оттого, что наши соотечественники живутъ и постригаются преимущественно въ этой общинѣ, несмотря на то, что большая часть братіи состоитъ изъ Грековъ. Время основанія этого монастыря относится, по словамъ Барскаго, къ XI вѣку, но авторъ «Писемъ» считаетъ его гораздо древнѣе и приписываетъ основаніе его, кажется, Осколду. Не вдаваясь въ лѣтисчисленія, критическія изслѣдованія, путешественникъ говоритъ просто: «мы непогрѣзительно ставимъ первоначальное подвизаніе Русика гораздо лучше къ современности, или даже и къ самой современности просвѣщенія Россіи сѣверомъ, Восточнаго Православія, и даже къ времени св. Ольги, даже Осколда, даже..... по что, дѣло Русскихъ Историкъ»

ноги.» Съ какого времени эта обитель сдѣлалась Русскою—неизвѣстно, да и вообще вся исторія ея очень темна и неопредѣленна. Замѣчательно, что въ XIV вѣкѣ, когда Турки, разоривъ Адрианополь и Фессалоники, напали на Аѳонскую гору и, истребивъ два крайніе монастыря, угрожали тому же участию остальнымъ, то настоятели всѣхъ монастырей спѣшили къ Баязету съ дарами и даніемъ, чтобы получить охранительныя письма, и только одинъ отказался отъ этого униженія—игуменъ Русска. Въслѣдствіи однакожъ Русскій монастырь былъ обложенъ податію, наравнѣ съ другими. Въ концѣ прошлаго вѣка Русскіи пришелъ въ такой упадокъ, что настоятель испрашивалъ уже патріархаго разрѣшенія совершенно его оставить. Но въ нынѣшнемъ столѣтіи монастырь началъ возобновляться—и теперь находится въ цвѣтущемъ состояніи, такъ что всей братіи насчитывается въ немъ до 200 человекъ, и въ томъ числѣ болѣе тридцати Русскихъ.—

Вообще историческая и статистическая часть Аѳонской горы въ «Письмахъ» нашего путешественника, составлена очень— кратко и неполно и не представляетъ ничего новаго; въ самыхъ фактахъ есть противорѣчія и недостатокъ критическаго взгляда и научныхъ свѣдѣній.—Но кто же можетъ упрекать въ томъ автора, когда у него была совершенно иная и болѣе важная цѣль? Онъ хотѣлъ познакомить публику съ духовнымъ бытомъ Аѳонской горы, описать жизнь иноковъ, особенности монастырскаго общества, изумительные подвиги отшельниковъ—и здѣсь намъ остается только восхищаться прекрасными «Письмами» путешественника. Эпиграфъ, взятый авторомъ, превосходно выражаетъ всю мысль сочиненія:

Святой Аѳонъ! Святой Аѳонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ!

Прибавимъ, что убѣдительно: перо автора именно пробуждаетъ въ умѣ читателей такія высокія думы, какія, безъ увлечательнаго краснорѣчія благочестиваго путешественника, могли бы быть доступными весьма немногимъ. Въ этой части книги мы находимъ любопытныя и поучительныя подробности, которыхъ не встрѣтишь ни у какого другаго туриста. Видно, на всякомъ шагѣ, до какой степени иноческая жизнь близка къ

сердцу нашего соотечественника, и какъ глубоко проникъ онъ въ ея смыслъ и значеніе:—

Описывая монастырь св. Платеймона, путешественникъ излагаетъ подробно уставъ его, отличающійся особенною строгостію и вполне христіанскими предписаніями.—Эта обитель вполне общежительная; братія не позволяется имѣть никакой собственности, и если у какого—нибудь монаха найдена будетъ по смерти хотя одна монета, то его не хоронятъ на общемъ кладбищѣ, а зарываютъ на пустырь. Обрядъ погребенія здѣсь весьма трогателенъ. Надъ почившимъ, по омовеніи, читаютъ до самыхъ похоронъ псалтирь; покойникъ, завернутый въ мантию, лежитъ въ церкви на полу безъ гроба, по обычаю, принятому на Востокѣ. Послѣ окончательнаго целованія, игуменъ читаетъ надъ умершимъ разрѣшительную молитву. Когда тѣло опустятъ въ землю, то заботятся въ особенности о томъ, чтобы сохранить голову, и для того обкладываютъ ее съ боковъ камнями, а сверху накрываютъ каменною плитою. Въ теченіе сорока дней, по покойникѣ совершается канонъ, то есть братія кладетъ ежедневно по сту поклоновъ за упокой души его. Но этимъ не ограничиваются еще погребальныя обряды. Приведемъ краснорѣчивыя слова самаго автора.

«По истеченіи трехъ лѣтъ кости почившихъ отрываются и складываются въ общую усыпальницу, тоже не безъ особенныхъ молитвъ и ходатайства о покоѣ и блаженствѣ отшедшихъ къ Богу братій. Это обыкновеніе св. горы въ своемъ видимомъ процессѣ имѣетъ много трогательности, а въ духѣ и въ причинахъ—таинства. Къ сожалѣнію, я не могу еще вызнати историческаго указанія на первоначальность этого обыкновенія, которое, относясь своимъ происхожденіемъ къ глубокой древности, потомственно переходило на св. горѣ изъ рода въ родъ, и, наконецъ, въ неизмѣнномъ своемъ видѣ, достигло до нашего времени. Въ числѣ его основныхъ причинъ всего удивительнѣе то, что, вскрывая могилы почившихъ, по истлѣнію тѣла ихъ считаютъ не сомнѣннымъ спасеніе и самой души; между тѣмъ, какъ въ противномъ случаѣ, когда тѣло остается въ нетлѣннн и притомъ особеннаго рода, отличнаго отъ благодатнаго нетлѣннн, общепринятаго восточною церковію, полагаютъ, что, при потерѣ душею неба, какъ своей отчизны, и самое тѣло въ вѣдрахъ земли, какъ своей матери, говоря простымъ тономъ,

не имѣть части и не удостоивается оправдать на себѣ приговора правды Божіей, въ самомъ еще падеміи нарекшей Адаму: земля еси и въ землю возвратишя. Чтожъ касается до процесса, какой совершается при открытіи на св. горѣ костей почившихъ, онъ слѣдующій: въ теченіе трехгодоваго времени каждая обитель, принося безкровную жертву о покоѣ почившаго обыкновеннымъ порядкомъ, въ тотъ день, когда кончится его трехлѣтіе, озабочивается особенными о немъ молитвами. Къ этому дню, или въ тотъ самый день, по принятіи отъ настоятеля благословенія, гробокопатель отрываетъ кости почившаго, и тогда же омывая церковнымъ виномъ, складываетъ ихъ въ нарочно-приготовленную на то корзину. Братія группами стекаются смотрѣть на открытыя кости, и по самому ихъ виду и цвѣту иногда разгадываютъ вѣчную и таинственную судьбу души почившаго: потому что кости отличительно строгихъ подвижниковъ иногда разливаютъ отъ себя неизъяснимое благоуханіе. Цалуя головной черепъ почившаго, братія, въ признательности передъ Богомъ, умротившимъ прахъ его съ землею, и въ глубокомъ раздумьи о собственной своей загробной участи, расходятся по своимъ мѣстамъ; а между тѣмъ,—гробокопатель, дѣлая на черепѣ надпись, кому онъ принадлежитъ, честно полагаетъ его въ ряду съ прочими въ усыпальницѣ, а остальные кости смѣшиваетъ съ костями прежде почившихъ отцевъ и братій. Если же, что хотя случается на св. горѣ, но чрезвычайно рѣдко, тѣло почившаго окажется не сохлѣвшимъ, въ такомъ случаѣ обитель озабочивается тѣмъ, что иногда на все братство налагаетъ особенный канонъ, за испрошенныхъ погрѣшности почившаго, а между тѣмъ призываетъ духовника, даже и архіерея, для прочтенія надъ нимъ разрѣшительной молитвы. На все время совершенія этого канона, трупъ почившаго опять зарываютъ въ могилу, и случается, что черезъ нѣсколько дней, отрывая его, находятъ уже только разсыпавшіяся кости. Устраняя мысль отъ благотворныхъ слѣдствій и наблюдений за спасительными плодами открытія на св. горѣ костей умершихъ, признаемся, что оно само по себѣ и поучительно для насъ и утѣшительно.—»

Желая ознакомить читателей съ братією Русика, путешественникъ набрасываетъ въ «Письмахъ» своихъ біографическіе очерки замѣчательнѣйшихъ иноковъ обители, начиная съ самаго на-

стоятеля. Всѣ эти жизнеописанія блистаютъ яркими чертами подвижничества, побѣдоносной борьбы духа надъ искушеніями плоти, могущественнымъ дѣйствіемъ поста на грѣховныя страсти; представляютъ изумительные примѣры высокаго самоуничтоженія. Особенно замѣчательны и достойны уваженія по своимъ доблестямъ — старецъ Иларіонъ, образецъ строгой жизни и правдивости; отецъ Тихонъ, проведеншій пятнадцать лѣтъ въ совершенномъ молчаніи; инокъ Макарій, жизнь котораго протекала въ самыхъ страшныхъ событіяхъ, и наконецъ, старецъ Панкратій—примѣръ необыкновеннаго христіанскаго смиренія. Эти лица изображены авторомъ такъ живо, что читатель какъ—будто видитъ ихъ передъ глазами и бесѣдуетъ съ ними: причиною тому необыкновенно—оживленный, драматическій разсказъ нашего путешественника.

Описывая дѣянія пустынножителей, путешественникъ говоритъ и о своихъ молитвенныхъ подвигахъ, въ продолженіе поста и особенно страстной—недѣли. Великопостная служба и молитвословія отличаются на Аѳонской горѣ особенною торжественностію.

«Въ Русскѣ ночь исключительно посвящается молитвѣ, и только часа четыре отдѣляются отъ нея для покоя, послѣ утомительныхъ трудовъ дневнаго послушанія. Въ полночь производится звонъ въ средній колоколъ на келейное правило, заключающее въ себѣ тысячу двѣсти поясныхъ, если нѣтъ праздника пли субботы и поісеся, а то сто и земныхъ поклоновъ, съ молитвою къ Богу, всепѣтой Богородицѣ, а частію и ко святому Ангелу Хранителю. Въ часъ за полночь стучатъ въ току, то есть деревянную доску, на утреню. Утренняя продолжается у насъ въ будни четыре часа, а у Грековъ и пять, если не болѣе. Послѣ утрени до литургіи бываетъ у насъ часъ отдыха, иногда болѣе, а иногда и менѣе, такъ что послѣдняя, то есть, литургія, постоянно кончается до солнечнаго восхода, по обыкновенію мученическаго вѣка. Этотъ незначительный промежутокъ между службами, братія дается на произволь—что угодно дѣлать; но служащему іеромонаху не дозволяется отдыхать, въ предосторожность отъ искусительныхъ сновъ. Послѣ литургіи, укрѣпившись на общемъ фондарицѣ, въ присутствіи нашего духовника, небольшою рюмкою водки, братія расходятся до обѣда на послушанія, такъ что никто не остается праз-

днимъ, исключая развѣ череднаго іеромонаха, которому дается тогда отдыхъ. Трапеза бываетъ по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ однажды, безъ масла и самая скромная. О рыбѣ тогда и думать нельзя, а въ остальные дни недѣли кушаютъ по дважды, и въ замѣнъ квасу, о которомъ и понятія здѣсь не имѣютъ, подается церковное вино, растворяемое водою. Такъ бываетъ въ простое время; но бдѣнія продолжаются иногда 10, 12 и 14, и пичуть не менѣе 8 часовъ. Неоспоримо, это дѣло трудное, но только съ нашей стороны, а не со стороны благодати Божіей, сила которой всегда совершается въ немощи. Какъ вы думаете — долго—ли поется у насъ первый вечерній псаломъ—*Благослови душе моя Господа?*—часть съ четвертью! Изъ этого вы можете видѣть, каково наше бдѣніе, если такъ долго тянется пустынноически скромное пѣніе перваго только псалма. «Это невыпосимо! это истинно лишнее»—завайте вы, слушая о такихъ подвигахъ нашей жизни. Разумѣется, невыпосимо для меня съ вами: но здѣсь цѣлыя тысячи изможденныхъ иноковъ легко и съ удовольствіемъ выносятъ всенощныя бдѣнія, и скучаютъ, если когда, вмѣсто ихъ, назначается на нѣкоторые изъ воскресныхъ дней обыкновенное славословіе.»

Послѣ праздника Свѣтлаго Воскресенія, воспользовавшись прекрасною весеннею погодою, авторъ началъ свои путешествія по другимъ аѳонскимъ монастырямъ, скитамъ и отдѣльнымъ келіямъ, съ тою цѣлію, говоритъ онъ, чтобы проникнуть въ сокровенныя тайники пустынь и всмотрѣться пристальнѣе въ здѣшній образъ подвижничества. Вмѣстѣ съ другими русскими поклонниками, прибывшими незадолго передъ тѣмъ изъ Палестины, обошелъ онъ почти все горскія обители. Вѣрный своему взгляду, путешественникъ не вдается ни гдѣ въ описанія или историческія розысканія, а рассказываетъ только о подвигахъ пустынножительства, о чудесахъ и явленіяхъ, которыми на всякомъ шагу ознаменована святая гора. Богомольцы находили вездѣ радушный пріемъ и трогательное гостепріимство. Авторъ жалуется только на то, что настоятели монастырей всегда уклонялись отъ желанія его осмотрѣть бібліотеки, отзываясь тѣмъ, что часто, послѣ посѣщенія любопытныхъ поклонниковъ и путешественниковъ, въ обителяхъ недосчитывались нѣкоторыхъ книгъ. Путешественникъ нашъ подялся до самой вершины Аѳона, гдѣ находится небольшая церковь Божіей Ма-

тери, и оттуда обозрѣвалъ святую гору. Какъ ни прекрасно это мѣсто, однако никто изъ подвижниковъ не живетъ на немъ, потому что зимою тамъ необыкновенно—холодно, и осенью дуютъ продолжительные бурные вѣтры и воздухъ постоянно сыръ. Говорятъ, что при закатѣ солнца отсюда можно видѣть самый Константинополь. Авторъ описываетъ вершину Аэона такъ краснорѣчиво, что мы надѣмся доставить удовольствіе нашимъ читателямъ, приведя еще отрывокъ изъ его прекрасныхъ «Писемъ». —

«Долго любовались мы на даль, съ невольнымъ трепетомъ тѣснились на краю отвѣсной высоты, смотря внизъ на монастырь св. Павла, расположенный при подошвѣ Аэона. На эту сторону Аэонъ былъ какъ бы обрѣченъ, и глубокая бездна лежала подъ нашими ногами. Скромный Диеоль, или по русски Аэоніюкъ, силлся прижаться къ своему дѣдушкѣ—исполину, къ своему величественному Аэону; но эта строгая бездна оттолкнула его, и онъ недоступною своею вершиною уклонился къ Святогорскому—хребту и составляетъ его отвѣсной оконечникъ. На всей вершинѣ Аэона нѣтъ ни одного кусточка, ни травки, ни залетной птички. Аэонъ — вѣчный и строгій анахоретъ! Впрочемъ, нѣсколькими уступами ниже, въ грозныхъ трещинахъ скалъ его, растетъ пѣвнительный, такъ—называемый «неувядаемый цвѣтъ Божіей Матери.» Чрезвычайно милъ этотъ заоблачный цвѣтокъ священнаго Аэона; за то и едва доступенъ самымъ отважнымъ хищникамъ его дѣвственной красоты, и стоитъ необыкновенныхъ трудностей и усилій, соединенныхъ съ ежеминутными опасностями за самую жизнь. Неувядаемый цвѣтокъ этотъ, какъ чистота сердца, любитъ строгое уединеніе, и побольшей части растетъ, какъ я сказалъ уже, въ трещинахъ камней. Тамъ его, въ жаркій полдень, освѣжаютъ облака своимъ роснымъ дыханіемъ; тамъ его живительно теплятъ, въ прохладу ночи, испаренія Аэона, и, подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ, цвѣтокъ быстро раскидываетъ листки свои, развиваетъ почку и скромно смотрится въ играющіе лучи солнышка, въ яркомъ свѣтѣ которыхъ образуется его жизнь; разливается по немъ розовый румянецъ, и къ Троицѣ цвѣтокъ бываетъ уже въ полной своей силѣ и съ ароматическимъ дыханіемъ. Неувядаемый цвѣтокъ Божіей Матери, по своему духу, можетъ почестся отраженіемъ пѣвнительной розы, съ тою только разницею, что

онъ не—великъ и чрезвычайно—милъ. Одинъ изъ числа собирателей этихъ цвѣтовъ, знакомый мнѣ поименно русскій, рассказывалъ, что разъ, вскарабкиваясь со скалы на скалу къ завиднымъ цвѣткамъ, онъ ухватился руками за висѣвшій надъ нимъ камень а ногами утвердился, между тѣмъ, на нѣжномъ, и только что хотѣлъ протянуть руку, чтобъ сорвать миловидный цвѣтокъ, какъ камень изъ—подъ—ногъ его выбился, и съ грохотомъ полетѣлъ въ пропасть, надъ которою повисъ несчастный всѣмъ своимъ тѣломъ. Мгновеніе оплошности—и самъ понокъ свалился бы за камнемъ по гранитнымъ ребрамъ испанскихъ скалъ въ самую глубь пропасти. Подобный случай испыталъ тоже Русскій, который, спускаясь съ вершины Аѳона внизъ на южную сторону, соскочилъ съ одного камня на другой, низменный, но какъ то ошибся, пролетѣлъ мимо его въ небольшую рытвину, и едва только растянулся въ ней, верхній камень загремѣлъ надъ нимъ всею тяжестью, прыгнувъ въ пропасть и долго грохоталъ въ ней. Перстъ Божій такъ покрылъ бѣдняжку въ это мгновеніе, что камень слегка только коснулся его. Есть слухи, что кто—то оборвался и въ самую пропасть, и только найденная впоследствии на днѣ пропасти камилавка была свидѣтелемъ его страдальческой смерти. Вотъ чего стоитъ иногда илѣнительный цвѣтокъ заоблачнаго Аѳона!»

Въ послѣднемъ письмѣ путешественникъ описываетъ различные роды подвижничества на Аѳонской горѣ, уставы и обычаи штатныхъ монастырей, скитовъ, общежительныхъ обителей или киновій, келіотовъ, каливитовъ или сиромановъ, странниковъ и юродивыхъ. Письмо заключается отъѣздомъ автора въ Палестину.

Читатели видятъ, какимы высокими интересомъ исполнены «Письма Святогорца о святой горѣ — Аѳонской» и какое замѣчательное мѣсто долженъ занять онъ въ ряду другихъ писателей, занимавшихся этимъ предметомъ. Отличаясь рѣзко отъ свѣтскихъ путешественниковъ своимъ взглядомъ и глубоко—истиннымъ воззрѣніемъ на вещи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуть уваженіемъ и кроткою снисходительностію къ сочиненіямъ своихъ предшественниковъ, говорившихъ объ Аѳонской—горѣ. Вездѣ отзываясь оны съ особенною похвалою о нашихъ путешественникахъ, и съ истиннымъ смиреніемъ и любовью отдаетъ справедливость ихъ знаніямъ и уму. Этотъ духъ хри-

стіанской кротости проглядываетъ у автора «Писемъ» на каждой страницѣ: вездѣ видно духовное лице; умѣвшее поставить себя выше всякихъ отношеній литературнаго соперничества, чуждое полемическаго духа и проникнутое, по смыслу евангельскаго слова, снисходительною терпимостію даже къ людямъ, песогласнымъ въ мнѣніяхъ. Восхищалась прекрасными «Письмами Святогорца,» мы желали—бы, однакожь, найти въ нихъ еще одно достоинство: намъ хотѣлось—бы, чтобы онѣ были писаны съ большею простотою и съ совершеннымъ отсутствіемъ свѣтскаго краснорѣчія. Можетъ быть, мы ошибаемся, но намъ кажется, что эта замѣчательная книга прошла сквозь руки какого—нибудь свѣтскаго литератора, и оттого утратила нѣсколько свою первобытную свѣжесть и красоту. Изданные въ первоначальномъ видѣ, какъ вылились изъ подъ пера даровитаго автора, эти «Письма» выиграла—бы еще болѣе въ глазахъ читателей; потому что такому просто возвышенному содержанію необходимъ самый наивно—безъ искусственный языкъ. Говоримъ это, впрочемъ, только какъ личное наше мнѣніе, или, лучше сказать, желаніе, безъ всякой тѣни упрека почтенному автору, котораго талантъ и взглядъ на вещи равняются его благочестію и безпристрастію. Во всякомъ случаѣ мы желали—бы, чтобы почтенный составитель этой прекрасной книги издалъ вторую часть своихъ писемъ, въ которой, какъ кажется, онъ предполагаетъ описать свое путешествіе въ Палестину, безъ всякаго посторонняго сотрудничества, и мы заранѣе предсказываемъ имъ успѣхъ, еще болѣе блестящій, чѣмъ тотъ, какой, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ имѣть эта первая книга въ самыхъ высшихъ слояхъ нашей читающей публики.—

Отечественныя Записки, изд. А. Краевскимъ, 1850 г. № 11-й

Письма Святогорца къ друзьямъ своимъ о святой горѣ Афонской. Часть вторая, С. П. Б.

Несмотря на то, что мы прочли вторую часть «Писемъ Святогорца» съ большимъ удовольствіемъ, она показалась намъ не въ такой степени занимательною, какъ первая книжка, о которой мы сообщили подробный отчетъ читателямъ. Это за-

писитъ, кажется, оттого, что въ первомъ томѣ авторъ представилъ общую картину Аѳона и его многочисленныхъ обителей, а здѣсь занялся одними подробностями, которыя по большей части служатъ только развитіемъ или повтореніемъ фактовъ, знакомыхъ уже читателю изъ первыхъ писемъ.—Впрочемъ и въ этой книгѣ мы нашли много замѣчательнаго. Она состоитъ изъ пятнадцати писемъ.

Первое письмо составляетъ отдѣльный эпизодъ. Въ немъ описана поѣздка Святогорца въ Палестину и пребываніе въ Иерусалимѣ. Послѣ поэтическихъ очерковъ Шатобриана и Ламартина, послѣ краснорѣчивыхъ страницъ г. г. Муравьева и Норова, трудно сказать о святой землѣ что-нибудь новое, особенно въ ограниченномъ объемѣ одного небольшого письма. Нашъ путешественникъ очень-хорошо понималъ это, и потому ограничился разсказомъ о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ, которыя если и не будутъ слишкомъ интересны для публики, то, съ другой стороны, доставятъ истинное наслажденіе друзьямъ и почитателямъ автора. Слѣдующіе тринадцать писемъ посвящены Аѳону: здѣсь мы находимъ подробныя свѣденія объ образѣ жизни въ различныхъ обителяхъ, разсказы о дѣяніяхъ многочисленныхъ пустынниковъ и подвижниковъ, и легенды, почерпнутыя отчасти изъ старинныхъ малоизвѣстныхъ книгъ, а отчасти составленныя по живымъ преданіямъ. Между прочимъ мы съ удовольствіемъ прочли описаніе Протата или верховнаго аѳонскаго судилища, куда авторъ былъ приглашенъ, вмѣстѣ съ игуменомъ Русскаго монастыря, по дѣлу одного изъ нашихъ пришельцевъ, поселившагося на Аѳонской горѣ. Не менѣе интересно извѣстіе объ училищѣ, находящемся на Карѣѣ, въ которомъ все ученики состоятъ изъ монаховъ, по большей части обремененныхъ лѣтами и болѣзнями. По словамъ Святогорца, это заведеніе, извѣстное прежде подъ нынѣшнимъ именемъ академіи, находится теперь въ большомъ упадкѣ, и ученики его не отличаются замѣчательными успѣхами. Посѣщая Эфигменскій монастырь, путешественникъ нашъ осмотрѣлъ находящуюся недалеко отъ него пещеру преподобнаго Антонія, перваго русскаго пустытника, обитавшаго на Аѳонѣ и принесшаго оттуда въ Россію монастырскіе уставы и правила. Вотъ какъ описываетъ Святогорецъ это замѣчательное мѣсто.

«Путь къ пещерѣ св. Антонія лежитъ черезъ быстрый ключъ; крутизна и неудобство входа между кустарниками, и въ до-
 бавокъ, невыносимый жаръ—насъ задушали и обезсиляли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ съ уживалась тропа, и такъ под-
 мыта была дождевыми стоками, что мы должны были непре-
 ставно цѣпляться за кустарники, чтобы не полетѣть подъ го-
 ру. Впрочемъ, не болѣе четверти часа мы взбирались такъ. Пещера св. Антонія изсѣчена въ скалѣ; гладкая площадка раз-
 вита передъ нею и обнесена каменною легкою загородкою. Въ ровень съ главною пещерою, есть другая, тѣснѣе и гораз-
 до нестройнѣе первой. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда стоитъ
 отшельническая друхъ-этажная келейка, сѣверовосточный у-
 голъ которой треснулъ и отвалился. Келейка эта выдвинута
 на самый край отвѣсной скалы, при которой лежитъ глубокая
 пропасть до самаго моря, бурно утѣсняющаго волнами своими
 хладный гранитъ. Внутри келіи страшно оставаться: одинъ
 подземный ударъ, легкій волкавическій перекалъ, и она мо-
 жетъ восточную своею частію, а всего скорѣе, сѣверовосточ-
 нымъ, отшатнувшись уже угломъ, улетѣть въ бездну. Мы
 застали въ ней престарѣлаго отшельника, который, презирая
 страхъ и опасенія, спокойно оканчивалъ здѣсь подвижническій
 вѣкъ. Онъ принялъ насъ очень ласково. Пещера преподобна-
 го Антонія, вѣроятно, ничего не измѣнила въ себѣ, со вре-
 мени ея первоначальнаго обитателя, развѣ только строгую по-
 стель его, которая теперь замѣнена, примѣтно, новыми дощеч-
 ками, и каминъ. Радужный пустыинникъ по-гречески объяснялъ
 намъ и бѣдность монастыря и самой пустыни Антоніевой, у-
 казывалъ на Россію, и съ старческимъ простосердечіемъ рас-
 полагалъ будущую судьбою келейки, здѣсь находящейся. Ему
 хотѣлось здѣсь устроить церковь. Видъ отсюда на востокъ
 чрезвычайно-хорошъ. Пустыня св. Антонія единственна во
 веѣхъ отношеніяхъ своего аскетическаго достоинства. Самая
 пещера вполне удовлетворяетъ въ требованіяхъ мысли и ду-
 ху; здѣсь невозмутимая тишина, удаленіе не только отъ свѣ-
 та, но и отъ самыхъ иноковъ; только море и небо, небо и
 море—единственные видимые предметы. Въ нашу пору небо
 было ясно и свѣтло, солнце дробилось въ переливныхъ вол-
 нахъ моря и ярко отражалось въ нихъ своими жгучими луча-
 ми; оно проникало въ самую глубь растрескавшихся скалъ и

ущелій; природа въ царственной красотѣ полной весны; только море тревожилось перекатомъ волнь и сердито разбивалось о неподвижный гранитъ пустынныхъ скалъ. Видно, что преподобный Антоній въ строгомъ выборѣ иноческаго уединенія имѣлъ самый чистый взглядъ, что оправдываетъ и здѣшняя его пустыня и живописныя красоты Кіевскихъ горъ. Справедливо замѣчаютъ, что лучшіе столичные города Европы занимаютъ мѣстность самую прозаическую, скучную и невыгодную(?) въ отношеніи видовъ, между тѣмъ монастыри, а и того вѣрнѣе, иноческія пустыни, на самыхъ плѣнительныхъ мѣстахъ. Чтобы это значило? Конечно то, что грубая чувственность людей ищетъ только житейскихъ выгодъ, не принимая въ расчеты требованій духа, желаній сердца и наслажденій; тогда какъ иноки, чуждые всего, и въ самыхъ необходимыхъ требованіяхъ и условіяхъ плоти, исключительно обращаютъ вниманіе на сердечныя выгоды и на все, что только переноситъ ихъ мысль къ райскимъ красотамъ.»

Описывая аѳонскія лавры, монастыри, скиты, киновіи, пустыни и келіи, и обозрѣвая все замѣчательное въ нихъ, путешественникъ отдаетъ справедливость святогорцамъ за постоянную заботливость о сохраненіи древностей и святынъ. Старинныя иконы, сосуды, ризы сберегаются во всякой обители съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и радушно показываются набожнымъ путешественникамъ и богомольцамъ. Что касается до библіотекъ монастырскихъ, то оцѣ далеко не въ цвѣтущемъ состояніи; въ одномъ русскомъ монастырѣ книги хранятся съ надлежащимъ вниманіемъ, въ другихъ же мѣстахъ или растеряны, или находятся въ жалкомъ положеніи. Вотъ что пишетъ авторъ:

«Всѣ аѳонскія библіотеки, какія только я могъ видѣть, въ самомъ небрежномъ положеніи, исключая только библіотеку Руеика и Зографа. Аѳонскія иконы о старинныхъ книгахъ и рукописяхъ, большею частію писанныхъ на пергаментѣ, думаютъ не какъ о драгоценныхъ произведеніяхъ древняго ученаго міра, а какъ о ничтожной ветоши, напрасно занимающей только мѣсто. Не диво послѣ этого, если случится здѣсь видѣть нѣкоторыя звена въ оковахъ заклесненными археологическимъ отрывкомъ какой-нибудь книги или рукописи. Можетъ быть, такимъ образомъ, столько же утрачено драгоценныхъ

памятникомъ ученой старины; сколько ихъ и сгнило отъ побреженія и сырости подвального воздуха и расхищено неблагоустроенными учеными. Мыъ сказывали здѣсь, что на Завазѣ продавали прежде отсюда библиотечный соръ, то-есть перга и друкониси, не по одначкѣ и порознь каждую книгу и друконисъ, а безъ разбору цѣлыми пудами. Не ручаюсь за справедливость сего сказанія. Случается и нынѣ, но очень рѣдко, явное похищеніе за деньги и тайное нѣкоторыхъ лучшихъ произведеній древней учености, какъ драгоценной въ наше время.»

Въ этой же книгѣ Святогорецъ короче знакомитъ читателей съ издателемъ ея, замѣчательнымъ слѣпцомъ Григоріемъ, который, во время путешествія своего по святымъ мѣстамъ Востока, вездѣ обращалъ на себя вниманіе набожнымъ благочестіемъ и необыкновенною твердостью воли. Біографія этого лица написана очень-удачно и составляетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ во всемъ сочиненіи. Обширность письма не позволяетъ намъ выписать его, а отрывки не могутъ дать понятія о занимательности всего жизнеописанія, которое нужно исполнѣ, чтобы познаться съ личностію, крайне замѣчательною по силѣ и исключительности характера. Послѣднее письмо писано изъ Константинополя. Въ немъ заключается описаніе послѣднихъ дней жизни нашего путешественника на святой горѣ, трогательное прощаніе съ нею и мечты о новомъ свиданіи, вмѣстѣ съ обѣщаніемъ друзьямъ продолжать впослѣдствіи письма о любимомъ краѣ. Желасмъ, чтобы надежды автора на близкое свиданіе съ Аеономъ исполнѣ осуществились, а вмѣстѣ съ тѣмъ оправдались ожиданія друзей и читателей его таланта.

Санкт-петербургскія Вѣдомости, 1854 г. № 52-й

17 го Декабря 1853 года, скончался въ русскомъ аеономскомъ монастырѣ іеромонахъ Сергій, извѣстный подъ именемъ Святогорца. Письма его читались многими, были напечатаны нѣсколькими изданіями, привлекли на Аеононъ множество Русскихъ. Кто зналъ лично добраго и простодушнаго отца Сергія, тотъ увѣренъ, что онъ никогда не искалъ той извѣстно-

сти, которая досталась ему въ удѣлъ. *Прославляющій мя прославию*: это слово Господне надъ нимъ совершилось. Онъ прославилъ Господа своего не столько письменами, сколько дѣлами своими, исполненіемъ святыхъ Его заповѣдей. *Любятъ мя, заповѣди моя соблюдетъ*. Онъ былъ братомъ и ближнимъ всѣхъ христіанъ; неприхотливый, веселый нравомъ, какъ Евангельское дитя; послушный отцамъ своимъ духовнымъ по глубокому смиренію; исполнитель монашескихъ обѣтовъ: постникъ — при слабости своего сложенія; отшельникъ — при своей живости и любви ко всему человѣчеству; слуга всѣхъ братьевъ; страннопріемецъ всякаго, кто заходилъ въ его горную келью, гдѣ хозяиномъ тогда дѣлался служителемъ, а гость домоладыкою. Въ сорокъ лѣтъ съ небольшимъ о. Сергіи совершилъ свое житейское поприще. Былъ священникомъ въ Вятской епархіи; іеромонахомъ, экономомъ архіерейскаго дома, потомъ странникомъ изъ любви къ святымъ мѣстамъ своей обширной родины, схимонахомъ аѳонскимъ. Онъ прошелъ дважды и пѣшіи всю Россію отъ Вятки до Одессы; былъ въ Іерусалимѣ и снова въ Россіи изъ Аѳона не по своей волѣ, а по просьбамъ братьевъ, которыхъ онъ сдѣлался благодѣтелемъ, такъ сказать, нечаянно посланный Руссику какъ ангель-утѣшитель. Литературная извѣстность и громкое имя благодѣтеля нисколько не измѣнили простаго его свойства: онъ писалъ, вовсе не думая о своемъ слогѣ, не выправляя своихъ писемъ, какъ внушалось ему, какъ умѣлъ. Трудился для другихъ, забывая себя вовсе, забывая свои болѣзни, безсонныя ночи; не оставляя своихъ монашескихъ правилъ. Ему каждый человѣкъ казался добрымъ, потому что доброта обитала въ его безмятежной душѣ; потому что довѣрчивость его была безгранична, и по апостольскому изреченію: любовь не мыслить зла. Передъ кончиною онъ страдалъ водяною болѣзнію, и послѣднія недѣли своей жизни ежедневно приобщался Св. Таинъ. Скажу еще одно слово о другѣ нашемъ. Его любили аѳонскіе монахи, какъ дѣти любятъ старшаго брата, утѣшающаго ихъ привѣтливостію и подарками, и оплакали какъ благодѣтеля и примѣрнаго подвижника. Въ настоящую годину испытанія потеря его для Руссика невознаградима.

Но якоже Господеси изволися, тако и бысть.

Вятскія Губернскія Вѣдомости, 1855 г. № 9 и 10,

Воспоминаніе о Святогорцѣ.

17 Декабря 1853 г. на св. горѣ Афонской скончался іеромонахъ Сергій, извѣстный многимъ подъ именемъ Святогорца.—Богу угодно было въ лицѣ отца Сергія дать мнѣ и товарищамъ моимъ по воспитанію наставника духовнаго; и вотъ теперь, когда этотъ наставникъ призванъ въ мѣсто успокоенія, чувство любви и признательности дастъ мнѣ смѣлость передать всѣмъ, кому дорога память объ этомъ рѣдкомъ чловѣкѣ, тѣ встрѣчи мои съ нимъ въ дорогѣ жизни, которыя остались въ моемъ сердцѣ, какъ свѣтлая память минувшаго. Это не будетъ опытъ біографическаго очерка дѣятельности отца Сергія здѣсь—на землѣ, такой опытъ мнѣ не по силамъ, потому что разнообразіе трудовъ Святогорца въ дѣлѣ добра требуетъ опытности и знанія,—нѣтъ, это только чувство благодарности за его любовь къ памъ, его ученикамъ; это слеза любви на его могилу!...

Отецъ Сергій, вятчанинъ по рожденію и образованію, вятчанинъ по первоначальному пастырскому служенію, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сдается сердцу, гражданиномъ неба, по своей кротости, смиренію и любви.—Первый случай, когда я увидѣлъ его, слишкомъ памятенъ мнѣ, хотя я былъ тогда еще лѣтъ 8-ми; это было въ 1837 году: я учился тогда въ г. Слободскомъ (Вятской губерніи) у священника І. М. Палицкаго, съ которымъ о. Сергій—въ то время еще іерей Симеонъ—былъ знакомъ. Однажды, какъ теперь помню, будущій мой наставникъ и Святогорецъ посѣтилъ тогдашняго учителя моего. Высокій ростъ, смуглое привлекательное лице, длинные черные волосы и необъяснимо кроткіе, полные чувства глаза произвели на меня-ребенка большое впечатлѣніе.

Послѣ того, поступая въ вятское училище дѣтей канцелярскихъ служителей, въ 1839 году, я увидѣлъ снова отца Сергія въ церкви Вятскаго Успенскаго Трифонова мужскаго монастыря, за всенощною, въ то самое время, когда онъ давалъ обѣтъ всецѣло посвятить себя Богу, во время его постриженія. Какъ изпурена была тогда плоть его, какъ обиль-

ны были тогда его слезы, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ райски-свѣ-
 тель взглядъ его, когда, по окончаніи обряда, съ св. крестомъ
 и свѣчею стоялъ онъ у иконы Спасителя, обращая къ Нему
 полныя слезъ и любви небесной свои взоры! И эти слезы и
 этотъ взглядъ сохранился въ моей душѣ, какъ будто понима-
 лось тогда ей, что этотъ взоръ обратится въ послѣдствіи и
 на нее съ словами вѣры, надежды и любви въ науки Божіихъ
 заповѣдей!

Съ этого времени прошло два года, я продолжалъ учиться
 въ канцелярскомъ училищѣ. Между тѣмъ, нашъ преподава-
 тель закона Божія, будучи переведенъ изъ г. Вятки, оставилъ
 и училище; на мѣсто его, въ 184½ учебномъ году, опреде-
 ленъ былъ нашимъ наставникомъ Святогорецъ, получившій
 въ постриженіи имя Серафима. Помнится, мы были тогда въ
 классахъ; бывшій въ то время директоромъ училищъ Вятской
 губерніи стат. сов. Полиновскій привелъ въ училище отца
 Серафима, бывшего тогда казначеемъ Вятскаго архіерейскаго
 дома и рекомендовалъ ему насъ, какъ ввѣряемыхъ ему во-
 спитаниковъ. Благословилъ насъ отецъ... и уроки его нача-
 лись.

Въ теченіи двухъ-лѣтняго преподаванія въ училищѣ, вся
 полнота отеческой любви отца Серафима покоилась на насъ,
 и какъ любили мы слушать его, и какъ грустно было ви-
 дѣть кому-нибудь изъ насъ, когда прекрасный взоръ его ос-
 тавивался на комъ-либо съ неудовольствіемъ! Каждой у-
 рокъ его рассказывался и принимался безъ труда, съ охотою,
 съ любовію. Особенно памятли мнѣ и, я думаю, каждому изъ
 товарищей моихъ Воскресныя бесѣды Святогорца. Зимомъ, по-
 слѣ каждой утрени, а лѣтомъ или предъ обѣденою, или же въ
 субботу-послѣ всенощной, отецъ Серафимъ пріѣзжалъ въ учи-
 лище и бесѣдовалъ съ нами о чтеніяхъ Евангельскихъ и Апо-
 столскихъ.—Бывало, стоя въ церкви за всенощною, утренею
 или лютургіею, боишься упустить какую либо особенность
 читаемаго Евангелія, или Апостольскихъ посланій, складыва-
 ешь въ мысляхъ истинны Божія слова, чтобы на Воскресной
 бесѣдѣ перелать доброму наставнику свое пониманіе, свои
 мысли по поводу слышанныхъ въ церкви чтеній. Съ какимъ
 особеннымъ удовольствіемъ замѣчаешь, что отецъ Серафимъ

доволенъ, что отрадно ему, какъ сѣятелю, видѣть всходъ своего посѣва.

Изъ вѣхъ уроковъ Святогорца близко усвоился памяти моей его разсказъ о проповѣди Крестителя. «Покайтесь!» говорилъ умиленный наставникъ и, объясняя образъ крещенія Іоаннова, соединеннаго съ покаяніемъ, переносился къ временамъ нашимъ, развивалъ предъ нами легкость грѣха, тяжесть его послѣдствій, умолялъ удалиться отъ малѣйшихъ поступковъ, могущихъ обратиться въ большіе, и при первоначальномъ покаяніи къ грѣху указывалъ на покаяніе, какъ на средство очищенія нашей души, средство истекающее изъ необъятной любви Бога къ человѣку... Сладко было слушать дивную рѣчь изъ устъ отца Серафима, исполнившихся звуками Божіа слова, изъ устъ его, добраго, любвеобильнаго.

Однажды, предъ празникомъ Рождества Христова, мы дѣти просили его написать для насъ стихи къ этому дню дѣтскихъ поздравленій.—Вотъ нѣсколько строкъ, удержавшихся въ памяти моей изъ стиховъ, которыми онъ подарилъ насъ тогда:

Не наше дѣло проникать
 Въ судьбы завѣтнаго спасенья,
 И предъ тобою (*) изъяснять
 Непознаннымъ воплощенья:
 Какъ Богъ отъ Дѣвы воплотился,
 И какъ Творецъ и Царь царей,
 Вступившись въ дѣло за людей,
 Ихъ избавителемъ явился.
 Мы дѣти. Радость живо намъ
 Рисуешь свѣтлыя картины,
 И отъ событій Палестины
 Уносишь мысли къ небесамъ.
 И здѣсь, и тамъ завѣтъ спасенья
 Свершился тайною святой,
 И надъ преступною землей
 Звучитъ привѣтъ благоволенья,
 И благовѣстникъ воплощенья,
 Съ давно прогнѣванныхъ небесъ,
 Намъ радость жданную привнесъ.
 Великъ въ судьбахъ и дивенъ Богъ!
 Онъ грѣхъ любовью превозмогъ,
 И самъ идетъ на супостата—
 Исхитить изъ его когтей.

(*) Къ кому обращена рѣчь.

Давно страдающихъ людей,
 И какъ Божественный ходатай—
 Пятно грѣховное съ нихъ смыть
 И жизнью небо подарить
 Въ замѣнъ и казни и проклятій!
 Мы дѣти. Вѣримъ живо мы
 И знаемъ долги и займы.
 За насъ сей Ангель все уплатитъ
 Небесной правдѣ, и потомъ,
 Смиривъ съ разгнѣваннымъ Отцомъ,
 Онъ насъ собой облагодатитъ!...

.

Мы дѣти; но и какъ волхвы,
 Съ веселой данію любви
 И съ чувствомъ этой благодати,
 Къ тебѣ (*) въ торжественный сей день,
 Какъ подъ хранительную сѣнь,
 Спѣшимъ влиться пѣснопѣнемъ,
 И ты, какъ къ дѣтямъ, къ намъ склонись,
 Своимъ обычнымъ спсхожденьемъ,
 И чувствамъ дѣтскимъ отзовись благоволеньемъ.

Въ 1843 году, увлеченный духомъ уединенія въ безмятежіе
 Аѳона, отецъ Серафимъ собрался въ путь и, получивъ уволь-
 неніе, заѣхалъ въ училище проститься съ нами; внизу, въ
 пріемной комнатѣ училища, собрались всѣ мы получить бла-
 гословеніе любимаго наставника. Онъ пріѣхалъ, сказалъ намъ
 послѣднее устное слово, завѣщая учиться съ успѣхомъ, обра-
 щаться каждый часъ съ умственной молитвою къ Богу, по-
 могать ближнимъ, если не дѣломъ, то хоть словомъ утѣхи,
 хоть вздохомъ любви, благословилъ насъ, преподавъ лично
 послѣдній урокъ любить другъ-друга въ особенности и всѣхъ
 вообще;—каждый изъ насъ поцѣловалъ его благословляющую
 руку, у многихъ катились слезы разлуки; повидимому и онъ
 оставилъ насъ съ сердцемъ возмущеннымъ чувствами любви
 въ отвѣтъ на нашу дѣтскую привязанность. —Такимъ обра-
 зомъ мы разстались. Отецъ Серафимъ отправился на Аѳонъ.
 Но видимая разлука не разлучила сердець нашихъ съ на-
 шимъ благодѣтелемъ.

(*) Къ кому обращена рѣчь.

25 Января 1844 года, по единодушному желанію всѣхъ товарищей, было послано на св. гору наше благодарственное письмо отцу Серафиму, на которое онъ отвѣтилъ послѣднею уже для насъ пѣсню своею. Вотъ эта пѣснь:

Воспитанникамъ канцелярскаго училища въ отвѣтъ на письмо ихъ, отъ 25 января 1844 года.

Учитесь, дѣти! Да притомъ
 Учитесь съ лучшимъ прилежаньемъ.
 И развернувшимся умомъ
 И дѣтскимъ сердцемъ, со вниманьемъ
 Вникайте въ глубь наукъ, да такъ,
 Чтобъ наконецъ не оказалось,
 Что вы учились кое-какъ,
 Шутя и какъ лишъ ни поналось...
 Ужъ это будетъ просто шалость!
 Нѣтъ! бросьте, дѣти, вовсе лѣнь!
 И что всего дороже Богу—
 Молитесь чаще въ ночь и въ день,
 И привыкайте по немногу
 Любить добро и Божій страхъ!
 Прекрасно знать вамъ всѣ науки:
 Въ нихъ много скрыто тайныхъ благъ,
 И въ нихъ для насъ играютъ звуки
 Давно пронесшихся вѣковъ!
 Но если вы образованью
 Посвятите свою любовь
 И сердца юнаго желанье,
 И не раскройте души
 Для страха Божья: чтожъ тутъ славно?
 Чѣмъ вы послужите тогда
 Для блага церкви православной?...
 Э, дѣти, дѣти! дѣтскій умъ
 Раскинувъ свѣтло для понятій,
 Среди вы отроческихъ думъ
 Ищите богѣ занятій:
 Какъ Богу жизнью угодить,
 И узнать отъ козней свѣта,
 И грѣхъ проклятый разлюбить,
 И стать предъ Богомъ для отвѣта
 Вамъ такъ смѣло въ послѣдній день,
 Какъ изучивъ урокъ на память,
 Бываетъ всякъ надеждой занятъ—
 Не знать наставническихъ пень!

Я радъ, что вы не позабыли
 Меня въ разлукѣ съ давнихъ поръ,
 И мнѣ вашъ сладокъ разговоръ;
 И вѣрю я, что, сколь есть силы,
 Вы постараетесь урокъ
 Мой выучить уже послѣдній,
 И то изъ нѣсколькихъ лишь строкъ.

«Ходите чаще вы къ обѣдни
 «И къ службамъ прочимъ, да чуръ съ тѣмъ—
 - Не разговаривать ни съ кѣмъ,
 «Стоя предъ Богомъ и Святыми!
 «Потомъ—пустыхъ хранитесь словъ;
 «Не знайте дружества со злыми;
 «Но всѣмъ являйте вы любовь,
 «Тѣмъ больше къ нищимъ, какъ и прежде
 « О томъ я съ вами говорилъ!

- Крѣпитесь въ вѣрѣ и надеждѣ,
 - Въ любви къ Владыкѣ горнихъ силъ; -
 «Разврата бѣгайте, какъ яду,
 «Храните сердце отъ страстей
 «И отъ лукавыхъ прихотей!»

— И Богъ вамъ дастъ за то награду,
 Прощайте! помните меня,
 Какъ дѣти сѣвера, а я,
 Вдыхая вѣгу упоенья,
 Которой такъ обилень югъ,
 Мои мечты, и вдохновенье,
 Веселье, радость и досугъ,
 Тоску страдальческой разлуки,
 Мои задумчивые звуки,
 Съ любовью ваша душа
 Дѣлю, и мысль моя въ безмолвн
 И вдохновительной тиши
 О вашей жизни и здоровьи
 Порой бываетъ занята!

О, дай Богъ, чтобъ вы у свѣта,
 Гдѣ все ничто и суета,
 Себѣ не заняли завѣта,
 Отвергнувъ Божескій завѣтъ.
 Хранитесь дѣти! Жизнь тѣмъ горе,
 Кто въ путь Евангельскій неидетъ
 И чувства юныя сольетъ
 Съ житейскимъ страхъ-опаснымъ моремъ!...

Придетъ пора, васъ пустать въ путь,
 И волька—волькой на просторѣ
 Взмутить неопытную грудь...
 Вотъ больше берегитесь тутъ!..

Тогда-то всуомните уроки
 И жизнь библейскую: кто какъ
 Сбыль съ рукъ опасные пороки,
 И кто попадывалъ въ просакъ,
 И былъ для демона добычей!...
 Тогда Евангельскихъ бесѣдъ
 Сознайте духъ и ихъ обычай.
 И съ Богомъ за Богомъ во слѣдъ,
 Подъ крестъ и трудностей и бѣдъ,
 Чтобъ ими выкупить спасенье
 И вѣчныхъ дней отдохновенье!...
 О, сколь ни жить, а умереть,
 Вѣдь, надо, дѣти! Смерти бойтесь!
 И какъ дать Господу отвѣтъ,—
 Хоть сколь—нибудь да безпокойтесь,
 И вѣрьте будетъ смерть легка!
 И заступъ гробовой надъ прахомъ
 И погребальная доска
 Надеждой стукнуть, а не страхомъ!...
 Вотъ все, что высказать я могъ!
 Вотъ все, чего душа желаетъ!
 И будь-же, дѣти, съ вами Богъ!
 Пусть учитъ Онъ васъ и спасаетъ,
 Какъ только Самъ то вѣсть, а я
 Молюсь за васъ и за себя,
 Въ наслѣдья Дѣвы Пресвятыя!
 И какъ знать—дасть ли мнѣ пріютъ
 Благословенная Россія,
 Когда я кончу дальній путь
 Въ край желанной Палестины,
 И дасть ли сердцу отдохнуть,
 Послѣ тревожностей чужбины!...
 Будь воля Божія!... коль я
 Умру здѣсь, — дѣти поминайте!
 А буду живъ, тогда меня
 Къ свиданью съ вами ожидайте!
 Итакъ учитесь и прощайте!

И. грѣшный Серафимъ.

Св. Аѳонская гора.

Какъ завѣщаніе отца, храню я эти строки, оставшіяся
 мнѣ въ память о Святогорцѣ. О, далъ бы намъ Богъ усвоить
 себѣ этотъ послѣдній урокъ его! Это была бы лучшая благо-
 дарность за добро, которое расточалъ онъ между нами.

Эта прощальная иѣсъ была послѣдняя бесѣда отца Серафима съ нами—воспитанниками; но Богъ судилъ мнѣ, уже по окончаніи курса, видѣться съ нимъ въ этой жизни. Въ 1849 году отецъ Серафимъ пріѣзжалъ въ Вятку; по всегдашней любви, я неоднократно посѣщалъ его и услаждался его бесѣдою. Одна жалоба его была тогда на всегдашній шумъ и суету, встрѣчаемые имъ здѣсь послѣ тихаго безмолвія Аѳона, такъ поэтически обрисованнаго имъ въ своихъ «письмахъ Святогорца»; одна мысль его была объ этомъ Аѳонѣ, и часто, очень часто, увлекаясь сердцемъ къ священнымъ высямъ его, Святогорецъ вспоминалъ эпиграфъ, помѣщенный въ письмѣ къ нему же священникомъ Вятскаго кафедральнаго собора К. П. Мышкинымъ, (тоже умершимъ):

«Св. Аѳонъ! Св. Аѳонъ!
-Какъ много думъ наводятъ онъ!»

Наконцѣ въ 1851 году отецъ Серафимъ окончательно оставилъ Вятку, и только письма его сюда, къ нѣкоторымъ знакомымъ, напоминали о Святогорцѣ. Далекимъ отголоскомъ доходили и до меня вѣсти о его аскетической жизни, о произведеніяхъ его, о принятіи имъ схимы—съ именемъ Сергія, и въ заключеніе я услышалъ роковую вѣсть о его смерти.

Молись же за насъ, дѣтей твоихъ духовныхъ, чистая душа въ обителяхъ Отца Небеснаго!...

М. Мусерскій.

ДНЕВНИКЪ.

Еще въ дѣтствѣ занимала меня мысль о путешествіи къ св. мѣстамъ. Бывало, слушая съ замираніемъ сердца рассказы путешествовавшихъ о святынѣ дальнихъ мѣсть, я говорилъ: ахъ, какъ бы и мнѣ удалось побывать тамъ, въ этихъ дивныхъ мѣстахъ,—я бы не желалъ болѣе ничего. Когда же мнѣ замѣчали: «куда тебѣ, вѣдь странничество и большому трудно и страшно!» — я на это съ какою-то увѣренностію отвѣчалъ: пойду, пойду и пойду. Помню, какъ я нерѣдко, особенно по вечерамъ, со слезами молилъ Бога перенести меня ко святынямъ; а ночью мнѣ часто снилось, будто въ какомъ-то чудномъ, невѣдомомъ для меня мѣстѣ Святые ласкаютъ меня. Я былъ тогда ребенкомъ. Но желаніе быть во св. мѣстахъ крѣпко запало въ душу, росло и укрѣплялось съ годами и упрочивалось грустными утратами моей жизни.

По видимому Промыслъ съ младенчества готовилъ меня къ испытаніямъ. Рано я лишился родителей, отрочество мое прошло уныло, безъ радостей. Да и юность была не лучше; тутъ развернулись страсти.....

мнѣ даже горько вспомнить ее, эту юность, сгибшую
невозвратно въ буйномъ увлеченіи чувственными
удовольствіями.

Задумчивъ и грустенъ, залившись слезами,
Какъ часто я занятъ минувшимъ своимъ!
Мой жизненный свитокъ всегда предъ глазами,
И какъ о быломъ мнѣ не плакать надъ нимъ?..

Въ тревожномъ раздумьи, въ безмолвіи глубокомъ,
При трепетномъ сумракѣ тихихъ ночей,
Какъ часто сижу я въ углу одинокомъ,
И слезы невольно текутъ изъ очей.

Да, юность и теперь болѣзненно мечется въ глаза
мнѣ съ различными ея преткновеніями, а тогда я былъ
въ упоеніи и некому было удержать меня. Въ учеб-
номъ заведеніи я привыкъ ловко проводить наставни-
ковъ и надзирателей, и только нѣкоторые случаи изъ
моей грустной тогдашней жизни были замѣчены. Отъ
дурной жизни здоровье мое разстроилось, я близокъ
былъ къ смерти, но Промыслъ Божій, незримый мой
пѣстунъ, недалеко былъ отъ меня, падашаго въ про-
пасть зла, въ гибель вѣчную. Наступило время выхо-
да изъ учебнаго заведенія, а съ нимъ время лучшей
моей жизни, моей тихой радости въ прекрасные без-
мятежные дни супружества. И я блаженствовалъ, но
недолго. Черезъ годъ моя милая подруга умерла, оста-
вивъ мнѣ хотя одно утѣшеніе въ грозномъ несчастіи—
прекрасную дочь. Испытавшій подобную потерю пой-
метъ мое положеніе, повѣритъ, какъ я любовался сво-
ею ненаглядною дочкою.... Настенька!.. Настенька!
Помню какъ склонялся надъ колыбелью твоей, я видѣлъ
душою твою милую добрую мать....

И въ тревогѣ страшной думы
Надъ тобой дитя страдалъ,
И задумчивый угрюмый,
Плакалъ я и горевалъ!

Убаюкивая тебя, я думалъ, что ты переживешь и
меня, и пѣлъ тебѣ.

Вспомни насъ, дитя, родимыхъ!
Ты не будешь сиротой!
Духъ родительскій незримо
Будеть вѣять надъ тобой!

Перелетною мечтою
Нашу тѣнь тогда лови,
Мы слетимъ рука съ рукою,
И съ улыбкою любви.

Мы душой къ тебѣ привьемся
И тебя благословимъ,
И съ молитвой унесемъ
Къ небесамъ святымъ.

Но и ея уже нѣтъ! И она, моя ненаглядная, не-
долго жила для меня; она также оставила меня, давъ
полюбоваться собою только полтора года, а съ ней
все, что мнѣ было дорого и мило здѣсь на землѣ, отле-
тѣло за могилу,—Богъ все переселилъ отъ меня на
небо. Тутъ проникнутый, казалось, безвыходнымъ
страданіемъ, я старался найти утѣшеніе въ терпѣніи
и молитвѣ; сердце мое тогда замерло для удовольствій
земли и безусловно отозвалось на благодатный при-
зывъ неба. Путешествіе ко св. мѣстамъ мнѣ стало
представляться уже какъ единственное наслажденіе,
и вотъ я рѣшился, испросилъ разрѣшеніе и недолго

собирался въ путь. Знакомые и близкіе, узнавъ о моемъ намѣреніи быть паломникомъ, даже испугались за меня и жалѣли; а ужъ сколько передали они, угаривая остаться, несчастныхъ случаевъ странничества отъ разбойниковъ, наполняющихъ будто бы Русь! Не успѣю-де перебраться за родину, какъ на пути снесутъ мою грѣшную голову. Тогда о разбойникахъ много ходило самыхъ нелѣпыхъ слуховъ. Однакожь я отдался на волю Провидѣнія, и вотъ благополучно уже совершилъ путешествіе: видѣлъ и Кіевъ, и Воронежъ, и Лавру Сергія, и Пустыню Саровскую, Соловецкій Монастырь и другія Св. мѣста, освященныя нетлѣніемъ мощей великихъ подвижниковъ вѣры и благочестія.

При прощаньи съ милымъ братомъ и другими родными, я обѣщался писать къ нимъ изъ каждаго города, а между тѣмъ много уже видѣлъ я ихъ, по ни изъ одного не послалъ на родину вѣсти о себѣ. Впрочемъ и писать-то было некогда: останавливался только на ночлегъ, куда приходилъ поздно, а уходилъ чуть забрежжитъ свѣтъ. Теперь же свободно: набросаю изъ памяти замѣтки и имъ напишу.

Изъ дому я отправился 25 Іюля (1838 г.). Родные провожали меня въ путь, какъ въ могилу; до того они, какъ бы зловѣще, плакали, что моя рѣшимость начинала колебаться; тяжелая разлука, разлука долгая, и какъ знать,—можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ вѣчная, крѣпко щемила мое сердце. Чего тогда не приходило на мысль! Чего я не передумалъ, оставляя родину, родныхъ, и пускаясь скитаться въ сопутствіи только нужды, усталости и опасеній!.. Но скрѣпя сердце, я обнялъ родныхъ, поклонился родимымъ мѣстамъ и, перекрестясь, пустился въ путь дороженьку.

Начальный путь мой былъ незамѣчательнъ. Длинный лѣсъ, какъ скучный разсказъ о небываломъ, тянулся предо мною, не представляя ни для глазъ живописнаго вида, ни для воображенія пищи. Эта однообразность природы, эта сиротливость одиноко стоявшихъ кое-гдѣ лачужекъ, — словомъ, эта дикаа обстановка начинала развивать во мнѣ грусть; а когда я ближе былъ къ чужбинѣ, тоска ложилась свинцомъ на занывавшее сердце. Тутъ еще страхъ неизвѣстности навязался въ мои провожатые за родину и, само собой, накидывалъ мрачнѣе прежней тѣни на мое странствованіе. Невольно тогда пожалѣлъ я о своемъ оставленномъ домикѣ и о минувшей безмятежной сельской жизни!....

Въ Цар—кѣ я пробылъ очень недолго, да и жалѣлъ даже, что остановился тамъ, потому что здѣсь насказали мнѣ дивныя дива объ опасностяхъ впереди 80-верстнаго лѣса. Въ пути безъ твердости и отважности—горе; довѣряться же расказащикамъ двойное горе.

30 Іюля я перекатился чрезъ Волгу, чрезъ эту рѣку славную въ лѣтописяхъ разбоевъ, — и вступилъ въ Козьмодемьянскъ. Небольшой городокъ расположенъ на косогорѣ и, въ безпорядкѣ своихъ направленій, красуется надъ Волгою. Видъ съ высоты кончающагося гсрода прекрасный, особенно за Волгу, гдѣ на значительное разстояніе раскинулись живописно—красующіеся Волжскіе луга.

31 Іюля, вечеромъ, прибылъ въ Нижній-Новгородъ, въ самое толкучее время его ярмарки, въ самый шумный приливъ народа разныхъ націй, состояній и разбора. Я остановился въ мѣстности самой ярмарки, у знакомыхъ моихъ земляковъ, и пять дней толкался на этой Европейской площади. Много видѣлъ, болѣе то-

го слышалъ, дивился тутъ смысленности людской и суетѣ бѣднаго человѣчества.... Впрочемъ вечеръ ярмарки мнѣ казался гораздо восхитительнѣе дня. Вечеръ даже можетъ назваться волшебнымъ. Съ самаго утра народъ переливается въ разнообразныхъ направленіяхъ, волнуется, шумитъ, и этотъ шумъ не представляетъ ничего пріятнаго, занимательнаго. Но вечеръ!— вечеръ неподобенъ. Усталый народъ западаетъ въ свои тѣсныя палатки, или верхнее лавочное жильё, и занять болѣе расчетомъ; по этому улины затихаютъ, въ торговыхъ рядахъ начинаютъ вспыхивать одинокіе огоньки. Тишина ярмарки вечеромъ нарушается лишь раскатами напѣвнаго и музыкальнаго эха и глухимъ гуломъ усталаго народа. А это все, слившись въ одну протяжную мелодію, гармонически долетаетъ до слуха и замираетъ въ сумрачномъ отдавленіи...

1 Августа былъ у Литургіи въ храмѣ, построенномъ въ концѣ ярмарочной площади, на сѣверъ. Послѣ обѣдни Преосвященный І..., при многочисленномъ стеченіи народа совершилъ, крестный ходъ на р. Оку. Кромѣ православнаго храма въ ярмаркѣ, на западъ за проливомъ одиноко возвышается Армянская Церковь, а на противоположной сторонѣ магометанская мечеть.

8 Августа, вечеромъ, пришелъ въ Монастырь, такъ называемый у Николеы на Шашмѣ, Владимірской Губерніи. Монастырь очень бѣдный и тѣмъ болѣе приходитъ въ упадокъ, что нѣсколько уже лѣтъ неимѣетъ настоятеля. На другой день, послѣ Литургіи, пошелъ далѣе и тутъ на пути встрѣтилъ незабвенное для меня радушіе одного бѣднаго семейства.

Страшно измученный, я едва брелъ по дорогѣ, какъ вдругъ меня нагоняетъ старичекъ, весь сѣдой, какъ лунь; а спутникъ одинокому—кладъ. Я тотчасъ же

заговорилъ съ нимъ и узналъ, что онъ возвращается домой отъ добрыхъ людей, къ которымъ ходилъ по своимъ домашнимъ надобностямъ. Далеко ли до твоего дому, старинушка? спросилъ я. «Дойдемъ такъ увидимъ», было отвѣтомъ. Впереди виднѣлся небольшой перелѣсокъ; мы прошли его и вступили въ деревеньку самую бѣдную, какъ можно было судить по постройкамъ. Старикъ остановилъ меня противъ одного домика, кажется, бѣднѣйшаго изъ всѣхъ, и пригласилъ отдохнуть. Мы вошли. Кромѣ старушки, слабой уже зрѣніемъ, и дочери, болѣе никого не было у старика. Старушка первая вступила со мной въ разговоръ; когда же я сказалъ, что иду въ Кіевъ, вздохнула и, перекрестившись, съ умиленіемъ проговорила: «донеси тебя Господи, родимой!» Она даже благодарила Бога за такого неожиданнаго гостя... Неужели вы каждаго странника готовы принять и упокоить, тогда какъ многіе отъ этого прочь? «Что это, батюшка, да вѣдь мы крещеные! Мы хоть бѣдны, да рады, чѣмъ Богъ дастъ, накормить бѣдныхъ странниковъ: я слыхала, что этимъ угодишь Богу.» О состояніи своемъ она мнѣ объясняла, что они сдѣлались чуть ли небѣднѣйшими изъ всѣхъ въ окрестности, выкупившись на волю. Дѣтей у нихъ, кромѣ дочери взрослой уже, никого не было, дочь же сама нейдетъ за мужъ, потому что некому будетъ кормить ихъ до смерти. «А зять-то каковъ вѣдь попадетъ!» замѣтила старушка. Пропитаніе имъ доставляетъ дочь тканьемъ полотна и другими рукодѣльями. Подобныхъ пожертвованій со стороны дѣтей родителямъ дай Господи болѣе!

Пока старушка разговаривала со мной, дочь ея приготовила полдникъ : щи постныя и ягоды бруснику— вотъ все приготовленіе. Но за то искренность бѣдня-

ковъ, ихъ доброта были для меня сладки, и я долго говорилъ съ ними о божественномъ, какъ они выражаются. Провожая меня, это прекрасное, хотя бѣдное семейство, напутствовало желаніями здоровья и спасенія.

12 Августа. Ростовскій монастырь Св. Іакова Епископа Ростовскаго. Яковлевскій монастырь находится въ концѣ города, на западъ; южною стѣною онъ примкнулъ къ довольно обширному озеру. Эготъ монастырь построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Св. Іаковъ, изгнанный изъ города безумными Ростовцами, присталъ къ берегу озера, приплывъ къ нему на раскинутой имъ по поверхности воды святительской мантии. Такъ рассказываютъ о началѣ монастыря. Кругомъ его стѣна съ башенками, прекрасно устроенными; внутри стѣны три отдѣльныя церкви и огромный корпусъ для братіи, настоятеля и богомольцевъ. Въ одной изъ церквей, а именно Зачатіевской, покоятся мощи Святителей—Іакова, основателя монастыря, подъ спудомъ, и Св. Дмитрія—открыто. Мощи перваго почиваютъ въ лѣвой сторонѣ, близъ пономарскихъ дверей, а втораго—въ правой, при концѣ церкви. Послѣ утрени я сподобился приложиться къ мощамъ Св. Дмитрія. Не могу выразить, что я чувствовалъ, когда въ первой разъ грѣшными устами прикоснулся къ Его прославленному тѣлу: то былъ какой-то трепетъ, какое-то благоговѣніе, и вмѣстѣ какая-то неизъяснимая духовная сладость. Эти чувства волновали тогда мою душу и присущая божественная благодать отдѣляла ее въ минуту этого прикосновенія отъ всего земнаго....

Благолѣпіе храмовъ въ монастырѣ замѣчательно, особенно Зачатіевской Церкви. Видно, что изящество вдохновляло кисть живописца и рѣзецъ зодчаго, а бла-

гочестіе—душу создательницы этого храма, Графини Орловой. Въ притворѣ храма поставленъ памятникъ Амфилохію, гробовому Геромонаху, святому, какъ свидѣтельствуяють, по жизни. Камень этотъ воздвигнуть тою же благочестивою, духовною его дочерью, Графиней Орловой, которая, надобно замѣтить, монастырю Яковлевскому весьма усердно благотворить.

Богомольцевъ здѣсь бываетъ очень много во всякое время, изъ всѣхъ мѣстъ; для нихъ гробница Св. Дмитрія вскрывается, такъ называемымъ, гробовымъ Геромонахомъ.

15 Августа, въ день Успѣнія Божіей Матери, исповѣдавшись у старца В..., я принялъ у О. Арх... благословеніе на посѣщеніе монастырей Ростовскихъ. Поклонившись въ соборъ почивающимъ Святителямъ, я прямо прошелъ въ монастырь Св. Авраамія. Преподобный Авраамій въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ посвятилъ себя иноческой жизни, но, видя въ Ростовѣ закоренѣлое идолопоклонство, упорное служеніе идолу Велесу, онъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ рѣшилъ оставить этотъ городъ. Только на пути ему является Іоаннъ Богословъ и, давая трость, говоритъ: «возвратись въ Ростовъ, сокруши эту тростью идола Велеса, сказавъ ему: во имя Іисуса Христа повелѣваетъ тебѣ Іоаннъ Богословъ—сокрушись!»

Много пострадалъ Праведникъ за ревность свою къ Христіанству отъ невѣрныхъ, долго боролся съ ихъ укоренившимся идолопоклонствомъ, однакожъ наконецъ благодатію Божіею успѣлъ въ своемъ усердіи: отъ мала до велика Ростовцы обратились къ истинному Богу. Создавъ церковь во имя Богоявленія и устроивъ кельи для иноковъ, онъ по общему согласію былъ поставленъ Архимандритомъ обители, по нынѣ существу-

ющей, гдѣ и Св. его мощи покоятся. Поклонившись Угоднику, я облобызалъ Св. его мощи, а потомъ отправился въ монастырь Петра Царевича.

Монастырь этотъ основанъ такъ: Петръ Царевичъ, до принятія Св. крещенія, находился въ Ордѣ, какъ племянникъ царя Ордынскаго Беркаа. Ростовскій Святитель Кириллъ по нуждамъ церкви, приходилъ въ Орду, гдѣ бесѣдовалъ съ Ханомъ о вѣрѣ Христіанской и о чудесахъ, творимыхъ ея подвижниками. Во время этихъ бесѣдъ находился Петръ Царевичъ и, убѣдившись въ истинѣ проповѣди Святителя, скрылся изъ Орды вслѣдъ за отправившимся въ свою паству Кирилломъ; на пути онъ умолилъ Кирилла взять его съ собою въ Ростовъ, гдѣ и былъ присоединенъ къ Православной Церкви. Здѣсь Петръ Царевичъ любилъ иногда охотиться у озера за птицами; такъ однажды, завлекшись охотой, незамѣтилъ онъ, какъ наступилъ вечеръ и темная ночь; утомленный, ненаходя тропинокъ, онъ легъ на берегу озера Ростовскаго и, лишь сонъ сомкнулъ глаза, ему являются Св. Апостолы Петръ и Павелъ; отъ испуга Царевичъ проснулся, но и въ явѣ предъ нимъ стояли тѣже Апостолы, повелѣвая ему, чтобъ на мѣстѣ явленія онъ устроилъ церковь, а въ залогъ своихъ молитвъ на этотъ случай и небесной помощи, они вручили ему два кошелька—одинъ полный золота, а другой серебра. Тоже приказаніе въ явленіи во снѣ было подтверждено Епископу Ростова, Св. Игнатію. Князь Ростовскій, искушая Петра Царевича, сказалъ ему однажды. «Владыка устроить тебѣ церковь, но мѣста далѣе церкви я тебѣ не дамъ». «Если Владыка повелитъ и Богъ изволитъ, мы купимъ у тебя земли,» отвѣчалъ Петръ. «Неиначе, какъ если ты границу земли, нужной тебѣ, обложишь серебромъ и

золотомъ, въ такомъ порядкѣ, чтобъ послѣ девяти серебрянниковъ слѣдовала златица.» Вѣра Царевича въ Бога сотворила то, что кошельки, данные ему Апостолами, неистожились; онъ условленнымъ образомъ очертивъ себѣ необходимое количество земли, устроилъ монастырь, гдѣ впослѣдствіи и самъ упокоился. Моги Царевича почиваютъ въ созданной имъ церкви, въ этомъ монастырѣ.

ПИСЬМО Д. А. В. И К. А. В-НУ.

—

Чьи-то изъ васъ молитвы сильны предъ Господомъ о мнѣ многогрѣшномъ? Не будь ходатайства о мнѣ, на вѣрное бы тѣломъ моимъ играли волны морскія, а гдѣ былъ бы духъ, Богъ вѣсть... Мы теперь дивимся, что, живя мѣсяць покойно въ Одессѣ, не озаботились проситься за границу, а въ началѣ Декабря вдругъ рѣшились; неболѣе, какъ чрезъ недѣлю, паспорта были бы въ рукахъ нашихъ и мы отправились бы за границу на отходившемъ тогда параходѣ, еслибъ не наша бездѣйственность, а лучше Промыслъ Божій не удержалъ насъ. Параходъ недоплывъ 50 верстъ до Царьграда, потерпѣлъ гибель въ виду Босфора. По рассказамъ, до 40 чел. утонуло, а спаслись только трое. О море, море! Признаюсь, иногда ужась и тревога охватываютъ меня при взглядѣ на него...

А отъ чего вы не пишете ко мнѣ? Удивляюсь. Иль все забыто и слѣдъ мой простылъ? Такъ по крайней мѣрѣ молитесь о мнѣ, молитесь же, мои возлюбленные!

На дняхъ здѣсь чудодѣйственно явился Святитель Христовъ Митрофанъ одному больному офицеру, не вѣрившему въ святость Угодника, даже хулившему его. Разболѣвшись, офицеръ дня два лежалъ въ мерт-

венномъ положеніи; потомъ очнулся и, призвавъ брата своего, просилъ сказать всѣмъ близкимъ, «да неупиваются виномъ, вводящимъ всегда въ тяжкіе грѣхи. За это, продолжалъ больной, меня хотѣли похитить бѣсы въ огненную печь, только вдругъ явился Святитель Христовъ Митрофанъ и, заградивъ отъ меня печь, сказалъ нечистымъ: «не время еще! Я не дамъ вамъ его!» а потомъ обратясь ко мнѣ, прибавилъ: «теперь посылай за священникомъ». «Въ продолженіи 30 лѣтъ я буду здѣсь страдать и мучиться, еслиже скоро умру, то значить Богъ меня простилъ». Тотчасъ приглашенъ былъ священникъ, и больной, исповѣдавшись и приобщившись, объявилъ, что во время этого таинства Святитель Христовъ присутствовалъ при немъ, съ принятіемъ же тѣла и крови Христовой сдѣлался невидимъ. Вскорѣ больной скончался. Дивенъ въ щедротахъ и во святыхъ своихъ Богъ! Слава Святимъ Его Угодникамъ, неоставляющимъ насъ во всякое время!

Прощайте! Еще прошу молитвъ вашихъ о мнѣ, а тебя, милый братъ Д... умоляю, ради Бога, истреби, сожги всѣ бумаги мои, писанныя во время юности въ духъ суеты, въ уклоненіи отъ правилъ жизни Христіанской; всѣ рѣшительно, за исключеніемъ развѣ немногихъ духовныхъ стиховъ, сожги, ради Господа молю и прошу, если только любишь меня. Жаль, что я не сдѣлалъ этого самъ, но надѣюсь, ты не откажешь въ послѣдней моей просьбѣ. Ради Бога испепели всѣ мои бумаги и молись, да Господь не помянетъ моихъ грѣховъ. Ради Господа прошу, скажись надъ моей душой!

13 Декабря 1840 г.

Одесса.

ПИСЬМО Д. А. В-НУ.

Сегодня 25 Декабря, день великій и радостный для всѣхъ Православныхъ... Въ часъ за полдень я пошелъ на берегъ любоваться играющимъ моремъ, и, съ опасностью оборваться, кое-какъ цѣпляясь за мелкій кустарникъ, пробрался къ самому обрыву берега и всталъ въ кустарникъ. Предъ глазами безбрежное море, награнице его даль Цареградская, а въ душѣ мечта о милой родинѣ... Торжество церкви въ гудящихъ колоколахъ напоминаетъ мнѣ жизнь минувшую—жизнь Ачужскую (*), и вотъ невольно сердце рвется къ тебѣ; оно спрашиваетъ: что ты дѣлаешь, что ты чувствуешь теперь, думаешь ли ты о своемъ бѣдномъ братѣ въ тѣ минуты, когда онъ, полный грустной думы, одинъ въ южномъ мѣрѣ, на берегу играющаго моря, о тебѣ мыслить, къ тебѣ уносится сердцемъ,—думаешь ли ты о немъ?

Я надъ моремъ. Угрюмыя, дикія, обрывистыя скалы высокаго берега подъ ногами моими, бездны подъ ними, а тутъ море. Море играетъ въ бурныхъ волнахъ, море плещеть, шумить, сликовствуя природѣ и

(*) Ачуги—сего, родина Святогорца.

чадамъ Св. Церкви. Вся природа дышетъ благодатию нашихъ майскихъ дней, развѣ только въ тѣнистыхъ ложбинахъ остаются клочки снѣга и когда же? 25 Декабря. Солнышко красуется на южномъ небѣ ясно, весело; небо чисто, ни одно облачко неотуманиваетъ его, а сильный цареградскій вѣтеръ играетъ разгулявшимся моремъ. Море такъ и бушуетъ; его волны кипятъ, пѣнятся, бѣгутъ и разбиваются подо мною объ утесистый берегъ. Ни одной живой души невидно въ немъ, кромѣ безпечно баюкающихся, въ игривыхъ волнахъ его, чаекъ. Горизонтъ вдали тонетъ въ морѣ и море тонетъ въ синевѣ далекихъ небесъ... О, за чѣмъ тебя нѣтъ сомной, товарищъ думъ! Только о тебѣ я тоскую и радъ бы теперь съ Юга на Сѣверъ переслать тебѣ привѣтъ мечтающей души хоть съ облакомъ; но небо такъ ясно, небо такъ чисто, какъ радость сыновъ Св. Церкви: ни одно облачко нетуманиваетъ его... Взглянулъ бы ты на мое сердце: оно полно тобою; ты былъ мнѣ утѣшеніемъ въ мірѣ, но теперь и тебя уже нѣтъ сомною! Я одинъ подъ небомъ юга и, Богъ вѣдаетъ, что меня ждетъ тамъ на морѣ, что ждетъ за моремъ и что ждетъ еще до моря!..

Ты не видалъ моря и мнѣ жаль, что этого чуда Всевышняго Творца ты не видалъ. Виѣстѣ съ моимъ и твое бы сердце, при взглядѣ на море, исполнилось теплымъ умиленіемъ, горячею любовью и благоговѣйнымъ удивленіемъ къ Создателю, особенно въ сегодняшнее торжество...

Ночь. Небо чисто; звѣзды горятъ, рассыпаясь вечернимъ блескомъ по ясному небу; луна выкатилась на море, ея задумчивый полусвѣтъ скользятъ на поверхности бунтующихъ волнъ, грозныхъ отъ того бѣлизной еще болѣе. Всмотрись въ небо—сердце уми-

лется его тишиною: тамъ тамъ ясно и величественно, тамъ такъ торжественна безмятежность... Но за чѣмъ тебя нѣтъ здѣсь? Твой голосъ слыся бы съ моимъ словословіемъ; мы единодушно воскликнули бы, любуясь на тихую природу и играющее море: дивны дѣла Твоя, Господи!

Прекрасна здѣсь природа въ настоящее время, она смотритъ уже нашимъ Маемъ, только не цвѣтетъ еще. Все здѣсь ясно, весело, всюду дышетъ теплотою, только въ душѣ моей бурно отъ помысловъ о безчисленныхъ, тайныхъ заблужденіяхъ моихъ. Молись, братъ мой, молись, да очиститъ меня Господь, да водворится миръ въ моей многогрѣшной душѣ...

31 Декабря. Какъ было начало Рождества Христова ясно, тепло и весело, такъ преполовеніе и конецъ праздника непостояненъ. День на третій схолодало и такая буря развернулася въ морѣ, что страшно! Вслѣдъ за тѣмъ, то снѣгъ, то оттепель, то туманы и сырость, такъ что я простудился и теперь еще боленъ.

Вчерашняго дня я былъ у П.. Я.. С—вой, доброй страннопріемницы, чистой христіанки въ большомъ свѣтѣ. Она рассказывала мнѣ о чудесномъ исцѣленіи одной дѣвицы Святителемъ Христовымъ Митрофаномъ въ Ноябрь мѣсяцѣ. Объ исцѣленіи ей пишетъ одна полковница, у которой живетъ исцѣленная дѣвица. Долго была одержима эта дѣвица неизлѣчимою болѣзнію; невидя помощи и не надѣясь получить ее отъ докторовъ, родные больной дали обѣщаніе везти ее къ Святителю Митрофану въ Воронежъ. Вскорѣ послѣ сего обѣта больной во снѣ является старецъ, осизая но лицу ея своей рукой; больная пробуждается и наяву тотъ же старецъ стоялъ предъ ней. Отъ испуга она упала съ кровати на полъ, погрузившись въ то-

же время въ крѣпкій, глубокой сонъ; и въ этомъ снѣ ей видится, что она въ Воронежѣ стоитъ при гробницѣ Святителя Христова, но какъ внимательно ни разсматриваетъ гробницу, невидитъ въ ней чудотворныхъ мощей Угодника Божія, а потому въ огорченіи, обращаясь къ своимъ роднымъ, она съ сердцемъ говоритъ: «что же вы привезли меня къ угоднику Божию, когда его нѣтъ здѣсь. Гдѣ же его моща?» Вдругъ за этимъ преждеявлявшійся старецъ предсталъ предъ нею и спросилъ: «кого ты ищешь?» Она отвѣчаетъ, что мощей Святителя Христова Митрофана. «Святитель Митрофанъ предъ тобой», сказалъ старецъ. И съ этими словами, взявъ ее за руку, онъ ввелъ ее въ алтарь. Здѣсь болящая увидѣла множество Ангеловъ и, кромѣ Святителя Митрофана, еще одного старца Святителя же, и другаго въ бѣломъ одѣяніи мужа; благоуханіе и радость она чувствовала въ эти минуты—неземныя, а небесныя. Объяснивъ Угодникамъ Божиимъ свое болѣзненное состояніе, больная просила у нихъ исцѣленія; всѣ трое благословили ее, а Святитель Христовъ Митрофанъ, благословляя, сказалъ ей, что она по милости Божіей освобождается отъ своей болѣзни ими; окончательное же исцѣленіе она получить уже при мощахъ Его. Исцѣленная осмѣлилась спросить Святителя Митрофана, кто были двое съ нимъ. Онъ объявилъ ей, что одинъ—Тихонъ Задонскій, а о другомъ сказалъ: послѣ узнаешь про него. Проснувшись, дѣвица почувствовала себя здоровою и, какъ бы никогда неболѣвшая, побѣжала къ домашнимъ рассказать о своей радости, по милости Божіей, явленной ей Воронежскими Чудотворцами.

Въ здѣшнемъ Каѳедральномъ соборѣ замѣчательна Чудотворная икона Божіей Матери, писанная для

острова Родоса въ Римъ, оттуда ее вывезъ Русскій Консулъ и приложилъ въ Соборъ. Выразительная божественность лица Царицы Небесной на этой иконѣ удивительна; Предвѣчный Младенецъ во всѣхъ чертахъ сходство съ Пречистою Матерію. Я слышалъ, что эта икона очень близка къ своему Божественному подлиннику. Въ Москвѣ мнѣ грѣшному случилось прикладываться къ иконѣ Божіей Матери, писанной Евангелистомъ Лукою; но теперь не помню черты Преподобной Владычицы и Ея сладчайшаго Иисуса—младенца...

Вотъ и вечеръ послѣдняго дня 1840 г., наступаетъ —41 г. Чѣмъ-то надѣлать онъ меня, или лучше, что-то я начну и какъ пройду наступающій годъ. Ничего болѣе не желаю, какъ обновленія жизни, исполненія постоянного желанія—видѣть Іерусалимъ и лобызать его святыню, достигъ Аѳонской горы, испросивъ ее у Царицы Небесной въ пристанище и покой души и тѣла.

Писалъ и еще пишу и прошу всею душею, всѣмъ сердцемъ: ради Христа, исполни мою просьбу—издери, сожги и самый пепелъ развѣй всѣхъ тѣхъ моихъ бумагъ, на которыя съ чернилами ложились вольныя мысли, дурныя слова, глупое разсѣянное чувство воображенія,—освободи мою душу отъ тяжкаго ига и, исполнивъ эту просьбу, реки Богу: «Боже! прости заблужденія жалкаго моего брата, непомяни грѣховъ его и оскорбленій, причиненныхъ Тебѣ его прежними писаніями.

Прощай! Да благословится для всѣхъ васъ новый годъ!

31 Декабря 1840 г.

Одесса.

ПАЛЕСТИНСКІЯ ЗАПИСКИ (*).

Наконецъ мы въ Иерусалимѣ; по прежде всѣхъ св. мѣстъ въ самомъ городѣ, восхительный Елеонъ чрезвычайно занималъ насъ, и желаніе сердца стремилось къ его священной главѣ. Монастырь Св. Теодора Тирона, гдѣ помѣщаются Русскіе поклонники, расположенъ на такомъ мѣстѣ, что съ его открытой террасы гора Мужей Галилейскихъ, самый Елеонъ и гора Соблазна, а за ними далѣе на Востокъ дикая цѣпь Аравійскихъ горъ видны въ самомъ плѣнительномъ положеніи... При взглядѣ на Елеонъ, невольно думается, что эти дорожки, вьющіяся между вѣковыми маслинами, тѣже самыя, которыми въ свое время проходилъ и Господь нашъ! А тамъ на Елеонѣ, какъ трогательна была бесѣда Его съ учениками!.. Мы неутерпѣли и рано утромъ 18 Октября (1844 года), въ сопровожденіи Иерусалимскаго инока, отправились въ путь на дивный и священный Елеонъ. Въ Иерусалимѣ, безъ преувеличенія можно сказать, что шагъ, то Евангельское событіе, и сколько здѣсь мѣстъ, драгоценныхъ для Христіанскаго сердца!.. Дорога наша на Елеонъ вела

(*). Здѣсь помѣщается только часть обширныхъ записокъ Святогорца о Палестинѣ, найденная послѣ его смерти.

чрезъ Геосиманію, по улицѣ крестнаго пути Господня. Быстро мы дошли до заставы Геосиманскихъ воротъ, называемыхъ и Овчьи и (еще) Маріинными, мимоходомъ совершая поклоненіе тѣмъ св. мѣстамъ, на которыхъ шедшій на Голгоѳу Іисусъ изнемогалъ и падалъ подъ ношею страдальческаго креста своего. Обо всѣхъ этихъ мѣстахъ послѣ, теперь на Елеонѣ! Сердце бьется невыразимымъ чувствомъ нетерпѣнія.... Пора! Пора!

Елеонъ лежитъ отъ Іерусалима на Востокъ въ разстояніи версты, если не менѣе. Сей часть за городомъ, путь скоро склоняется къ Геосиманіи, гдѣ и теперь еще хранится безцѣнный гробъ Богоматери, а вправѣ отъ нея погребальной пещеры, въ каменной загороди и понынѣ цѣлы восемь маслинъ, подъ которыми провелъ послѣдній вечеръ въ молитвенномъ подвигѣ Богочеловѣкъ и откуда былъ взятъ Еврейскою стражею, предводимою вѣроломнымъ Іудею. Спускаясь отъ Іерусалима къ потоку Кедрскому, гдѣ расположена Геосиманія. проходятъ засорившуюся водотечь, вблизи которой побивавшіе Св. Стефана слагали свои одежды подъ надзоромъ нѣкоего юноши Савла, а нѣсколько сажень ниже отсюда показываютъ и самое мѣсто, гдѣ первомученикъ былъ побитъ камнями за Евангельскую проповѣдь. Въ настоящее время мы миновали Геосиманію, потому что на поклоненіе туда насъ приглашали назавтра, а вмѣсто того прошли въ Геосиманскій садъ почтить поклоненіемъ то драгоценное мѣсто, на которомъ до кроваваго пота молился Господь Іисусъ, да мимо идетъ Его чаша крестныхъ страданій и смерти. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, назадъ тому восемнадцать вѣковъ, изливалась святѣйшая молитва къ Отцу Небесному отъ Подателя молитвы,

и я, ничтожный грѣшникъ, осмѣлился въ сердечномъ умиленіи произнестъ: «Отче нашъ!» Въ глубокомъ смиреніи и признательности я палъ здѣсь на землю и поцѣловалъ ся хладный прахъ, изливая предъ Богомъ мои чувства за то наслажденіе, за то счастье, что я сподобился видѣть и лобызать слѣды Его искупительнаго подвига за спасеніе бѣднаго человѣчества!.. Вблизи, почти въ смежности съ вертоградомъ Геосиманскимъ, показываютъ два камня, огромнаго размѣра, съ очертаніемъ на нихъ не глубокихъ впадинъ; здѣсь будтобы Св. Апостолы Петръ, Іаковъ и Іоаннъ спали тяжелымъ сномъ тогда, какъ Господь и Учитель ихъ изнемогалъ въ подвигъ очистительной борьбы съ немощами нашей человѣческой природы. Какъ трогательно произносимъ былъ здѣсь упрекъ вѣчной любви: *Тако ли невозможно единаго часа побдѣти со Мною* (Матѣ. гл. 26 ст. 40)! *Симоне! Спиши ми; не возмоглъ еси единаго часа побдѣти* (Мар. гл. 14 ст. 37). Неукоръ гнѣва, не голосъ смятенія, но желаніе вѣчной любви, да въ скорби Учителя примутъ участіе возлюбленные ученики... Ученики спали тяжело... Ужели же, Господи, молитва учениковъ, ихъ слезы за Тебя предъ Отцемъ Твоимъ облегчили бы Твои предсмертныя страданія, или заступили бы Тебя предъ Его неумолимою правдою?.. О! какъ человѣкъ, и Ты требовалъ утѣшенія, и Ты искалъ участія друзей Твоихъ! Ты былъ человѣкъ! Но, какъ преднареченный Спасителемъ міра, Ты былъ послушенъ предначертаніямъ о насъ всеблаой воли предвѣчнаго Отца Твоего!..

При выходѣ отсюда на Елеонскій путь, вправѣ показываютъ еще камень, памятникъ того времени, когда Св. Стефана побивали безумные Іудеи. Отсюда Бого-

матерь смотрѣла на его страдальческій подвигъ, улаждая послѣднія минуты Исповѣдника Христова молитвою за него ко Господу. Возвышенность, или подошва Елеона, лежитъ въ противоположной сторонѣ отъ мѣста казни Св. Первомученика, такъ, что Богоматерь могла видѣть каждое движеніе, даже слышать слова Св. Стефана, и онъ самъ въ Ея божественныхъ очахъ отходилъ на небо, благословляемый Ею, напутствуемый Ея утѣшительнымъ взоромъ... Напротивъ того камня, влѣво отъ Елеонскаго пути, находится другой, меньшей величины; на немъ, говорятъ, любила отдыхать Богоматерь, восходя на Елеонъ; по вознесеніи Господнемъ. Здѣсь, въ виду погребальной Ея пещеры, Св. Ѳома, лишенный утѣшенія быть при Успеніи Пресв. Маріи, горько плакалъ о разлукѣ съ Нею до тѣхъ поръ, пока Она не удостоила Его особеннаго своего небеснаго явленія. На этомъ мѣстѣ онъ получилъ отъ Нея поясъ (*), какъ знаменіе Ея материнскаго благоволенія, какъ утѣшеніе его сѣтующей души, и здѣсь-же, наконецъ, полагаютъ мѣсто Апостольской трапезы на третій день по Успеніи Пресв. Богородицы. Оставляя въ правѣ на сторонѣ Елеонскій путь; мы прошли на гору Мужей Галилейскихъ. Эта гора не отдѣльна отъ Елеона, и только уступаетъ ему нѣсколко въ вышинѣ; она почти вся голая, и только на самомъ верху есть скудный вертоградъ, усвоенный нынѣ владѣніе Греческой Патріархіи. Южный скатъ горы красуется нѣсколькими кустами полуизсохшихъ оливокъ. Самое темя ея занято развалинами нѣкогда прекрасной и обширной церкви во имя Св. Апостоловъ.

(*) Въ настоящее время поясъ Пресв. Богородицы находится на Аѳон. горѣ въ Ватопедскомъ Монастырѣ.

Глубокіе водоемы, впрочемъ изсохшіе, остаются подъ ея могучей основой. Здѣсь все пусто и дико; ни одна капля отрадной воды не оживитъ задыхающихся пришлецовъ далекой нужбыны. Мы поцѣловали обломокъ колонны, на восточномъ углу уцѣлѣвшей, гдѣ, можетъ быть, въ свое время существовалъ жертвенникъ для приношенія безкровной жертвы во спасеніе міра; но нынѣ все тутъ пусто, и тоскующія развалины давно минувшей старины невольно говорятъ сердцу о невѣрности земной и о неизслѣдимыхъ судьбахъ Господнихъ. Молча оглянули мы незабвенное мѣсто. Затѣмъ глубокіе водоемы увлекли наше вниманіе; но тамъ уже нѣтъ воды. Только подземное эхо говорило съ нами, когда мы въ ихъ отверстіе бесѣдовали съ мертвенностію дикихъ камней. Одинъ пзъ насъ прочелъ въ это отверстіе Трисвятое, и слабый отголосокъ вторилъ за нимъ молитву Божественную... Отсюда развертывается неподобный видъ на востокъ на Аравійскія горы, а на юговостокъ на Мертвое море, въ которое вбѣгаетъ быстрый Иорданъ. Эти виды, какъ знаменательная память давноминувшаго, умилительны для сердца!... Я немогъ, впрочемъ, долго любоваться: мы эпѣшли.

Отъ горы Мужей Галилейскихъ до Елеона переходъ былъ самый восхитительный. Тѣнь вѣковыхъ маслинъ осѣняла насъ; вправо чрезъ Кедрскій потокъ лежалъ Іерусалимъ въ живописномъ положеніи. Храмъ Соломоновъ (теперь Омарова мечеть) и храмъ Введенія (тоже обращенный въ мечеть) открыто стояли предъ нами. Большая, чистая площадь раскинулась кругомъ ихъ на значительномъ пространствѣ. Высокіе кипарисы вѣнчаютъ ихъ своею легкою тѣнью... Все это было наше, родное наше по духу вѣры, но теперь... Боже

мой! Боже мой! Незъяснимы судьбы Твои... Греція! Греція! Гдѣ твое минувшее, гдѣ твоя слава и гдѣ твои силы?!... Въ Смирнѣ я разладился начисто съ Греціею въ моемъ собственномъ сердцѣ. Двадцать слишкомъ дней провелъ я тамъ, ожидая отправленія корабля до Яффы. Это было въ Сентябрѣ. Погода стояла тихая. По вечерамъ я любилъ долго иногда бродить по раздольной палубѣ въ раздумьи сладкой памяти о минувшемъ и далекой родинѣ. Разъ, вслушиваясь, Болгаринъ съ Грекомъ очемъ-то вошли въ жаркій споръ. Я не могъ хорошо слышать ихъ, но не подходилъ, давая свободу ихъ загорѣвшимся сердцамъ, тѣмъ болѣе, что часто доносилось до меня имя Россіи. Одинъ нашъ Русскій инокъ стоялъ рядомъ съ ними. Когда кончился споръ Болгарина съ пылкимъ Грекомъ, я подхожу и спрашиваю вполголоса моего Русскаго брата: о чемъ это говорили здѣсь такъ жарко? Русскій не успѣлъ мнѣ полслова сказать, какъ подходитъ Болгаринъ, слышавшій вопросъ мой, и, ударивъ меня поплечу, отвѣчалъ: ни о чемъ, Отецъ, ни о чемъ! А однакожь вы что-то поминали Россію, спросилъ я Болгарина. Э, Греки-то и есть! началъ говорить мнѣ Болгаринъ; этотъ Грекъ спорилъ со мною, что Россія заражена и повреждена духомъ Запада и что они ей не поклонятся... Я говорилъ ему на это, продолжалъ Болгаринъ, что, перечитывая книги Русскія и Греческія и наши Болгарскія, замѣчаю, что Греки много потеряли добраго даже въ отношеніи къ церкви, но Россія чисто хранитъ Православіе. Бѣдные Греки, воскликнулъ я, бѣдные Греки! Ваше дѣло—была бы въ карманѣ трубка съ кисетомъ, а церковь и вѣра—всторону!... Признаюсь, я чрезвычайно браню Грековъ. Они разбиты въ пухъ; они валяются подъпятою

гордаго Ислама, и все-таки думаютъ, что лучше другихъ, если не всѣхъ. Я удивляюсь, прибавилъ Болгаринъ, нынѣшней свободѣ въ Турціи. Бывало, страшно выйти на берегъ и оглянуть городскія улицы: того и бойся, что шею сломятъ Басурмане! А нынѣ, ходи гдѣ хочешь и на все смотри, какъ душѣ желается; а всѣмъ этимъ мы одолжены Россіи, послѣ послѣдней войны ея съ Турціею. Я былъ благодаренъ доброму Болгарину за его прекрасныя чувства и понятіе о Россіи... Выходки Грековъ Болгаре любятъ взять на зубки. На св. горѣ еще очевидецъ рассказывалъ мнѣ занимательный анекдотъ, который, конечно, хотя и не долженъ бы входить сюда, но, какъ достойный вниманія, запишу.

Въ 1842 г. поклонники возвращались отъ Гроба Господня, какъ водится, общимъ караваномъ: тамъ были Греки, Русскіе, Болгаре, Молдаване и прочіе. Одинъ бойкій Грекъ выступилъ со своей задушевной рѣчью; всѣ стихли... Было время, началъ онъ, да и теперь, гдѣ и что ни возьми, за что ни хватись, все отъ Грековъ, все Греческое! Не наши ли лучшіе изъ философовъ? Отъ насъ Григорій, Василій и Златоустъ. Лучшія произведенія природы—въ Греціи... Все прекрасное—наше!... Справедливо! Совершенная правда! подхватилъ Болгаринъ, слушавшій панегирикъ. Было все ваше, все прекрасное—ваше! Но вотъ ужъ четыреста лѣтъ, какъ все лучшее изъ произведеній природы, даже землю вашу, васъ самихъ и женъ и дѣтей вашихъ заполонилъ Турокъ, все высокое, вся ваша святыня въ Россіи, вы же бѣдные остались только при своей гордости!... Присутствовавшіе засмѣялись. Грекъ замолчалъ.

Я былъ на Елеонѣ. Тамъ на самомъ его верху, подъ

тѣнію отраднѣхъ маслинъ, мы наслаждались нашей Русской семьей. Три горы: Елеонъ, гора Соблазна, гдѣ были воздвигнуты Соломономъ женолюбивымъ третища для его оболстительныхъ женъ, и гора Мужей Галилейскихъ лежатъ подъ одной цѣпью горнаго хребта,—впрочемъ такъ, что Елеонъ идетъ немного выше прочихъ и преимущественно отѣняется прекрасными масличными деревьями. Мѣсто Вознесенія Господня окружено теперь безпорядочнымъ строеніемъ и частію развалинами. Скаты Елеона на западъ пересѣкаются тремя уступами, а на востокъ расположено по скату бѣдное Арабское селеніе. Перебѣгая высью Елеона, я не могъ налюбоваться видами Палестинской природы. Отсюда на всѣ стороны открыто и восхитительно лежитъ окрестность Иерусалима, а у подошвы—дикія горы Аравіи, Іорданъ и Мертвое море.

Лавра Св. Саввы Освященнаго. Природа Палестинская такъ необъяснимо увлекательна своими видами, хотя уже утратившими первобытную прелесть, что трудно и невозможно выразить, какія наслажденія представляетъ она въ уединеніи и безмолвіи отшельническомъ. Кромѣ того, событія Евангельской Исторіи здѣсь предъ глазами: онѣ невольно говорятъ намъ о великихъ предназначеніяхъ любви Творческой о насъ, и внимательная мысль, погружаясь въ таинства этихъ событій, на каждомъ шагу внимаешь здѣсь трогательнымъ звукамъ бесѣдъ Христовыхъ, такъ выразительно и сильно изложенныхъ въ особенности дѣвственнымъ другомъ Іисуса... Тысячи народу слѣдовали убѣжденіямъ этихъ бесѣдъ и, оставляя шумъ и молву свѣта, уходили въ дикія пустыни здѣшняго края, чтобъ въ скалахъ недоступныхъ, въ грозныхъ вертепахъ, посвятить себя трудамъ иноческой жизни... Да, было время изу-

мительныхъ подвиговъ, была пора иноческаго вѣка, когда, по сказанію нѣкоторыхъ, близъ Іерусалима, въ Іорданской пустынѣ и въ ихъ живописныхъ окрестностяхъ существовало до трехъ сотъ монастырей, а теперь едвали сохранилось ихъ до двадцати! Все пало подъ тяжелымъ полетомъ времени, все сокрушилось подъ свинцовымъ ярмомъ дикаго Ислама! Пустыня Іорданская дика въ своемъ тоскующемъ разбитомъ положеніи; только развалины обители Св. Герасима, какъ бы сторожевымъ маякомъ минувшаго, стоятъ близъ пути, ведущаго на Іорданъ; а Іерусалимъ и его окрестности въ жалкомъ разрушеніи; тамъ, гдѣ разносились мелодическіе гимны отшельниковъ во славу Великаго Бога, теперь мертвое молчаніе, и, какъ тайна смерти, неизъяснимо безмолвіе испепелившихся святыхъ первобытнаго иночества!... Но, среди всеобщаго разрушенія, среди Палестинскихъ развалинъ, Лавра Св. Саввы, дивнаго между великими изъ Святыхъ, тринадцать уже вѣковъ стоитъ въ главѣ обителей земли обѣтованной; знаменита она была въ минувшемъ, въ настоящемъ не утратила своего величія, и грядущее не должно потрясти и уничтожить ея могучей и незыблемой основы. Ея быть иноческій не сокрушимъ. Частые набѣги варваровъ и дикое хищничество современныхъ бедуиновъ она выдержала и выдерживаетъ съ свойственнымъ ей величіемъ; одна она только остается неприкосновенною для грозныхъ переворотовъ судьбы, и благодать Божія въ ней покоить небольшое, но постоянное общество разноплеменной братіи. Впрочемъ не исполинскія твердыни охраняютъ ея неприкосновенность, а однѣ молитвы великаго основателя, въ предсмертномъ своемъ завѣтѣ давашаго обѣщаніе, что его Лавра перейдетъ изъ рода въ родъ, чрезъ горькій

искусь временныхъ бѣдъ, и останется въ своемъ видѣ даже до великаго дня Господня.

24 Октября насъ пригласили на поклоненіе въ Лавру Св. Саввы Въ числѣ человекъ двадцати Русскихъ, рано утромъ (во вторникъ), мы оставили Иерусалимъ. Выступивши изъ города Давидовыми или Яфскими воротами, мы круто повертели влѣво, и, огибая Западный уголь Св. Сіона, оставили вправѣ лощину геэнны и изсохшіе пруды Соломона, и спустились къ селу Скудельничу... Колодезь Іаковль, ископанный Іоавомъ, военачальникомъ Давида, въ потокъ Кедрскомъ, увлекъ наше вниманіе; мы свернули съ пути влѣво и подступили къ водоемамъ студенца; нѣкоторые изъ насъ освѣжились водами этого колодезя, но имъ не обошлось это даромъ: Арабы окружили насъ и нагло потребовали бакчиша, а когда никто не хотѣлъ внимать ихъ притязательной и дикой настойчивости, одинъ изъ нихъ выхватилъ у поклонника платокъ и удалился. Колодезь Іоавль находится почти при подошвѣ Сіона, съ юговосточной стороны, и въ соединеніи потока Кедрскаго съ Гіонскимъ, въ виду села Скудельнича. Дикая скала, изсѣченная мѣлкими уступами, сбѣгая въ глубь земли, образуетъ неправильный студенець Іоавль, драгоценный, при живительныхъ струяхъ своихъ, и тѣмъ еще для дѣтей жаркой Палестины, что онъ пророчески разгадываетъ имъ или плодородіе или скудость каждаго лѣта. Изобиліе и возвышеніе водъ его обыкновенно знаменуетъ хорошій и благословенный годъ, а скудость и изсякновение ихъ—голодь и нужды. При колодезѣ устроено нѣсколько водоемовъ, куда приходятъ пастухи со своими стадами съ далекихъ горныхъ пастбищъ; отсюда мѣхами и на скромныхъ ослахъ доставляется вода въ Иерусалимъ, и сюда сби-

раются отъ сосѣдственной вѣси Силоамской на сладкій отдыхъ и дорожный разбой—дикіе Арабы.

Отъ Іоавлева колодезя путь къ Лаврѣ Св. Саввы направляется между дикими берегами Кедрона; вытѣснившись изъ нихъ чрезъ нѣсколько оливковыхъ Арабскихъ садовъ, чрезъ ихъ жалкія кочевья, развивается по косогорю лѣваго берега и крутымъ сгибомъ поднимается на самую горную высь его. Потокъ вѣется прямо на югъ отсюда, а къ юговостоку за цѣпью горъ лежитъ и Лавра. На Сѣверѣ видъ самый очаровательный. На далекой возвышенности красуется Іерусалимъ: предъ нимъ Св. Сіонъ подъ легкой тѣнью оливокъ, цвѣтущихъ надъ гробами почившихъ сыновъ новаго Израиля.—Я нарочно иногда останавливался здѣсь и любилъ долго, долго въ сладкомъ раздумьѣ глядѣть отсюда на Св. Сіонъ, на этотъ любимый предметъ Давидовыхъ струнъ, извлекавшій изъ нихъ неизъяснимо трогательные звуки пѣсней во славу Бога Израилева!...

Оставляя за собою эти отрадныя виды, мы скоро спустились въ глубокую лощину; втѣснившись на ея скучный путь, между поразительныхъ горныхъ высотъ, странствовали мы около двухъ часовъ, если не болѣе. Срѣдка попадались намъ бѣдныя шалаши кочующихъ Арабовъ; въ лощинѣ этой два водоема, изъ которыхъ одинъ только имѣетъ воду, но мутную, грязную и, конечно, не со вѣсмъ здоровую, впрочемъ драгоцѣнную для стадъ и для дикихъ бедуиновъ.

Надобно замѣтить, что Арабы не имѣютъ постоянной осѣдлости, но, какъ наши разгульные цыгане, кочуютъ въ своихъ таборахъ, развивая шалаши большею частію близъ пути, особенно при водоемахъ. Жизнь ихъ озабочена не болѣе, какъ только нѣсколькими ни-

чтожными посѣвами пшена, сборомъ маслинъ, хищничествомъ и трубкою съ длиннымъ чубукомъ. Часто случается здѣсь видѣть увѣчныхъ нищихъ, у которыхъ, можетъ быть, ни куска хлѣба за душой, но— трубка невыходить изъ рукъ.

По мѣрѣ приближенія къ Лаврѣ нетерпѣніе наше усиливалось. Мы шли легко и быстро, растянуди въ беспорядкѣ нашъ семейный караванъ и далеко оставили за собой Лаврскаго провожатаго съ тяжелымъ верблюдомъ; впрочемъ, при видѣ угрюмыхъ жилищъ Бедуинскихъ, сгрудились и, дождавшись самаго провожатаго, исподоволь тихо приблизились къ самой Лаврѣ. Но едва показались мы изъ тѣсной лощины на пространствѣ равнины, какъ изъ одной горной скалы явился верховый Бедуинъ, и, прежде чѣмъ мы поравнялись съ нимъ, провожатый нашъ тихо замѣтилъ, что это единственный разбойникъ здѣшной пустыни— Абделла. Дружески предложилъ Бедуинъ нашему провожатому своего воронаго коня, и тотъ безъ слова принялъ предложеніе. Выраженіе лица Абделлы настолько грозно, какъ дико, мрачно; его взглядъ больше вѣтренъ, укрядчивъ; ростъ средній; корпусъ даже тонкій... И этотъ жалкій дикарь такъ страшенъ!.. Синій плащъ его небрежно былъ перекинутъ съ плеча на плечо, и длинный ножъ торчалъ за поясомъ. До самой Лавры Абделла былъ угрюмъ и молчаливъ.

Не доходя до Лавры Св. Саввы на полчаса пути, показываютъ на гладкой равнинѣ Лаврское торжище, куда въ древности стекались св. отшельники на продажу своихъ издѣлій, а влѣво отсюда находится Бедуинское кочевье, гдѣ имѣетъ свой шалашъ и Абделла. Отъ этого торжища путь идетъ косогоромъ надъ грозными обрывами Юдоли Плачевной, образующейся

между дикими, не вездѣ приступными скалами, въ ущельяхъ и трещинахъ которыхъ таились безмолвники Лавры Св. Саввы. Въ настоящее время нѣтъ возможности одиноко иночествовать на развалинахъ минувшаго отшельническаго быта, по причинѣ постоянныхъ утѣсненій и хищничества сосѣдственныхъ Бедуиновъ. Снова образуясь здѣсь всѣми ужасами и дикостью, Юдоль Плача мимо Лавры Св. Саввы удаляется къ мертвому морю. Для Св. отшельниковъ Юдоль Плачевная была чрезвычайно поучительна. Есть преданіе на Востокѣ, что будто бы Господь явится для послѣдняго суда въ Иерусалимъ и престолъ Его Божественной славы займетъ мѣсто Св. Сіона, при подошвѣ котораго потечетъ огненная рѣка Юдолью Плача, надъ которою теперь такъ торжественно и восхитительно красуется дивный Сіонъ, Сіонъ тоскующій въ красотахъ своихъ до того сокроуеннаго дня, когда снова увидитъ Жениха своего и озарится свѣтомъ Его славы неприступной. Свято вѣря этому преданію, многіе изъ отшельниковъ скрывались въ дикихъ трещинахъ скалъ надъ Юдолью Плача, плакали тамъ плачемъ неутѣшнымъ о слабостяхъ своего сердца и жизни, и этимъ плачемъ и слезами гасили будущій пламень вѣчной гѣбены. Набѣги и разбой Арабовъ совершенно недаютъ возможности современнымъ отшельникамъ Лавры Св. Саввы скрываться въ тлѣющихъ гротахъ почившихъ своихъ предшественниковъ, въ нѣкоторые исключительные только дни года посѣщаются ими развалины древнихъ отшельническихъ келій, чѣмъ приносится справедливая дань памяти почившихъ отцевъ.

Самая Лавра съ пути Иерусалимскаго выказывается изъ за косогора тогда уже, когда ступишь почти къ ея дозорной башнѣ. На этой башнѣ уединяется преста-

рѣлый русскій инокъ Савва, передающій братіи вѣсть о приходѣ посѣтителей. Вслѣдъ за ударомъ колокола отворяють двери Лаврскія, вводящія далекихъ пришлецовъ въ самую обитель нѣсколькими узкими проходами. Прежде всего насъ провели въ церковь раздѣлить съ молящеюся братією вечернюю службу и приложиться къ Св. иконамъ, а потомъ мы были сведены въ гостинницу. Въ предзакатномъ свѣтѣ солнышка успѣли мы обозрѣть знаменитыя особенно достойныя мѣста Лавры, почтивъ поклоненіемъ гробницу великаго ея основателя... Тихая ночь развилась затѣмъ надъ безмятежною обителію св. иноковъ; мрачныя ущелія грознаго Кедрона окунулись всѣми ужасами уединенія, — дикія скалы его возникли въ развернувшейся тѣмѣ ночи исполинскими силуэтами и повисли надъ его бѣздной. Все стихло. Ни ползвукъ въ Юдоли Плача. Среда только слышался легкій шелестъ бѣгушихъ пустынныхъ лисицъ и вмѣстѣ съ ихъ крикомъ замиралъ въ горныхъ высотахъ... Небо и Лавра только отвѣчали другъ другу отраднымъ свѣтомъ: ярко горѣли звѣзды въ выси отдаленной, а скромныя лампы въ уютыхъ св. отшельниковъ и въ святилищѣ Божіемъ разливали мерцающій свѣтъ свой, и трудно было разгадать, небо ли отражало въ этомъ свѣтѣ свои заоблачные огни, или свѣтъ отшельническихъ лампъ переливалъ въ поразительныхъ высотахъ Эфира свои таинственные лучи... Лавра Св. Саввы своимъ безмятежіемъ единственна! Въ ней можно усладить тоску страдальческаго сердца свѣтлыми видами на радость небесную и вѣрно, какъ нельзя вѣрнѣе, идти путемъ крестнаго самоотверженія! Лавра Св. Саввы единственна на Св. землѣ!...

Лавра основаніемъ своимъ обязана Св. Саввѣ, ко-

торый однакожь, по смутамъ легкомысленной братіи, оставлялъ ее на нѣкоторое время при жизни своей, но умирая, за всѣмъ тѣмъ, далъ обѣщаніе сѣтующей братіи быть ея щитомъ и огражденіемъ даже до великаго и просвѣщеннаго дня Господня; обѣщаніе Св. Саввы оправдалось и оправдывается, конечно и оправдается въ грядущемъ.

Нѣсколько разъ Лавра была добычею варваровъ и жертвою временнаго запустѣнія. И теперь въ ней показываются 42 черепа избіенной братіи; даже на нѣкоторое время она переходила въ права вѣтренаго Запада, но—прошло это тяжелое для нея время; теперь она остается неприкосновенною для Запада и невходною для женскаго пола. Впрочемъ, какъ прежде, такъ и нынѣ она находится въ постоянномъ опасеніи со стороны Бедуиновъ, нѣкогда даже бывшихъ ея штатными служителями, по указу Греческаго Императора Юстиніана Великаго, и православными, но скоро отпадшихъ отъ православія, отъ послушаній монастырскихъ, и уклонившихся къ гнусному исламизму. Малѣйшее неудовольствіе на Лавру, или на Іерусалимскую Патріаршую—необходится даромъ: Бедуины держатъ ее въ осадѣ, останавливаютъ жизненное продовольствіе, постоянно доставляемое изъ Іерусалима въ каждый пятокъ, и недопускаютъ до нея поклонниковъ. Прежде еженедѣльно раздавало съ имъ отъ Лавры до осьмидесяти хлѣбовъ, но Паша Египетскій отмѣнилъ это, и Лавра остается ему благодарною, какъ орудію небснаго о ней промысла. Мститый старецъ, русскій схимникъ Савва рассказывалъ, что, въ теченіе тридцатилѣтняго его затворничества въ Лаврѣ, до семи разъ осаждали ее Арабы и мѣстами менѣе укрѣпленными врывались въ нее, впрочемъ не трогая изъ нихъ никого, кро-

мѣ начальствующаго Духовника, у котораго, требуя бакчиша, отбирали ключи отъ всѣхъ затворовъ и укрѣпленій Лаврскихъ и расхищали все, чѣмъ плѣнялись ихъ дикіе глаза и завистливое сердце. Лѣтомъ для нихъ Лавра дорогá. Часто, прибѣгая изъ своихъ пустынныхъ таборовъ, они умоляющимъ голосомъ испрашиваютъ себѣ нѣсколько воды, чтобъ утолить мучительную жажду замирающей своей дикой семьи. Больно глядѣть на нихъ, говорилъ мнѣ О. Савва, когда солнышко разкалитъ камень пустыни безплодной, когда жаръ охватитъ атмосферу; они подбѣгаютъ къ моей недоступной кельѣ и жалобно просятъ воды; недать— жаль бѣдныхъ! И нѣсколько капель—для нихъ драгоценное подаваніе. Схвативъ воду, сгарающій отъ жажды Арабъ прильнетъ къ ней пересохшими устами, но боится вытянуть всю: у него въ таборѣ жена и дѣти! Любовь превозмогаетъ требованія жажды: онъ выливаетъ въ мѣхъ остатки воды и бѣжитъ съ нею къ своей семьѣ. О, пустыни Палестинскія грозны и убійственны лѣтними жгучими жарами!..

Изъ церкви Св. Николая провели насъ въ пещеру Св. Саввы... Черезъ упраздненный миниатюрный Архангельскій храмъ, узкая дверь вводитъ въ жилище, изсѣченное въ дикомъ утесѣ строгимъ подвижникомъ. Совершенный и глубокій мракъ разлитъ въ пещерѣ великаго свѣтильника вселенной. Пещера Св. Саввы довольно просторна и вся изчерчена небольшими на стѣнахъ и на потолкѣ крестами. Есть преданіе, и наша Церковь нечужда егó, что душа, оставивъ тѣло, около трехъ дней послѣ того носится свободно гдѣ захочетъ и гдѣ можетъ, по своему произволу: любимое ея занятіе тогда — посѣщать тѣ въ особенности мѣста, гдѣ она ознаменовала время земной своей жизни какимъ

нибудь добромъ, святой мыслию и желаніемъ, и даже намѣреніемъ. Это доставляетъ ей тогда отраду и прясняетъ неизъяснимую для насъ даль вѣчности свѣтлыми надеждами вѣчнаго спасенія. Въ чувствѣ этаго справедливаго преданія, на стѣнахъ и на потолкѣ пещеры Св. Саввы поклонники начертываютъ крестъ, въ надеждѣ, что послѣ онъ отыщется между тысячами подобныхъ, и будетъ со стороны Праведника положительною виною отплаты имъ за временное ихъ посѣщеніе его земнаго жилища. И я, грѣшный, внесъ въ средину множества крестовъ мое крестное клеймо, взявъ также нѣсколько праху отъ св. пещеры— на память.

Св. Савва, недовольствуясь такою строгостью уединенія, такимъ совершеннымъ затворничествомъ, желалъ еще тѣснѣе сжать просторъ своеволія и страстей; почему, считая и эту мрачную пещеру слишкомъ большою, въ западной ея оконечности ископалъ себѣ, въ подобіе гробоваго приюта, келью, въ которой его изсохшая въ постничествѣ плоть не могла уже имѣть приволья въ минуты отдыха, и должна была въ жестокомъ затворѣ невольно утѣснять свободу членовъ, прихоти сна и нѣги. О, какъ, подумаешь, далеко мы отстали отъ Отцевъ нашихъ въ подвижнической жизни! Вся наша строгость въ жизни есть только едва замѣтный отгѣнокъ, падающій на насъ отъ удареній ихъ свѣтлаго, яснаго, чистаго добра!.. Справедливо то, что Святые будутъ судить насъ: намъ нѣтъ предлоговъ къ извиненію насъ самихъ въ нашихъ слабостяхъ; при видѣ святыхъ мы безотвѣтны начисто... Совершенно безотвѣтны!..

Послѣ пещеры Св. Саввы оставалось намъ видѣть келью знаменитѣйшаго духовнаго пѣвца Іоанна Да-

маскина. Нѣсколькими лѣстницами взобрались мы на башню, гдѣ утверждены колокола, а отсюда прошли въ скромный затворъ, таившій пылкія чувства, сладкія думы божественнаго Іоанна. Трогательныя пѣсни его въ память почившихъ и торжественная игра ихъ во славу Господа и Всепѣтой одиноко разливались въ его строгомъ затворѣ, а чудные звуки ихъ переливались во вселенную... Небесные вои сливали здѣсь съ нимъ свои гимны въ честь Бога, вдыхая въ его мысли всю нѣжность своего Ангельскаго сердца! Здѣсь— въ тѣсной кельи посвятилъ Св. Дамаскинъ возвышенность чувства и мысли, огонь любви своей, сладость тоски, радостей и горя — Единому Богу и разыгралъ ихъ въ струнахъ неподражаемой псалтири!.. Его келья скромна; голыя стѣны сжимаютъ ее.

Къ ней примкнута крошечная церковь во имя Предтечи Господня Іоанна. Излагая свои дивныя пѣсни для церкви, Св. Дамаскинъ при церкви и въ церкви составилъ ихъ, и передалъ ей—какъ безцѣнный памятникъ своего пламеннаго усердія къ ней, — своей ревности, запечатлѣнной самою кровію!.. При множествѣ стѣснившагося народа, я не рѣшился здѣсь пропѣть въ настоящій разъ его единственныхъ надгробныхъ пѣсней, пѣсней тоскливыхъ, мелодическихъ: *благословенъ еси Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ! Святыхъ ликъ обрѣте источникъ жизни и дверь райскую...* Жаль, впрочемъ, того.—Поклонившись его могилѣ, мы оставили земную обитель неземнаго пѣвца и, въ чувствѣ памяти его сладостныхъ небесныхъ звуковъ, спустились долу.

Въ Лаврѣ замѣчательно еще финиковое дерево, по сказанію, самимъ Св. Саввою посаженное. Оно высоко выбѣжало вверхъ и живописно красуется надъ оби-

телию. Плоды его дорого раздаются посѣщающимъ Лавру поклонникамъ и—бываетъ большой расходъ этого произведенія природы, можно сказать, единственнаго въ окрестностяхъ Лавры. Этимъ плодамъ приписываютъ чудодѣйственную силу разрѣшенія супружескаго неплодства. Кромѣ этого дерева есть въ Лаврѣ цвѣтники, но они тощи. Пламенные лучи солнышка все здѣсь пепелятъ въ лѣто; какъ парь, выметаетъ жизненность изъ всѣхъ растеній, — и дерево и цвѣты здѣсь преждевременно вянуть и засыхаютъ. Вообще Палестинская природа прекрасна до Апрѣля, когда она развита въ зелени полей, въ пурпурѣ дозрѣвающихъ плодовъ; лѣтомъ она сжигается раскаленными лучами солнца, самый камень они проникають, жгутъ, — и всю, кажется, толщу земли охватываетъ ихъ огненная сила!.. Какъ безпѣнна тогда дикому Бедуину была бы прохлада нашей утренней росы, такъ роскошно падающей на нашъ Сѣверъ лѣтомъ!—Бедуинъ задыхается, онъ горитъ, какъ въ огнѣ, въ мучительномъ жару невыносимой жажды, и ему негдѣ иногда взять живительной струи въ это время!.. Жалки дѣти жаркаго Юга! Отрадный Сѣверъ несравненно милѣе своими грозными снѣгами въ зиму и прохладою въ привѣтливое лѣто! Милый Сѣверъ! Родимый Сѣверъ!.. Невольно погрустишь о тебѣ, подарить тебя вздохомъ тоскующей груди, и мыслью свѣтлою пронесешь въ тѣнь твоихъ рощей и холмовъ плѣнительныхъ, —сердечно и больно вспомнишь о твоихъ снѣгахъ, громаднокинутыхъ на высь и долъ, и холмъ и низменность!.. Милый Сѣверъ!

ПИСЬМО Д. А. В-НУ.

26 Января 1845 года, Палестина.

Изъ писемъ моихъ ты любовался природой Св. Аѳона; но какъ бы ни наглядно я хотѣлъ описать тебѣ красоты ея, это все-таки мнѣ не удастся: она выще описанія; всякое изображеніе будетъ неизмѣримо далеко отъ дѣйствительности. Посмотрѣлъ бы ты на нее, только бы взглянулъ—и твое сердце разыгралось бы отъ сладкихъ впечатлѣній благодатнаго Аѳона... И здѣсь, въ Палестинѣ, природа восхитительна, но въ другомъ совершенно родѣ; она вся почти дика, угрюма, заклеямена карой небеснаго гнѣва... Но трогательна Палестина и въ своей угрюмой природѣ: ея виды наводятъ на сердце и тоску и умиленіе! Груды камня, массы развалинъ давноминувшихъ временъ разбросаны по ней; и доль и холмъ покрыты страшнымъ опустощеніемъ; гнѣвъ Божій всюду видѣнъ... Въ здѣшнемъ краѣ нѣтъ лѣсовъ; какъ огонь, полизалъ почву приговоръ судьбы Господнихъ, въ самой почкѣ испеделилъ сѣмена растѣній; мѣстами только красуются маслины и нѣкоторыя плодовые деревья, но и то мало и рѣдко! За то тепло сдружилось съ Палестиной: вотъ уже ско-

ро Февраль, а мы здѣсь не видали ни одной снѣжинки; только бурная непогода по временамъ налетаетъ съ далекихъ горъ, да вихорь пылитъ атмосферу тонкимъ прахомъ; холодные вѣтры иногда играютъ шумно и пронзительно; дождь порою льется, но все это шрѣдка, а снѣгу все-таки ни снѣжинки. Солнышко отраднo разливаеъ свой свѣтъ и теплоту кругомъ насъ, только утренники бываютъ холодны—и это тѣмъ ощутительнѣе для насъ поклонниковъ, что здѣсь нѣтъ ни печей, ни каминовъ, къ тому же и лѣсу-то нѣтъ.... Такова природа земли обѣтованной! Повѣрь мнѣ, что я жалѣю иногда моихъ друзей и знакомыхъ: сколько изъ нихъ, можетъ быть, есть съ сердцемъ, способнымъ принимать впечатлѣнiя сильныя, вдохновенныя, сколько изъ нихъ найдется съ сердцемъ пламеннымъ и воображенiемъ поэтическимъ, но имъ не суждено порадоваться на Аѳонъ, на край обѣтованный, съ ихъ святынями...

Нынѣ я хотѣлъ проститься съ Иерусалимомъ, съ тѣмъ, чтобы на пароходѣ пуститься на св. гору, но Намѣстникъ Патріаршій не далъ мнѣ на то благословенiя, оставивъ до Пасхи заняться живописью въ двухъ монастыряхъ. Безъ благословенiя Святительскаго, а тѣмъ болѣе духовническаго (онъ же духовникъ мой и всѣхъ Русскихъ), я несмѣю пуститься въ путь, опасаясь, чтобы не пострадать за ослушанiе. При строкахъ, гдѣ я выказываю себя живописцемъ, ты вѣрно изумишься, подумавъ: «ужъ то-то, полагаю, живописецъ!» Себя вѣдь не хвалятъ, да и дурно отзываться не буду, когда люди того не дѣлаютъ. Занявшись на св. горѣ въ теченiи почти года кистью, я, при помощи небесной, оказалъ въ живописи посильные успѣхи, такъ что на Аѳонѣ у моего друга, зографа, заслужилъ такое

довѣріе, что, предполагая заняться расписаніемъ Собора, онъ много надѣялся на меня; впрочемъ этого не случилось: я отбылъ въ Іерусалимъ дольний, а онъ вскорѣ за мною отошелъ въ Іерусалимъ горній! О смерти его я получилъ извѣстіе въ Смирнѣ. Запасшись на св. горѣ красками, я и здѣсь занимаюсь живописью, и прослылъ между греческими зографами однимъ изъ русскихъ художниковъ, хотя на самомъ дѣлѣ далекъ отъ того. Въ монастырѣ Св. Великомученька Феодора, гдѣ я живу въ числѣ другихъ поклонниковъ, на мою долю будетъ работы много: предположено поновить въ церкви стѣнную живопись и вновь написать четыре иконы; а въ другомъ монастырѣ—Св. Великомученника Георгія, отстоящемъ отъ Іерусалима верстахъ въ 12, я обязался расписать царскія двери. Не знаю, какъ Богъ поможетъ... Четыре иконы готовы, а пятая уже въ церкви стоитъ за престоломъ.

30 Генваря. Сей часъ получилъ отъ тебя письмо, дышащее любовію ко мнѣ. Да воздастъ тебѣ Богъ по любви твоей! Нѣжныя чувства твоего братскаго сердца, трогательные звуки твоего тоскующаго письма,—потрясли мою душу, и заговорило мое сердце о тебѣ и о милой отчизнѣ; къ тому же сегодня мой родной праздникъ—праздникъ Ачужской. Думается, что ты, милый братъ, въ это число навѣщалъ любимое мѣсто нашихъ свиданій, прогулокъ, бесѣдъ... Прошедшее и отрадно и горько!.. Давно минувшее, какъ въ сновидѣніи, возникаетъ въ воображеніи, отзываясь тоской невыразимой, слезами сердца изнывающего!... Все прошло, все миновалось!... Тѣ же мѣста и теперь въ Ачугахъ для тебя, тѣ же знакомыя поля, тропинки, тоже небо, развивавшее надъ нами прохладный сумракъ, безотвѣтно любовавшее насъ своимъ восхитительнымъ кровомъ,—

тоже все! Тотъ же, навѣрно, домикъ, но меня уже нѣтъ въ его стѣнахъ, схоронившихъ мои сердечныя думы, мою грустную жизнь... Память о мнѣ, можетъ быть, только носится для тебя въ его стѣнахъ, а мысль твоя олицетворяетъ минувшее, развивая въ воображеніи твоёмъ наши бесѣды и наши братскія увлеченія... А теперь я далеко, далеко отъ тебя, за пространствомъ изумительнымъ. Я бы и радъ еще обнять тебя, видѣть милую отчизну, взглянуть на мѣста бывшей моей жизни, но будетъ ли это?... Подумаешь, какъ тяжело одиночество, какъ упоительна радость въ кругу родныхъ!... Но ради Бога и души надобно все забыть, съ надеждою на Промыслъ. Мое сердце увлеклось воспоминаніями, растрогалось мыслию о тебѣ, милый братъ, и о родинѣ. Незнаю, увидимся ли мы здѣсь, а тамъ вѣрно Господь не лишитъ насъ щедротъ своихъ. Поручимъ же себя Его милосердію, будемъ идти по указанію спасающей благодати Его... Бывая въ Ачугахъ, надѣюсь, ты забываешь моихъ возлюбленныхъ и, въ свои пріѣзды туда, совершаешь заупокойныя Литургіи о моихъ милыхъ, смѣшанныхъ съ прахомъ земли Ачужской... Для тебя это не трудъ, а душамъ ихъ сколько отрады, сколько благодатнаго утѣшенія отъ щедроподателя Бога!—Отдай отъ меня ихъ могиламъ поклонъ, память вѣчную и благословеніе отъ живоноснаго гроба Господня, отъ всѣхъ святыхъ земли.

5 Февраля. Русскіе поклонники замышляютъ уже въ дорогу къ милой родинѣ; скоро сердца ихъ забудутся надеждою свиданія съ отчизною, друзьями, знакомыми. А что-то со мной будетъ?... Опять уклонюсь я отъ Сѣвера, привьюсь къ дивному Аѳону, гдѣ и дай Богъ мнѣ провести остатокъ жизни по Его Св. волѣ а наконецъ тамъ же уложить свои кости. Да, мы врозь

пойдемъ съ тобой дорогой жизненной, встрѣтимся же развѣ въ мірѣ загробномъ. Помолись о мнѣ, твоемъ братѣ, другѣ и странникѣ. Пиши ко мнѣ о милой родинѣ, о нашихъ родныхъ и знакомыхъ; это будетъ свѣтлое утѣшеніе въ нашей разлукѣ... Обними родныхъ, друзей, всѣхъ меня тамъ помнящихъ; скажи имъ: я ихъ помнилъ, помню и не забуду.... Ты ихъ видишь, въ этотъ вечеръ, можетъ быть, близъ тебя—кто нибудь изъ нихъ, ты вѣрно окруженъ своей мирной семьей; а я далеко отъ тебя, я одинъ безъ друга, одинъ среди иноплеменныхъ, подъ небомъ далекой чужбины; только вѣтеръ завывающій рвется ко мнѣ въ окно; только мѣсяцъ бросаетъ тоскующій лучъ свой въ мою келью, да облака перебѣгаютъ по южному небу. Я радъ имъ—и этому перелетному вѣтру, и свѣтлому мѣсяцу, и странникамъ неба—облакамъ; я бесѣдую съ ними, я посылаю ихъ къ тебѣ, мой добрый, мой любимый, мой сердечный другъ и братъ.

Играй, играй ты, вѣтръ летучій,
И въ дальній Сѣверъ понесись,
И тамъ, гдѣ бьются съ вихремъ тучи,
Ты въ ихъ борьбѣ остановись!

Тамъ взвей съ полей земли родимой
Мечты моихъ минувшихъ лѣтъ,
Моей борьбы необъяснимой,
И замети ихъ легкой слѣдъ!

И тайнымъ гостемъ Палестины
Привѣйся къ твоимъ тѣхъ садовъ,
Гдѣ милой родины картины,
Гдѣ нѣгой дней и вечеровъ

Мы съ милымъ братомъ наслаждались,
И гдѣ роднымъ его рѣчамъ
Мои желанья отзывались,
И гдѣ такъ сладко было намъ!

О, вѣтръ лѣтучій! Донесись,
И тамъ—въ отчизнѣ развернись.

Мой братъ! онъ вспомнить дни былые,
Когда подъ тѣнію вѣтвей,
Иль средь ликующихъ полей,
Вели бесѣды мы живыя,

Онъ вспомнить прелесть этихъ дней,
Въ слезахъ тоскующей разлуки,—
Любви его родные звуки,
О вѣтеръ! ты мнѣ перевѣй,

И вздохъ души его родной
Неси въ приютъ пустынный мой,

*
*
*

А ты, свидѣтель молчаливый
И тайныхъ думъ и горькихъ слезъ,
Товарищъ радости счастливой
И другъ желанный нашихъ грезъ,

Ты, мѣсяцъ ясный, въ край далекій—
На Сѣверъ милый унесись,
Гуляя въ небѣ одноко,
Тамъ ярче, ярче загорись;

И загляни тамъ, мѣсяцъ ясный,
Въ обитель брата моего!
Твой лучъ залумчивый, прекрасный,
Отрадой будетъ для него.

И вспомнить онъ, какъ наслаждались
Мы вмѣстѣ счастьемъ своимъ,—
Какъ наши чувства увлекались
За свѣтлымъ обликомъ твоимъ

И вы, разсѣянно блуждая
По волѣ вѣтра въ небесахъ,
И развивая и свивая
Туманы сѣрые въ волнахъ,

Вы, дѣти неба, понеситесь
Дыханьемъ теплымъ вѣтерка,
И тамъ, въ отчизнѣ, разбѣгитесь
Пленицей свѣтлой облака;

На милой родинѣ холмами
Раскиньтесь въ небѣ голубомъ;
Мой братъ не встрѣтится ли съ вами,
Не загруститъ ли о быломъ?

Быть можетъ, странника роднаго
Въ краю далекомъ вспомнить онъ;
Быть можетъ, памятью былаго
Онъ вами будетъ оживленъ.

Припомнить онъ, какъ вечерами
Гуляя вмѣстѣ по полямъ,
Слѣдили взоромъ мы за вами,
А духъ стремился къ небесамъ...

Но все бывшее миновалось,
Разстались мы.... и сколько дней,
И сколько времени умчалось
Въ разлукѣ братьевъ и друзей!...

Все вѣтъ также вѣтръ летучій,
Перелетая край родной, .
И мѣсяць всходитъ изъ за тучи,
И облака бѣжать градой;

А я не тамъ—въ странѣ родимой,
Къ Св. Землѣ привился я;
Но братъ мой милый, другъ любимый,
Тамъ молить Бога за меня.

.
.

Прощай же братъ и другъ сердечный!
Да будетъ выну Богъ съ тобой.
Молись, молись, чтобъ Промыслъ вѣчный
Всегда былъ также и со мной.

Прощай
До дней загробнаго свиданья!

КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

О монастырѣ Русскомъ Св. Великомученика Пантелеймона, находящемся на Св. Аѳонской горѣ.

Основаніе монастыря, извѣстнаго подъ именемъ Русскаго, достигаетъ время, когда Аѳонская гора обречена была Царскими повелѣніями быть исключительнымъ пріютомъ богомольныхъ пустынниковъ (*). Его первые виновники, а равно и судьбы, сокрыты во мракѣ прошедшаго. Для достовѣрнаго раскрытія сего монастырь не имѣетъ подлинныхъ доказательствъ. Ихъ замѣняетъ преданіе, которое, можетъ быть, найдеть впоследствии подтвержденіе или въ ненапечатанныхъ русскихъ рукописяхъ, или же въ грамматахъ другихъ монастырей. Преданіе, сохранившееся на мѣстѣ, поставляетъ виновниками монастыря двухъ первыхъ христіанскихъ Великихъ Князей Россіи, Св. Владимира и Ярослава.

Не желая дополнять догадками пропусковъ Исторіи, мы послѣдуемъ за неопровержимыми доказательства-

(*) Хрисовуль Царя Василія II около 1000 года. Этотъ хрисов. хранится въ архивѣ Аѳонскаго собора.

ми, представляемыми небольшимъ собраніемъ хрисовуловъ (грамматъ), хранящихся въ монастырѣ (*).

Названіе и освященіе монастыря было въ древности отлично отъ настоящаго обще-употребительнаго. Это обстоятельство можетъ пояснить только исторія всѣхъ Аѳонскихъ монастырей. Для настоящей цѣли достаточно упомянуть слѣдующее:

Въ числѣ 180 обителей, которыми въ X столѣтіи усѣяна была святая гора, и изъ которыхъ многія еще въ XIII столѣтіи существовали, упоминаются двѣ, служившія основаніемъ настоящей.

Грамматы (**) XI столѣтія, сохранившіяся въ монастырѣ, свидѣтельствуютъ о существованіи уже въ то время этихъ двухъ обителей. Первая, которая еще недавно сохраняла славянскія надписи отъ XI стол., была посвящена во имя Успенія Пресвятыя Богородицы и называлась: Богородица Ксилургу (***); она находилась, гдѣ и теперь еще возвышаются живописныя развалины стараго Русскаго монастыря, между Кареей и мон. Ксенофомъ. Другая, находившаяся на западной сторонѣ полуострова, пониже первой, у самаго моря, носила названіе Свѣ Пантелеймона Солунскаго (****).

(*) Слишкомъ сорокъ хрисовуловъ уцѣлѣло еще въ монастырѣ отъ постоянныхъ бѣдствій, которыя испытывала св. гора въ продолженіе многихъ вѣковъ. Мы позволимъ себѣ упомянуть при этомъ, что, находящійся въ нашемъ монастырѣ, Архимандритъ Прокопій принялъ на себя трудъ изслѣдовать подробно исторію монастыря по отношенію къ другимъ и по значенію его въ мірѣ Православія. Труды отца Прокопія въ области богословія, заслуживши уже всеобщую извѣстность, заставляютъ надѣяться, что это изслѣдованіе будетъ не малымъ дополненіемъ въ исторію церковной.

(**) Такихъ грамматъ 5.

(***) Смотр. грам. 1042 и 1057 годовъ.

(****) Смотр. грам. 1057, 1068 и 1071 годовъ.

На этомъ мѣстѣ воздвигнуть возобновленный теперь Русскій монастырь.

При совершенномъ недостаткѣ историческихъ извѣстій вообще о святой горѣ, мы не можемъ сообщить никакихъ подробностей о значеніи въ то время этихъ обитателей. То несомнѣнно, однакожь, что въ первой изъ нихъ были уже, какъ и теперь, въ употребленіи греческія и славянскія надписи.

Въ любопытномъ спискѣ XII стол. монастырскаго имѣнія упоминаются уже русскія книги, именно: апостолы, ирмологіи, синаксары, пареміаки, минологи, Св. Ефремъ и даже номоканоны (*).

Съ XII столѣтія постоянно употребляется во всѣхъ грамматахъ названіе Русскаго монастыря.

Первое объ этомъ свидѣтельство находимъ въ грамматѣ, которою Протъ, т. е., начальникъ всѣхъ Святогорскихъ монастырей, закрѣпляетъ въ собственность монастыря Ксилургу, или м. Русскихъ, обитель Солунскую (**).

Это обстоятельство подало, безъ сомнѣнія, поводъ къ общему теперь названію монастыря. Обитель Солунская была во имя Св. Пантелеимона, обитель Пресвятыя Богородицы Ксилургу называлась Русскою. Послѣ соединенія обѣихъ, общимъ названіемъ монастыря сдѣлалось названіе монаст. Св. Великомученика Пантелеймона Русскихъ или Руси (***).

Въ исходѣ XII и въ продолженіи XIII столѣтій монастырь Русскій достигъ высокаго значенія своего

(*) Этотъ списокъ на пергаменѣ писанъ въ 1143 (6658).

(**) Смотр. грам. 1168 г. (6676) съ подписью Прота Іоанна и другихъ игуменовъ.

(***) Такъ постоянно называется въ слѣдующихъ Греческихъ и Сербскихъ хрисовулахъ.

степенью на ряду съ другими Святогорскими монастырями, и особенно своимъ нравственнымъ вліяніемъ на христіанское просвѣщеніе сродныхъ Русскимъ племенъ Славянскихъ. Неупоминая уже о тѣхъ отличіяхъ, которыми онъ пользовался (*), да позволено будетъ указать на событіе, которое останется на всегда достопамятнымъ.

Возникавшее тогда государство Сербское, основанное Стефаномъ Неманей, получило изъ нѣдръ обители Русской перваго своего Святителя, который положилъ прочное основаніе церковному, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тогдашнее время, и государственному порядку.

Извѣстно, что сынъ знаменитаго Стефана, впоследствии Св. Савва, провелъ юные годы свои, какъ мірской и какъ монахъ, въ Русскомъ монастырѣ (**). Здѣсь получилъ онъ первое внушеніе къ своимъ безсмертнымъ подвигамъ. Признательный къ мѣсту, въ которомъ воспиталъ высокіе Іерархическіе помыслы, Св. Савва выразилъ въ типикѣ, впоследствии имъ основаннаго монастыря Хиландаря, возвышенныя свои чувства, завѣщавъ наслѣдникамъ охрану воспріемшаго его монастыря. Этотъ типикъ бережливо хранится въ Хиландарѣ.

Но въ слѣдующемъ столѣтіи положеніе монастыря измѣнилось. Онъ обнищалъ и клонился къ упадку. Причины этому указаны въ грамматахъ Царей Греческихъ и Сербскихъ. Первою и главною виною были, безъ сомнѣнія, несчастія, постигшія Россію съ нападеніемъ и владычествомъ чужеплеменныхъ. Это имѣло и на бла-

(*) Въ хрисовулахъ XIII и XVI стол. онъ называется *σπασπιλα μονή*, *σβρασιλα λόβρα Βασιλική*

(**) Смолр. особенно жизнь Св. Саввы въ рукописи, хранящейся въ тѣнякарницѣ Св. Саввы въ Карен.

госостояніе монастыря пагубныя послѣдствія. Къ тому присоединилось и случайное бѣдствіе, причиненное пожаромъ.

Такое свидѣтельство находимъ мы въ грамотахъ XIV столѣтія. Греческій Императоръ Андроникъ Комнинъ, склоняясь къ просьбамъ Сербскаго Князя Стефана Уроша, возобновляетъ пожертвованія прежнихъ царей, которыхъ грамоты сдѣлались, какъ сказано въ его хрисовулѣ (*), жертвою пожара. Эти же милости оказывали Императоры Іоаннъ Палеологъ и Алексій Комнинъ.

Но особенное участіе въ бѣдствіяхъ монастыря приняли Сербскіе владѣтели. Царь Стефанъ Душанъ Сильный, видѣвъ «послѣднюю нищету и еще же отъ Русскихъ всеконечное оставленіе» (**), и принявъ на себя обязанности ктитора, пожертвовалъ честную главу Святаго Великомученика Пантелеймона и «потщился воздвигнуть, укрѣпить и исполнить недостатки монастыря» (***). Это тщаніе Царь ознаменовалъ многими щедротами своими, выраженными въ четырехъ грамотахъ (****).

Съ тѣхъ поръ владѣтели Сербскіе неоставляли монастырь своими милостями. Сынъ Царя Стефана Стефанъ Урошъ, Царь Лазарь, властители Сербскіе Драгошъ и Констандинъ, князья Стефанъ и Георгъ изъ рода Бранковичей, постоянно своими грамотами подтверждали прежнія и даровали новыя приношенія (*****).

(*) Смотр. хрисов. Императора Андроника Дуки Ангела Комнина, данный 6820 (1312), хрис. Іоанна Палеолога 6862 и Алексія Палеолога 6881 годовъ.

(**) Слова Царскаго хрисовула.

(***) Смотр. хрисов. 6850 (1342), 6855 (1347) и два 6856 (1348) годовъ.

(****) Лазаря двѣ грам. 6889 (1381), Драгоша и Констандина 1377, 1381 годовъ, три грамоты князя Стефана и двѣ грамоты Георга.

(*****). Слова Хрисовула.

Но и Сербское государство постигла общая съ Греческою Имперіею участь. Князья Сербскіе, ограниченныя въ своихъ предѣлахъ, перешли, наконецъ, частію въ Венгрію, частію въ Валахію.

Въ этой послѣдней монастырь Русскій, лишенный съ нападеніемъ иновѣрныхъ всего достоянія, нашель своихъ покровителей. Воеводы Валахіи, Владъ и Радулъ, «прилагая попеченіе о нуждахъ, лишеніяхъ и тѣснотахъ монастырей (*)» опредѣлили и Русскому ежегодное вспомошествованіе.

Между тѣмъ усилилось государство Россійское. Съ половины XVI до начала XVIII столѣтія монастырь пользовался милостивымъ вниманіемъ Царей Русскихъ. Его жаловали грамотами своими Іоаннь IV Васильевичъ, Ѳедоръ Іоанновичъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, Алексѣй Михайловичъ и наконецъ Іоаннь Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ.

Съ самаго же начала XVIII до послѣднихъ годовъ настоящаго столѣтія монастырь сталъ опять клониться къ упадку. Постоянныя непріязненныя отношенія Турціи и Россіи недозволяли ему пользоваться вспомошествованіемъ послѣдней. Съ царствованія Императора Петра Великаго до настоящаго времени монастырь неудостоился царской грамоты. Сверхъ того, зданія, стоявшія безъ поправокъ около 300 лѣтъ, разрушаясь мало по малу, превратились въ развалины и сдѣлались неспособными къ обитанію. Вотъ что пишетъ Архимандритъ Варлаамъ, Игумень монастыря, въ своемъ поменикѣ (**) о состояніи его: «Монастырь Русскій, который нѣкогда честнѣйшій былъ и многославнѣйшій

(*) Смотр. грамоты Воеводъ Валахіи Радула 7010 и Влада 6991 г.

(**) Этотъ поменикъ писанъ 1705 года порусски.

во всей Аѳонской горѣ, ветхости ради поставленъ въ великомъ нестроеніи, оскудѣлъ отъ всѣхъ вещей, обнаженъ всего царскаго украшенія и мало нѣсть вертепъ разбойникомъ и торжище продающимъ и покупающимъ». Это положеніе монастыря, обнищавшаго совершенно, достигло въ концѣ XVIII, столѣтія послѣдней крайности такъ что, онъ лишился обитателей.

Наконецъ, Господарь Валахія, Князь Калимахъ, принялъ живое участіе въ этомъ бѣдственномъ положеніи. Въ 1812 году онъ предпринялъ совершенное его возобновленіе. Такъ какъ нельзя было поправить старыхъ зданій, рѣшились начать строить новыя и на другомъ мѣстѣ.

Великодушными пожертвованіями Князя, постройки продолжались, но медленно, ибо планъ ихъ былъ весьма обширенъ и обѣщалъ зданіе, достойное прежняго великолѣпія. Между тѣмъ въ 21 году постигла Князя насильственная смерть въ Константинополѣ, а за тѣмъ послѣдовалъ общій плѣнъ Аѳонской горы, который и заставилъ монашествующихъ скриваться съ святыми вещами въ далекихъ странахъ.

Уже грозила и новымъ зданіямъ, еще не конченнымъ, жалкая участь, лежать въ развалинахъ, какъ благополучный послѣдній миръ Россіи съ Турціей и, въ слѣдствіе его, великодушное покровительство Благочестивѣйшаго Императора всему православію, подали новыя, непоколебимыя надежды на утверженіе и упроченіе монастыря.

Возвратившаяся братія съ игуменомъ принуждены были добывать всѣ возможныя средства къ совершенію неконченныхъ построекъ. Ободряемые надеждою на поощрительное пособіе, труды ихъ поставлены у желанной цѣли. Нынѣ, благодаря Всевышняго, возоб-

новленіе монастыря почти свершилось. (№ 4 Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1846. Также эта записка была помѣщена въ отдѣльной брошюрѣ о Русскомъ Пантелеймоновомъ монастырѣ на Св. Аѳонской горѣ. Москва. Въ Университ. типографіи 1846 г.).

ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА

Въ Русскомъ монастырѣ, на Аѳонской горѣ.

23-го Ноября 1846-го года, на св. горѣ Аѳонской, въ русскомъ монастырѣ Св. Великомученика и Цѣлѣбника *Пантелеймона* торжественно совершилось освященіе новаго русскаго храма во имя Святителя Христова *Митрофана*, перваго Епископа Воронежскаго и всея Россіи Чудотворца. Освященіе совершалъ Адрианопольскій Архіепископъ Григорій, пребывающій на покоѣ въ одномъ изъ здѣшнихъ монастырей.

Для русскаго сердца было чрезвычайно трогательно это рѣдкое и, можно сказать, единственное въ своемъ родѣ событіе на священныхъ высотахъ дивнаго Аѳона. Признательность русскаго монастыря Господу Богу, за Его отеческій промыслъ о немъ, свидѣтельствовалась всенощнымъ на этотъ отрадный день освященія бдѣніемъ, продолжавшимся восемь часовъ, а благодарность къ Россіи, за ея вниманіе и участіе въ судьбахъ сей обители, живо выразилась въ теплыхъ молитвахъ о вождѣленномъ здравіи нашего Государя Императора Николая Павловича и всей Высочайшей

Фамиліи, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и о спасеніи всѣхъ, особенно благотворившихъ и благотворящихъ этому русскому монастырю.—Въ увѣренности, что краткое описаніе торжества освященія Митрофаніева русскаго храма на Аѳонской горѣ пріятно будетъ для принимавшихъ посильное участіе въ его сооруженіи, передаемъ здѣсь это событіе дальнимъ нашимъ соотечественникамъ.

Назадъ тому шесть лѣтъ положенъ былъ основной камень храму новоявленнаго Чудотворца и Святителя Митрофана въ русскомъ Аѳонскомъ монастырѣ; въ теченіи этого времени онъ медленно возникалъ, стѣсняясь внѣшними обстоятельствами, и до нынѣ, вѣроятно, не достигъ бы еще въ совершенствѣ внутренней отдѣлки, если бы не послалъ Богъ сюда, сверхъ чаянія, въ видѣ поклонника, С. Петербургскаго купца Семена Максимовича *Комарова*, который, тронувшись бѣднымъ положеніемъ русскаго монастыря, при отбытіи своемъ со св. горы Аѳонской, далъ священный обѣтъ устроить иконостасъ въ новый Митрофаніевъ храмъ и озаботиться о внутреннемъ его украшеніи на собственное свое иждивеніе, что и исполнилъ, какъ нельзя лучше.

Три года спустя, 1-го Сентября 1846 г., онъ прибылъ, со сдѣланнымъ въ Россіи иконостасомъ, на св. гору, самъ лично досматривалъ за конечною отдѣлкою храма, и къ 23-му Ноября храмъ Митрофаніевъ красовался уже иконостасомъ и драгоценною утварью. Толпы любопытствующихъ тѣснились въ храмъ: Греки радовались усердію Россіи къ благолѣпію храмовъ Господнихъ, и сердца Русскихъ преисполнялись чувствами неизъяснимаго восторга. Благословеніямъ Россіи и Державному Царю ея и изъясненіямъ чувствъ сердеч-

ной признательности къ г-ну Комарову не было конца... Зрѣлище было истинно умилительное.—Въ день, когда празднуется память Святителя Христова Митрофана, предположено было освятить его храмъ, и русскій монастырь, въ чувствѣ важности и рѣдкости праздника, собственно русскаго, считалъ недостаточнымъ совершить сіе празднество безъ участія архіерея. Въ слѣдствіе того и былъ заранѣе приглашенъ къ тому престарѣлый Адрианопольскій Архіепископъ Григорій, который и прибылъ за восемь еще дней до праздника. Въ теченіи этого времени, часто навѣщая новый храмъ русскій и любясь на его драгоценныя украшенія, онъ святительски благословлялъ имя Россіи и ея Державнаго Вѣнценосца, а обращаясь къ г-ну Комарову, указывалъ ему то на иконы святыхъ, то на небо, не въ состояніи будучи объяснить по русски своихъ сердечныхъ желаній ему награды за его пожертвованія, тамъ на небесахъ!...

22-го ноября, когда уже все было готово къ освященію, въ четыре часа по полудни, началась въ новомъ храмѣ малая вечерня, послѣ которой мощи Св. Великомученика и Цѣлебника Пантелеймона, заранѣе внесенныя въ него, отнесены были обратно самимъ Высокопреосвященнымъ въ Греческій Соборъ на свое мѣсто, и до шести часовъ вечера братія данъ былъ отдыхъ къ оживленію и укрѣпленію силъ на всенощное бдѣніе, начавшееся съ потухающею зарею и длившееся, какъ уже сказано, восемь часовъ. Русскіе и Греки, и всѣ пришельцы на этотъ русскій праздникъ (ихъ было до 500 человекъ), соединились для бдѣнія въ новомъ храмѣ; пѣніе было общее; началось Русскими, потомъ смѣнилось Греками и на оборотъ. По вечерни, Греки удалились въ свой соборъ на утреню, но самъ

Преосвященный остался съ нами, и для него собственно тогда же было читано на греческомъ языкѣ житіе Святителя Христова Митрофана. Послѣ первой каеизмы, на утрени было произнесено русское слово, въ которомъ особенно выражены были признательныя чувства русскаго общества къ Господу Богу и къ Россіи, съ историческимъ, между прочимъ, указаніемъ на первоначальное происхожденіе и достоинство христіанскихъ храмовъ, имѣющихъ основаніе въ словахъ первоверховнаго Апостола Петра, въ Фаворскихъ еще сѣняхъ указавшаго намъ право посвященія храмовъ имени не одного только Господа Бога, но и Святыхъ Его, чего совершенно была чужда Церковь Ветхозавѣтная, строго ограничивавшаяся поклоненіемъ единому Господу Богу и то во храмѣ только Іерусалимскомъ; она до такой степени была далека чествованія въ этомъ родѣ Святыхъ Божіихъ, что самыя останки ихъ скрываемы были въ неизвѣстности для Израиля, многократно уклонявшагося въ идолопоклонство..... Остатокъ утрени кончился своимъ порядкомъ. Вслѣдъ за нею началось освященіе и совершилось еще до разсвѣта дневнаго. Глубокая тьма преполовившейся уже въ славословіяхъ ночи чрезвычайно много трогательности придавала обряду освященія и въ особенности — троекратнаго обхожденія вокругъ церкви предъ его началомъ: все братство и пришельцы, съ возженными свѣчами, а нѣкоторые съ лампадами и хоругвями, предшествовали и послѣдовали Святителю Божію, и вся эта процессія, утопая во свѣтѣ пылающихъ свѣчъ, живо напомнила собою древняго Израиля, руководимаго въ нощи огненнымъ столпомъ къ далекимъ предѣламъ обѣтованной земли!.... Русскій колокольный звонъ довершалъ торжественность русскаго праздника, неволь-

но переносившаго насъ мыслию въ далекую и милую, но Бога ради оставленную нами, отчизну нашу!.. Литургія, безъ расхода, начавшаяся по освященіи, кончилась въ девять часовъ утра, и такимъ образомъ вся служба этого русскаго праздника, въ непрерывномъ ея порядкѣ, длилась цѣлыхъ пятнадцать часовъ, что до такой степени истощило въ силахъ маститаго старца, Преосвященнаго Григорія, что его на рукахъ отнесли изъ церкви въ гостинную.

Трапеза, какъ и самый праздникъ, такъ и на канунѣ, поставлялась на счетъ единственнаго здѣсь благодѣтеля русскаго храма г-на Комарова, лично дѣлявшаго съ нами нашу радость. Здѣсь въ трапезѣ была произнесена престарѣлымъ греческимъ Даскаломъ, Архимандритомъ Прокопіемъ, краткая рѣчь, въ особенности трогательная рѣзкимъ выраженіемъ затруднительныхъ обстоятельствъ настоящаго положенія русскаго монастыря и изъявленіемъ признательности отъ лица всей братіи г-ну Комарову, котораго гость былъ заключеніемъ не роскошной, но вкусной трапезы.

Изъ трапезы все братство съ настоятелемъ удалось въ русскій новоосвященный Митрофаніевъ храмъ, гдѣ, по краткомъ славословіи, возглаголено было многолѣтіе Государю Императору и Высочайшей Фамиліи, потомъ Святѣйшему Всероссійскому Синоду, всѣмъ любителямъ и благотворителямъ русскаго монастыря, и наконецъ г-ну Комарову. Возглашеніе многолѣтій, потрясая легкіе своды храма, звучнымъ эхомъ далеко переливалось въ воздухъ и, конечно, отзывалось въ самыхъ небесахъ!

По выходѣ изъ храма, г. Комаровъ принималъ отъ всѣхъ поздравленіе съ благополучнымъ окончаніемъ праздника, а въ гостиной, за кубкомъ вина, повторилъ

лись желанія многолѣтїя Государю Императору, и взаимность скромныхъ бесѣдъ ликующаго братства русскаго монастыря длилась почти до полудня; но къ вечеру торжественнаго праздника, смѣнившагося обычнымъ безмятежіемъ иноческой живни, уже какъ не бывало; и только русскій чай напомнилъ намъ торжество и знаменательность протекшаго дня: потому что угощеніе всего русскаго братства чаемъ если здѣсь иногда и случается, то не иначе, какъ только подъ великіе праздники, къ оживленію и подкрѣпленію силъ на всенощное бдѣніе, и послѣ бдѣнія, да развѣ по какому нибудь особенному случаю.

Такъ на св. горѣ Аѳонской, въ русскомъ монастырѣ Св. Великомученика и Цѣлебника Пантелеймона, торжественно совершено было освященіе новаго русскаго Митрофаніева храма. Мы воздали за то славу Господу Богу, признательность Россіи и многая, многая лѣта нашему Батюшкѣ Великому Царю!

Русскіе русскаго монастыря, что на св. горѣ Аѳонской () (Одесскій Вѣстникъ 1847 г. №60-й).*

(*) Статья эта написана О. Серафимомъ-Святогорцемъ, что видно изъ оставшихся послѣ него бумагъ

ОПИСАНІЕ СНАСО-ОРЛОВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Предисловіе.

Возвратясь изъ мирнаго Аѳона на свою родину въ Вятской Епархіи, обрѣлъ я спокойный пріютъ въ смиренной обители Всемиловитаго Спаса, находящейся въ уѣздномъ городѣ Орловѣ. Здѣсь я посвятилъ свободные отъ иноческихъ занятій часы подробному обозрѣнію сей богоспасаемой обители. Теперь, ревнуя о неизреченной славѣ Спасителя, коего нерукотворенный образъ, прославленный явленіемъ своимъ и знаменіями чудесныхъ исцѣленій, находится въ монастырской церкви, представляю благочестивымъ читателямъ краткое описаніе сего монастыря, составленное на основаніи рукописныхъ актовъ, хранящихся въ монастырѣ.

Вятской губерніи въ уѣздномъ городѣ Орловѣ, въ самомъ центрѣ обывательскихъ зданій, стоитъ мирная обитель иноковъ, какъ тихое пристанище, куда притекають граждане отъ суеты мірскихъ на молитву и гдѣ нѣкоторые изъ нихъ обрѣтають послѣ сей жизни вѣчный

покой подъ сѣнію святыхъ храмовъ. Эта мирная обитель извѣстна нынѣ подъ имѣнемъ заштатнаго Спасо-Орловскаго монастыря.

1. ОСНОВАНІЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО МОНАСТЫРЯ.

Сей монастырь основанъ въ концѣ XVII вѣка. О первоначальномъ основаніи его находится сказаніе въ монастырской лѣтописи. При державѣ Государей, Царей и великихъ князей Иоанна и Петра Алексѣевичей, при Патріархѣ Московскомъ Адрианѣ, Преосвященный Иона, Архіепископъ Вятскій и Великопермскій, имѣвшій великую ревность украшать свою Епархію церковнымъ благолѣпіемъ и благоустроеніемъ монастырей, узнавъ, что близъ города Орлова, въ лѣсу среди болота, подъ сосновымъ деревомъ находится съ давняго времени устроенная часовня, въ которой имѣется безцѣнное сокровище—нерукотворенный образъ Спасителя, прославившійся своимъ явленіемъ на той соснѣ, подъ которой стоитъ эта часовня. Архипастырь удостоившись, что православные христіане съ великою вѣрою притекаютъ въ каждое лѣто къ сему явленному образу, и многіе недужные получаютъ въ молитвахъ предъ сею иконою скорое исцѣленіе отъ различныхъ болѣзней. И такъ ревнуя о славѣ Божіей, святитель началъ помышлять о томъ, чтобы устроить гдѣ либо обитель въ честь сего чудотворнаго образа. Въ это самое время явился къ Архипастырю казначей Вятскаго Трифонова монастыря, старецъ именемъ Илія, и, изъявивъ желаніе, испрашивалъ благословенія на устроеніе обители въ честь сего чуднаго образа. Ревностный Архипастырь не умедлилъ преподать благословеніе на

на сіе святое дѣло, и отпустилъ его искать удобнаго мѣста для построенія св. обители. Старець съ Архипастырскою грамотою поспѣшилъ въ городъ Орловъ, предъявилъ оную Духовенству и гражданамъ, и нашель въ нихъ усердіе и готовность споспѣшествовать созиданію обители. Граждане съ общаго согласія указали старцу приличное для построенія монастыря мѣсто, близъ рѣки Вятки у ручья Воробьевскаго, бывшее тогда подъ пашнею одного крестьянина, по имени Василія. Василій, отчасти по убѣжденію гражданъ, обязавшихся платить за него подать, а болѣе по своему усердію къ чудотворному образу, согласился уступить оное мѣсто на построеніе монастыря. Вскорѣ послѣ сего Преосвященный Іона, путешествуя для обозрѣнія Епархіи, остановился въ городѣ Орловѣ, самъ осмотрѣлъ избранное для монастыря мѣсто и, обошедши оное и окропивъ св. водою, преподалъ благословеніе къ созиданію святой обители. Отправляясь въ дальнѣйшій путь, онъ оставилъ на мѣстѣ старца Ілію имѣть попеченіе о сооруженіи храма и возведеніи зданій монастырскихъ. Казалось, при недостаткѣ средствъ нельзя было ожидать быстраго успѣха, но желаніе гражданъ, скорѣе видѣть при своемъ городѣ святую обитель и ближе къ себѣ имѣть чудотворный образъ Спасителя, было та кѣ велико, что, едва только старецъ успѣлъ заготовить потребные матеріалы на одно основаніе церкви, граждане убѣдили его — осенью отправиться въ городъ Вятку, испросить отъ Архипастыря грамоту на построеніе храма и перенесеніе въ оный изъ Спасо-болотной часовни чудотворнаго образа. Архипастырь, споспѣшествуя сему пламенному усердію, предложилъ старцу перенести на мѣсто вновь основаннаго монастыря деревянную перьковъ Архангела

Михаила, находившуюся въ городѣ и оставленную безъ священнослуженія за излишествомъ, и далъ ему двѣ грамоты, одну—на перенесеніе означенной церкви въ новоустроаемую обитель, другую — на перенесеніе чудотворнаго образа Спасителя изъ часовни на болотѣ въ городъ Орловъ. Въ то же время Архипастырѣ далъ повелѣніе совершить перенесеніе упомянутой иконы Духовенству, въ сопровожденіи гражданъ, съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ, и поставить оную икону въ св. обители на вѣчныя времена, а въ память явленія оной на болотѣ и перенесенія оттуда въ городъ—совершать съ нею два крестные хода каждагодно. Въ слѣдъ за симъ Архипастырѣ послалъ въ сію новоустроаемую обитель трехъ Иеромонаховъ и двухъ Иеродіаконовъ съ послушниками, для келейнаго и молебнаго пѣнія, а вмѣстѣ и для вспомошествованія строителю, старцу Иліѣ, въ благоустройствѣ церкви. Въ теченіи зимы вышеупомянутая церковь, попеченіемъ строителя старца Иліи и его братіи съ помощію усердныхъ жителей города Орлова, по разобраніи перевезена въ устроаемый монастырь, и въ продолженіи лѣта приведена къ совершенному окончанію, а къ освященію оной перенесенъ, съ крестнымъ ходомъ, чудотворный образъ изъ Спасо-болотной часовни. Такимъ образомъ возникшая въ 1694 г. въ городѣ Орловѣ смиренная обитель, ровно чрезъ годъ послѣ перваго своего основанія, огласилась торжественнымъ совершеніемъ Божественной службы по освященіи храма въ 14 день Сентября 1695 года. Съ того времени не только жители города, но и окрестныхъ селеній, начали притекать въ обитель для молитвы предъ Пречистымъ образомъ Спасителя, испрашивая себѣ благодатную помощь во всѣхъ нуждахъ.

II. ПЕРВЫЕ СПОСОБЫ КЪ БЛАГОУСТРОЙСТВУ МОНАСТЫРЯ.

Новоустроаемая Спасо-Орловская обитель не имѣла въ самомъ началѣ своемъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ ни къ своему устройству, ни къ содержанію, кромѣ добровольныхъ пожертвованій благотворителей. Къ числу первыхъ благотворителей обители по всей справедливости принадлежитъ Преосвященный Іона, Архіепископъ Вятскій и Великопермскій. Въ древней монастырской рукописи значится, что онъ при первоначальномъ основаніи обители дарствовалъ отъ себя, на строеніе св. храма и на украшеніе чудотворнаго образа Спасова, значительное количество денегъ. Послѣ Преосвященнаго Іоны въ числѣ благотворителей обители значится въ синодикѣ Преосвященный Тихонъ, Митрополитъ Казанскій, который пожертвовалъ въ сей монастырь образъ Пресвятыя Богородицы Казанскія, въ серебрянномъ окладѣ, съ серебро-позлащенною цатою и жемчужнымъ убрусомъ; потомъ еще прислалъ колоколь въсомъ въ пять съ половиною пудовъ и желѣзные часы на колокольню. Имена прочихъ благотворителей значатся въ монастырскомъ синодикѣ безъ означенія количества ихъ вкладовъ.

Вслѣдъ за устройствомъ первой перкви. Преосвященный Іона установилъ приносить образъ Всемплостиваго Спаса ежегодно въ 1 день Сентября въ городъ Хлыновъ, что нынѣ Вятка, а на праздникъ св. Великомученицы Екатерины 24 Ноября—въ городъ Слободской, ради всенароднаго моленія и сбора добротныхъ подаяній на созиданіе обители.

Вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшенъ былъ особый сборъ подаяній по Вятской и Пермской странамъ и даже въ

вотчинахъ именитаго человека, Григорія Дмитриевича Строгонова.

III. Состояніе монастыря до утвержденья монастырскихъ штатовъ.

При сѣдѣствіи благотворителей и богомольцевъ, благоустроившаяся Спасо-Орловская обитель потерѣла въ 1701 году великое разстройство отъ пожара. Нопущеніемъ Божиимъ въ 1 день Ноября того года, послѣ утренняго пѣнія, монастырская деревянная церковь внезапно загорѣлась отъ непогашенной, по забвенію, свѣчи. Пламя распространилось быстро и въ нѣсколько мгновеній объяло всю церковь. Сбѣжавшіеся тушить пожаръ, съ большимъ усиліемъ вошедши въ церковь боковыми дверьми, старались изъ самаго пламени исторгнуть священную утварь; однакоже въ величайшемъ смятеніи не успѣли вынести даже драгоценнѣйшее сокровище храма — чудотворную икону нерукотвореннаго образа Спасителя. Но тамъ, гдѣ были тщетны всѣ человѣческія усилія противъ разъяренной стихіи, явилась чудная сила Божіей благодати: чудотворная икона, неизвѣстно кѣмъ снятая съ мѣста изъ горѣвшаго иконостаса, положена на полу, ликомъ внизъ, и сохранилась отъ всепожирающаго пламени въ цѣлости, кромѣ весьма малыхъ слѣдовъ поврежденія, на лѣвой сторонѣ ея оставшихся какъ бы въ за-свидѣтельство чуднаго ея пребыванія и сохраненія среди пламени. Послѣ сего посѣщенія Божія, православный народъ несравненно съ большимъ прежняго усердіемъ сталъ притекать на поклоненіе пречистому образу, и благодатныя исцѣленія обильнѣе, нежели

прежде, истекали отъ него на молящихся съ щирою. Очевиднѣйшія и болѣе знаменательныя чудеса, время отъ времени являвшіяся отъ сего нерукотвореннаго образа, внесены въ монастырскія лѣтописи. Усердіе Орловскихъ гражданъ и жителей окрестныхъ селеній доставило монастырю чрезъ восемь лѣтъ послѣ пожара средства вознаградить потерю деревяннаго храма. Въ 1709 году начата на мѣстѣ онаго постройкою каменная церковь, и въ продолженіи немногихъ лѣтъ приведена къ совершенному окончанію. Впрочемъ въ какомъ году она освящена, и какъ устроился монастырь въ слѣдующіе годы до 1762, — въ лѣтописяхъ монастырскихъ не значится. А въ 1762 году построена въ монастырѣ каменная колокольня, потомъ въ 1768 году слить колоколъ вѣсомъ 96 пудовъ. — Къ чести гражданъ города Орлова надобно сказать, что только ихъ усердію и благочестію монастырь сей обязанъ дальнѣйшимъ своимъ существованіемъ, потому что, въ 1741 году по малому числу братіи бывъ приписанъ къ Вятскому загородному Богословскому монастырю, снова оставленъ онъ самостоятельнымъ по просьбѣ Орловскихъ гражданъ; потомъ и въ 1764 году, при составленіи штатовъ монастырскихъ, хотя Спасо-Орловскій монастырь поставленъ и внѣ штата, но, по изъявленному желанію усердныхъ гражданъ поддерживать оный своими приношеніями, оставленъ на прекнемъ положеніи и содержаніи собственными средствами. Впрочемъ въ послѣдствіи времени сія Богохранная обитель не осталась лишенною Высочайшихъ Царскихъ милостей. Въ 1797 году по Высочайшему повелѣнію назначена въ Спасо-Орловскій монастырь ежегодная милостыня въ числѣ 300 рублей ассигнаціями и отведено во владѣніе монастыря озеро, именуемое Ро-

сохнскимъ, въ 15 верстахъ отъ города. Потомъ въ 1807 году, въ слѣдствіе Высочайшаго указа, отмежеваны къ Спасо-Орловской обители еѣнокосные луга и мукомольная мельница на рѣкѣ Дубавкѣ, въ 16 верстахъ отъ монастыря.

IV. Нынѣшнее устройство монастыря.

Обитель сія, первоначально основанная, какъ мы имѣли случай упомянуть, близъ города на пустопорожнемъ, бывшемъ подъ пашею, мѣстѣ, мало по малу обстроиваема была вокругъ домами городскихъ жителей, какъ бы нарочно тѣснившихся около нея для того, чтобы быть ближе къ самому источнику благодатныхъ исцѣленій и имѣть больше удобства притекать съ моленіями къ пречистому образу Всемилостиваго Спаса. Такимъ образомъ въ теченіи немногаго времени, по основаніи сей обители, она стала въ центрѣ городскихъ зданій, отдѣлясь впрочемъ отъ оныхъ каменною стѣною и улицами вокругъ ея, такъ что она составляетъ собою отдѣльный малый кварталъ.

Зданія сего монастыря, нынѣ всѣ каменные, составляютъ красоту города и представляются въ слѣдующемъ видѣ:

1. Посреди монастыря стоитъ величественный Соборный храмъ во имя Нерукотвореннаго образа Спасителя, зданіемъ каменный, вышиною 22 сажени, длиною и шириною $9\frac{1}{2}$ сажень, украшенный снаружи пидястрами, покрытый желѣзомъ и увѣнчанный позлащеннымъ крестомъ. Храмъ сей, вмѣсто прежней церкви, существовавшей съ 1709 года и прішедшей въ ветхость, заложенъ въ 1808 году, а окончательно

отстроены въ 1824 году, на сумму, пожертвованную отъ усердыхъ гражданъ, и освященъ Преосвященнымъ Павломъ, бывшимъ Епископомъ Вятскимъ. Внутренность сего храма безъ колоннъ, и сводъ его смѣло держится на стѣнахъ. Большія окна, въ два яруса съ сѣверной и южной сторонъ, не затѣняемыя ни чѣмъ отвиъ, дѣлають храмъ совершенно свѣтлымъ. Иконостасть величественный, въ три яруса, съ колоннами при царскихъ вратахъ, вызолоченный на полиментъ и окрашенный по гладкимъ мѣстамъ темною краскою, рѣзко отражается при свѣтѣ изъ оконъ и поражаетъ взоры молящихся. Въ семь иконостасть на правой сторонѣ находится мѣстная икона нерукотвореннаго образа Всемилостиваго Спаса, безцѣнное сокровище обители, — икона древле явленная на деревѣ въ лѣсу, среди болота, оттуда въ 1695 году перенесенная въ основаніе обители, чуднымъ образомъ сохраненная среди всепожирющаго пламени, и ознаменованная чудесами, благолѣпно украшенная сребро-позлащеннымъ окладомъ и вѣнцемъ съ дорогими камнями отъ усердствовавшихъ поклонниковъ въ славу и благодареніе за изливающіяся многія милости отъ Господа Спаса нашего. Во св. алтарѣ сего храма находится другое сокровище—это запрестольный крестъ, устроенный изъ того самаго дерева, на которомъ явилась икона нерукотвореннаго образа, какъ видно изъ древней надписи на задней сторонѣ сего креста. Въ сѣверномъ полукружии алтаря надъ жертвенникомъ хранится нѣсколько архіерейскихъ панагій и крестовъ съ малыми частицами св. мощей, жертвованныхъ Архипастырями въ благословеніе обители, на память своихъ посѣщеній. Въ южномъ полукружии алтаря расположена въ шкафахъ монастырская ризница, въ которой хотя нѣтъ

особенно замѣчательныхъ по древности вещей, но все приведено въ порядокъ и благолѣпіе попеченіемъ настоятелей, при усердіи различныхъ благотворителей обителя.

2. Въ одной связи съ упомянутымъ холоднымъ храмомъ находится теплая каменная церковь, пространствомъ въ ширину на равнѣ съ холодною $9\frac{1}{2}$ сажень, въ длину 18 сажень, высотой $4\frac{1}{3}$ сажени, со сводами, которые поддерживаются двумя столпами. Построена вмѣстѣ съ холодною церковію и покрыта желѣзомъ. Въ ней два придѣла: первый—на правой сторонѣ, во имя трехъ Вселенскихъ Святителей, второй на лѣвой сторонѣ, въ честь Тихвинской иконы Божіей Матери. Иконостасъ въ сихъ придѣлахъ новый, устроенный въ 1835 году на собственное иждивеніе однимъ изъ усердныхъ гражданъ города Орлова И. А. Трухинымъ, вызолоченъ на полиментъ и по мѣстамъ окрашенъ желтою краскою столь искусно, что при яркой игрѣ солнечныхъ лучей кажется весь позолоченнымъ. Иконы въ семь иконостасѣ, исключая одной, всѣ въ серебряныхъ позлащенныхъ ризахъ, жертвованныхъ различными благотворителями.

3. Къ сѣмъ храмамъ примыкаетъ съ западной стороны притворъ церкви, поддерживаемый восемью колоннами. Сводъ надъ нимъ сведенъ легкимъ куполомъ, покрытъ желѣзомъ, и осѣненъ крестомъ. Наружный архитравъ его украшенъ надписью: *Благословенъ грядый во имя Господне.*

4. Отдѣльно отъ церквей, на чертѣ западной монастырской стѣны, прямо противъ паперти церковной, возвышается величественная каменная колокольня, построенная вмѣсто прежней, пришедшей въ ветхость, въ 1820 году, высотой въ 24 сажени, о четырехъ

ярусахъ, изъ коихъ въ первомъ нижнемъ устроены монастырскія св. врата, во второмъ - церковь въ честь Смоленской иконы Божіей Матери, третій—пустой, въ четвертомъ колокольный звонъ. Надъ четвертымъ ярусомъ поставлены старинные желѣзные часы.

5. На югозападномъ углу монастырской ограды построень въ 1841 году каменный, двухъ-этажный, на подвалахъ, корпусъ длиною 12, шириною 7 сажень, покрытый желѣзомъ. Въ верхнемъ этажѣ онаго настоятельскіе покои, раздѣленные на двѣ половины, изъ коихъ одна назначена для временнаго пребыванія преосвященнаго, другая для пребыванія настоятеля. Въ нижнемъ этажѣ устроены кельи для братіи монастырской и для свиты архіерейской.

6. На сѣверозападномъ углу монастырской ограды одноэтажный каменный корпусъ, также на подвалахъ, для разныхъ монастырскихъ потребностей, построень въ 1804 году, длиною 11 сажень, шириною 5 съ половиною сажень. Въ немъ помѣщаются братская трапеза и кельи для казначея и другихъ изъ братіи.

7. На юговосточномъ углу монастырской ограды находится домъ Орловскаго Духовнаго Правленія, зданіемъ каменный, одноэтажный, на 8½ саженьхъ въ длину. Постройкою конченъ въ 1843 году. Входъ въ оный извнѣ монастыря.

8. На западной сторонѣ, въ чертѣ ограды, построены монастыремъ въ 1823 году, по обѣимъ сторонамъ колокольной, торговыя лавки, обращенныя фасадомъ къ городской площади, зданіемъ каменные, покрытыя деревянною кровлею. Лавки эти отдаются отъ монастыря въ арендное содержаніе купцамъ, по контрактамъ.

Внутри сего монастыря, во кругъ св. храмовъ, раз-

веденъ небольшой садъ, гдѣ подъ тѣнію деревь, а больше подъ освѣщеніемъ Господнихъ Святилищъ, представляются ряды надгробныхъ памятниковъ, поставленныхъ надъ могилами усопшихъ благотворителей обителя, поручившихъ себя молитвенному, вѣчному помяновенію братія монастыря предъ чудотворнымъ ликомъ Спасителя.

Внѣ монастыря, за южною стѣною его, на противоположной сторонѣ улицы, въ ряду обывательскихъ домовъ находится монастырскій конюшенный и скотный дворъ съ деревяннымъ домомъ и разнымъ строеніемъ, существенно нужнымъ въ экономіи монастыря

Къ монастырю принадлежитъ находящаяся въ 6-ти верстахъ отъ города Орлова, по тракту къ городу Вяткѣ, деревянная часовня, устроенная на мѣстѣ древней, въ память явленія здѣсь нерукотвореннаго образа Спасителя, перенесеннаго въ монастырь. Она стоитъ уединенно подлѣ дороги, въ болотистомъ мѣсу, и извѣстна въ простомъ народѣ подъ названіемъ *у Спаса на болотѣ*. Усердные Орловскіе граждане, и по перенесеніи чудотворной иконы въ городъ, не оставили безъ вниманія мѣста явленія ея, постоянно поддерживали древнее ея святилище, и потомъ распространили зданіе часовни, поставивъ основаніе восточной стѣны на пнѣ того самаго дерева, которое ознаменовано было явленіемъ сей иконы. Впрочемъ при сей перестройкѣ сохраненъ древній видъ часовни, въ каковомъ она и нынѣ поддерживается попеченіемъ настоятелей монастыря и усердіемъ Орловскихъ гражданъ. По завѣщанію въ 1695 году Преосвященнаго Іоны, до нынѣ совершается туда изъ монастыря торжественный крестный ходъ съ чудотворнымъ образомъ Спасителя, дважды въ годъ, а именно въ 5-ю недѣлю по Пасхѣ и въ 16-й

день Августа. Стеченіе Богомольцевъ изъ города и окрестныхъ селеній, особенно къ празднованію 16-го Августа, весьма многочисленно. Тогда бываетъ и значительная ярмарка, располагаемая въ балаганахъ на дорогѣ и на обсушенномъ лугу неподалеку отъ часовни. Въ двухъ верстахъ отъ сей часовни къ востоку, при опушкѣ лѣса, обнимающаго собою значительное пространство, находится озеро, образующееся изъ кипучихъ подземныхъ ключей, въ коемъ вода весьма чиста и цѣлительна во многихъ внутреннихъ болѣзняхъ. Широкий потокъ этой воды, прорѣзавшись сквозь тонкое болото и трактовую дорогу, по направленію къ западу, быстро несется мимо Спасской часовни и теряется въ сосѣдственныхъ лугахъ.

V. Составъ братства и способы содержанія монастыря въ настоящее время.

Спасо-Орловскій монастырь, оставленный внѣ штата на своемъ содержаніи, постоянно имѣлъ определенное число братства, и именно, согласно 4-му пункту положенія о мужскихъ монастыряхъ, оставленныхъ за штатомъ на своемъ содержаніи, определено быть въ семь монастырѣ одному строителю и шести монашествующимъ; а потомъ, согласно 5-му пункту Высочайше утвержденныхъ въ 1832 году правилъ о монашествующихъ, коимъ постановлено въ монастыряхъ имѣть число послушниковъ противъ числа монашествующихъ, Спасо-Орловскій монастырь началъ имѣть послушниковъ по семи человекъ. И такъ братство сей смиренной обители состоитъ изъ четырнадцати человекъ, сообразно изъясненнымъ правиламъ.

Хотя правилами о заштатныхъ монастыряхъ и не опредѣлено быть въ семь монастырѣ особому казначею, но одинъ изъ старшей братіи постоянно избирается въ должность казначея, коего главную обязанность, сверхъ череднаго священнослуженія, составляетъ завѣдываніе всею экономическою частію монастыря и веденіе приходорасходныхъ книгъ, подъ непосредственнымъ и постояннымъ наблюденіемъ настоятеля. Кромѣ казначея избирается такъ же изъ братіи особый ризничій, въ вѣденіи коего состоитъ вся утварь церковная, ризница и библіотека.

Способы содержанія сего монастыря въ настоящее время суть слѣдующіе:

а. Пожалованное по Высочайшему указу, Декабря 18 дня 1797 года, и получаемое ежегодно изъ казны милостинное подаваніе—85 руб. 71 коп. серебромъ.

б. Въмѣсто упомянутаго Росохинскаго озера, поступившаго въ казну, по положенію комитета Гг. Министровъ, Высочайше утвержденному въ 29 день Октября 1835 года, получается изъ казны 57 руб. 20 коп. серебромъ въ годъ.

с. Вышеупомянутая мукомольная мельница, въ 16-ти верстахъ отъ монастыря, по большому тракту къ Костромѣ, на рѣкѣ Дубянкѣ, перестроенная въ 1840 году, приноситъ монастырю годичнаго дохода 250 руб. серебромъ.

д. Сѣнокосной земли при мельницѣ и въ особыхъ лугахъ состоитъ во владѣніи монастыря 29 десятинъ (2400 квадратныхъ сажень).

е. Торговля лавки, устроенныя на чертѣ монастырской ограды съ западной стороны, приносятъ аренды 200 руб. серебромъ.

Сія весьма ограниченныя средства къ содержанію

монастыря восполняются приношеніями отъ благотворителей и богомольцевъ, притекающихъ въ обитель для поклоненія чудотворному образу.

IV. Настоятели монастыря.

Настоятельская власть въ семъ монастырѣ съ самаго основанія онаго была, по правиламъ и примѣру прочихъ заштатныхъ монастырей, возлагаема на избираемыхъ епархіальнымъ начальствомъ лицъ съ званіемъ строителей; впрочемъ многіе изъ настоятелей, за попеченіе о благоустройствѣ обители и особенныя заслуги, возводимы были въ санъ игумена, какъ можно видѣть изъ предлагаемаго здѣсь списка.

1. Илія Семакинъ, изъ келарей или казначеевъ Вятскаго Успенскаго Трифонова монастыря, благопопечительный старецъ, основатель Спасо-Орловской обители.

2. Митрофанъ, изъ вдовыхъ священниковъ, постриженъ въ Вятскомъ Трифоновѣ монастырѣ и 1696 года Декабря 16 опредѣленъ строителемъ Спасо-Орловскаго монастыря, а потомъ 1697 года Сентября 4 произведенъ въ игумена. При немъ первая деревянная монастырская церковь сгорѣла, и во время сего пожара найдена сохраненною въ цѣлости чудотворная икона Спасителя. При немъ же построена была, вмѣсто сгорѣвшей деревянной церкви, каменная, существовавшая до нынѣшней.

3. Іона Кротовъ, поступилъ по кончинѣ Митрофана, послѣдовавшей 23 Апрѣля 1711 года, и тогожь Апрѣля въ 30 день поставленъ въ игумена. При немъ замѣчательнъ сборъ подаяній въ созиданіе Спасо-Орлов-

скаго монастыря по всей Сибири, разрѣшенный Тобольскимъ Митрополитомъ Иоанномъ.

4. Ѳеодосій, игумень, упоминается въ монастырскихъ актахъ 1722 года.

5. Каріонъ, игумень, извѣстенъ по подписи на одной изъ книгъ монастырскихъ.

6. Геннадій Овчинниковъ, старецъ строитель, упоминается въ синодикѣ.

7. Антипатръ, іеромонахъ строитель, упоминается въ 1742 году.

8. Пахомій, Іеромонахъ строитель. При немъ Спасо-Орловскій монастырь, приписанный напредъ сего къ Вятскому Богословскому монастырю, вновь возобновленъ въ 1744 году по просьбѣ Орловскихъ гражданъ.

9. Никифоръ, вдовый священникъ, правилъ должность строителя въ 1749 году.

10. Савва, строитель, изъ рода купцовъ Изергпныхъ. При немъ, по указу Коллегіи экономіи, монастырское имущество описано въ 1763 году Угличскаго пѣхотнаго полка поручикомъ Тимоѳеємъ Комуховымъ.

11. Мелхиседекъ, игумень, опредѣленъ на мѣсто скончавшагося строителя Саввы въ 1764 году.

12. Іосифъ, іеромонахъ строитель, опредѣленъ въ 1768 году на мѣсто скончавшагося игумена Мелхиседека.

13. Модестъ, игумень, упоминается въ 1773 году.

14. Іеронимъ, іеромонахъ, опредѣленъ строителемъ въ концѣ 1775 года, а потомъ въ началѣ 1777 года переведенъ въ Истобенскій Троицкій монастырь въ игумена.

15. Серапіонъ 1-й, изъ экономовъ архіерейскаго

дома, опредѣленъ строителемъ въ 1777 году Февраля 21 дня.

16. Лустъ, строитель іеромонахъ, переведенъ въ число братства Вятскаго архіерейскаго дома въ концѣ 1782 года.

17. Неофитъ, строитель, былъ вмѣстѣ и экономомъ архіерейскаго дома. Управлялъ монастыремъ съ начала 1783 года до 1798 Мая 13 дня. А съ этого времени по прошенію, ради глубокой старости, уволенъ на покой и скончался въ 1803 году Сентября 5 дня послѣ священнослуженія.

18. Леонидъ, изъ секретарей дворцовой конюшенной канцеляріи, постриженъ въ монашество въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ, и, оттуда поступивъ въ Вятскую Епархію, опредѣленъ строителемъ въ Спасо-Орловскій монастырь въ 1798 году Мая 13 дня. Скончался 1802 года Апрѣля 4 дня и погребенъ въ монастырѣ.

19. Иннокентій, изъ экономовъ архіерейскаго дома, опредѣленъ въ строителя 13 Мая 1802 года, а 28 Мая тогожь года сдалъ Спасо-Орловскій монастырь по случаю опредѣленія его въ Архимандриты въ Слободскій Крестовоздвиженскій монастырь.

20. Феоктистъ, изъ экономовъ архіерейскаго дома, управлялъ монастыремъ съ 1802 года 4 Декабря до 1806 года Мая 28 дня. При немъ построены братскій одноэтажный корпусъ на сѣверозападномъ углу монастырской ограды.

21. Серапионъ 2-й, сперва строитель, а потомъ игумень; былъ прежде присутствующимъ Вятской Духовной Консисторіи, а потомъ Духовнаго Правленія. Принялъ въ управленіе монастырь 1806 года Мая 28 дня, и въ продолженіи своего управленія привелъ обитель

совершенно въ новое устройство. При немъ сооруже- ны каменныя монастырскія церкви, холодная и теплая, въ настоящемъ ихъ видѣ, воздвигнута каменная че- тырехъ-ярусная колокольня, по сторонамъ колокольни каменныя торговыя лавки, обращенныя фасадомъ на городскую площадь, и весь монастырь обнесенъ ка- менною оградаю. При немъ же въ монастырь посту- пили многіе, высокой цѣны, вклады отъ разныхъ бла- готворителей. Въ слѣдствіе сего, за отличную благо- печетельность о благоустройствѣ монастыря, произ- веденъ онъ въ 1812 году въ санъ Игумена. Скончал- ся сей почтенный игумень въ 1831 году Февраля въ 9 день, и погребенъ въ правомъ придѣлѣ теплой церкви.

22. Платонъ, игумень, изъ протоіереевъ Елабуж- скаго Спасскаго Собора, вступилъ въ управленіе мо- настыремъ 12 Іюля 1831 года, скончался 9 Марта 1834 года и погребенъ въ монастырѣ, въ холодномъ Спасскомъ храмѣ за правымъ клиросомъ.

23. Виталій, съ должностію эконома архіерейскаго дома соединялъ должность строителя монастыря съ 1834 года 2 Апрѣля. При немъ устроенъ иконостасъ въ теплую церковь усердіемъ Орловскаго мѣщанина И. А. Трухина.

24. Сергій, изъ экономовъ Вятской Духовной Семи- наріи, опредѣленъ строителемъ монастыря въ 1835 году 5 Декабря. Съ должностію настоятеля соединялъ должность и эконома архіерейскаго дома и Присут- ствующаго Вятской Духовной Консисторіи до 1841 года. А въ 1841 году, будучи по прошенію уволенъ отъ должности эконома для удобнѣйшаго личнаго по- печенія о благоустройствѣ монастыря, по причинѣ строившагося тогда большаго двухъ-этажнаго настоя-

тельскаго и братскаго корпуса, — соединяя съ должностію настоятеля должность присутствующаго въ Орловскомъ Духовномъ Правленіи. За прохожденіе сихъ должностейъ Всемилостивѣйше награжденъ былъ золотымъ наперстнымъ крестомъ, выдаваемымъ отъ Святѣйшаго Синода. Скончался 1844 года на 1 число Декабря.

25. Нынѣшній настоятель Анатолій, изъ экономовъ архіерейскаго дома, опредѣленъ строителемъ въ Декабрѣ 1844 года, а въ 1845 году 27 Мая возведенъ въ санъ игумена. Въ бытность эконома былъ Членомъ Вятской Духовной Консисторіи и за прохожденіе оныхъ должностейъ Всемилостивѣйше награжденъ въ 1843 году золотымъ наперстнымъ крестомъ, выдаваемымъ отъ Святѣйшаго Синода. По увольненіи его изъ Вятки въ 1845 году во ввѣренный его управленію монастырь, возложена на него должность присутствующаго въ Орловскомъ Духовномъ Правленіи, а съ 1846 года онъ несетъ еще должность благочиннаго монастырей въ Вятской Епархіи. Въ Спасо-Орловскомъ монастырѣ подъ его управленіемъ и непосредственнымъ попеченіемъ вызолоченъ иконостасъ въ теплой церкви, и сдѣланы разныя улучшенія по монастырю. Притомъ особенное обращено имъ вниманіе на порядокъ церковныхъ службъ и молитвенныхъ занятій братіи. Стройность церковнаго пѣнія, плодъ трудовъ и попечительности настоятеля, 30 лѣтъ управлявшаго архіерейскимъ хоромъ, привлекаетъ въ монастырь значительное число богомольцевъ въ обыкновенныя празднества церкви.

Въ такомъ состояніи представляется нынѣ обитель Всемилостиваго Спаса въ уѣздномъ городѣ Орловѣ Вятской губерніи, возникшая въ 1694 году и досе-

лѣ Богомъ хранимая, въ теченіи 153 лѣтъ, какъ пристанище обуреваемыхъ, прибѣжище спасенія для всѣхъ живущихъ въ городѣ и окрестныхъ селеніяхъ. (Описание Спасскаго монастыря, находящагося въ уѣздномъ городѣ Орловѣ Вятской губерніи, составлено въ 1848 году на основаніи монастырскихъ актовъ. Напечатано отдельной брошюрой. Москва, въ типографіи В. Готье 1849 года).

ПИСЬМО О. В. Б. (*)

.... Кстати о Туркахъ. Конечно, вы знаете, что, кромѣ всякаго рода частныхъ бакчишей и хищеній, Турки берутъ у Христіанъ *десятую часть* отъ всего, что бѣдные имѣютъ, такъ что самыя нечистыя изъ животныхъ, омерзительныя для ислама, по завѣту Ма-

(*) Это письмо помѣщено въ Сѣверной Пчелѣ 1855 г. № 129. Предъ нимъ сказано: «Почтенные читатели Сѣверной Пчелы, безъ сомнѣнія, не забыли добродѣтельнаго и разумнаго отшельника Святой Аѳонской Горы, Отца Серафима, который издалъ превосходное описаніе Горы Аѳонской и обители на ней, называющейся *Русикъ*, въ которой спасаются Русскіе отшельники, Отецъ Серафимъ выбралъ себѣ названіе *Святогорца*, т. е. жителя Святой горы Аѳонской. Находясь въ Петербургѣ, онъ познакомился съ нами и, возвратясь въ свою обитель, продолжалъ переписываться до самой кончины. Я сохранилъ, какъ драгоценность, всѣ его письма, написанныя правильно, отличнымъ слогомъ и во всѣхъ отношеніяхъ занимательныя и поучительныя. Письма эти я храню въ собраніи рѣдкихъ и замѣчательныхъ автографовъ въ моей Карловской библіотекѣ, и потому не могъ представить выписокъ изъ нихъ, находясь въ Петербургѣ, особенно въ то время, когда Турція еще не отвѣчала войною на припоминаніе ей Россіею объ исполненіи трактатовъ. Теперь пусть защитники Турціи судятъ о положеніи Христіанской Православной Вѣры и Православныхъ Христіанъ въ Турціи, по скромнымъ сужденіямъ Святогорца! Письмо писано къ намъ изъ Константинополя, отъ 24 Февраля 1851 года. По дѣламъ обители, Святогорецъ проѣхалъ сухимъ путемъ изъ Святой Горы Аѳонской до Константинополя, и описываетъ все видѣнное и слышанное имъ на пути. Представляю читателямъ моиѣ только касающееся до моего предмета.

гомета, не исключаются изъ всего, входящаго въ составъ *десятиннаго сбора*. Замѣчательно, что только смиренныя куры подлежатъ десятинѣ. Въ настоящую пору Турки стали однакожь смѣтливѣе : они не отбираютъ десятины натурою, но на все положили денежную таксу, и, по цѣнности имущества своихъ Христіанскихъ подданныхъ, требуютъ отъ нихъ звонкой монеты. Но всего замѣчательнѣе въ Туркахъ удивительная ихъ лѣнь, вслѣдствіе которой они обираютъ кругомъ Христіанъ, пытаясь такимъ образомъ на ихъ счетъ и полая чужіе труды.

..... Грустно и тяжело было сердцу, когда нашъ хараджи (т. е. проводникъ), рассказывая различныя вещи, горько скорбѣлъ и жаловался на четырехвѣковый страдальческій жребіи своего вѣрнаго народа и утѣсненной церкви. — «Если бы не вашъ Русскій Царь, сказалъ проводникъ, мы и теперь были бы не въ силахъ сколько нибудь облегчить наше общественное иго и наши семейныя горести. Теперь намъ легче, подъ покровительствомъ Русскаго Царя, потому что мы теперь имѣемъ право жаловаться, искать защиты у Правительства и даже у самаго Султана. Но въ отношеніи къ церкви мы все еще весьма несчастны. Намъ нужно ваше Русское участіе. Съ вами мы—диво, а безъ васъ рабы, невольники и гяуры, противъ которыхъ непріязненное чувство и вѣковая вражда всасывается въ кровь каждаго Турецкаго ребенка съ его материнскимъ молокомъ! Вы сами увидите, что значить намъ рабство, примолвилъ хараджи, когда прибудемъ на первый почлегъ. Вамъ надобно только видѣть церковь и обычную въ ней службу.....»

..... Въ отношеніи къ церкви, хараджи былъ правъ. Первый почлегъ нашъ, по отъѣздѣ съ св. горы, былъ

въ небольшомъ Греческомъ селеніи *Гумати*, и ненастная погода задержала насъ цѣлые сутки въ грязномъ ханѣ (т.е. постояломъ дворѣ) этого селенія. 3-го Февраля, по причинѣ проливнаго дождя и бурной погоды, я никуда не выходилъ, и оставался въ ханѣ, близъ пылающаго камина, на грязныхъ цыновочныхъ коврикахъ. Миѣ было грустно, потому что сходящіеся къ намъ Греки не могли намъ ничего передать, кромѣ жалобъ на свою бѣдность и рабское положеніе. На вопросъ мой о церкви, они отвѣчали, что у нихъ есть только одна, и то бѣдная, вдали отъ селенія, а другая разрушена Турками и остается въ развалинахъ. Въ слѣдующій день я видѣлъ и ту и другую церковь. Всего горестнѣе на Востокѣ — это страдальческое положеніе церквей Православныхъ! Церковь въ селеніи Гумати одна изъ самыхъ бѣдныхъ, но мѣстность ея и всего селенія чрезвычайно живописна. При обозрѣніи церкви Гуматійской, это было вечеромъ, сердце мое сжалось. Подобнаго убожества не видалъ я ни въ одномъ Христіанскомъ храмѣ. Въ добавокъ, храмъ темень, безъ потолка, и сквозной вѣтеръ дуетъ во всѣ щели и въ узкое окно. Когда мы, въ числѣ троихъ Русскихъ, вступили въ притворъ, маститый старецъ, прекрасной и выразительной фізіономіи, съ длинною, сѣдою бородою, въ турецкой чалмѣ, обвитой чернымъ полотномъ, съ глубокимъ чувствомъ читалъ греческую книгу, не обращая на насъ вниманія. На наше привѣтствіе онъ всталъ, не выпуская изъ рукъ книги, и почтительно поклонился, приложивъ руку къ сердцу. Мы съ нимъ разговорились, и узнали, что онъ Священникъ церкви, хотя на немъ небыло никакихъ знаковъ, которыми у насъ отличается священникъ отъ мірянъ. Онъ казался болѣе Туркомъ, нежели Грекомъ.

Съ полчаса, если не болѣе, мы бесѣдовали съ бѣднымъ старцемъ, болѣе тридцати лѣтъ служащимъ Гуматійскому храму въ санѣ священника. Онъ многое говорилъ объ утѣсненіяхъ со стороны Турокъ и страданіяхъ своего народа. На замѣчанія наши о бѣдственномъ состояніи храма Божьяго онъ отвѣчалъ: «Вы знаете, что безъ Россіи, безъ вашего пособія и покровительства, намъ жизнь не жизнь, а страданіе! Дайте намъ руку, и мы поднимемся изъ грязи, изъ своего грустнаго положенія! Ваше дѣло намъ теперь благодворить, сострадать и миловать, потому что вы наши братья по Вѣрѣ и по духу. Видите, продолжалъ онъ, до чего дошла наша церковь, и нѣтъ человѣка, который бы укрылъ насъ отъ бури и непогоды, хотя здѣсь, въ домѣ Божіемъ!» Старецъ замолчалъ; онъ говорилъ отъ души, и можетъ быть продолжалъ бы, но наступило время начать божественную службу: священникъ вышелъ изъ притвора, и чрезъ нѣсколько минутъ раздался стукъ въ деревянную доску, а потомъ въ желѣзо. Звуки дерева были томные и слабые, и эхо тихо разносилось. Съ глубокимъ чувствомъ и въ грустномъ раздумьи внималъ я скромному *тоху*, такъ называемой на Востокѣ связкѣ досокъ, по которымъ ударяють, сзывая православныхъ христіанъ на божественную службу. Колокола запрещены Турками. «Кто же здѣсь сторожемъ церковнымъ?» спросилъ я наконецъ одного изъ моихъ Аеонскихъ спутниковъ. «Да кто же кромѣ самого священника!» отвѣчалъ онъ: «поди и посмотри, если не онъ стучитъ въ доску....» Мнѣ показался страннымъ такой отвѣтъ. Изъ любопытства я пошелъ къ *тохамъ*, и дѣйствительно увидѣлъ маститаго старца, который работалъ, т. е. стучалъ до усталости.... Сердце мое сжалось; я отошелъ въ сторону и съ не-

выразимымъ чувствомъ умиленія смотрѣлъ на подвизающагося старца. На призывные звуки начали, мало по малу, собираться поселяне и ихъ жены; наше присутствіе ихъ чрезвычайно занимало; распросамъ о Россіи не было конца. Служеніе церковное въ Греческихъ деревняхъ не имѣетъ ничего особеннаго; надобно смотрѣть на все и—плакать! Но если такъ жалко положеніе Греческихъ храмовъ, въ которыхъ совершается славословіе, съ какимъ же чувствомъ можно обзрѣвать развалины церковныхъ зданій? О, это неизъяснимо! Между тѣмъ подобнаго рода развалинъ на пути къ Солуни мнѣ встрѣчалось очень много. Второй ночлежь, отъ св. горы, былъ въ прекрасномъ Греческомъ селеніи Румили. Это было на 5-е Февраля. При отбытіи нашемъ изъ Гумати, погода смягчилась: сдѣлалось свѣтло, и къ вечеру тихій вѣтеръ слабо носился надъ мирными развалинами Румилійскихъ полей и зеленѣющихъ луговъ. Время было въ родѣ вашей Петербургской ясной и теплой осени. Я любовался и погодою и роскошными видами здѣшней природы: стройный рядъ тополей, бурно катившійся потокъ, поэтическія сцены пастушеской жизни, красивыя зданія Румили и отдаленные звуки Греческихъ пѣсней,—все это переносило меня къ цвѣтушимъ временамъ имперіи. Можетъ быть, я надолго бы остался въ разсмотрѣніи очаровательныхъ окрестностей, если бы не привлекло мое вниманіе одно убогое строеніе, въ родѣ шалаша, покрытое хворостомъ; оно стояло при дорогѣ, близъ селенія, и—грѣшный человѣкъ—я подумалъ, что это лачужка, для какого нибудь хозяйственнаго употребленія.

— Посмотрите, сказалъ мнѣ одинъ изъ спутниковъ, проѣзжая мимо шалаша, какая здѣсь церковь!...

—Что ты бредишь, съ негодованіемъ замѣтилъ я, какая тутъ церковь!...

—Да церковь же, отвѣчалъ тотъ; вѣдь я, какъ Аѳо-нецъ, бывалъ здѣсь и увѣряю васъ, что это церковь Св. Фотиніи...

Нашъ хараджи, или проводникъ, подтвердилъ слова моего спутника, и я невольно перекрестился...

—Да чтожь не поправятъ церкви? спросилъ я хараджи, вѣдь это знаніе хуже всякаго хозяйственнаго строенія!...

—Мало ли чего бы не захотѣли мы поправить, съ улыбкою произнесъ хараджи, да какъ позволить Турки! Или вы не знаете, что разрѣшеніе строить или обновить церковь у насъ стоитъ очень дорого? Чтожь и пользы, если сегодня эта церковь обновится, а завтра по камешку размечуть ее Турки? Ужь лучше жить такъ, какъ Богъ привелъ, а не такъ, какъ хочется. Вѣдь у насъ не Россія!... Ловко и легко вамъ говорить о нашихъ страданіяхъ; заглянули бы вы въ наше сердце, особенно послѣ какихъ нибудь обидъ со стороны Турокъ, тамъ нѣтъ уже чувства инаго, кромѣ... Но я не скажу вамъ, вы сами говорите, что мы очерствѣли, что мы пыкаго сердца, бѣшены и на все готовы; и по неволѣ будешь такимъ, когда въ насъ нѣтъ мѣста для тихихъ говоровъ благодати и умиленія; въ сердце наше, еъ нашей крови—огонь!... Опасно подливать туда и елей сладкихъ бесѣдъ утѣшенія, но страшнѣе и опаснѣе вътысячу разъ—кинуть порохъ(*)...

Константинополь.
24 Февраля 1831 г.

(*) Изъ Свѣрной Пчелы 1833 года, 14 Іюня № 129.

ПИСЬМО Н. Н. К-ВУ.

3-го Марта, по вступленіи моемъ на Австрійскій пароходъ—*Императоръ*, когда я собрался съ духомъ и, любуясь на живописные холмы царственнаго Стамбула, мечталъ о далекой отчизнѣ и объ оставленныхъ въ ней друзьяхъ моихъ, вѣрныхъ и внимательныхъ къ судьбамъ моей страннической жизни, одинъ изъ Русскихъ спутниковъ моихъ до Аэона началъ перебирать письма, полученныя имъ того дня съ почты изъ Россіи. Я подсѣлъ къ нему и, съ ребяческимъ любопытствомъ пробѣгая адреса писемъ, замѣтилъ, что одно изъ нихъ—на мое имя. Нетерпѣливо схватилъ я это письмо, распечатываю и съ первыхъ строкъ, драгоценныхъ моему страдальческому сердцу, узнаю отъ кого оно. Это письмо отъ тебя, мой возлюбленный! Прислонясь къ борту, я тогда же внимательно прочелъ отъ строки до строки письмо и приложенные при немъ стихи твои, а потомъ, по прочтеніи ихъ, долго съ грустнымъ чувствомъ смотрѣлъ на убѣгающій отъ глазъ моихъ Босфоръ, за которымъ Черное море, а тамъ далѣе милая, на всегда, на вѣки оставленная мною Россія и безцѣнные сердцу моему друзья мои, для которыхъ оно бьется невыразимымъ чувствомъ, пылкою

привязанностию. Закатъ уже былъ близокъ; въ исламическомъ сумракѣ утопалъ Стамбуль и его сѣтующая Софія.... Наступалъ вечеръ, когда мы оставили Золотой Рогъ и въ летучемъ вихрѣ понеслись по мирнымъ волнамъ Мраморнаго моря. Въ послѣдній разъ посмотрѣлъ я на живописный Босфоръ, на отдаленное небо родины, и съ катившимися облаками послалъ ей прощальный привѣтъ—мой глубокой сердечный вздохъ. Смерклося; я опустился на мою койку; мысль отдохнула въ молитвенной тишинѣ и въ сладкихъ воспоминаніяхъ мнувшаго. Я носился моими мечтами и высоко — въ предѣлахъ загробнаго міра, и далеко—въ милой Россіи, даже въ скромныхъ стѣнахъ твоего кабинета,—тамъ, гдѣ мы съ тобою дружески дѣлили время, гдѣ видѣлъ я тебя въ кругу твоихъ крошечныхъ дѣтей, счастливаго и въ нихъ и въ твоей доброй—привѣтливой подругѣ... Чего я желалъ для тебя и для твоей милой семьи въ эти завѣтныя минуты, ты самъ угадаешь... Сердце говоритъ лучше пера и языка; оно — божественный даръ для дружеской взаимности и для выраженія горестей и радостей нашей земной жизни. Объ этомъ нечего говорить.

Помнится, я писалъ тебѣ изъ Одессы; значить ты знаешь то, какъ проводилъ я тамъ послѣднее время, свои прощальные дни въ Россіи, драгоценные для меня частымъ свиданіемъ и бесѣдами съ неопѣнимымъ Владыкою—Иннокентіемъ. 19-го Февр. вечеромъ, я ужъ былъ на пароходѣ — *Херсонесъ*—и быстро катился въ заграничный путь, который, по милости Божіей, былъ очень покоенъ и веселъ до Константинополя, куда мы прибыли 21 Февраля около полудня.

О Константинополѣ писать нечего: ты знаешь его хорошо изъ многихъ современныхъ описаній. Здѣсь я

пробыль полторы недѣли, пользуясь особеннымъ вниманіемъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотчичей. Драгоманъ нашего посольства И. В. Г. и почетный гражданинъ А. Я. Н. меня очаровали своимъ радушіемъ. Впрочемъ послѣдніе дни моей жизни въ Константинополѣ были для меня тяжелы, потому что я жестоко простудился, и даже доселѣ не могу избавиться отъ своей болѣзни. За то съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какимъ пламеннымъ чувствомъ тоскующей любви по Афонѣ, я ждалъ и дождался минуты, когда можно было оставить грязную столицу Востока, чтобъ унести въ мою заоблачную пустыню,—въ мою райскую отчизну на землѣ!...

Константинополь я оставилъ 3-го Марта въ 4 часа вечера; со мною вмѣстѣ было нѣсколько Староосекльскихъ поклонниковъ, о которыхъ печатано въ Сѣверной Пчелѣ, прошедшаго 1850 г., что они отправляются въ числѣ 20 человекъ, что везутъ съ собою на Афонскую Гору иконостасъ и что между ними есть живописцы. Но эти свѣдѣнія не полны, потому что, кромѣ живописца, между ними есть прекрасные пѣвчіе (6 человекъ). Часть этихъ путешественниковъ уже на Афонѣ, а живописецъ и пѣвчіе со мною. Можешь послѣ этого представить, какъ весело мое странствіе въ дружномъ спутствіи такихъ людей!..... Да, я очень радъ моимъ спутникамъ и благодарю Бога за утѣшеніе, которое онъ даетъ мнѣ въ нихъ и въ ихъ гармоническомъ пѣніи. Когда наступило время нашего отбытія на пароходъ, г. Н. не хотѣлъ оставить насъ и поѣхалъ съ нами, для того чтобы еще послушать Русскихъ пѣвчихъ и тамъ уже—на пароходѣ сказать намъ разлучное—«прости!»

«Чтожь бы съѣсть теперь? спрашивали пѣвчіе другъ

друга, усаживаясь на каякъ, для отбытія къ пароходу; по взаимномъ соглашеніи, наконецъ было единодушно всѣми положено прошѣть: Боже Царя храни!...

И пѣвчіе хорально запѣли эту русскій гимнъ.

Растроганный до слезъ мелодическими звуками роднаго напѣва и сладкимъ чувствомъ вѣрноподданнической любви къ Императору Николаю, я не сводилъ моихъ глазъ съ великолѣпно—рисующагося въ Перѣ, надъ Золотымъ Рогомъ, въ виду плѣнной Софіи, дворца нашего Русскаго Посольства, и свѣтлая мысль носилась далеко—въ минувшемъ, погружаясь въ таинственную даль грядущаго, въ которомъ глубоко сокрыты отъ насъ страдальческія судьбы Востока.... Не знаю, оглашались ли когда Золотой Рогъ, Босфоръ и живописные холмы Перы и Стамбула, нашею русскою, прямо—русскою пѣснью, которая теперь въ своихъ трогательныхъ звукахъ отзывалась на нихъ, можетъ быть, невольно наводя на сердце раболѣпныхъ читателей корана грустное предчувствіе близкой бѣды въ конечномъ потрясеніи ихъ высокой Порты.... Признаюсь, я былъ сильно разтроганъ, считая пѣснь эту, по отношенію собственно къ себѣ, прощальной пѣснью моею, потому что я ѣду на Аѳонъ уже съ тѣмъ, чтобы тамъ уложить мои усталыя кости въ могилу на вѣчный сонъ.... Значить эта пѣснь звучала сочувствіемъ моимъ къ родинѣ, была какъ бы жалобною разлучною пѣснью лебедя. Да, я оставилъ моихъ друзей, не дышать уже мнѣ никогда при нихъ и съ ними воздухомъ родимаго Сѣвера, не видать прекраснаго неба на вѣки оставленной отчизны!.... Съ этими чувствами, въ глубокомъ раздумьи, внималъ я пѣсни—Боже Царя храни, и въ тайнѣ отъ всѣхъ сердечно молился о безцѣнномъ сердцу Русскому Государь Николаю и

о Его Россіи, до тѣхъ поръ, пока не выскочилъ изъ легкаго каяка на дымившійся пароходъ. Здѣсь прощаніе съ Г. Н., а потомъ твое письмо, снова сблизили меня съ Россіею, снова воскресили въ моей памяти золотое, невозвратимое для меня уже время, когда я дышалъ для родины, когда и мое сердце пламенно билось для друзей моихъ и для моей родной Россіи!...

Отъ Константинополя до св. горы два пути: на пароходѣ чрезъ Солунь и на простомъ суднѣ прямо къ Русіку. Я избралъ себѣ первый, и 5 Марта, въ полдень, былъ уже въ Солунѣ.

Солунь, или правильнѣе Фессалоники, городъ историческій, портовый, по характеру же Турецкихъ городовъ—самый грязный изъ нихъ и толкучій. Ты видѣлъ изъ прежняго письма моего, что въ Солуни нашъ Русікъ имѣетъ свой собственный метохъ или подворье, гдѣ мы размѣстились для двухдневнаго отдыха. Въ теченіе этого времени я успѣлъ обозрѣть нѣкоторыя части города, видѣлъ нѣсколько церквей и мечеть, которая нѣкогда была знаменитымъ храмомъ св. Великомученика Димитрія Муроточиваго.

Характеръ церковныхъ зданій на Востокѣ одинаковъ: здѣсь по всюду слѣды Византійскихъ формъ величественныхъ, невольно наводящихъ на сердце мысль присутствія въ святилищѣ Существа неземнаго, Существа невидимаго... Храмъ Великомученика Димитрія, въ свое время, былъ чрезвычайно великолѣпенъ, даже по нынѣ онъ не утратилъ рѣзкихъ знаковъ своего древняго величія, не смотря на то, что архитравъ алтаря весь исписанъ стихами корана, а мѣсто архіерейской кафедры замѣщено формою турецкаго Имама. Какъ впрочемъ ни изуродованъ этотъ храмъ, какъ ни глубоко сглажены Турками всѣ символы христіан-

скаго зодчества, но и теперь еще на капителяхъ, вѣнчающихся роскошныя колонны, идущія въ два ряда вдоль всего святилища, отъ притвора до самаго алтаря, видны кресты — память давно минувшихъ вѣковъ христіанскаго владычества; — мощей св. Великомученика здѣсь нѣтъ; одна только могила его, хотя въ рукахъ невѣрныхъ, но доступна для посѣтителей — христіанъ; она находится въ сѣверозападномъ оконечникѣ храма, въ темной и нестройной комнатѣ въ родѣ саркофага. Память праведнаго съ похвалами, изрѣкъ премудрый, и какъ вѣрно это изрѣченіе!... Несмотря на то, что Востокъ сокрушенъ грозною Портою, большая часть христіанскихъ храмовъ его обращена въ чтивлица корана, какъ и этотъ храмъ св. Великомученика Дмитрія, но не только свито хранится память его страдальческихъ подвиговъ, самая даже могила остается подъ охраненіемъ жалкаго магометанина, который, самъ непонимая по какой непреложной судьбѣ, теплитъ неугасимую лампаду въ честь чуждаго ему праведника, украшая вмѣстѣ съ тѣмъ священный гробъ его не роскошною, но приличною пеленою... Съ грустнымъ, сжатымъ сердцемъ обзрѣвъ я великолѣпное святилище Солунскаго Муроточца, и, оградившись крестнымъ знаменіемъ, вступилъ въ его могильный затворъ. Едва видный замирающій огонекъ неугасимой лампы разливалъ слабый свѣтъ надъ гробомъ дивнаго Страстотерпца. Долго молча смотрѣли мы на его скромную могилу, и, по земномъ колѣнопреклоненіи предъ нею, взяли изъ нее въ освященіе себѣ нѣсколько праху. На гробовой плитѣ, накрытой шелковою тканью чернаго цвѣта, поставлена тарелка для вкладовъ на освѣщеніе могилы масломъ; молча положили мы на нее по нѣсколько паръ, и съ

глубокимъ вздохомъ, въ чувстванъ рабѣннаго благоговѣннѣ предъ неистощимыми судьбами Создателя, наложившими на всѣ святилища Востока, а вмѣстѣ и на этотъ гробъ праведника, вѣковую печать уничтоженнѣ, удалился отъ него. При нашемъ выходѣ изъ храма св. Великомученика Димитрія, водившій насъ Турокъ предложилъ намъ видѣть хоры его или горнее отдѣленіе, гдѣ, по восточному обычаю, помѣщались во время церковныхъ службъ женщины, но мы отказались отъ этого предложеннѣ, потому что сердце сильно было потрясено грустными впечатлѣннѣми, отзываясь неприятымъ чувствомъ противъ цѣлостности исламическаго, представителемъ котораго, въ настоящее время, былъ для насъ этотъ самый Турокъ, стражъ мечети, нѣкогда носившей на себѣ свѣтлое божественное имя христіанскаго святилища. Надобно полагать, что главный входъ во храмъ св. Великомученика уничтоженъ Турками, потому что настоящій крайне тесенъ и небрежно устланъ дѣржымъ камнемъ, и потому что входъ долженъ быть съ запада. Тамъ, въ западномъ оконечникѣ храма, слѣва я замѣтилъ какую-то греческую надпись вверху, и хотя я пламенно желалъ вникнуть въ ея значеніе, но ее трудно было разобрать безъ приставки лѣстницы; почему желаніе мое осталось неисполненнымъ; впрочемъ я удалился въ надеждѣ или самому современемъ добиться того, или видѣть списокъ этой надписи въ какомъ нибудь изъ современныхъ путешествій.

Изъ храма св. Великомученика Димитрія насъ провели въ Митрополичью церковь, — гдѣ покоится знаменитый поборникъ аскетическихъ таинствъ, въ отношеніи къ умной или сердечной молитвѣ, св. Григорій Палама, бывшій Архіепископъ Солунскій. Мимо-

ходомъ, въ одной изъ тѣсныхъ грязныхъ улицъ города, намъ указалъ проводникъ остатки мнѳологическихъ изваяній, относимыхъ туземцами ко времени царствованія Римскаго Императора Максиміана. Въ настоящее время этотъ памятникъ языческой старины входитъ въ составъ еврейскаго зданія; онъ, къ сожалѣнію, очень изуродованъ; восемь мраморныхъ фигуръ, какъ замѣтно, прекраснаго рѣзца, изображающихъ парящихъ геніевъ, вѣроятно украшали собою или портикъ или другое зданіе, а можетъ быть и какое нибудь изъ чтлвищъ безсмысленнаго язычества.

Митрополичья церковь довольно обширна, судя же по настоящему страдальческому положенію Востока, даже великолѣпна, лучшимъ украшеніемъ ея служатъ нетлѣнные останки св. Григорія Паламы; самая гробница или рака, гдѣ они покоятся, не иное что, какъ просто сбитый изъ досокъ ящикъ. Слишкомъ занятый таинственными судьбами Восточной Церкви, при минутномъ созерцаніи разнообразныхъ событій жизни св. Григорія, я совершенно забылъ спросить у открывавшаго намъ гробницу Экклісіарха, есть ли другая рака, болѣе достойная настоящей, для покоя святительскихъ останковъ дивнаго Паламы,—и теперь жаль этого.

Жизнь св. Григорія Паламы хотя прекрасно изложена въ нашей Четь-Миней святителемъ Ростовскимъ, Димитріемъ, но у Грековъ она гораздо полнѣе. Если Богъ благоволитъ и буду живъ, при составленіи Аѳонскаго Патерика, я постараюсь дополнить пропуски въ біографіи этого угодника, потому что онъ много времени, прежде своего святительства, провелъ здѣсь на Аѳонѣ, въ аскетическихъ занятіяхъ, и считается однимъ изъ самыхъ пламенныхъ защитниковъ созерца-

тельной жизни или такъ называемаго умнаго дѣланія.

Сколько я ни видѣлъ до нынѣ церквей на Востокѣ, но ни въ одной изъ нихъ неслучилось замѣтить архіерейской кафедры въ западномъ оконечникѣ храма. Обыкновенное мѣсто ея всегда и вездѣ у праваго клироса, подъ высокимъ рѣзнымъ балдахиномъ, но въ здѣшней Митрополичьей церкви она устроена при западной стѣнѣ, отдѣляясь отъ церковнаго помоста нѣсколькими ступенями, при томъ сложена изъ камня и открыта съ трехъ сторонъ. Устройство ея въ видѣ лобнаго мѣста.

И здѣсь, какъ вездѣ почти на Востокѣ, женское отдѣленіе отгорожено съ лѣвой стороны мѣлкою рѣшеткою, такъ что самый зоркій глазъ не проникнетъ въ полусвѣтъ его, не наведетъ преступной мысли на сердце тѣхъ, для которыхъ въ храмѣ неощутительно таинственное присутствіе Бога.

Митрополичій домъ, судя по бѣдности и утѣшеніямъ іерархическихъ властей на Востокѣ, очень хорошъ, будучи расположенъ при самомъ прибрежьи залива; онъ имѣетъ значительный участокъ земли для разсѣва хлѣба и огородныхъ нивъ. Самого Митрополита мы не захотѣли беспокоить своимъ посѣщеніемъ.

Кромѣ этихъ замѣчательныхъ церквей въ Солуни, т. е. церкви Св. Великомученика Дмитрія и Митрополичьей, есть еще монастырь Преображенія, такъ называемый Чаушъ. Онъ на самомъ возвышенномъ живописномъ пунктѣ города, близъ западной его крѣпости. Тамъ хранится небольшая часть будто-бы той завѣтной чаши, въ которой Господь преподавалъ ученикамъ своимъ, на тайной вечера, пречистую Кровь Свою, глаголя: *сія чаша* и проч. (Лук. XXII, 20).

Дѣйствительность этого памятника Тайной Вечери не подтверждена никакими историческими актами; остается только вѣрить истекавшимъ отъ нея пѣлительнымъ силамъ, по мѣстнымъ преданіямъ, въ простотѣ дѣтскаго сердца. Жаль при томъ, что останокъ этой завѣтной чаши теперь обложенъ серебромъ; слѣдовательно совершенно скрытъ, такъ что нельзя видѣть, изъ чего она сдѣлана, то есть какой металлъ или какое дерево освящено было первоначальнымъ совершеніемъ въ немъ одного изъ Божественныхъ таинствъ Христовой Церкви. Такимъ образомъ, мы удовольствовались только сердечною вѣрою въ чудесную силу этой святыни и напились изъ нея освященной воды.

Монастырь Чаушъ занимаетъ единственное мѣсто по своей красотѣ, глубокому своему уединенію и по живописнымъ видамъ необозримой дали. Сохраняется преданіе, что монастырь Преображенія пощаженъ Турками за то, что его обитатели—иноки убѣдили упорныхъ Грековъ сдаться грозному Баязету, когда его летучіе отряды со всѣхъ сторонъ осадили Солунь. Несчастные жители, видя опасность своего положенія и ненадѣясь отразить отъ своихъ стѣнъ могучихъ Турковъ, приняли совѣтъ иноческій, въ предотвращеніе излишняго кровопролитія, и сдались безусловно врагамъ, которые, узнавши дѣйствіе обители въ пользу ихъ, прежде всего, по вступленіи въ Солунь, озаботились огражденіемъ монастыря отъ неистовства, назначивъ туда охранительную стражу. Названіе Чаушъ, по замѣчанію престарѣлаго Даскала Леонтія, отъ котораго я заимствовалъ эти частныя свѣдѣнія о монастырѣ, усвоено ему всего вѣроятно отъ имени главнаго вождя Баязетовыхъ отрядовъ, вступившихъ въ Солунь и оградившихъ собою неприкосновенность св.

обители. Надъ всѣмъ грязнымъ, сѣтующимъ Солунемъ господствуетъ Чаушъ; голубыя равнины залива разстилаются въ виду его на значительномъ пространствѣ, такъ что здѣсь можетъ сладко отдохнуть странническая мысль, послѣ впечатлѣній грустныхъ при видѣ исламическихъ полукружій луны, вѣнчающихъ Солунскія мечети.

Соборъ обители очень скромнъ; самая же обитель въ какомъ-то безжизненномъ положеніи; насъ встрѣтилъ самъ Игуменъ съ какимъ-то Болгариномъ Калогеромъ, — а болѣе ни одной души иноческой въ аскетическихъ стѣнахъ ея.... Среди гробовой тишины только бурный потокъ, пробивающійся сквозь самую обитель, однообразнымъ своимъ шумомъ тревожилъ пустынный покой ея. Послѣ поклоненія въ храмѣ, привѣтливый настоятель просилъ насъ къ себѣ на чашку кофе. Гостиная келья его красуется на самомъ открытомъ мѣстѣ, такъ что глаза не въ силахъ обнять безграничнаго пространства живописной дали. Въ скромной бесѣдѣ своей, игуменъ объяснилъ намъ положеніе своей обители, имѣющей много угодій, нѣсколько приходскихъ домовъ въ городѣ, и между прочимъ указалъ намъ изъ окна на одну изъ Турецкихъ мечетей, которая прежде была христіанскою церковью, замѣчательна же тѣмъ, что нѣкогда была придворною Греческаго Императора Θεодосія Великаго, любившаго Солунь и перенесшаго сюда на время царственный престолъ свой. Между тѣмъ снова здѣсь обратили мое вниманіе на одинъ изъ Турецкихъ минаретовъ, на которомъ нѣтъ шпиля. Объ этомъ я писалъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ (2 части) изъ Константинополя, т. е. что какъ ни силились Турки утвердить шпиль, вѣнчая его полукружіемъ луны, но не могли, потому

что едва только онъ возвысится, — налетитъ вихорь, разстилается надъ Солунемъ гроза, во время коей ударъ молнии непременно направляется на минареть, въ дребезги разбиваетъ полукружіе исламической луны и шпиль, и бурный вихорь разноситъ ихъ по воздуху...

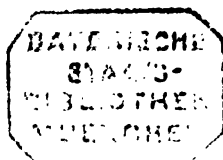
— Что бы это значило? спросилъ я провожатаго.

— То, что на томъ мѣстѣ прежде была церковь Св. Великомученика и Цѣлебника Пантелеймона, отвѣчалъ онъ; видно, св. угодникъ не терпитъ позора своей церкви, грозно уничтожая святотатственные покушенія бусарманъ на ея святыни.

— Почему же онъ только не терпитъ, возразилъ я, всѣ прочіе святыя, даже Богоматерь и Самъ Господь попустили свои святилища разграбить и обратить въ турецкія мечети? —

— Это тайна судебъ Господнихъ, смиренно замѣтилъ проводникъ и замолчалъ.

Солунь, какъ всякій почти городъ востока, обнесень кругомъ могучими стѣнами и составляетъ родъ неприступной крѣпости; особенно горная часть ея чрезвычайно высока и крѣпка. Посѣщая монастырь Преображенія, мы нѣсколько времени бродили по испанскимъ развѣтрамъ стѣнныхъ укрѣпленій. Слѣды христіанскаго владычества надъ Солунемъ, въ дни его царственной славы, еще не сглажены всесокрушающею силою времени. На высокихъ отъмахъ крѣпости и на башняхъ всюду видны св. кресты, — какъ залогъ спасенія для утѣшенныхъ чадъ востока!.. Но когда наступитъ это время? Отвѣтъ на этотъ восточный вопросъ еще глубоко скрытъ отъ насъ въ непостижимыхъ путяхъ божественнаго Промысла, а потому я полагаю перестъ на гриммыя уста, оставляя Солунь съ его грядущими судьбами волю Божіей, чтобы летѣть

къ желанной горѣ Аѳонской, до которой отсюда разстояніе еще на три дня сухимъ путемъ.

8-го Марта, рано утромъ, мы оставили Солунь, направляясь къ Каламаріи, въ сопутствіи драгомана нашего Консульства въ Солуни, и поздно вечеромъ прибыли на нашъ собственный метохъ, устроенный среди пустынной Каламарійской равнины, разстилающейся отъ моря на большое пространство во всѣ стороны. О Каламаріи я писалъ уже прежде, а потому въ настоящее время ничего не могу сказать о ней особеннаго. Впрочемъ, съ недавняго времени это мѣсто для меня сдѣлалось весьма памятнымъ, потому что здѣсь уединилась одна извѣстная мнѣ маститая старица Анастасія.

Нѣтъ и небыло, кажется, ни одного Палестинскаго паломника, особенно изъ простыхъ, кто бы не зналъ въ Одессѣ, и зная, не благословлялъ имя дивнаго стараго служки Θεодора Дмитрича и его доброй старушки—супруги Анастасіи Николаевны. Это была рѣдкая чета, любимая странными, благословенная Богомъ. Разоринный (фамилія Θε. Дмитрича) былъ увлеченъ въ молодости въ одну изъ сектъ раскольническихъ; находясь въ военной службѣ, онъ женился на Полькѣ. Любившіе другъ друга нѣжно, Θεодоръ и Анастасія были образцомъ супружеской жизни, но не имѣли дѣтей. Между тѣмъ разномысліе въ правилахъ вѣры совершено обоихъ; они глубоко это чувствовали и просили Господа—соединить ихъ во едино; на голоса души Господь не замедлилъ. Анастасія скоро приобщилась къ нашей Церкви, по убѣжденію своего друга, а въ послѣдствіи сама была причиною епо обращенія изъ раскола. Такимъ образомъ сбылись на нихъ слова

св. Ап. Павла: *мужъ нестрѣнъ святится о жель овр-
нл и проч.* (1 Коринѣ. VII, 14.)

При всемъ томъ скромную Анастасію сильно тревожило одно обстоятельство, наводившее на нее опасеніе за будущую участь добраго Θεодора. Θεодоръ имѣлъ слабость предаваться нетрезвости, увлекаясь примѣромъ своихъ товарищей. Само собою разумѣется, что положеніе пламенно-любившей его сунруги было по временамъ слишкомъ непріятно. Безъ собственныхъ средствъ помочь доброму спутнику своей жизни, пренебрегавшему въ этомъ ея совѣтами, просьбами и упреками, она обратилась къ Богу; и помощь свыше явилась. Часто странствуя въ Кіевъ на богомолье, Анастасія имѣла случай коротко познакомиться и быть духовною дочерію покойнаго о. Θεодосія, Балтскаго священника, извѣстнаго своею строгою жизнію и любовію къ страннопримству; чрезъ него-то она подѣйствовала на своего мужа. Разсказы Анастасіи, также давняя молва—о чудныхъ подвигахъ о. Θεодосія поразили Θεодора: онъ всею силою сердечной вѣры въ молитвы праведника привязался къ нему и слово о. Θεодосія было для него закономъ. Итакъ Θεодоръ и Анастасія чрезъ кроткія убѣжденія о. Θεодосія сдѣлались примѣрною четюю въ Одессѣ, отличаясь особенно страннопримствомъ. При этихъ прекрасныхъ качествахъ семейной ихъ жизни, я имѣлъ удовольствіе узнать ихъ близко въ 1840 г., когда странствовалъ въ Палестину, но былъ остановленъ, по случаю возникшихъ тамъ смуть между Египетскимъ Пашею и Портою. По разсказамъ Θεодора, много терпѣлъ онъ укоризненныхъ насмѣшекъ отъ своихъ товарищей за необыкновенную привязанность свою къ монашеству; особенно же за свои услуги поклонникамъ.

Находясь при портовой таможи, въ Одессѣ, онъ въ обязанность събѣ поставлялъ обезпечивать, въ разсужденіи пути, каждаго отправлявшагося въ Палестину или на Аѳонъ: для всѣхъ, бывало, найдеть онъ хорошій корабль, добраго шкипера, которые были ему коротко знакомы по портовымъ отношеніямъ, и такимъ образомъ отправлялъ поклонниковъ за границу, встрѣчалъ ихъ оттуда, являясь тотчасъ по прибытіи въ карантинъ, куда доставлялъ имъ иногда жизненное удовольствіе, въ теченіи очистительнаго срока. Такая жизнь его, сопровождаемая рѣдкою внимательностію къ странникамъ, находившимъ въ немъ друга, а въ его доброй Анастасіи утѣшеніе и дивный образецъ добросердечія, не могла быть пріятною для демона: онъ нападалъ на него съ разныхъ сторонъ чрезъ своихъ клеветовъ; всего же чаще сослуживцы Θεодора огорчали его своими ироническими бесѣдами, тревожили ѣдкимъ сарказмомъ въ отношеніи къ иночеству. Бѣдный Θεодоръ безропотно несъ свой жизненный крестъ, въ чаяніи лучшихъ дней, пламенно молясь Богу, особенно чрезъ о. Θεодосія, въ которомъ онъ видѣлъ Ангела своей жизни и въ старческія молитвы котораго вѣровалъ отъ всей души,—молился о томъ, чтобы кончить жизнь въ иноческомъ образѣ; молитва была исполнена въ самой удовлетворительной степени. Видно, наша доброта и внимательность къ иночеству имѣютъ великую цѣну въ очахъ праведнаго Бога!...

Въ то время, какъ я возвращался съ св. горы въ Россію, въ 1847 г., Θεодоръ и Анастасія были уже на пути въ Іерусалимъ. Желаніе ихъ было—видѣть прежде св. землю, куда они думали вызвать меня съ Аѳонской горы, оттуда вмѣстѣ со мною посѣтить Синай и наконецъ — Анастасіи на всегда остаться

ся въ одномъ изъ женскихъ монастырей въ Иерусалимѣ, гдѣ она была уже разъ,—а Θεодору между тѣмъ погрузиться въ невозмутимую тишину пустыннаго Аеома. На все это они, съ довѣрчивостію старческаго простосердечія, просили моего совѣта, я же рѣшилъ съ своей стороны ихъ жребій какъ могъ.

— Прекрасна ваша мысль, говорилъ я счастливой четѣ съ дружескимъ участіемъ, но на дѣлѣ она для васъ не такъ утѣшительна, какъ вы думаете. Я хорошо видѣлъ жизнь Палестинскихъ инокинь, и подожительно скажу, что Анастасіи не вынести ея многочисленныхъ огорченій въ тяжести прямо голгоескаго креста.—

Я объяснилъ имъ причины моего предположенія, которыя были приняты ими съ сердечнымъ убѣжденіемъ. Между тѣмъ я посовѣтовалъ имъ обратиться къ Русику съ просьбою—не согласится ли онъ принять маститую старушку Анастасію на свой Каламарійскій метохъ, гдѣ есть уже старица,—схимница, мать одного изъ греческихъ иноковъ, и гдѣ вокругъ метоха разселено нѣсколько мірскихъ семействъ, обрабатывающихъ хлѣбныя поля Русика. Жизнь тамъ тѣмъ болѣе казалась съ моей стороны удовлетворительною для Анастасіи, что при метохѣ есть церковь, гдѣ постоянно совершается служба, къ тому же Каламарія не иное что, какъ пустынная равнина, по которой разстилаются въ лѣтнюю пору живописныя волны зеленѣющаго хлѣба, а во все прочее время года тамъ невозмутимая тишина, потому что, кромѣ двухъ или трехъ означенныхъ семействъ греческихъ. нѣтъ ни одной живой души... Между тѣмъ это мѣсто отъ св. горы не болѣе какъ сто верстъ; значить Θεодоръ, поселившись на ней, во всякое время могъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о положе-

ни своей спасающейся старицы, тогда как оставивъ ее въ Палестинѣ, онъ будетъ скучать, тревожась неизвѣстностію о судьбѣ ея страннической жизни между чуждымъ для нея народомъ, въ дали отъ своего друга. Съ своей стороны я общался ходатайствовать въ Русикъ за скромную чету;—наше общее дѣло имѣло желанный конецъ. Въ послѣдствіи, по прибытіи изъ Іерусалима, Θεодоръ получилъ дозволеніе Русика помѣстить старицу на Каламаріи, а самъ онъ поступилъ въ наше общество. Такимъ образомъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Анастасія не могла налюбоваться своею истинно-иноческою жизнію въ глубокомъ безмолвіи Каламарійской пустыни, въ содружествѣ съ Греческою схимницею, между тѣмъ супругъ ея былъ внѣ себя отъ сладкихъ чувствъ душевнаго мира, чуждаго доселѣ старческому сердцу, какъ блага даруемаго Богомъ въ жребій людямъ, удаляющимся отъ соблазновъ свѣта, особенно же чадамъ пустыннаго аскетичества.

Впрочемъ надобно сказать, что Каламарія, при всевозможныхъ условіяхъ къ тихой иноческой жизни, не имѣетъ хорошей воды, вѣроятно отъ сосѣдства морскаго залива, такъ что многіе изъ живущихъ тамъ скоро отходятъ въ вѣчность, собственно, говорятъ, отъ нездоровой воды. Анастасія это видѣла и по человѣческой немощи опасалась за жизнь свою. Эти опасенія она передала письменно своему Θεодору, прося его прибыть къ ней, для того чтобъ вмѣстѣ посматрѣть сосѣдственный метохъ Русика, находящійся на Кассандрѣ. Θεодоръ не замедлилъ, и они отправились туда.

Кто не знаетъ живописной Кассандры этого полуострова врывающагося въ Эгейскій Понтъ, полнаго мѣологическихъ воспоминаній по отношенію ея къ

скавочнымъ судьбамъ сосѣдственной Трои. Кассандра—чудесное мѣсто. Туда-то замеслась скромная чета—Феодоръ и Анастасія. Тамошній метохъ нашего Русика очаровалъ ихъ. Въ особенности Анастасія была вѣдь себя отъ радости, потому что тамъ она видѣла строгія красоты, пустынной природы, зеркальныя равнины залива, отдаленный Аѳонъ, рисующійся заоблачнымъ мажкомъ въ виду мирной Кассандры. Чтожъ касается до удобствъ къ отшельнической жизни, то онѣ здѣсь весьма удовлетворительны, такъ что добрая Анастасія восланицала съ Царственнымъ Давидомъ: *се покой мой, здѣ вселюся въ шку въ шку*, — это тайное предчувствіе необмануло ея мирнаго сердца. Тогда какъ она съ дѣтскимъ простодушіемъ располагала судьбою своего новаго жилища, ея собственная судьба уже была рѣшена, жизненный жребій брошенъ въ роковую урну, говоря тономъ восточной мѣологии. Анастасія, вскорѣ по прибытіи своемъ на Кассандру, простудившись слегла въ постельку, съ которой уже не встала: черезъ нѣсколько дней послѣ того ея не было на свѣтѣ. Феодоръ былъ не отлученъ отъ умирающей и съ сердечнымъ умиленіемъ принялъ ея послѣдній вздохъ... Когда Анастасія закрыла смертнымъ сномъ свои старческія очи, онъ съ улыбкою произнесъ: теперь я развязанъ, покоенъ;—съ Богомъ въ рай! привоскоупилъ онъ, закрывая глаза своей возлюбленной.

Нѣкоторые говорили мнѣ, что Анастасія была тайно пострижена; это и вѣроятно, потому что на предположеніе греческаго іеросхимника, напутствовавшаго ее Святими Тайнами, — принять отъ него рясофоръ, она сказала: «если духовникъ Русскій не успѣетъ меня постричь (въ схиму), надѣюсь тамъ быть монахиней....»

Старецъ Теодоръ не скорбѣлъ о потерѣ своего спутника своей мѣрской жизни, а напротивъ непрестанно благодарилъ Бога за то, что Онъ даетъ ему свободу спокойно окончить въ монастырѣ остатокъ дней своихъ, въ полной увѣренности, что его Анастасія спасена. Въ этой надеждѣ онъ бросилъ на ея безжизненный прахъ прощальную горсть земли и мирно покатился въ Русикъ, впрочемъ въ самомъ сомнительномъ положеніи, потому что, еще наканунѣ смерти своей Анастасіи, онъ почувствовалъ болѣзненные припадки, мучась невыносимою жаждою отъ внутренняго жара. Онъ хворымъ воротился въ свою келью; здѣсь принявши св. схиму и приобщаясь каждый день пречистыхъ Тайнъ Христовыхъ, послѣ тридцатидневныхъ страданій скончался съ молитвою въ устахъ, въ признательныхъ чувствахъ къ спасающему его Богу, въ мирной радости, въ послѣдній разъ окружаемый братствомъ, съ удивленіемъ смотрѣвшимъ на дивный небоязненный отходъ его къ Богу. Теодоръ въ схимѣ нареченъ былъ Теодосіемъ.—

Такъ праведнически отошли друзья мои въ вѣчность!.. На Каламаріи, гдѣ провела нѣсколько мѣсяцевъ скромная старушка Анастасія, я съ грустнымъ чувствомъ оглянулся на мое минувшее. Воспоминаніе объ отшедшихъ въ загробный міръ друзьяхъ моихъ и всѣхъ милыхъ моему сердцу, слишкомъ потрясенному чувствомъ невѣрности радостей земныхъ, засвѣтилось въ душѣ, и я невольно спросилъ себя, къ чемуужь мы всеу мягемся? что остается на землѣ послѣ нашего отхода въ вѣчность?.. Ничего, рѣшительно ничего!.. Хорошо, если мы праведническою отезею протекли земное паприще, потому что тогда память наша будетъ съ похвалами и, можетъ быть, благословенія вѣ-

отъ съ именемъ нашимъ полетать изъ рода въ родъ, проникнувъ и въ самый загробный міръ; но горе, если мы жили жизнью плетскою, водились на всѣхъ ея путяхъ влеченіемъ грубой чувственности, исполняя ея страстные требованія, — и здѣсь и тамъ для насъ горе... Къ чему-жь мы мѣтемся? что пользы въ мірской суетѣ?..

На св. гору я прибылъ 12 Марта, около вечерни, что чувствовалъ я тогда, какъ мои грѣшныя стопы коснулись снова Афонскаго берега, — это невыразимо... Искренно признаюсь, что тогда, въ первыя минуты, какъ я началъ дышать живительнымъ воздухомъ св. горы, мнѣ уже нестрашно было, если бы смерть явилась за мною, потому что я былъ уже дома, въ объятіяхъ родственной братіи. И самой встрѣчи, какая ожидала меня въ Русикѣ, никакое поэтическое перо не въ силахъ передать тебѣ... Надобно впрочемъ замѣтить, что на 12 Марта мы провели ночь хотя на Афонѣ, но далеко еще отъ своей обители, на одной изъ ея отшельническихъ келій, извѣстной подъ названіемъ Крумицы. Оттуда можно было отправиться въ Русикъ и сухимъ путемъ и моремъ: мы избрали первый путь — отправившись по живописнымъ холмамъ побережья Монте-Санто, хотя съ трудомъ, но мирно и весело тащились мы на скромныхъ мулахъ. Тогда какъ вашъ Петербургъ, вашъ Русскій сѣверъ, дышалъ иногда и дышетъ снѣжнымъ холодомъ, оставляя природу въ безжизненномъ положеніи, здѣсь, подъ южнымъ небомъ, все развивалось, все развивается растительною жизнью: тихимъ ароматомъ благоухаютъ пустынные цвѣты; раскаленные лучи солнца пекли насъ безъ пощады, такъ что и недалеый, но горный путь до Русика чрезвычайно уют-

милъ и насъ и нашихъ муловъ. Около вечерни до
появились на сосѣдственныхъ высотахъ Русика, гдѣ
тѣчасъ были замѣнены нѣкоторыми изъ братства.
Вѣсть о появленіи нашемъ въ виду обители, потряс
сла невыразимую радостію иноковъ, болѣе уже года
со дня на день ожидавшихъ моего прибытія, изъ Рос-
сін: братія, высыпавшись за порту, въ стрѣйныхъ
рядахъ шли къ намъ на встрѣчу. Въ это время мои
спутники — пѣвчіе и я спрыгнули со своихъ муловъ;
сгрудились, в концертъ: «слава въ вышнихъ Богу!»
грянулъ съ нашей стороны; живописные холмы сво-
имъ нагорнымъ эхомъ вторили нашимъ торжествен-
нымъ звукамъ, на которые Русикъ отозвался съ сво-
ей стороны роднымъ привѣтомъ... Загудѣли его ко-
локола, какъ изъявленіе, какъ говоръ общей радости
братства, и при ихъ металлической игрѣ я былъ при-
нять въ старческія объятія маститаго игумена, духо-
вника всей братіи моей... Сцена нашего свиданія мо-
слѣ четырехъ лѣтней почти разлуки была трогатель-
на: сладкія слезы радости взаимной любви были тай-
ною жертвою Богу, возвратившему меня, какъ нѣко-
гда блуднаго сына, въ отеческій домъ, подъ освящен-
ный кровъ родственной обители... Въ соутствіи брат-
ства и геронты, я вступилъ въ нее, а потомъ въ со-
боръ Св. Пантелеймона для изліянія признательныхъ
чувствъ предъ Богомъ, Царицею Небесною и предъ
Св. Великомученикомъ Пантелеймономъ. Тамъ насъ
ожидали пѣвчіе — иноки. Я болѣе не могу писать;
остальное скажетъ тебѣ твое собственное сердце, если
ты только когда нибудь испытывалъ подобнаго рода
дружеское свиданіе съ милыми тебѣ, послѣ давней,
тяжкой, слишкомъ тяжелой съ ними разлуки...

Такимъ образомъ я опять на св. горѣ, въ безымя-

мой пустынь, въ кругу спасающихся друзей моихъ О, я теперь вполне счастливъ; всеобъятны дѣти; чувствую ангельскаго мира и райской тишины; замѣнилъ тревожные смуты страннической жизни моей въ Россіи. На все ея минувшія огорченія, на все неприятности со стороны людей, въ настоящую пору я смотрю иначе, какъ на терновый вѣнецъ, какъ на залогъ загробныхъ радостей и славы, которыя предназначены для всѣхъ, чье имя пронесено, яко зло, кто въ снѣгъ быль и сатаню и людьми на всѣхъ своихъ жизненныхъ путяхъ. Искренно, по совѣсти признаюсь, что пустынная жизнь, кромѣ всѣхъ своихъ удобствъ къ неблаженному шествію по стопамъ Голгооскаго Страдальца — Иисуса, имѣетъ исключительно важное достоинство то, что человекъ, сроднившійся съ нею, на всѣхъ людей смотритъ не иначе, какъ на ангеловъ; а самъ себя поставяетъ предъ людьми хуже всѣхъ; а предъ Богомъ, по выраженію Аввы Исаики Сиріана и прочихъ отцевъ, хуже падшаго дуга (*); —

(*) Равъ я разговаривалъ съ нашимъ строгимъ затворникомъ о. Тимоѣемъ о свойствахъ истиннаго смиренія и между прочими своими замѣчаніями на этотъ важный предметъ, онъ сказалъ: чтобъ достичь совершенства вьсей высоты Евангельскаго смиренія; человекъ долженъ приучить себя думать и вѣрить, что онъ хуже не только скота, но и демона... Помилуй, возразилъ я: это ужъ слишкомъ, это даже несомнѣнно съ полнѣйшимъ о высокомъ достоинствѣ нашей души. Что я хуже скота, это очень естественна; но хуже демона, — я думаю сказать такъ о человекѣ искупленномъ за вѣтную кровію Богочеловѣка, не только нехорошо, но даже погрѣшительно. — По вашей уденной гордости, можетъ быть и такъ, отвѣчалъ съ улыбкою о. Тимоѣей, но со стороны нашего мнчскаго невѣжества — это непрерывная истина, подтверждаемая Евангеліемъ. Ты согласенъ, продолжалъ онъ, со словами Писанія: *тебѣ рабъ зръхъ, рабъ зръха, съ тѣмъ вѣстѣ — и дѣвола*, который называется начальникомъ зла, княземъ тмы вѣка сего, т. е. владыкою беззаконія. А кто изъ насъ чуждъ грѣха, кто не рабъ беззаконій, слывъ ихъ мяжымъ изъ насъ даже зачинается и является въ свѣтъ; а рабъ можетъ ли быть выше своего владыки. Самъ суди объ этомъ. И съ другой сто-

тогда какъ многіе изъ мірянъ только въ своемъ собственномъ лицѣ видятъ идеалъ всѣхъ совершенствъ, а прочіе предъ ними почти тоже, что въ очкахъ бессмысленнаго Фарисея вающійся мытарь. Пускай міръ упрекаетъ насъ въ тунеядствѣ: злоязычіе и клевета—это свойства его; мы же, подобно нашему подвигоположнику, скромнымъ молчаніемъ будемъ заграждать невриазненные уста, съ Нимъ же вопія въ крестномъ изнеможеніи сердца: *Отче! отпусти грѣхамъ нашимъ, исцелятъ бо что творятъ и малаютъ о насъ.* Со временемъ, если Богъ благоволитъ, и буду живъ, я постараюсь тебѣ передать историческіе факты на то, какъ иногда, въ крайности, народъ и даже цѣлый священныи соборъ молитвенно просилъ о чемъ либо Бога, но Богъ, не внимая моленіямъ ихъ, прямо указывалъ Самъ, чтобъ подвигли на ходатайство предъ Нимъ: одного какого-нибудь кроющагося отъ всѣхъ отшельника... И такъ случалось: чего не могли выплакать предъ Богомъ цѣлыя тысячи народа, одинъ какой-нибудь пустынный тунеядецъ (по мірскому выраженію), воздѣяніемъ своихъ милитвенныхъ дланей низводилъ отъ Него желаемое на плачущій народъ. Припомнимъ только Ілію Оеситянина, Пророка грознаго, пустытника и отшельника самаго примѣрнаго, который не несъ никакой общественной обязанности, всего чаще крылся въ горахъ и вертепахъ, а между тѣмъ—однимъ словомъ заключалъ и отверзалъ небо,

роны мы хуже демона, а именно: за него не влита безцѣнная кровь Богочеловѣка и нѣтъ для него жертвы искупленія, а между тѣмъ мы всѣ искуплены цѣною крови Владычней и всѣ средства къ оправданію и наслѣдію царствія небснаго со стороны Божіей доставлены намъ,—лучше ли мы демона, если все это оставляемъ въ пренебреженія? Разумѣется, гораздо его хуже и благодарите предъ такъ — неизъяснимо благодарнымъ намъ Господомъ!...

кираетъ враговъ Божіихъ и творитъ дивныя чудеса.
А св. Іоаннъ Предтеча?...

Ты, можетъ быть, желаешь между прочимъ знать, не тяжело ли мнѣ, послѣ призывной жизни въ Россіи, стать на ряду съ подвизающеюся моею братією, особенно въ здѣшнихъ чрезвычайно длинныхъ бдѣніяхъ. Тяжело-то тяжело, мой другъ, но только для изжившейся плоти, а сердце и духъ теперь только чувствуютъ истинное удовольствіе, райскія утѣшенія, несоизумимый покой совѣсти. Въ этомъ отношеніи я могу себѣ усвоить теперь слова царственнаго пѣвца: *что ми есть на небеси? и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли?.. Боже сердца моего, часть моя, Боже соельца!..* Надобно впрочемъ сознаться, что бдѣніе не столько утомляетъ мою болѣзненную плоть, сколько здѣшняя трапеза: бобъ и фасоль, чечевица и рѣвенты, — всѣ эти и подобныя имъ произведенія святигорскихъ нивъ сами по себѣ очень вкусны и питательны, — но тяжелы, такъ тяжелы для слабаго желудка, что я нерѣдко чрезвычайно страдаю отъ нихъ, и мои жизненные силы истощаются.

Почему-жъ не имѣть лучшей трапезы, спросишь ты. Легко спросить объ этомъ, легко и отвѣчать, но исправить трапезу почти имѣть съ нашей стороны возможности, судя по стѣснительному положенію Русска въ настоящее время. Конечно, для меня могли бы старцы сдѣлать исключеніе, изъ уваженія къ моей болѣзненности, но совѣсть моя не дозволитъ дойти до подобной поправки своенравной плоти, потому что я вижу многихъ изъ братій въ одинаковомъ со мною изнеможеніи отъ вліянія трапезы, но они въ строгомъ молчаніи вѣсутъ свой аскетическій крестъ, въ чашѣи той брачной и всемірной вечери, которую отиростъ

для всѣхъ небесный: Домовладыца въ невечернемъ дни царствія своего. Само собою разумѣется, могли бы мы, если бы захотѣли усиленно, убѣдить чрезъ духовника Геропту объ улучшеніи нашей пустынной трапезы, но боимся — не огорчить-бы тѣмъ Царицу Небесную, призвавшую насъ въ страдальческій подвигъ иноческой жизни.

Незнаю, какихъ ты мнѣній о видѣніяхъ, иногда являемыхъ въ тонкомъ снѣ или высокой жизни людямъ, или слабѣющимъ на тернистой стези готтоэскаго спасенія; а я со своей стороны держусь въ этомъ отношеніи средины.

Видѣнія мы раздѣляемъ на три рода: на видѣнія дѣйствительныя и свѣтлыя, изъясняющія или волю Божию, или таинственныя судьбы будущаго и настоящаго, — на видѣнія естественныя, бывающія слѣдствіемъ или дневныхъ впечатлѣній думъ и предположеній, или сильныхъ потрясеній душевныхъ, — и наконецъ на видѣнія демонскія. Одно отъ другаго удобно отличить всякій, у кого умъ чистъ, и кто имѣетъ даръ строгой разсудительности и опыта. Для людей-слабыхъ, — разумѣется, всего лучше не принимать къ сердцу съ полною строю никакихъ видѣній, даже не обращать на нихъ пытливаго вниманія. Если видѣніе отъ Бога, — оно можетъ повториться нѣсколько разъ, въ случаѣ нашей недоумчивости къ нему, повториться въ неизмѣняемыхъ формахъ, съ явнымъ указаніемъ на существенную цѣль его. Я бы много тебѣ представилъ образцовъ на всѣ роды этихъ видѣній, но теперь не то время: послѣ; заговорилъ же я съ тобою о нихъ для того, чтобъ передать одно старческое видѣніе о трапезѣ, которая была предметомъ настоящей нашей бесѣды.

Въ то время, какъ Русикъ имѣлъ рыбныя ловли на Дунаѣ; нѣкоторые изъ нашего братства чрезвычайно скорбѣли и жаловались на бобъ и фасоль, исключительно составлявшихъ и составляющихъ нашу трапезу; и просили духовника озаботиться ея улучшеніемъ; тѣмъ болѣе, что тогда Дунай могъ лакомить насъ прекрасною рыбою. Частыя жалобы изнемогающей братія слишкомъ озабочивали духовника, такъ что онъ рѣшился наконецъ передать ихъ геронту. Мы это знали, надѣялись на добросердечіе геронты, и одна мысль—о близкой измѣнѣ трапезы изъ неудобоваримой въ легкую, питательную, въ русскомъ вкусѣ, утѣшала насъ, бывая часто предметомъ братскихъ бесѣдъ... Мы полагали, что это нисколько неогрѣшительно съ нашей стороны, но предъ правдою Божіею было со всѣмъ не въ такомъ видѣ наше гастрономическое дѣло. Помнится, предъ масляницею, 1846 г., на одного изъ нашей Русской братія напалъ демонъ сильными внутренними смутами, растроилъ его до такой степени бурю многообразныхъ мыслей, чувствъ, желаній, недостойныхъ ангельскаго образа, что несчастный упалъ духомъ, предавшись душевной безпечности. Разумѣетея подобнаго рода искушеніе въ нашемъ отшельническомъ быту вещь весьма обыкновенная, но бѣда въ томъ, что братъ не имѣлъ силы передать духовнику подробности демонскихъ притѣвѣтъ. Такъ протекло нѣсколько дней. Братъ былъ въ самомъ опасномъ положеніи смутившейся души. Богъ вѣсть, чѣмъ бы это кончилось, если бы Царица Небесная не приняла своего материнскаго участія въ смутномъ положеніи изнывающего брата. Разъ, послѣ бурныхъ волненій духа, послѣ тревожныхъ думъ, онъ опустился на свою иноческую койку; летучій сонъ, са-

мый тонкій, смѣжилъ его глаза и ему представилось, что онъ находится въ трапезѣ, въ какой-то торжественный день,—все братство Русина было тамъ, самъ игуменъ, въ архіерейской мантии, занималъ свое мѣсто... Удивленный необычайнымъ собраніемъ всего братства въ трапезу, что бываетъ очень рѣдко, братъ обогрѣлся кругомъ и видитъ, что вмѣсто обычной пиши, предъ всѣми разставлены блюда съ скоромными, мясными яствами.... Это его чрезвычайно смутило, тѣмъ болѣе, что и предъ собою видѣлъ онъ самое роскошное блюдо съ такимъ же жаркимъ, отъ котораго онъ съ принятіемъ ангельскаго образа уклонился,—считая его для себя непозволительнымъ въ силу своихъ постническихъ обѣтовъ.—Между тѣмъ ему представлялось, что братство, недотрогиваясь до пиши, чаяло чего-то необыкновеннаго, какъ бы ожидая кого-то.... Пока все это занимало удивленнаго брата, вдругъ главная дверь трапезы распахнулась и онъ увидѣлъ царственную жену, вшедшую туда, въ соупутствіи двухъ прекрасныхъ дѣвицъ.... Съ перваго взгляда онъ узналъ дивную Посѣтительницу, осіяваемую райскимъ свѣтомъ, и затрепеталъ отъ радости и тайнаго рабскаго страха.... Онъ не смѣлъ тронуться съ своего мѣста, какъ преступникъ, желалъ утѣчь отъ свѣтлыхъ взоръ Богоблагодатной Дѣвы, посѣтившей нашу обитель.... При появленіи Ея, братъ видѣлъ, что духовникъ, одѣтый въ мантию и схиму, тотчасъ всталъ съ своего мѣста, робко приблизившись къ Посѣтительницѣ, раболѣпно паль ей въ ноги и благоговѣнно облобызалъ ея десницу. Долго, милостиво, съ материнскою улыбкою по временамъ, что-то въ полголоса говорилъ ему явившаяся, потомъ обоняла всю

трапезу, обозрѣвая всѣхъ вообще и каждого порознь... Пока такимъ образомъ Она обходила трапезу, брату представлялось, что духовникъ суетливо хлопоталъ о приборѣ для посѣтительницъ, и что въ то самое время одна изъ дѣвицъ подошла къ нему и громко произнесла: «перестаньте, пожалуйста, тревожиться о трапезѣ: Царица Небесная терпѣть того не можетъ.» Въ это время Царственная Посѣтительница снова подошла къ игуменскому столу, и пока обозрѣвала оттуда съ материнской любовью братство, другая дѣвица, наклонившись къ ея уху, въ полголоса сказала: «Что-жъ Ты Владычица, утѣшивъ всѣхъ своимъ благодатнымъ посѣщеніемъ, ничего не скажешь въ утѣшеніе сему рабу твоему?..» При этихъ словахъ она показала своимъ перстомъ на брата, которому видѣніе это было открыто... Несчастный замѣтилъ, что Владычица взглянула на него, но гнѣвно и строго, а потомъ быстро отворачивъ отъ него свое свѣтлое лице, молча удалилась изъ трапезы. Это такъ поразило бѣднаго, что онъ затрепеталъ отъ страха и проснулся... Тогда же видѣніе передано было имъ духовнику, и съ тѣхъ поръ братъ, удостоившійся зрѣть такимъ образомъ Царицу Небесную, исправился отъ своей безпечности, мы же оставили плотоугодные жалобы на трапезу, довольствуясь тѣмъ, что представляютъ. Самыя рыбныя ловли на Дунаѣ были брошены, какъ слишкомъ опасныя для пребывающихъ тамъ иноковъ, по многимъ отношеніямъ ихъ къ міру. Въ слѣдствіе сего собственно и я подавляю въ сердце своемъ чувство плотоугодія, но съ великимъ трудомъ, огорченіемъ и неудовольствіемъ для вкуса, — пользуюсь предлагаемымъ на трапезѣ, уклоняя отъ себя всякое исключеніе изъ общихъ правилъ строгой кинови, въ чаяніи лучшей жи-

зни, прекрасныхъ наслажденій въ загробномъ мірѣ. — Бываетъ временемъ у меня трапеза и чисто въ русскомъ вкусѣ, но это внѣ монастыря, въ моей пустынѣ, въ такъ называемой Козмодамиановской кельѣ, откуда я пишу теперь къ тебѣ настоящія строки.

О Козмодамиановской моей пустынѣ я писывалъ прежде, то есть, что ея мѣстность восхитительная, заоблачная, что по временамъ облака разстилаются ниже моего живописнаго холма, отдѣляя меня съ моею кельею отъ низменныхъ юдолей святогорскаго побережья. Тогда какъ я отправлялся со св. горы въ Россію (1847г.), въ здѣшней пустынѣ небыло кельи; она выстроена въ мое отсутствіе. Признаюсь, — это настоящій эдемъ, потому что кругомъ фруктовый садъ самый роскошный: кромѣ пустынныхъ криновъ, плѣнительныхъ розъ, незабудокъ и прочихъ сельныхъ цвѣтовъ, также душистыхъ кипарисовъ, кромѣ виноградныхъ лозъ, выющихся по моимъ террасамъ, здѣсь есть черешня, сливы двоякаго рода, персики, дули, груши, яблоки, разнаго рода орѣшникъ, смоквы или винныя ягоды, миндаль, разныя произведенія огородныхъ нивъ. А виды-то! а даль-то, въ своемъ живописномъ разнообразіи и съ безграничною равниною эгейскихъ водъ! Особенно вечеръ здѣсь упоителенъ, тѣмъ болѣе вечеръ лунный, — это высокое наслажденіе души, при таинственномъ созерцаніи дивнаго Творца въ безконечномъ разнообразіи Его твореній! Тогда какъ ты, а можетъ быть и цѣлыя тысячи жертвъ суеты, какъ угорѣлые, бросаешься изъ театра въ театръ, съ балу на балъ, нигдѣ и ни въ чемъ не находя существенной пищи для безсмертнаго духа, средствъ и условій — утолить жажду его безграничныхъ желаній, потому что вы вездѣ ищите только удовлетворенія грубой

чувственности, пренебрегая требованиями изнывающего сердца, страдальческою его тоскою по небесной отчизнѣ,—мы здѣсь, въ глубокомъ безмятежїи, въ сладостномъ созерцанїи пустынныхъ красотъ, переносящихъ мысль къ ихъ Божественному Творцу, мы чувствуемъ себя въ совершенно-первобытномъ состоянїи, предначиная здѣсь, на грубой несчастной землѣ, нашу вѣчную пасху, нашъ нескончаемый покой, предвкушая радости ангельскаго міра ... О жалкій людской міръ! пока выдумываешь, разносишь всюду ты свои нареканїя, свои язвительныя насмѣшки на скромное иночество, — оно презрѣнное, подавляемое тобою, предвосхищаетъ райскїе вѣнцы и легко, въ мирѣ сердца, какъ на крылу вѣтреню, несется въ загробную даль, тогда какъ ты блестящїй и велемудрый пресмыкаешься, раболѣпствуешь предъ увлекательнымъ кумиромъ предъ суетою!... Но прости, что я увлекся... пустыня тому причиною.

Моя пустынная келья, выстроенная иждивенїемъ доброго моего друга Козьмы Васильевича Бѣляева, имѣетъ небольшую церковь во имя св. Безсребренниковъ и Чудотворцевъ Козьмы и Дамїана, кромѣ того—помѣщенїе на 8 человѣкъ, такъ что я живу теперь въ скиту, потому что служба у насъ неупустительно совершается, а свободное время посвящено приличнымъ занятїямъ аскетической жизни. Ахъ! какъ жаль, что нѣтъ тебя со мною!... Между прочимъ ты пишешь, что мы еще разъ сойдемся съ тобой или здѣсь на Аѳонѣ, или я опять занесенъ буду непостижимою судьбою въ вашъ царственный Петербургъ. Скорѣе, думаю, сбудется, если Богу будетъ угодно, первое, нежели послѣднее, потому что Россїя оставлена съ моей стороны уже навсегда; здѣсь мои грѣшныя кости долженъ уложить

въ мѣстѣ нашъ скромный любимый Русикъ. Здѣшняя пустыня — мой рай, моя отчизна, и отсюда — то въ стройныхъ рядахъ безчисленнаго Аѳонскаго братства я надѣюсь унести въ послѣдній всемірный день къ Юдоли Плачливой, гдѣ, какъ думаю, согласно народнѣйшей вѣрѣ, долженъ совершиться страдальчій судъ. Тамъ-то мы, мой другъ, увидимся съ тобою, и дай Богъ, чтобъ не огненная геенна, а свѣтлость райской славы восхитила насъ въ безконечное странство вѣчности!....

Итакъ, мой другъ, если угодно Богу и Царю Небесной, я остаюсь на Аѳонѣ уже навсегда, и боюсь думать о переходѣ куда либо въ другую обитель, потому что у насъ предъ глазами нерѣдко повторяются опыты небесной кары за подобное скитальничество. Не такъ давно здѣсь померъ одинъ Русскій инокъ М., который едва не сдѣлался жертвою плахи, странствуя изъ мѣста въ мѣсто. По началу М. жилъ здѣсь въ числѣ келіотовъ; потомъ, соскучась строго аскетическою жизнію, многообразными лишеніями Аѳонской пустыни, удалился на Синай, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ въ должности закупщика жизненныхъ продовольствій для своей братіи. Послушаніе подобнаго рода требовало съ его стороны частыхъ отлучекъ съ Синай въ Каиръ, гдѣ онъ закупалъ продукты, чрезъ что вошелъ въ знакомство съ нѣкоторыми бакалами или лавочниками, изъ числа которыхъ впоследствии одинъ былъ орудіемъ Божественнаго промысла къ избавленію отъ смерти несчастнаго М. Это былъ Египетскій арабъ.

Прошло около десяти лѣтъ съ удаленія М. на Синай. Въ теченіи этого времени М. своими собственными трудами, подаваніемъ случайныхъ поклонниковъ,

приобрѣлъ нѣсколько денегъ, которые были виною того, что онъ неусидѣлъ на одномъ мѣстѣ. Лукавый вложилъ въ его сердце свѣтлую, по видимому, благочестивую мысль — посѣтить Римъ для поклоненія тамъ гробу св. Апостоловъ Петра и Павла; М. принявъ мысль эту за внушеніе благодати и отправился въ Италію. Въ этомъ странствіи онъ встрѣчался съ нѣкоторыми изъ соотечественниковъ, а въ самомъ Римѣ былъ ласково принятъ при Русскомъ Посольствѣ. Не помню, долго ли тамъ пробылъ М.; только знаю, по его собственнымъ словамъ, что при отбытіи своемъ въ Турцію, онъ исходатайствовалъ себѣ отъ миссіи свидѣтельство, что дѣйствительно тамъ — въ Римѣ онъ былъ, сверхъ же того ему нѣкоторые изъ служившихъ при посольствѣ дали рекомандательныя письма въ Константинополь.

Такимъ образомъ, онъ, оставивъ Италію, благополучно достигъ Турецкой границы. На бѣду его тамъ, гдѣ онъ избралъ себѣ путь во владѣнія Порты, возникли случайныя смуты; въ самый разгаръ ихъ является М. Паспортъ его потребовали; самого же, какъ чловека подозрительнаго, хотя и Турецкаго подданнаго, но возвращающагося изъ Италіи, представили къ мѣстному Пашѣ. На всѣ запросы правительства М. отвѣчалъ удовлетворительно; но ему не повѣрили и, принявши за одного изъ участниковъ смуты, приказали кругомъ обыскать... Когда были найдены бумаги и письма у бѣднаго странника, Паша, ни чего не понимая изъ писаннаго на итальянскомъ и русскомъ языкахъ, а только видя печати, особенно при свидѣтельствѣ, данномъ М. отъ Русской Миссіи въ Римѣ — въ дѣйствительности его странствія тамъ; — гнѣвно закричалъ: это шпионы! взять его!...

Несчастливаго странника, скованнаго по рукамъ и по ногамъ, бросили въ тюрьму.

Въ Турціи голова человѣка ничего не стоитъ, кромѣ одного только Пашинскаго слова: снять ее!... Этотъ жребій палъ на скитальческую голову М. Въ тотъ же день, какъ его схватили, была рѣшена его жизнь: какъ человѣку подозрительному, какъ шпиону, Паша приказалъ отрубить ему голову; на слѣдующій же день назначено было исполненіе этого смертнаго приговора. Можешь себѣ представить, въ какомъ страдальчески—томительномъ положеніи былъ бѣдный странникъ,—какъ онъ раскаивался въ своемъ безразсудномъ скитальничествѣ, какъ пламенно просилъ помилованія у Царицы Небесной, обѣщаясь, если только она сохранить его жизнь, навсегда остаться въ ея земномъ жребіи—на св. горѣ Аѳонской... И Царица Небесная услышала молитвенный вопль, сердечные обѣты страдальца.

Наступило утро; роковой часъ смертнаго приговора для М. приближался, но медленно, и казался ему вѣковымъ пространствомъ времени... М. навѣстилъ Греческій священникъ, приобщилъ его Св. Тайнъ въ напутствіе къ вѣчности. Наконецъ явились исполнители приговора... М. вывели изъ тюрьмы съ связанными назадъ руками, представили къ Пашѣ для послѣднихъ предсмертныхъ допросовъ. Мѣсто казни уже кипѣло любопытными... Тогда какъ Паша допытывался узнать отъ осужденника, отъ кого ему даны таинственныя бумаги и что въ нихъ заключается,—вдругъ является къ нему курьеръ-негръ съ пакетомъ отъ Дивана, изъ Константинополя... При взглядѣ на М., негръ, отступивъ назадъ, съ изумленіемъ воскликнулъ на арабскомъ языкѣ: Хаджи М., ты ли это?..

Да, гробовымъ голосомъ отвѣчалъ тотъ.

Что это значить?—спросилъ негръ блѣднаго, какъ смерть, М... я едва узнаю тебя..... М. рассказалъ ему свою бѣду, свое ужасное положеніе.

Негръ растрогался... Между тѣмъ Паша, видя, что они знакомы между собою, спросилъ негра, какъ онъ знаетъ преступника, гдѣ видалъ его?

Негръ рассказалъ ему о М., завѣряя, что онъ дѣйствительно инокъ, притомъ честный, скромный, совершенно неподозрительный.

Ты ручаешься за него и берешь на себя отвѣтственность предъ правительствомъ, если я отпущу его?... спросилъ Паша негра.

Негръ положилъ руку на сердце, въ знакъ согласія, и умоляющимъ голосомъ произнесъ: я отвѣчаю, эфеиди, моей головою за него... отпустите его!...

Такимъ образомъ несчастный осужденникъ получилъ себѣ свободу и жизнь по ходатайству негра. Впрочемъ, этимъ некончилось искушеніе бѣднаго М. Получивъ увольненіе Паши съ свидѣтельствомъ на свободный проходъ къ Аѳонской горѣ, онъ прибылъ сюда благополучно, въ бытность мою здѣсь въ 1846 г., и, по прежнему, поселился въ своей пустынной кельи, но ненадолго....

Скоро лукавый опять помутилъ его мысль, отравивъ его аскетическую жизнь желаніемъ новаго странствія, новыхъ подвиговъ Палестинскаго паломничества. Тогда какъ М., прибывъ сюда, нѣкоторое время провелъ въ своей отшельнической кельи, не рѣдко бывая въ Русикѣ, потому что въ опытахъ иноческой жизни руководилъ его нашъ духовникъ,—наступило время отбытія поклонниковъ въ Іерусалимъ; въ числѣ прочихъ слѣдовалъ туда И., сборщикъ Іерусалимскій, который,

какъ челоѣкъ богатый, приглашалъ нѣкоторыхъ Афонскихъ сиромакъ (бѣдняковъ) съ собою на карабль, обезпечивая путь ихъ во всѣхъ отношеніяхъ до самаго Иерусалима. Когда слухи о приглашеніи подобнаго рода дошли до сокровенной пустыни. М., врагъ напалъ на него съ самой благовидной стороны: онъ востламенилъ его сердце желаніемъ еще разъ видѣть Палестину и Синай, чтобъ тамъ излить чувства признательной души предъ Богомъ и Царицею Небесною за избавленіе отъ страдальческой смерти. Напрасно духовникъ нашъ возражалъ ему на это, грозилъ судомъ Божиимъ, прорекая, что если онъ снова пустится въ бродяжество, то не пощадитъ его Господь такъ, какъ пощадилъ прежде, — М. ничего слышать не хотѣлъ и, вопреки совѣтамъ старческимъ, рѣшился непременно отправиться съ И. въ путь. Съ грустнымъ предчувствіемъ мы видѣли въ послѣдній разъ въ Русикѣ, взволнованнаго М., думая, что онъ на всегда оставляетъ св. Афонъ, но Богъ судилъ иначе. Наканунъ отбытія своего въ дальній путь, М. почувствовалъ головную боль; но, полагая, что она, какъ случайная, пройдетъ на вольномъ воздухѣ, спокойно уложилъ свои вещи въ дорожную суму и послѣ вечерняго правила только что прилегъ отдохнуть, — какъ вдругъ его ударилъ параличь.... Итакъ несчастный по неволѣ усѣлся дома, въ своей скромной пустыни, а впоследствии мирно кончилъ здѣсь свой жизненный путь. — М. скончался въ 1849 году.

Особенно новаго въ нашемъ Русикѣ — ничего: наша жизнь течетъ покойно, въ постоянномъ однообразіи нашихъ молитвенныхъ отношеній къ Богу и въ ручныхъ занятіяхъ, къ которымъ каждый изъ братіи назначенъ сообразно своему прежнему положенію. Такъ

напримѣръ: кто въ мірѣ былъ тектилъ, тотъ и здѣсь неизмѣнилъ своему изученному ремеслу, я проч. проч. Чтожь касается до меня, я еще отдыхаю послѣ труднаго моего странствія въ Россіи, собираюсь съ духомъ и силами къ достойному ношенію моего иноческаго креста. Очень часто я оставляю монастырь, погружаясь въ мою заоблачную пустыню для отдыха мысли, для созерцанія таинственныхъ судебъ нашей загробной жизни. О, во истину непостижимо таинство тѣхъ событій, которыя должны совершиться надъ нами тамъ, въ мірѣ новомъ, при трудномъ, неизъяснимомъ переходѣ нашей души чрезъ пространство воздушныхъ мытарствъ, прежде нежели она унааетъ свое назначеніе на цѣлую вѣчность.....

Въ настоящее время, нѣсколько дней я чувствую крайнее изнеможеніе силъ, вѣроятно вслѣдствіе изнурительныхъ подвиговъ послѣдней страстной седмицы, когда служба у насъ была почти непрерывная, а трапеза скудная, чѣмъ когда либо. На первыхъ дняхъ, когда читается все Евангеліе, нѣкоторыя изъ немощныхъ, только пришедшихъ изъ міра Русскихъ, желающихъ между тѣмъ вступить на голгоетскую стею иночества, просили у духовника позволенія—подкрѣпить себя чашкою чаю, но онъ съ улыбкою отвѣчалъ на это: если уже, въ послѣднюю седмицу поста мы не удержимся отъ излишнихъ требованій плоти,—не стыдно ли намъ будетъ предъ Богомъ пѣть паскою: *«вчера спогрѣбахся Тебѣ Христе, и проч. Хотя въ этомъ чайномъ удовольствіи откажемъ себѣ, для того чтобы дерзновенно запѣть: савостаю, днесъ воскресшу Тебѣ Христе, сраспинахся Тебѣ вчера многообразными огорченіями плоти, истомившейся въ постныхъ подвигахъ,— Самъ мя спрослави за то, Спасе, во Цар-*

стѣи Твоѣмъ.... И кто послѣ убѣжденій подобнаго рода рѣшится на суетное требованіе избалованной плоти? Разумѣется, всякій изъ насъ, молча, терпѣль огорчительный путь голговы, страдальческое шествіе по нему—подъ крестомъ своего собственного изнеможенія, въ слѣдъ Божественнаго Страдальца Иисуса.—

Думалось бы иногда, при постоянной почти слабости жизненныхъ силъ моихъ, пользоваться морскимъ купаніемъ, которое чрезвычайно укрѣпляетъ, живить чловѣка, но боюсь, потому что по уставу Аѳонскому воспрещено обнаженіе тѣла, нарушители же этого правила иногда платятъ за то своею жизнію.

На дняхъ мнѣ одинъ старецъ, очевидецъ, вотъ что передалъ: въ здѣшнемъ Діонисіатскомъ монастырѣ, это было назадъ тому лѣтъ уже 20-ть, іеродіаконъ, послѣ совершенія литургіи въ какой-то лѣтній праздникъ, отправился купаться въ морѣ; только что бросился онъ въ зеркальныя волны, въ виду случившихся на берегу эргатовъ (рабочихъ), какъ былъ схваченъ животнымъ, впрочемъ такъ, что руки и голова его нѣсколько минутъ оставались внѣ челюстей чудовища и поверхъ воды, ибо въ самое мгновеніе, когда оно зинуло на него своею пастью, бѣдный успѣлъ ухватиться за одинъ изъ прибрежныхъ камней. Умоляющимъ голосомъ во имя самого Бога просилъ онъ себѣ помощи съ берега, но его вопль замеръ въ бурныхъ всплескахъ, производимыхъ ужаснымъ чудовищемъ,—и только что успѣлъ несчастный перекреститься,—оно увлекло его въ морскую глубь. Сбѣжавшееся на крикъ эргатовъ братство видѣло уже одни обширные круги, расхидившіеся по зеркальной равнинѣ водъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько времени оставался въ предсмертной борьбѣ съ морскимъ чудовищемъ купав-

шійся инокъ. Въ чувствѣ братской любви и сожалѣнія къ страдальческому жребію несчастнаго, монастырь озаботился поминовеніемъ его; а между тѣмъ, чтобъ его безжизненный трупъ не остался на всегда въ челюстяхъ хищнаго чудовища, по совѣту опытныхъ рыбаковъ, зацѣпили на небольшой якорь барана и, привязавши къ длинному канату съ пустою бочкою по срединѣ, бросили въ слѣдъ ему на то самое мѣсто, гдѣ оно похитило купавшагося инокъ. Чудовище разлакомилось: оно увидѣло новую жертву своей ненасытной алчности и бросилось на нее... Тутъ-то была ужасная сцена! Пожравши свою добычу, чудовище бросилось отъ берега въ глубь, и якорь впился въ его неистовую внутренность. Чувство боли остервенило чудовище: оно начало бросаться на всѣ стороны, но чѣмъ болѣе билось, тѣмъ глубже входилъ якорь въ его внутренность, такъ что наконецъ, выбившись изъ силъ, оно всплыло на поверхность моря, гдѣ нѣсколько десятковъ человѣкъ кое-какъ вытащили на берегъ полумертвое животное. Несчастнаго инокъ нашли въ его обширномъ чревѣ и совершили надъ нимъ обычное погребеніе. Вотъ чего стоитъ иногда удовольствіе морскаго купанья!..

Не такъ давно, также жизнью заплатилъ за это удовольствіе одинъ изъ святогорскихъ инокъ. Въ прекрасный лѣтній день, когда солнышко раскаливаетъ и воздухъ и каменистую толщу здѣшнихъ горъ, море зеркальными своими равнинами разстилается тогда, какъ карта: ни одна волна, ни даже скромная зыбь не тревожатъ его спящихъ водъ, его невозмутимой тишины; какъ тогда хочется поплескаться въ нихъ, подышать ихъ живительною прохладою, подъ жгучими лучами раскаленнаго неба!...— Разъ это собла-

знили дюжъ инковъ: они раздѣвшись, понесли въ прибрежную глубь.... Какъ на зю, при совершенномъ спокойствіи и природы и моря, откуда ни возмись довольно даже слабая волна, — она; подхвативъ одного изъ купавшихся, съ испюлинскою силою бросила на подводный гранитъ, такъ что несчастный не успѣлъ духу перевести, какъ головной его черепъ разлетѣлся на части. Съ того времени не слышно, чтобъ кто нибудь, безъ особенной нужды, рѣшился на прихотливое купанье въ животворныкъ водахъ нашей эгейской бездны. По этому собственно и я боюсь пользоваться прохладою морскаго купанья. Помню, дважды только мнѣ приводилось, въ теченіе моего перваго странствія по Востоку, купаться—въ Средиземномъ Морѣ, въ Яфѣ, и здѣсь—въ заливѣ Монте-Санто; но тогда я не имѣлъ свѣденія о тѣхъ опасностяхъ, которыя бываютъ иногда слѣдствіемъ минутнаго удовольствія, а теперь, когда знаю, что морское купанье стоило нѣкоторымъ самой жизни, ни за что въ свѣтѣ не рѣшусь пользоваться имъ, хотя бы дѣйствительно зависѣли отъ него мои жизненные силы и самое здоровье. — Но это въ сторонѣ. Поговорю лучше съ тобою о нынѣшней моей пасхѣ при невозмутимомъ спокойствіи иноческой жизни, — чрезвычайно умилительной. Св. Пасха на св. горѣ неизъяснимо весела, утѣшительна для души, исчезающей во спасеніе. Наша Пасха не то что ваша: для плоти у насъ ничего нѣтъ милаго въ ея всемірномъ торжествѣ, кромѣ нѣкотораго уменьшенія церковныхъ подвиговъ и келейнаго правила, — но для сердца, но для духа—сколько таинства, сколько вѣчныхъ залоговъ грядущей радости, будущей славы за гробомъ!.. Всего непростительнѣе у насъ въ это торжество, если кто лишаетъ себя Тра-

пезы Господней, то есть принятія Пречистыхъ Таинъ, въ которыхъ запечатлѣны для сердца залогомъ райскаго блаженства; непрестающаго веселія въ невечернемъ дни Царствія Христова.

Искренно надобно сознаться, что въ страстную седмицу каждый изъ насъ по силамъ своимъ состраждеть Христу, въ строгихъ лишеніяхъ даже насущнаго хлѣба, — сраспинается Ему, всевозможнымъ подавленіемъ плотскаго мудрованія и чувствъ, не достойныхъ гораго Страдальца Іисуса; за то въ какомъ тихомъ трепетѣ сладкой любви къ нему, въ невыразимой радости, съ свѣдѣльниками въ рукахъ, подъ свѣцію церковныхъ хоругвей и креста, мы выступили изъ церкви стройными рядами на встрѣчу нашему Испытателю, въ день Его преславнаго воскресенія!....

Это истинно, восхитительно, это выше всякаго, даже поэтически-увлекательнаго описанія!

Впрочемъ, въ наружномъ видѣ нѣнѣшняя наша Пасха не была такъ торжественна, какъ въ 1844 и слѣдующихъ за тѣмъ годахъ; потому что отнынѣ однажды навсегда уничтожена на св. горѣ стрѣльба изъ ружей и цушекъ, обыкновенно начинавшаяся при первыхъ пасхальныхъ звукахъ: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ». Свобода здѣшняго иноческаго правленія, въ совершенной почти независимости отъ Турецкаго правительства, была причиною рѣшительнаго запрещенія стрѣльбы по монастырямъ; — бывало, прежде привозили сюда тайно, на Карейскій базаръ, чрезвычайно много пороху, и каждый монастырь могъ имѣть сколько угодно ружей, — что давало возможность мірянамъ закупать здѣсь тайкомъ порохъ для собственныхъ своихъ нуждъ. Такимъ образомъ Карейскій базаръ былъ портовымъ пунктомъ неимовернаго сбыта

пороху и дробу, тогда какъ по островамъ и селеніямъ Греческимъ эта продажа была строго воспрещена Турецкимъ правительствомъ, въ устраненіе народныхъ смуть и посягательства на жизнь Турковъ. Когда Западъ въ прошедшихъ годахъ волновался неистовствомъ противъ Царственныхъ Престоловъ, посягая чрезъ то и на общенародный миръ, въ Турціи тоже начали возникать по мѣстамъ случайныя смуты. Въ то самое время до свѣденія Порты между прочимъ доходили частныя слухи, что въ нѣкоторыхъ сосѣдственныхъ Аѳонской горѣ мѣстахъ проявляется враждебный духъ, на горѣ же усиливается торговля порохомъ, — а потому правительство строже прежняго приняло мѣры въ отношеніи къ Грекамъ. На бѣду нашей св. горы, въ такую сомнительно-опасную пору, здѣшній Аѳонскій Турокъ, таможенный смотритель, далъ знать Портѣ, что Карейскій базаръ время отъ времени усиливается неимовѣрнымъ ввозомъ пороху, сбываемаго тайно во всѣ Греческія селенія, а каждый монастырь Аѳонскій, составляя родъ военной цитадели, вооруженъ множествомъ ружей и пушекъ, усвоенныхъ иноческими обителями, подъ предлогомъ частной необходимости для случайныхъ торжествъ, въ самомъ же дѣлѣ—это недругое что, какъ тайное вооруженіе... Въ слѣдствіе сего доноса, Порта оставила въ сильномъ подозрѣніи Аѳонскую гору, опубликовавъ будто бы въ своихъ газетахъ, что здѣшніе иноки составляютъ заговоръ, имѣя тайныя враждебныя правительству цѣли, для уничтоженія коихъ и предписано было обезоружить совершенно монастыри, строго воспретить имъ торжества съ пальбою и недозволять ни въ какомъ случаѣ имѣть при себѣ ни ружья, ни пистолета, безъ особеннаго на то разрѣше-

нія отъ Солунскаго Паши. Чтобъ придать болѣе силы и значенія такому распоряженію правительства, а съ тѣмъ вмѣстѣ наблюдать за дѣйствіями Аѳонскаго Протата и всѣхъ вообще монастырей, Порта назначила сюда Пашу, который будетъ имѣть сильное вліяніе на ходъ всѣхъ святогорскихъ дѣлъ, съ подчиненіемъ ему даже, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, будто бы какъ Солунскаго Паши, такъ многихъ другихъ правителей острововъ. Такимъ образомъ здѣшній Паша составитъ собою родъ областного правителя; сила его тѣмъ чувствительнѣе для всѣхъ властей Турецкихъ и Греческихъ, что онъ одинъ изъ числа любимцевъ Султановыхъ,—значить, его слово-законъ. Въ этомъ отношеніи онъ чрезвычайно грозенъ для здѣшняго Протата, въ особенности еще потому, что будто бы дважды въ недѣлю онъ будетъ являться въ общее присутствіе Синода для участія въ его властительскихъ разсудкахъ, чѣмъ впрочемъ утѣшаются тѣ монастыри, которые неимѣли доселѣ голоса въ Протатѣ, претерпѣвая отъ него утѣсненіе въ случайныхъ дѣлахъ своихъ: нѣкоторые монастыри и всѣ вообще сирмахи (бѣдняки) считаютъ нововводный родъ правленія на св. горѣ новымъ залогомъ особеннаго о нихъ промысла Богоматери, между тѣмъ члены Синода слабѣютъ въ своихъ неограниченныхъ дотогѣ правахъ, невольно смиряясь предъ трогательною заботливостію Царицы Небесной объ Аѳонской горѣ, много страдавшей отъ безотчетнаго правленія хитрыхъ проѣзосовъ. Чтожъ касается до гарема здѣшняго Паши,—эта исламическая собственность его, камень преткновенія и соблазна на свѣтлыхъ и чистыхъ путяхъ иночества, удалена отсюда. Диванъ, съ утвержденія самого сул-

тана, опредѣлялъ размѣстить ему свой гаремъ въ одномъ изъ прилежащихъ къ Аѳону мѣстныхъ селеній.

По этому св. гора все-таки остается дѣвственною такъ, что самые Турки свято чтутъ ея строгія въ этомъ отношеніи законоположенія, между тѣмъ какъ христіане ни во что ставятъ подобнаго рода Аѳонскій уставъ. О, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ язычники и магометане, даже евреи, гораздо почтительнѣе къ правиламъ чуждой для нихъ христіанской вѣры, нежели сами христіане, посягающіе на все священное, чему жадкій образецъ представлялъ намъ въ прошедшихъ годахъ просвѣщенный западъ!.. Какъ не сказать, когда подумаешь, что самая Порта съ уважительнымъ чувствомъ смотритъ на строгія законоположенія св. горы, въ разсужденіи женскаго отсутствія отъ ея св. обителей, а между тѣмъ Англійскій посланникъ при Портѣ, изволилъ прибыть сюда въ 1846 г. на своемъ пароходѣ, вмѣстѣ съ своею женою и семействомъ, и четыре штатные монашья, въ силу Турецкаго фирмана, по неволѣ растворили предъ ними свои дѣвственныя дѣри, въ теченіи многихъ вѣковъ недоступныя женской стопѣ!!

Впрочемъ любопытство Англичанокъ, какъ всякое преступное любопытство, не обошлось даромъ: я неоднократно слышалъ здѣсь, что, возвращаясь въ Константинополь, посланникъ былъ застигнутъ бурей при Дарданельскомъ проливѣ, гдѣ пароходъ его, будто бы набѣжавъ на мель, чрезвычайно повредился, такъ что по неволѣ онъ долженъ былъ пересѣсть на чуждый пароходъ, оставивъ свой собственный на произволъ играющихъ буряновъ, послушныхъ карающей его судьбѣ. За вѣрное не передаю этого событія объ Англійскомъ пароходѣ, а только пишу то, что неоднократно слы-

шалъ, съ надеждою узнать обо всемъ впоследствии подробнѣ въ Константинополѣ. Англичанкамъ желалось проникнуть и въ общежительные монастыри, но тамъ были всюду порты заперты, а на случай насилія со стороны Англичанъ, разставлены близъ монастырей вооруженные эргаты. — Ты помнишь, когда вышла вторая часть моихъ писемъ о св. горѣ Аѳонской, меня многіе упрекали за дурной отзывъ о здѣшнихъ штатныхъ монастыряхъ, о которыхъ, въ справедливомъ моемъ негодованіи на ихъ блазнительныхъ проэстосовъ, я даже выразился (въ 10 письм. 27.), что штатные монастыри напрасно занимають здѣсь мѣсто. И теперь я тоже повторю, даже съ прибавленіемъ, что они среди строгихъ общежитій здѣшнихъ, между ангельскимъ обществомъ скитниковъ, дивныхъ пустынь жителей, единственныя виновники несправедливыхъ нарѣканій на св. гору Аѳонскую со стороны случайныхъ сюда пришлецовъ Запада и Сѣвера; это камень претыканія на голгоѳской стезѣ аскетизма, мрачное пятно на свѣтлыхъ скрижаляхъ его строгихъ законоположеній..... Что я справедливъ въ моихъ ироническихъ замѣчаніяхъ на штатные монастыри, — самъ суди по наибольшему нарушенію ими, вѣками утвержденнаго, даже Турками непрерываемаго правила въ разсужденіи женщинъ, то есть чтобъ входъ имъ на св. гору былъ совершенно возбраненъ.... Легкомысленные проэстосы это правило нарушили, въ угодность Англій, къ которой многіе изъ Грековъ питають глубокое чувство предпочтенія предъ всѣми Европейскими Державами, особенно еще потому, что въ одномъ изъ здѣшнихъ монастырей много есть подданныхъ Англій.... Смотри на все это, по неволѣ вздохнешь и съ грустнымъ чувствомъ спросишь самъ себя: что-же

будетъ изъ всего этого? Если бы правило было изъясненіемъ воли Божественной, возразишь ты, конечно Царипа Небесная тотчасъ бы покарала виновныхъ въ его нарушеніи. А если бы за нарушеніе частныхъ законоположеній Церкви, скажу я, не говоря о заповѣдяхъ Божіихъ, Богъ тотчасъ каралъ виновныхъ,—то давно бы и свѣтъ не существовалъ. Ради одного праведника Правда Божія шадить иногда цѣлыя тысячи грѣшныхъ, чтожъ сказать о св. горѣ, гдѣ можетъ быть болѣе друзей Божіихъ—дивныхъ подвижниковъ, чѣмъ жалкихъ челоуѣкоугодниковъ, недостойныхъ иноческаго имени!... Не здѣсь, а тамъ за гробомъ, будетъ для всѣхъ и cadaго неумолимый судъ—всесильное дѣйствіе небесной правды. И здѣсь впрочемъ проявлялся иногда гнѣвъ Богоматери за нарушеніе подобнаго рода законоположеній Аѳонскихъ.—Въ 1837 г. прибылъ сюда поклоннической корабль, возвращавшійся изъ Палестины въ Константинополь съ Русскими, въ числѣ коихъ было нѣсколько женщинъ. Бурею ли занесло къ Аѳону, или съ цѣлію закатился этотъ корабль къ пристани Хилендарской, только тамошній Архимандритъ и братія, съ славянскимъ радушіемъ, въ родственныхъ чувствахъ приняли неожиданныхъ гостей; для нихъ отвели мѣсто въ прибрежныхъ кельяхъ, такъ называемаго стараго монастыря Хилендаря, и Архимандритъ не только имѣлъ слабость дозволить женщинамъ оставаться нѣсколько времени въ сосѣдствѣ съ своею обителію, но даже возводилъ ихъ на сосѣдственные холмы для обозрѣнія всей сѣверо-восточной части Аѳона, его эдемскихъ красотъ и нѣкоторыхъ пустынныхъ обителей, рисующихся по прибрежью Контессо. Видно, это страннопріимство было не пріятно для Царипы Небесной, потому что вскорѣ послѣ отбытія по-

клоннисть, въ томъ же 1837 г., открылась въ Хилендарѣ чума, отъ которой большая часть братства сдѣлалась очистительною жертвою за нарушение аскетическаго завѣта нашихъ пустынныхъ предковъ, законоположившихъ—не впускать сюда женщинъ, во избѣжаніе соблазнительныхъ преступныхъ думъ, при видѣ существъ, такъ увлекательныхъ по законамъ природы, такъ близкихъ нашему сердцу, что при одномъ ихъ видѣ оно бьется страстными чувствами, волнуется укоризненными мыслями.... Впрочемъ самъ Архимандритъ, бывшій виною этого нарушенія, остался живъ, но другая, гораздо ужаснѣе участь ждала его, при томъ внѣ обители, въ отдаленномъ краю его страдающей родины, въ Сербіи. Впослѣдствіи, послѣ опустошенія обители чумою, онъ отправился на свои мѣтохи или дачи, въ Молдавію и Сербію; на возвратномъ пути оттуда, разбойническій кинжалъ уложилъ его въ могилу на чуждой землѣ, въ дали отъ св. горы, отъ родственной Сербской братіи его. Архимандритъ былъ убитъ разбойниками. Такъ мнѣ рассказывалъ о Хилендарскихъ событіяхъ Русскій схимникъ Г... любимый послушникъ покойнаго О. А., или Князя С. А. Ш-ва. Все это случилось въ бытность уже Геронтія здѣсь на св. горѣ Аѳонской.

Вотъ современныя событія нашей горы, въ четырехлѣтнее мое отсутствіе много измѣнившейся въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Въ настоящую пору ожидаемый Паша уже прибылъ и остается пока на Карей, производя строгое слѣдствіе по доносу о порохѣ и огнестрѣльныхъ орудіяхъ. Говорятъ, что ни того ни другаго не нашелъ онъ ни на Карей, ни въ другихъ мѣстахъ св. горы. Это успокоило его, и онъ теперь издалъ свое собственное законоположеніе по этому пред-

*

мету. На нашъ Русикъ, по его свѣтлой волѣ, назначено 8 ружей и небольшая мортирка для привѣтствія вступающихъ сюда пришлецовъ—поклонниковъ, тогда какъ до нынѣшняго времени наша обитель имѣла для аргатовъ (рабочихъ и лѣсничаго) два только ружья; значить Паша не только не остался въ предубѣжденіи противу Русскихъ, но въ самомъ высококомъ успокоительномъ для насъ мнѣніи. Вообще объ этомъ сановникъ отзывается прекрасно, усвоивая ему благородный характеръ и вѣжливость обращенія; впрочемъ какой результатъ всего этого, — Богъ вѣсть. Полагаютъ, что убѣдившись лично въ спокойствіи св. горы, въ ея вѣрноподданническомъ повиновеніи Портѣ, Паша удалится отсюда, значить, по прежнему, иноки останутся въ полной свободѣ своихъ древне-отеческихъ положеній. И дай-то Господи!.... А то постоянное его жительство здѣсь со свитою, которая простирается до семидесяти чезовѣкъ, можетъ быть чрезвычайно отяготительно для св. горы, которая, по силѣ уложенія Турецкаго правительства, обязана содержать на собственномъ иждивеніи всѣхъ этихъ Турковъ. Незнаю, что изъ всего этого выйдетъ. Дай Богъ, чтобъ мы остались на прежнихъ иноческихъ правахъ, а главное, чтобъ здѣшніе проэстосы поняли свое загробное предназначеніе, оставшись вѣрными своимъ иноческимъ обѣтамъ, и свято слѣдовали убѣжденіямъ своей юридической совѣсти при разсудахъ въ протатѣ. Ихъ легкомысліе, близорукая недалновидность, оставляя грустное впечатлѣніе на истинно-иноческихъ сердцахъ, бывають для св. горы чрезвычайно опасны. Не такъ давно умеръ здѣсь одинъ изъ Турковъ; когда хотѣли зарыть его на участкѣ земли одного изъ богатыхъ монастырей, проэстосы закапризились, считая смертнымъ

грѣхомъ, ни чѣмъ неизвинительною съ своей стороны слабостью, дозволить зарыть въ могилу здѣсь на св. горѣ трупъ нечестиваго отверженника небесъ.... Чтожъ изъ этого вышло? Турецкій ага, взбѣшенный капризами проэстосовъ, поклялся своимъ Пророкомъ, — во что бы ни стало, — испросить у правительства дозволеніе выстроить на св. горѣ, среди Христіанскихъ православныхъ обителей, Турецкую мечеть надъ прахомъ того самаго Турка, изъ за котораго возникло столько непріятностей.... Спихватились, да поздно, бѣдные проэстосы!!.

Богъ вѣсть, что изъ всего этого выйдетъ...

1851 г. Апрѣля 16 дня.

Св. гора Аѳонская.

Космодамиановская пустыня
близъ Русика.

ЭСФИГМЕНО-ВОЗНЕСЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ

На святой горѣ Аѳонской.

Монастырь, именуемый Эсфигменѣнъ, принадлежитъ къ числу общежительныхъ обителей св. горы Аѳонской. Ктиторы или основатели его суть Императоры Греческіе: Θεодосій младшій, Маркіанъ и сестра перваго Царица Св. Пульхерія, которая въ 445 г., создавши монастырь, даровала ему безцѣнное сокровище — довольной величины часть Животворящаго Древа Креста Господня; другіе же Императоры Греческіе прислали нѣсколько мощей святыхъ, въ числѣ коихъ особенно замѣчательны: глава св. Апост. Іакова Алѣеова и часть Св. Равноапостольныя Маріи Магдалины — правая нога ея. Не такъ давно одинъ изъ современныхъ патріарховъ Константинопольскихъ, по просьбѣ Эсфигменской братіи, препроводилъ въ Эсфигменскій монастырь часть мощей Св. Агаангела, новаго Преподобномученика, пострадавшаго отъ Турковъ (*).

(*) Авторъ писемъ съ востока такъ описываетъ страданія сего новаго мученика: «Св. Агаангелъ, увлеченный въ отроческихъ лѣтахъ въ исла- мизмъ, убѣжалъ въ послѣдствіи, по достиженіи 19-ти лѣтнаго возраста,

Эсфигменонъ въ русскомъ переводѣ значить утѣшенный, потому что рѣшительно со всѣхъ сторонъ, исключая восточной, онъ сжатъ сосѣдственными высотами и выдвинутъ въ море, которое съ шумомъ и ревомъ, во время волненія, бьется о хладную низменную скалу, на которой онъ нѣкогда красовался оплотами своихъ стѣнъ, отъ древности угрожающихъ нынѣ совершеннымъ паденіемъ, особливо съ сѣверной стороны. Отъ сосѣдственнаго монастыря Ватопеда Эсфигменонъ отстоитъ на три, а отъ Карей на шесть часовъ ходу. При западной стѣнѣ его расположенъ виноградный фруктовый садъ, а за стѣною масличный. Къ этой же (стѣнѣ) сторонѣ монастыря направлены водопроводы изъ отдаленныхъ горныхъ ключей.

Въ отношеніи къ Россіи, Эсфигменскій монастырь замѣчателенъ тѣмъ, что здѣсь полагалъ начатки иноческихъ подвиговъ Препод. Антоній Печерскій, въ послѣдствіи отшельникъ Кіевскій и первый основатель въ Россіи монашескихъ подвиговъ,—пещера котораго,

на св. гору въ Эсфигменскій монастырь, чтобы оплакать свое невольное отреченіе отъ Иисуса Христа. Онъ возлагалъ на себя самые тяжкіе подвиги, принималъ схиму и пребывалъ постоянно въ постѣ и молитвѣ, но ничто не могло успокоить его совѣсти, и даже многія видѣнія призывали его къ мученичеству. Наконецъ онъ рѣшительно объявилъ настоятелю, что идетъ въ Смирну исповѣдать гласно Христа на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ отъ Него отрекся. Съ нимъ вмѣстѣ отпустили и духовнаго отца его, чтобы онъ могъ утѣшить его напутствованіемъ. И дѣйствительно, юноша мужественно исповѣдалъ Господа Иисуса предъ цѣлымъ Смирнскимъ Диваномъ. Являсь сначала въ одеждѣ Турецкой, Агаангель сбросилъ оную съ себя, попралъ чалму и громко возгласилъ, что силою Креста сокрушатся всѣ враги Христовы. Напрасно старались ласками пристыженные и разгнѣванные имамы склонить его ко вторичному отреченію. Исповѣдникъ, вверженный въ темницу, повторялъ до послѣдней минуты: «Христіанинъ есмь,»—и въ присутствіи цѣлаго города отсѣчена была честная глава его. Христіане и самые Турки омочили кровію его платки свои, какъ бывало въ первыя времена мученичeskія, и св. мощи были тайно увезены.»

не вдалекѣ отъ своего монастыря къ сѣверу, на горѣ Самарской, изсѣчена въ прибрежной скалѣ; предъ пещерою развита гладкая площадка и обнесена каменною легкою загородкою, вровень съ главною пещерою. Кромѣ ея есть другая тѣснѣе и нестройнѣе первой; въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда отстоитъ отшельническая двухъ-этажная келейка: сѣверовосточный уголъ этой келейки треснулъ отъ подземнаго удара и отвалился. Въ ней теперь престарѣлый подвижникъ оканчиваетъ свой подвижническій вѣкъ.

Пещера Препод. Антонія ничего не измѣнила въ себѣ, со времени ея первоначальнаго обитателя, развѣ строгую постель его, которая теперь замѣнена новыми дощечками подвизающимся въ оной пустынноикомъ. Видъ отъ пещеры на востокъ чрезвычайно восхитителенъ; пустыня единственная во всѣхъ отношеніяхъ своего аскетическаго достоинства. Здѣсь не возмутимая тишина, удаленіе не только отъ свѣта, но и отъ самыхъ инокѣвъ. Видно, что Препод. Антоній въ выборѣ иноческаго уединенія имѣлъ самый чистый взглядъ, что оправдываетъ и Кіевская его пустыня и живописныя красоты Кіевскихъ горъ. Пещера Преподобнаго Антонія обратила на себя вниманіе и высокаго поклонника святогорскимъ святынямъ, Великаго Князя Константина Николаевича, — и въ настоящую пору надъ оною во имя Преподоб. Антонія, посильными спосѣшествованіями благочестивыхъ Россіянъ, устроена прекрасная небольшая церковь, которая и освящена 10 Юля 1850 г. Преосвященнымъ Епископомъ Аноимомъ, не такъ давно поселившимся на Эсфигменѣ — на покой послѣ трудовъ епархіальнаго управленія. Долго ли оставался на Аѳонской горѣ и въ этой пещерѣ Пр. Антоній, положительныхъ свѣдѣній нѣтъ; извѣстно только, что

онъ сюда прибылъ и поселился въ горной пещерѣ близъ монастыря въ исходѣ X. в., при игуменѣ Феоктистѣ. Два раза Пр. Антоній странствовалъ отсюда, по благословенію своего настоятеля, и наконецъ Богъ вызвалъ его изъ здѣшней сокровенной пустыни на Кіевскія горы, чтобы оттуда разлить свѣтъ аскетической жизни на всѣ страны обширной и благословенной Россіи.

Такимъ образомъ Аѳонская гора, въ лицѣ первоначальника великой иноческой семьи, св. Антонія Печерскаго, передала Россіянамъ таинства созерцательной жизни аскетичества и ея строгія законоположенія. Между тѣмъ и Россія, съ своей стороны, въ чувствѣ своего долга и признательности, всегда пребывала во взаимности духовнаго общенія съ Аѳонскою горою, постоянно благодѣтельствовала и благодѣтельствуетъ ей; чему вѣковымъ доказательствомъ служатъ царскія грамоты, едва не во всѣхъ монастыряхъ имѣющіяся нынѣ. Но изъ всѣхъ обителей Русикъ и Эсфигменонъ пользуются въ настоящее время особеннымъ сочувствіемъ Россіи къ ихъ стѣснительному положенію; можно надѣяться и думать, что со временемъ еще болѣе сблизится св. гора съ Россіею. Самыя покушенія запада разъединить между собою Востокъ и благословенный Сѣверъ, увлеченіемъ перваго къ папизму, крѣпче и сильнѣе прежняго должны связывать духомъ любви Христовой и Апостольскаго единенія двухъ сестеръ—Греческую Церковь и Россійскую, оплотомъ коихъ была, въ свое время, въ лицѣ дивнаго Паламы и Максима Грека, и св. гора Аѳонская.

Современное положеніе Эсфигмена, по милости Божіей и по внимательности къ нему Россіи, чувствительно улучшается, особенно съ тѣхъ поръ, какъ съ

Высочайшаго соизволенія и благословенія Св. Синода дозволено было прибыть за сборомъ въ Россію теперешнему настоятелю его, Архимандриту Агаѳангелу. Надобно впрочемъ замѣтить, что Эсфигменскій монастырь и въ древности пользовался особеннымъ покровительствомъ Греческихъ Императоровъ, и въ послѣдствіи оставался предметомъ Царственного вниманія Русскихъ великихъ Князей и Царей. Благочестивый Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ своею царскою грамотою не только дозволилъ въѣздъ въ Россію настоятелямъ этой обители, чрезъ каждыя пять лѣтъ, за сборомъ доброхотныхъ подавій, но во многихъ отношеніяхъ облегчалъ самый путь въ Россію, такъ отдаленный и трудный. Эта грамота во всей своей силѣ возобновлена Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ и остается вѣковымъ памятникомъ внимательности Россіи и ея Державныхъ Вѣнценосцевъ къ судьбамъ Эсфигменской обители, близкой сердцу каждаго Русскаго въ томъ отношеніи, что въ ней положилъ начало подвижнической жизни Препод. Антоній Печерскій. Такимъ образомъ какъ Русскій Пантелеймоновъ и многіе другіе изъ аѳонскихъ монастырей пользовались царскими милостями и внимательностію Россіи, такъ въ томъ числѣ и Эсфигменовъ. Наступили времена смутъ и политическихъ тревогъ на Востокъ. Порта неоднократно находилась въ непріязненномъ отношеніи къ Россіи и въ разрывѣ съ нею, почему и не было возможности инокамъ св. горы Аѳонской въѣзжать въ Россію для сбора, такъ что наконецъ прежнія поѣздки остались только въ преданіи и въ свѣтлыхъ воспоминаніяхъ для тѣхъ обителей Аѳонскихъ, которыя, въ числѣ своихъ историческихъ актовъ, имѣли и царскія грамоты Русскихъ Царей. Слѣдствіемъ сего было то, что нѣкоторыя оби-

тели Аѳона, въ особенности Русикъ и Эсфигмень, пришли въ совершенный упадокъ и запустѣніе. Эти два монастыря оставались въ самомъ стѣснительномъ положеніи, въ особенности въ исходѣ прошедшаго вѣка. Послѣдній до такой степени былъ бѣденъ и жалокъ, что изъ числа всего братства, до толѣ многочисленнаго, едва оставалось болѣе трехъ иноковъ. Среди-то подобнаго запустѣнія Эсфигмена, коего соборная церковь совершенно обрушилась, посреди полуразрушившихся стѣнъ монастыря, Богъ послалъ, въ лицѣ Солунскаго Митрополита Данила, удалившагося сюда на покой, возобновителя сокрушенныхъ твердынь обители и строгихъ законоположеній общежитія.

Преосвященный Данилъ, при содѣйствіи и пособіяхъ Кассандрійскаго Архіепископа Игнатія, соорудилъ здѣсь вновь соборную церковь, во имя Вознесенія Господня, и съ той поры Эсфигменонъ мало по малу началъ возникать изъ своего стѣпующаго вида и постепенно преобразовываться многими образцами строгой киновіятской жизни.

Такъ продолжалось до 1845 г. Въ это время св. гора Аѳонская была осчастливлена пріѣздомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, который, посѣтивъ Эсфигменскую обитель, не оставилъ безъ вниманія и той пустынной скалы, въ которой изсѣчена пещера, и которая оставалась и останется на всегда памятникомъ и свидѣтельницаю постническихъ трудовъ Пр. Антонія Печерскаго, въ честь коего надъ этою пещерою, какъ было сказано выше, воздвигнута во имя его церковь. На этотъ собственно предметъ, т. е. на окончательное сооруженіе и украшеніе церкви надъ пещерою Св. Антонія, равно какъ на исправленіе разрушивших-

ся стѣнъ монастырскихъ, возовновленіе церквей, и для другихъ многосложныхъ нуждъ монастырскихъ, Высочайше дозволено было помянутому Архимандриту Ага-ангелу прѣхать въ Россію для сбора доброхотныхъ подаяній, и онъ, по полученіи таковаго дозволенія, прибылъ въ 1847 г. въ Россію, взявъ съ собою Живо-творящее Древо Креста Господня, пожертвованное въ монастырь святою его основательницею—Пульхе-рією. Совершивъ свое дѣло и возвратившись на Аео-нскую гору, онъ, конечно, завѣщаетъ обители Эсфи-менской глубокое чувство признательности къ Россіи, за ея родственное участіе въ судьбахъ сего монасты-ря, и благочестивые обитатели ея, въ тихомъ уедине-ніи на прибрежныхъ скалахъ Эсфигмена, въ пещерѣ Пр. Антонія, что на горѣ Самарской, и въ церкви, во имя его надъ оной воздвигнутой близъ Эсфигмен-ской обители, и въ самыхъ ея священныхъ стѣнахъ не престанутъ возносить теплыя мольбы къ Богу о бла-годенствіи Россіи и за cadaго, кто только внесъ и впредь пожелаетъ внести свое имя и своей родствен-ной семьи, равно и представлявшихъ его ближнихъ, въ монастырскій синодикъ, и молить, да не оскудѣетъ и впредь въ отечествѣ нашемъ христіанское общеніе со св. горою Аеоною, всегда вѣрною своему аскетич-ескому назначенію и неприкосновенной чистотѣ Во-сточнаго Православія. (Изъ Воскреснаго Чтенія 1851—1852 г. № 14.)

ПИСЬМО СВЯТОГОРЦА

Къ одному изъ редакторовъ Сѣверной Пчелы, изъ Константинополя, отъ 23-го Февраля 1851 года.

Здравствуйте! Я, по милости Божіей, уже въ Константинополѣ, и спѣшу благодарить васъ, прежде нежели буду на Аѳонской горѣ, за драгоценный подарокъ вашъ монастырю Русику. Вы не можете себѣ представить моего сердечнаго удовольствія въ первыя минуты, когда мнѣ подали нѣсколько пакетовъ со вложеніемъ Сѣверной Пчелы, пожертвованной вами для нашего Русскаго общества. Мысль, что мы теперь и вдали отъ милой родины, безъ всякихъ отношеній къ міру политическому и къ его замѣчательнымъ событіямъ и переворотамъ, будемъ знать о нихъ,—эта мысль чрезвычайно утѣшительна, не смотря на строгость нашего пустыннаго отреченія отъ всѣхъ излишествъ жизни и связей съ вашимъ волнующимся міромъ. Но если я радъ Сѣверной Пчелѣ, такъ въ особенности радъ потому, что въ ней и чрезъ нее получу и буду получать постоянно свѣдѣнія о Царственномъ Домѣ нашего Батюшки Государя Николая Павловича и о всей вообще Россіи. Вы сами знаете, что давая строгіе

обѣты аскетичества, мы никогда не отрекались и не отрекаемся отъ чувства сладкой любви и вѣрноподданническаго служенія Царю и Отечеству всѣмъ, что только возможно съ нашей иноческой стороны, по законоположеніямъ церкви: какъ же послѣ этого не дорожить свѣденіями обо всемъ, что дѣлается въ Россіи и съ Россією, и въ какомъ положеніи политической міръ, чтобы знать, чего для нея вымаливать у Бога, и чего ей сердечно желать. въ простотѣ иноческаго сердца? Читая Сѣверную Пчелу, каждое событіе въ Державной Семѣ нашего Батюшки—Царя мы будемъ принимать съ родственнымъ Русскимъ чувствомъ, и дѣтски молиться Богу обо всемъ, что необходимо для блага Россіи, для ея славы и величія и на радость ея Мудраго Вѣнценосца,—обо всемъ, что не зависитъ отъ произвола и силъ человѣческихъ, а дается только небомъ, и что низводится съ него молитвою и страдальческими слезами. Вотъ съ какой стороны я смотрѣлъ и смотрю на вашъ драгоценный подарокъ, и вотъ почему особенно интересуется меня ваша Сѣверная Пчела. Разумѣется, въ ней много и мірскихъ дѣлъ, несвойственныхъ пустынному аскетичеству, но мы, подобно вашей Пчелѣ или Пчелкѣ, хорошее и нужное для насъ будемъ принимать къ сердцу, а на остальное смотрѣть хладнокровно, сквозь пальцы. Что же касается до меня, нечего грѣха таить, я всегда и съ сердечнымъ наслажденіемъ читалъ и читаю *Всякую Всячину* вашего задушевнаго друга, а моего знакомаго О. В. Булгарина. Я его отъ души любилъ и люблю, уважаю и прошу отдать ему, при свиданіи, мой иноческій поклонъ.

А бывали ли вы въ Константинополѣ? Если не бывали, крайне жаль! Я уже третій разъ странствую по его узкимъ, неправильнымъ и грязнымъ улицамъ, и

всегда съ новыми чувствами обозрѣваю его сѣтующія развалины. При каждомъ новомъ взглядѣ на эту сокрушенную столицу Востока, много остается на душѣ впечатлѣній неизъяснимо—пріятныхъ, а вмѣстѣ и меланхолическихъ. Константинополь, кажется, могъ бы сильно воодушевить и покойнаго Пушкина, взбурлить его поэтическую мысль, и вызвать изъ его пламенныхъ звуковъ что-нибудь поживѣ Бахчисарайскаго Фонтана или Кавказскаго Плѣнника..... Но тотъ же самый Константинополь, въ одно и тоже время, могъ бы навестить и на сердце маститаго Жуковскаго такую тоску и меланхолическое чувство, что иногда онъ увлекся бы снова фантастическими видѣніями своей музы, и сильнѣе прежняго предался бы ей вдохновенію. Вѣсьма жаль, если и вы не были въ Константинополѣ. Писать о немъ, и со всѣми подробностями, я не считаю нужнымъ, потому что объ этой столицѣ изнѣженнаго Востока, по отношенію къ Туркамъ, уже много писано и переписано, такъ что мои очерки показались бы вамъ слишкомъ слабыми и незанимательными. Скажу только, что каждый разъ меня чрезвычайно занимаетъ мѣстоположеніе Константинополя и его живописныя окрестности. Здѣсь все дышитъ поэзіею Востока. Сегодня я грустно бродилъ на одномъ изъ мусульманскихъ кладбищъ, подъ тѣнью кипарисовъ, и мысль моя невольно носилась въ безконечномъ пространствѣ загробнаго міра.

Но простите, я заговорился.

Не такъ давно чиновники Русскаго Посольства были въ Софійскомъ храмѣ; жаль, очень жаль, что я не успѣлъ къ тому времени: я не видалъ еще Софіи во всѣхъ частяхъ ея внутренняго расположенія, и мнѣ больно, что до сихъ поръ я не имѣлъ и не имѣю къ тому ни средствъ, ни возможности.

Когда будетъ мнѣ скучно на св. горѣ, я вспомню о васъ при чтеніи Сѣверной Пчелы, и во всѣ страны поднебесной полетитъ моя мысль на ея легкихъ крыльяхъ.... Еще разъ прощайте!

Преданный вамъ Святгорецъ І. Серафимъ. (Сѣверная Пчела 1851 г. № 65.)

ПИСЬМО СВЯТОГОРЦА СЪ ГОРЫ АЕОНСКОЙ

КЪ ОДНОМУ ИЗЪ ИЗДАТЕЛЕЙ СЪВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ.

Христось воскресе!

Тогда какъ вы, среди постоянныхъ развлеченій столичной жизни, или въ труженическихъ занятіяхъ дома, въ своемъ ученомъ кабинетѣ, потеряли уже изъ виду странствующаго Святогорца, Святогорецъ, вѣрный своему ищческому долгу и чувствамъ сердечной привязанности къ нѣкоторымъ изъ литературныхъ знаменитостей нашего времени, признательно помнитъ васъ на святой горѣ Аѳонской, и при каждомъ полученіи пакетовъ (а полученія рѣдки) съ Сѣвѣрною Пчелою, молитвенно приговариваетъ: «спасибо Николаю Ивановичу! Да спасеть его Господь!» Изъ этого вы можете догадаться, что я уже на безцѣнномъ для меня въ аскетическомъ отношеніи Аѳонѣ, и что Сѣвѣрная Пчела, хотя и не въ свое время и рѣдко, но все таки доставляется сюда въ совершенной исправности, впрочемъ такъ, что при нѣсколькихъ пакетахъ одинъ или два всегда бывають распечатаны, вѣроятно или въ Турецкой таможнѣ, или въ здѣшнемъ Аѳонскомъ судѣ, для узнанія что въ нихъ заключается.

Изъ Константинополя я писалъ вамъ, значить вы знаете, когда я былъ тамъ, что чувствовалъ, и какія грустныя впечатлѣнія произвелъ онъ на мое сѣтующее сердце. Надобно же послѣ того сказать вамъ и объ остальномъ пути моемъ до святой горы.

3-го Марта, въ четыре часа вечера я оставилъ Константинополь, и на Австрійскомъ пароходѣ, подъ эпископомъ «Императоръ», отправился въ Солунь. Со мною вмѣстѣ было нѣсколько Старооскольскихъ поклонниковъ, о которыхъ напечатано въ Сѣверной Пчелѣ въ прошедшемъ 1850 г., что они отправляются въ числѣ двадцати человекъ, что везутъ съ собою на Аѳонскую гору иконостасъ, и что въ числѣ ихъ есть живописцы. Не знаю, кто передалъ эти свѣдѣнія о Старооскольцахъ къ вамъ въ редакцію; но знаю, что свѣдѣнія не совсѣмъ полны, потому что, кромѣ живописца, между ними есть прекрасныя пѣвчіе (шесть человекъ). Часть этихъ путешественниковъ уже на Аѳонѣ, а живописецъ и пѣвчіе со мною. Можете послѣ этого представить, какъ весело мое странствіе въ дружной толпѣ подобнаго рода! Да, я очень радъ моимъ спутникамъ, и благодарю Бога за утѣшеніе, которое Онъ далъ мнѣ въ нихъ и въ ихъ гармоническомъ пѣніи, доставлявшемъ удовольствіе и нашему Посольству въ Константинополь. Когда наступило время нашего отбытія на пароходъ, Русскій купецъ, Г. Новиковъ, постоянно пребывающій въ Константинополь по торговымъ дѣламъ, не хотѣлъ насъ оставить, и поѣхалъ съ нами, для того, чтобъ еще послушать Русскихъ пѣвчихъ, и тамъ уже на пароходѣ сказать намъ разлучное прости!

Чтожь бы спѣть теперь? спрашивали пѣвчіе другъ друга, усаживаясь на каикъ для отбытія къ пароходу,

и послѣ взаимнаго вопроса наконецъ единодушно всѣми положено пропѣть: «Боже, Царя храни!»

И пѣвчіе хорально запѣли этотъ Русскій гимнъ. Растроганный до слезъ мелодическими звуками роднаго напѣва и сладкимъ чувствомъ вѣрноподданнической любви къ Великому Николаю, я не сводилъ моихъ сътующихъ глазъ съ великолѣпно рисующагося въ Перѣ, надъ Золотымъ Рогомъ, въ виду плѣнной Софіи, дворца нашего Русскаго Посольства, и свѣтлая мысль носилась далеко въ минувшемъ, и погружалась въ таинственную даль грядущаго. Не знаю, оглашались ли когда Золотой Рогъ, Босфоръ и живописные холмы Перы и Стамбула нашу Русскою, прямо Русскою пѣсню, которая теперь въ своихъ трогательныхъ звукахъ отзывалась на нихъ! Признаюсь, я былъ сильно растроганъ, и, по отношенію собственно ко мнѣ, считалъ эту пѣснь прощальною моею пѣсню Россіи и ея Великому Царю, потому что, если Богъ благоволитъ, я ѣду на Аѳонъ уже съ тѣмъ, чтобъ тамъ уложить мои усталыя кости въ могилу на вѣчный сонъ. Да, я оставилъ моихъ друзей и Россію, и никогда уже не дышать мнѣ при нихъ и съ ними воздухомъ родимаго Сѣвера, и не видать прекраснаго неба на вѣки оставленной отчизны! Съ этими чувствами, въ глубокомъ раздумьѣ, внималъ я пѣсни «Боже, Царя храни,» и втайнѣ отъ всѣхъ сердечно молился о безцѣнномъ сердцу Русскому Николаѣ и о Ею Россіи, до тѣхъ поръ, пока не перешелъ изъ легкаго каяка на дымившійся пароходъ. Здѣсь прощаніе съ Г. Новиковымъ, а потомъ и письмо отъ одного изъ друзей, поданное уже на пароходѣ, вновь сблизили меня съ Россією, и воскресили въ моей памяти золотое, невозвратимое уже для меня время.

Отъ Константинополя до святой горы два пути: па-

роходомъ чрезъ Солунъ, и простымъ судномъ прямо къ Русуку. Я избралъ себѣ первый, какъ вы видите изъ настоящаго письма моего,—и 5-го Марта, въ полдень, былъ уже въ Солуни.

Солунъ, или правильнѣе Фессалоники, городъ историческій, портовой и самый грязный и толкучій. Вы знаете изъ моихъ Аѳонскихъ писемъ, что въ Солуни нашъ Русикъ имѣетъ свой собственный метохъ, или подворье, гдѣ мы и размѣстились для двухдневнаго отдыха. Въ теченіе этого времени я успѣлъ обозрѣть нѣкоторыя части города, и увидать нѣсколько церквей и мечеть, которая *во время оно* была знаменитымъ храмомъ Святаго Великомученика Димитрія Муроточиваго.

Характеръ церковныхъ зданій на Востоку вездѣ одинаковъ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличается отъ Русскаго, сближающагося съ Италіанскимъ, но не теряющаго слѣдовъ Византійскихъ формъ, величественныхъ и невольно наводящихъ на сердце мысль присутствія во святилищѣ Существа неземнаго, Существа невидимаго... Храмъ Великомученика Димитрія въ свое время былъ чрезвычайно великолѣпнъ, и даже по нынѣ не утратилъ рѣзкихъ слѣдовъ своего древняго величія, не смотря на то, что архитравъ алтаря весь исписанъ стихами корана, и мѣсто архіерейской кафедры замѣщено формою Турецкаго имама. Какъ впрочемъ ни изуродованъ этотъ храмъ, какъ ни глубоко сглажены Турками всѣ символы Христіанскаго зодчества, но и теперь еще на капителяхъ, вѣнчающихъ роскошныя колонны, идущія въ два ряда вдоль всего святилища, отъ притвора до самаго алтаря, видны кресты—память давно минувшихъ вѣковъ христіанскаго здѣсь владычества. Мощей Святаго Великомученика нѣтъ, а его могила, хотя и въ рукахъ невѣрныхъ, но

по сіе время доступна для посѣгителей—христіанъ; она находится въ сѣверозападномъ оконечникѣ храма, въ темной и нестройной комнатѣ, въ родѣ саркофага. *Память праведнаго съ похвалами*, изрекъ Премудрый, и какъ вѣрно это изрѣченіе! Не смотря на то, что Востокъ сокрушенъ и подавленъ Магометанами, и большая часть христіанскихъ храмовъ обращена въ чтилица корана, какъ и храмъ Святаго Великомученика Димитрія, не только сохранилась свято и хранится память его страдальческихъ подвиговъ, самая даже могила остается подъ охраненіемъ жалкаго магометанина, который, самъ не понимая, съ чего, по какой непреложной судьбѣ, теплитъ неугасимую лампаду въ честь чуждаго ему праведника, и украшаетъ священный гробъ его не роскошною, но приличною пеленою... Съ грустнымъ и скатымъ сердцемъ обозрѣлъ я великолѣпное святилище Солунскаго Муроточца, и, оградясь крестнымъ знаменіемъ, вступилъ въ его могильный затворъ. Едва видный и замирающій огонекъ неугасимой лампы разливалъ слабый свѣтъ надъ гробомъ дивнаго страсотерпца, и наводилъ невыразимую тоску на мое странническое сердце. Долго и молча смотрѣли мы на его скромную могилу, и, по земномъ колѣнопреклоненіи предъ нею, взяли изъ нея, на память и въ освященіе, нѣсколько праха. На гробовой плитѣ, накрытой тканью чернаго цвѣта, поставлена тарелка для вкладовъ на масло—для освѣщенія могилы; молча положили мы на нее по нѣсколько паръ (*) и съ глубокимъ вздохомъ и съ чувствомъ раболѣпнаго благоговѣнія предъ непостижимостію Божественныхъ судебъ, положившихъ на всѣ святилища Востока и на этотъ

(*) Турецкая мелкая монета.

гробъ праведника вѣковую печать уничиженія, удалились отъ него, не тревожа его мертвой тишины докучными мольбами. При нашемъ выходѣ изъ храма Святаго Великомученика Димитрія, водившей насъ Турокъ предложилъ намъ видѣть хоры его, или горнее отдѣленіе, гдѣ, по восточному обычаю, помѣщались во время церковныхъ службъ женщины,—но мы отказались отъ этого предложенія, потому что сердце сильно было потрясено грустными впечатлѣніями и билось непріязненнымъ чувствомъ противу неистовства исламическаго, представителемъ котораго, въ настоящее время, былъ для насъ этотъ самый Турокъ, стражъ мечети, нѣкогда носившей на себѣ свѣтлое и божественное имя христіанскаго святилища. Надобно полагать, что главный входъ во храмъ Святаго Великомученика уничтоженъ Турками, потому что настоящій и крайне тѣсенъ, и небрежно устланъ дикимъ камнемъ, и что онъ, то есть входъ, долженъ быть съ запада. Тамъ, въ западномъ оконечникѣ храма, слѣва, я замѣтилъ вверху какую-то Греческую надпись, но ее трудно разобрать безъ приставки лѣстницы, и, какъ ни пламенно желалъ вникнуть въ ея значеніе, удалился въ надеждѣ, или самому современемъ добиться того, или видѣть ея списокъ въ какомъ нибудь изъ современныхъ путешествій. Не помню, замѣтилъ ли ее А. Н. Муравьевъ, но если и онъ упустилъ ее изъ виду, конечно А. С. Норовъ будетъ внимательнѣе другихъ къ археологическимъ памятникамъ подобнаго рода, если только Богъ положитъ ему на сердце мысль и желаніе посѣтить снова Востокъ и нашу гору, которой онъ не имѣлъ удовольствія обозрѣть въ прошедшій разъ.

Изъ храма Святаго Великомученика Димитрія насъ

провели въ митрополичью церковь, гдѣ покоится знаменитый поборникъ таинъ духовной жизни, въ отношеніи къ умной или сердечной молитвѣ, Святый Григорій Палама, бывшій Архіепископъ Солунскій. Мимоходомъ, въ одной изъ тѣсныхъ и грязныхъ улицъ города, проводникъ указалъ намъ остатки миеологическѣ изваяній, относимыхъ туземцами ко времени царствованія Римскаго Императора Максиміана. Въ настоящее время этотъ памятникъ языческой старины входитъ въ составъ Еврейскаго зданія, и, къ сожалѣнію, очень изуродованъ. Восемь мраморныхъ фигуръ, какъ замѣтно прекраснаго рѣзца, частію изображающихъ парящихъ геніевъ, вѣроятно украшали собою или портикъ, или другое зданіе, а иногда и какое нибудь изъ чтилищъ безсмысленнаго язычества.

Митрополичья церковь довольно просторна, и, судя по настоящему страдальческому положенію Востока, даже великолѣпна. Лучшимъ украшеніемъ ея служатъ нетлѣнные останки Святаго Григорія Паламы; самая гробница или рака, гдѣ они покоятся, не что иное, какъ просто сбитый изъ досокъ ящикъ. Слишкомъ занятый таинственными судьбами Восточной Церкви, при минутномъ созерцаніи разнообразныхъ событій жизни Святаго Григорія, я совершенно забылъ спросить у открывавшаго намъ гробницу епископа, есть ли другая рака, болѣе достойная настоящей, для покоя святительскихъ останковъ дивнаго Паламы, и теперь жаль этого.

Жизнь Святаго Григорія хотя и прекрасно изложена въ нашей Четіи-Миней Святителемъ Христовымъ Димитріемъ, но у Грековъ она гораздо полнѣе и удовлетворительнѣе. Если Богъ благоволитъ и буду живъ, при составленіи мною Аѳонскаго Патерика, я поста-

раюсь дополнить пропуски въ біографіи этого угодника, потому что онъ много времени, прежде своего святительства, провелъ здѣсь, на Аѳонѣ, въ аскетическихъ занятіяхъ, и считается однимъ изъ самыхъ пламенныхъ защитниковъ созерцательной жизни и такъ называемаго умнаго дѣланія.

Сколько я ни видалъ до нынѣ церквей на Востокѣ, но ни въ одной изъ нихъ не случилось замѣтить архіерейской кафедры въ западномъ оконечникѣ храма. Обыкновенное ея мѣсто всегда и вездѣ у праваго клироса и подъ высокимъ рѣзнымъ балдахиномъ; но въ здѣшней митрополичьей церкви она устроена при западной стѣнѣ, и отдѣляется отъ церковнаго помоста нѣсколькими ступенями, притомъ сложена изъ камня и открыта съ трехъ сторонъ. Ея устройство въ видѣ лобнаго мѣста. Какъ и почти вездѣ на Востокѣ, женское отдѣленіе отгорожено съ лѣвой стороны мелкою рѣшеткою.

Митрополичій домъ, судя по бѣдности и утѣсненіямъ іерархическихъ властей на Востокѣ, очень хорошъ; онъ вытѣсненъ къ самому побережью залива, и имѣетъ значительный участокъ земли для засѣва хлѣба и для огородныхъ нивъ. Самаго Митрополита мы не хотѣли беспокоить своимъ посѣщеніемъ.

Кромѣ этихъ замѣчательныхъ церквей въ Солуни, то есть Церкви Святаго Великомученика Димитрія и митрополичей, есть еще монастырь Преображенія, такъ называемый Чаушъ, на самомъ возвышенномъ и живописномъ пунктѣ города, близъ западной его крѣпости. Тамъ хранится небольшая часть будто-бы той заветной чаши, которую преподавъ, на Тайной Вечери, Господь ученикамъ своимъ, глаголя: *сія чаша* и проч. (Лук. XXII, 20).

Дѣйствительность этого памятника Тайной Вечери не подтверждена никакими историческими актами, и остается только вѣроятною по истекавшимъ отъ нея цѣлительнымъ силамъ и по мѣстнымъ о ней преданіямъ. Жаль только того, что останокъ этой заветной чаши теперь обложенъ серебромъ и совершенно скрытъ, такъ что нельзя видѣть и знать, изъ чего она сдѣлана и какой металлъ или какое дерево освящено было первоначальнымъ совершеніемъ въ немъ одного изъ Божественныхъ Таинствъ Христовой Церкви. Такимъ образомъ мы были лишены утѣшенія видѣть дѣйствительную чашу, и довольствовались только сердечною вѣрою въ ея чудесную силу, напившись изъ нея освященной воды.

Монастырь Чаушъ занимаетъ единственное мѣсто по своей красотѣ, по глубокому своему уединенію и по живописнымъ видамъ необозримой дали. Сохраняется преданіе, что монастырь Преображенія пощаженъ Турками въ слѣдствіе его убѣжденій упорныхъ Грековъ и сильнаго съ своей стороны содѣйствія къ мирной сдачѣ города грозному Баязету, когда его легучіе отряды со всѣхъ сторонъ осадили Солунъ и напавалъ громами потрясенныя твердыни его охранительныхъ стѣнъ. Несчастные жители своими собственными очами видѣли опасность своего положенія, и не надѣясь отразить отъ стѣнъ своихъ могучихъ Турокъ, приняли совѣтъ иноческій, въ предотвращеніе излишняго кровопролитія, и безусловно сдались врагамъ своимъ, которые, узнавъ дѣйствія обители въ пользу ихъ, прежде всего, по вступленіи въ мирно сдавшійся Солунъ, озаботились огражденіемъ ея отъ неистовства и расхищеній, и тотчасъ ввели туда охранительную стражу. А названіе Чаушъ, по замѣчанію престарѣлаго

даскала Леонтія, отъ котораго я заимствовалъ эти частныя свѣдѣнія о монастырѣ, усвоено ему, всего вѣроятнѣе, отъ имени главнаго вождя Баязетовыхъ отрядовъ, вступившихъ въ Солунь и оградившихъ собою неприкосновенность святой обители. Чаушъ господствуетъ надъ всѣмъ грязнымъ и сѣтующимъ Солунемъ; голубыя равнины залива разстилаются въ виду его на значительное пространство, такъ что здѣсь можетъ сладко отдохнуть странническая мысль, послѣ впечатлѣній тревожныхъ и грустныхъ, при видѣ исламическихъ полукружій луны, вѣнчающихъ Солунскія чтилища корана....

Соборъ обители очень скромень, и самая обитель въ какомъ-то безжизненномъ положеніи, потому что, при появленіи нашемъ, встрѣтилъ насъ самъ игумень и какой-то Болгаръ калогерь, а болѣе ни одной живой души иноческой въ стѣнахъ ея... Среди гробовой тишины и безмолвія, только бурный потокъ, пробивающійся сквозь самую обитель, однообразнымъ своимъ шумомъ тревожитъ пустынный покой ея. Послѣ поклоненія въ храмъ, привѣтливый настоятель просилъ насъ къ себѣ на чашку кофе, и мы навѣстили его. Гостиная его келья красуется на самомъ открытомъ мѣстѣ, такъ что глаза не въ силахъ обнять безграничное пространство живописной дали. Въ скромной бесѣдѣ своей, игумень объяснилъ намъ положеніе своей обители, имѣющей много угодій и нѣсколько приходскихъ домовъ въ городѣ, и между прочимъ указалъ намъ изъ окна на одну изъ Турецкихъ мечетей, которая прежде была христіанскою церковью, и замѣчательна тѣмъ, что во время оно оставалась придворною церковью Греческаго Императора Θεодосіа Ве-

ликаго, любившаго Солунь, и перенесшаго сюда на время царственный престолъ свой.

Солунь, какъ и почти всякій городъ Востока, обнесень кругомъ могучими стѣнами, и составляетъ родъ неприступной крѣпости; особенно горная часть чрезвычайно высока и крѣпка. Посѣщая монастырь Преображенія, мы нѣсколько времени бродили по исполнскимъ размѣрамъ стѣнныхъ укрѣпленій. Слѣды христіанскаго владычества надъ Солунемъ и время его царственной славы еще не сглажены всеокрушающею силою времени и изувѣрнаго ислама. На высокихъ стѣнахъ крѣпости и башенъ всюду видны святыя кресты, символъ и залогъ спасенія для утѣсненныхъ чадъ Востока!..

8-го Марта, рано утромъ, мы оставили Солунь, направляясь къ Каламаріи, въ сопутствіи драгомана нашего консульства въ Солуни, и поздно вечеромъ прибыли на нашъ собственный метохъ, устроенный среди пустынной Каламарійской равнины, разстилающейся отъ моря на значительное пространство во всѣ стороны. О Каламаріи я писалъ уже прежде, а потому въ настоящее время ничего не могу сказать о ней особеннаго.

На святую гору прибылъ я 12-го Марта около вечера. Что я чувствовалъ тогда, какъ мои грѣшныя стопы коснулись снова Аѳонскаго берега,—это невыразимо!.. Искренно признаюсь, что тогда, въ первыя минуты, какъ я началъ дышать живительнымъ воздухомъ святой горы, мнѣ уже не страшно было, если бы и смерть явилась за мною, потому что я былъ уже дома, въ объятіяхъ родственной братіи. И самой встрѣчи, какая ожидала меня въ Русикѣ, никакое поэтическое перо не въ силахъ передать вамъ.... Надобно

впрочемъ замѣтить, что на 12-е Марта мы провели ночь хотя и на Аѳонѣ, но далеко еще отъ своей обители, на одной изъ ея отшельническихъ келій, извѣстной подъ названіемъ *Крумицы*. Оттуда можно было отправиться въ Русикъ и сухимъ путемъ и моремъ; мы избрали первый, и по живописнымъ холмамъ Монте-Санто, хотя и съ трудомъ, но мирно и весело тащились на скромныхъ мулахъ. Тогда какъ вашъ Петербургъ и вообще Русскій сѣверъ дышитъ снѣжнымъ холодомъ, и природа остается въ безжизненномъ положеніи, здѣсь, подъ южнымъ небомъ, все развивалось и развивается растительною жизнію; тихимъ ароматомъ дышали пустынные цвѣты и травы; раскаленные лучи солнышка пекли насъ безъ пощады, такъ что и недалній, но горный путь до Русика чрезвычайно утомилъ и насъ и нашихъ муловъ. Около вечерни, мы появились наконецъ на его сосѣдственныхъ высотахъ, и тотчасъ были замѣчены нѣкоторыми изъ братства. Вѣсть о появленіи нашемъ въ виду обители потрясла невыразимую радостію иноковъ, болѣе года уже со дня на день ожидавшихъ моего прибытія изъ Россіи: братія высыпала за порту и въ стройныхъ рядахъ шла намъ на встрѣчу. Въ это время мои спутники пѣвчіе и я спрыгнули съ своихъ муловъ, сгрудились и концертъ «слава въ вышнихъ Богу» грянулъ съ нашей стороны, и живописные холмы своимъ нагорнымъ эхомъ вторили нашимъ торжественнымъ звукамъ, на которые и Русикъ отозвался роднымъ своимъ привѣтомъ.... Загудѣли его колокола, какъ изъявленіе и говоръ общей радости братства, и при ихъ металлической игрѣ я былъ принятъ въ старческія объятія маститаго игумена, духовника и всей братіи моей.... Сцена нашего свиданія, послѣ четырехлѣтней почти

разлуки, была трогательна: сладкія слезы радости и взаимной любви были тайною жертвою Богу, возвратившему меня, какъ нѣкогда блуднаго сына, въ отеческій домъ, подъ священній кровъ родственной обители. Въ сопутствіи братства и геронты, вступилъ я въ нее, а потомъ и въ соборъ Святаго Пантелеймона для изліянія признательныхъ чувствъ предъ Богомъ, Царицею Небесною, и предъ Святымъ Великомученикомъ Пантелеймономъ. Тамъ насъ ожидали пѣвчіе—иноки.... Не могу писать болѣе: остальное доскажетъ вамъ ваше собственное сердце, если вы когда нибудь испытывали подобнаго рода дружеское свиданіе съ милыми вамъ, послѣ давней и тяжелой, слишкомъ тяжелой, съ ними разлуки....

Такимъ образомъ я опять на святой горѣ, въ безцѣнной пустынѣ и въ кругу спасающихся друзей моихъ. О, я теперь вполне счастливъ, веселъ какъ дитя, и чувства ангельскаго мира и райской тишины замѣнили тревогу и смуты страннической моей жизни.

Новостей у насъ, на святой горѣ, довольно, но писать о нихъ не имѣю времени, потому что тороплюсь исправить къ слѣдующей почтѣ нужныя письма въ милую Россію.

Ваша Сѣверная Пчела читается мною и нѣкоторыми изъ Русскихъ, съ родственнымъ сочувствіемъ къ событіямъ нашего отечества и съ сердечнымъ удовольствіемъ; но Славянами, Болгарами—съ наслажденіемъ. Я писалъ прежде, что Болгары единственный народъ Востока, что и теперь повторю, и что мы Русскіе и старцы Зографскаго монастыря, занимаемаго одними Болгарами, въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ и во взаимности иноческихъ чувствъ между собою. Эти-то наши друзья пользуются вашею Сѣвальною Пчелою, и

ихъ участіе въ политическихъ судьбахъ несокрушимаго Сѣвера восхищаетъ меня: въ нихъ кипитъ чисто Русская кровь, и сердце ихъ бьется невыразимымъ чувствомъ благоговѣнія и глубокой преданности къ Россіи. Они тѣ же Русскіе, и я не могу отказать имъ въ чтеніи Сѣверной Пчелы, какъ небывалой еще гостыи на заоблачныхъ высотахъ живописнаго Аѳона. Чтобъ доказать вамъ справедливость словъ моихъ въ разсужденіи прекрасныхъ качествъ и славянскаго добросердечія Зографскихъ Болгаръ, представлю на судъ вашей собственной совѣсти ихъ поступокъ съ нашимъ Русикомъ. Русикъ, какъ извѣстно, очень много имѣетъ на себѣ долгу; въ числѣ его обязательныхъ кредиторовъ долгое время оставался и Зографъ. Въ прошедшемъ году вдругъ онъ предлагаетъ нашимъ старцамъ сдѣлать расчетъ по сохранившимся долговымъ запискамъ, и представить на разсмотрѣніе ихъ Болгарской доброты. Русикъ не замѣдлилъ, и чтожь? При расчетахъ Зографскіе старцы, несравненные Болгары, простили Русику долгъ въ 5,000 рублей ассигн... Вотъ высокая черта Славянскаго добросердечія и христіанской внимательности къ страдальческимъ судьбамъ своей нуждающейся братіи!.. Не правда ли, что подобный поступокъ со стороны Болгаръ, наравнѣ съ Греками утѣсненныхъ своимъ собственнымъ положеніемъ и жизненнымъ жребіемъ, стоитъ нѣсколькихъ строкъ и *Булгаринскаго*, а нето что моего пера?.. Передайте это Фаддею Венедиктовичу, и донесите отъ меня скромный поклонъ его литературной знаменитости.

Впрочемъ, не подумайте, что ваша Сѣверная Пчела доставляетъ намъ только удовольствіе. Нѣтъ! Мы чувствуемъ и видимъ своего рода отъ нея и пользу. На-

примѣръ, Пчела ваша, на своихъ эфирныхъ крыльяхъ, донесла намъ радостное событіе въ Царственномъ Домѣ нашего Державнаго Батюшки Царя, и мы, хотя и позже, можетъ быть, другихъ, но съ истинно-русскимъ чувствомъ сердечнаго утѣшенія прославили Бога о бракосочетаніи Великой Княгини Екатерины Михайловны, многолѣтствовали и многолѣтствуемъ Ея Императорское Высочество и Супруга Ея, и ходатайствуемъ въ нашихъ скромныхъ молитвахъ предъ Богомъ о сладкомъ счастіи и радостяхъ Ихъ супружеской жизни.

Преданный вамъ Святогорецъ І. Серафимъ.

15-го Апрѣля 1851 года.

Святая гора Аѳонская. Русикъ. (Сѣверная Пчела, 1851 годъ, № 175).

ПИСЬМО КЪ Н. Н. ГРЕЧУ СЪ АООНСКОЙ ГОРЫ.

—

Знаменитый русскій композиторъ (?) А. В. Лазаревъ, по обозрѣннн св. горы и ея достопамятностей, составилъ легкіе очерки своего путешествія, и, при отбытіи отсюда въ Грецію, а тамъ въ Италію, Египеть, Нубію и Палестину, передалъ ихъ мнѣ, съ тѣмъ, чтобъ я препроводилъ его рукопись къ вамъ, съ почтительнѣйшею съ его и съ моей стороны просьбою помѣстять ее, если возможно, въ вашей Сѣверной Пчелѣ.

Какъ ни кратки очерки путешествія Г. Лазарева, но, признаюсь, я прочелъ ихъ съ истиннымъ удовольствіемъ, въ особенности потому, что въ нихъ высказано много самой искренней правды, чуждой литературныхъ прикрасъ и укорузненнаго челоуѣкоугодія. Со своей стороны я нахожу ихъ во всѣхъ отношеніяхъ очень занимательными, даже дополняющими, разумѣется въ нѣкоторой степени, пропуски и моихъ писемъ о св. горѣ и А. Н. Муравьева, и наконецъ поясняющими (а это много значить) нашимъ благотворителямъ существенныя наши нужды, о которыхъ часто не имѣютъ вѣрнаго понятія и не умѣютъ даже разсказать и выполнить ихъ въ Россіи здѣшніе мало—

грамотные сборщики; поэтому исполнение порученія Г. Лазарева я поставляю себѣ въ удовольствіе и пріятный долгъ, предоставляя вашему собственному суду и распоряженію его путевые очерки, ихъ авторское назначеніе и цѣль, съ которыми они написаны и оставлены у меня. Надѣюсь, что и это прекрасное произведеніе странническаго пера, какъ и всякое другое, достойное вашей Пчелы, найдетъ въ ней и мѣсто и пріятіе; не менѣе того надѣюсь, что она въ теченіе и будущаго года, конечно, будетъ залетать на нашъ скромный Аеонъ—не съ тѣмъ, чтобъ только услаждать наше сочувствіе къ родственнымъ судьбамъ Россіи и ея Царственнаго Дома, знаніемъ всего, что въ нихъ происходитъ и о чемъ надобно намъ со своей аскетической стороны молитвенно ходатайствовать для нихъ и за нихъ предъ Господомъ Богомъ, но и отъ насъ, по возможности и условіямъ времени и досуга, доставлять читателямъ вашей прекрасной газеты пріятныя въ своемъ родѣ свѣдѣнія о событіяхъ нашего олигархическаго и пустыннаго края... Не такъ ли? О, конечно!... Впрочемъ объ этомъ и о многомъ другомъ я надѣюсь бесѣдовать съ вами особеннымъ письмомъ, аще восхоцетъ Господь и будемъ живы.

Прощайте!

Очерки Г. Лазарева, за недосугами и скорымъ его отъѣздомъ отсюда, можетъ быть, имѣютъ своего рода литературные промахи; но я не берусь исправлять ихъ, тоже за недостаткомъ свободнаго времени, поручая этотъ важный трудъ вашей литературной дѣятельности. Между прочимъ онъ проситъ васъ покорнѣйше, ежели вы напечатаете его статью въ вашей Пчелѣ, препроводить и на его долю листикъ, на которомъ она

найдетъ себѣ мѣстечко. Я обещаюсь ему доставить этотъ бакчишъ въ Палестину, если только съ вашей стороны примется въ уваженіе просьба артиста.

Надъ Эгейскою равниною
Всходитъ свѣтлый рогъ луны,
Холмы спящую пучиной
И брега отражены....

Эта поэтическая мечта Жуковского предъ глазами и въ глазахъ вашего почтительнаго Святогорца, который тоже любитъ меланхолическіе звуки келейной арфы и часто поетъ:

Сладки сны и грезы дѣтства!
Шалость первыхъ дней мила!
Такъ періодъ малолѣтства—
Чуждъ и зависти и зла!

Наша жизнь мпнувшей далью
Умилительно—скромна,
И ни смутой, ни печалью
Не туманилась она....

А грядущее?... не ясно!
Что въ немъ будетъ? что насъ ждеть?
То въ немъ мрачно и ужасно,
То въ немъ жизнь, любовь и свѣтъ....

Что жъ падеть на нашу долю?
Дай же Богъ въ грядущемъ намъ
Легкость райскую и волю
Взвиться пташкой къ небесамъ!—

И блаженствомъ ихъ упиться
Въ свѣтъ вѣчныхъ лѣтъ и дней,

**И любить—не налюбигься—
Бога, ближнихъ и друзей!....**

Еще разъ—прощайте.

Преданный вамъ Святгорецъ І. Серафимъ.

1851 г. Декабря 6-го дня. Русикъ.

Р. С. Александръ Васильевичъ Лазаревъ покорнѣйше проситъ Н. И. прислать листки Пчелы, по напечатаніи статьи «Очерки Константинополя и Аѳона,» прямо въ Иерусалимъ, въ Архангельскій монастырь, на имя Иеромонаха отца Теофана. (Раутъ, 1854 г. изд: Н. В. Сушкова, книга третья.)

РУССКІЕ НА АФОНѢ

С. И. Бе-ву радоватися о Господѣ!

Недумается ли вамъ, что строгое, къ тому же и давнее молчаніе мое есть слѣдствіе того, что я забылъ уже васъ и свое иноческое слово—писать къ вамъ, по возможности, со св. горы, и передавать замѣчательныя событія нашего пустыннаго края, мои собственныя впечатлѣнія, при случайномъ его обозрѣніи, и, даже, сердечныя чувства въ отношеніи къ вамъ? со всѣмъ нѣтъ! Ранѣе этого посланнымъ вамъ письмомъ, и, конечно, полученнымъ уже вами, объяснялъ я причины глубокаго молчанія въ теченіе нѣсколькихъ недѣль моего страдальческаго положенія; почти тоже самое могу сказать и въ настоящее время, въ оправданіе моей аскетической совѣсти, прибавивъ къ тому и случайныя отвлеченія—келейный недосугъ и, нечего свой грѣшокъ таить,—наконецъ и пустынную лѣнь со всѣми условіями ея требованій и правъ.... Достаточно, или нѣтъ, всего этого къ моему спокойствію и къ убѣжденію вашего сердца въ искренности моихъ

отношеній къ вамъ,—вы знаете лучше; а я, съ своей стороны, какъ виновный, скромно испрашиваю у васъ извиненія въ моемъ давнемъ молчаніи, и, чтобы сколько нибудь прошедшее вознаградить настоящимъ, наговорюсь теперь съ вами досыта, побесѣдую въ сладость о всемъ, что только найду занимательнымъ, достойнымъ вашего вниманія и достаточнымъ къ потрясенію вашего прекраснаго сердца памятію о заоблачномъ Аѳонѣ и его скромныхъ обитателяхъ. И такъ—
εὐλογεῖτε!

Слѣдую правиламъ вашей жизни и требованію приличій, кажется, прежде всего нужно поговорить съ вами о погодѣ и о здоровьи, но подобныя вещи, если и могутъ входить въ составъ аскетическаго письма, то не иначе, какъ съ исключеніями своего рода. О погодѣ—разговоръ между нами ясенъ и коротокъ: зима наша вовсе не похожа на себя, потому что, подъ вліяніемъ южнаго солнышка, и теперь еще термометръ показываетъ 8, а иногда и болѣе градусовъ теплоты, такъ что наши братія, разумѣется изъ русскихъ, въ началѣ января нынѣшняго года, еще собирали въ пустынныхъ лѣсахъ грибы, такъ называемые рыжики, а моя заоблачная пустыня уже начинаетъ роскошно убираться шафранными и другими ароматическими цвѣтами. Если продлится теплота до февраля, надѣюсь, что скоро дыханіе пустынныхъ ароматовъ будетъ животворить насъ и доставлять тихое удовольствіе прихотливому чувству и невинное наслажденіе взорамъ. Чтожъ касается здоровья,—это такой вопросъ, на который нельзя отвѣчать положительно, потому что одинъ только вздохъ, не болѣе, остается средостѣніемъ между жизненными условіями слабой плоти и между загробнымъ міромъ. Отъ времени до вѣчности—неболѣе,

какъ одинъ шагъ, даже еще менѣе, затѣмъ что сколько есть и бывало опытовъ, что человекъ въ полномъ развитіи и физическихъ и нравственныхъ силъ дѣлается жертвою нечаянной смерти въ одно мгновение! Поэтому и говорить намъ о здоровьи—тоже, что ловить звукъ слова, или гармонической струны, тѣмъ болѣе, когда раздѣляетъ насъ необозримое пространство морей и суши, тѣмъ болѣе, что я спрашивалъ, бывало, о здоровьи и жизни друзей своихъ, тогда какъ смерть уже стирала ихъ самый прахъ съ лица земли и когда ихъ жизнь была слита съ вѣчностью, какъ легкая струя потока съ необъятною бездною морей...

О чемъ же и говорить послѣ этого? спросите, можетъ быть....

А вотъ подумаемъ и разговоримся. Св. гора Аѳонская не то, что вашъ Дмитровъ: на ней что шагъ, то и предметъ для археологическихъ изученій, для строгихъ наблюденій духа и даже взора, и проч. и проч. Къ тому жъ у насъ и есть новость своего рода, а если къ этому присовокупить нѣсколько строкъ о моемъ нынѣшнемъ странствіи по св. горѣ,—не одно, а нѣсколько писемъ должны летѣть съ заоблачныхъ высотъ моей пустыни въ низменный и отдаленный край вашей мирной родины. Вѣрите этому? Вѣрьте, не вѣрьте,—а самое дѣло, можетъ быть, убѣдитъ васъ со временемъ въ справедливости моихъ дружескихъ словъ.

Но прежде нежели я займу вашу мысль и сердечное вниманіе предметами отвлеченными, такъ сказать, сторонними и для меня и для васъ, надобно передать вамъ о нашей пріятной новости и о послѣднихъ событіяхъ въ нашемъ скромномъ Русикѣ, гдѣ и вы, въ свое время, вмѣстѣ и на ряду съ нами подвизались добрымъ

подвигомъ, и хотя съ усилиемъ и нехотя, но тянули время и страннической досугъ въ молитвенныхъ бдѣніяхъ и въ пасхальномъ торжествѣ.

Наша новостъ пустынная состоитъ въ томъ, что новый корпусъ нашихъ братскихъ келій уже конченъ, и что 10-го Января торжественно совершилось освященіе Покровскаго храма въ этомъ корпусѣ, устроеннаго для русскаго богослуженія.

Не помню, въ какомъ положеніи былъ новый корпусъ нашихъ братскихъ келій тогда, какъ вы гостили у насъ, и можете ли себѣ представить выспренній этажъ, гдѣ устроена покровская церковь для русскаго нашего братства, въ настоящую пору уже размножившагося до ста человѣкъ. Если бы вы и могли представить себѣ это зданіе, достойное русскаго братства, то все таки не въ совершенствѣ; потому что въ бытность вашу на св. горѣ, если и былъ уже воздвигнутъ этотъ обширный корпусъ, такъ не иначе, какъ только въ чернѣ, тогда какъ теперь и внутреннія и внѣшнія части его въ удивительной между собой гармоніи; и все въ немъ проявляетъ сколько съ одной стороны аскетическій характеръ и назначеніе, столькожъ съ другой русскій вкусъ и вѣрный типъ подобныхъ зданій въ нашей отечественной странѣ подъ родственнымъ небомъ православнаго Сѣвера. Съ своей стороны я не могу налюбоваться нашимъ русскимъ корпусомъ, особенно въ тихій вечеръ, или глубокую ночь, когда все въ безжизненномъ положеніи и мертвой тишинѣ, кромѣ мирнаго говора морскихъ прибрежныхъ волнъ; полусвѣтъ луны, падая на это аскетическое зданіе, наводитъ много чувствъ, меланхолическихъ думъ и тяжелаго раздумья о его грядущихъ судьбахъ и положеніи; много наводитъ и грустнаго сочувствія къ далекимъ

небесамъ, куда съ этихъ Аѳонскихъ горъ, вытѣснен-
ныхъ въ море изъ общаго состава земли и такимъ об-
разомъ перешедшихъ въ отдѣльный какой-то міръ,
отходили и отходятъ цѣлые тысячи иноковъ, и куда съ
часу на часъ ждетъ и, можетъ, скоро дождется вызова
и скромный Святгорець.... Южный фронтонъ на-
шего корпуса теперь уже снаружи росписанъ: Бого-
матерь изображена на немъ въ молитвенномъ поло-
женіи; на Ея Божественныхъ рукахъ, поднятыхъ къ
небесамъ, распростертъ священный омофоръ, сим-
волъ покровы и защиты нашей. По сторонамъ Бого-
матери, св. великомученикъ и цѣлебникъ Пантелей-
монъ и св. Митрофанъ Воронежскій поддерживаютъ
и какъ бы разширяютъ Ея омофоръ, тайно образуя
тѣмъ свое молитвенное участіе и предстательство о
Русикъ, вмѣстѣ съ Богоматерію, и покровительство и
заботливость о его временномъ, а тѣмъ паче вѣчномъ
благѣ.... Самый храмъ Покрова господствуетъ надъ
всѣми зданіями обители, и какъ будто передаетъ имъ
отъ этихъ выпреннихъ ликовъ благодатную защиту и
кровь; и это чувство, и это впечатлѣніе такъ сильно,
что, любясь съ низменной площади на фронтонъ, не-
волью склоняешься подъ Божественный покровъ Бо-
гоматери; развѣвающей его и надъ обителью, и надъ
главою всѣхъ и каждаго изъ насъ порознь.—Между
тѣмъ, при такихъ утѣшительныхъ впечатлѣніяхъ и
свѣтломъ вліяніи на мысль и на сердце, при взглядѣ
на Богоматерь, св. Пантелеймона и Митрофана, окру-
женныхъ ликомъ Херувимовъ,—ваглядъ невольно оста-
навливается на низменной аркѣ, идущей вдоль всего
новаго корпуса, по направленію къ Митрофаніеву хра-
му, и составляющей основную часть всего зданія. Два
средніе яруса почти уже заняты братскими кельями, а

восточная часть верхняго предназначена для помѣщенія Русскихъ и другихъ путешественниковъ высшаго разряда. Вѣнецъ же корпуса, — это четырехгранный пиргъ или башня, входящая въ составъ его съ сѣверной стороны, и своимъ легкимъ куполомъ, подъ сѣною креста, кажется, готовая нестись за облака.... Въ ней будутъ два небольшихъ храма—одинъ въ честь всѣхъ Печерскихъ святыхъ, а самый выпранный посвящается равноапостольному Царю Константину, въ память посѣщенія нашего Русика Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Вотъ вамъ слабый очеркъ внѣшняго вида новаго русскаго корпуса братскихъ келій. Теперь вступимъ въ Покровскій храмъ, только что освященный....

Притворъ нашего храма не обширенъ; за то самый храмъ можетъ вмѣстить до полутора ста человѣкъ, не говоря о срединѣ, по которой не разстанавливаются наши формы или сѣдалища, и по которой могутъ стоять до ста человѣкъ, если включить и самый притворъ, отдѣляемый слабымъ простенкомъ, съ двумя окнами по сторонамъ обширной двери, входящей внутрь святилища. Легкіе своды храма составляютъ полукружіе, и поддерживаются десятью колоннами, идущими вдоль храма въ два ряда; на нихъ упирается и свѣтлый куполь сферической формы. Объ украшеніяхъ и драгоценной утвари церковной нечего говорить: на это Россія щедрѣе чрезвычайно и по ея милости нашъ русскій храмъ крайне благолѣпенъ. Особенно иконостасъ—единственный на св. горѣ: при закатѣ солнышка, широкими потоками свѣта обливающего весь нашъ храмъ, иконостасъ горитъ золотомъ, такъ что нѣтъ на немъ и слабой тѣни сторонняго колорита. На это, разумѣется, надо любоваться издали: но подойдите ближе,

подойдите къ самымъ иконамъ, и впечатлѣніе еще трогательнѣе, такъ что, оставаясь подъ свѣтлымъ вліяніемъ ихъ, въ одно и тоже время вамъ захочется и радоваться и плакать, но плакать не слезами грусти и движеній сердца стѣсненнаго, а слезами сладкаго упованія и мирныхъ надеждъ.

Я не говорю о достоинствѣ академической кисти, не ввожу васъ въ строгій судъ и разборъ истинно—церковной иконописи, а только указываю на Божественный ликъ Вседержителя и на Его утѣшительныя обѣтованія нашему небольшому русскому братству, и на дѣвственный образъ Богоматери, держащей на своихъ рукахъ Предвѣчнаго Младенца.... На страницахъ Евангелія, которое держитъ раскрытымъ Господь Вседержитель въ своей Божественной шуйцѣ, Онъ съ духомъ любви и утѣшенія говоритъ намъ: «Не бойся, малое стадо: яко благоизволи Отецъ Вашъ дати вамъ царство», и проч. (Лук. XII. 32, 33), и чье сердце не разтрогается до слезъ такимъ сладкимъ говоромъ и такимъ Божественнымъ обѣтованіемъ Спасителя?... Иконостась устроена о. Антоніемъ Бочковымъ, а доставленъ сюда П. И. Пономаревымъ, достойнымъ его свойственникомъ. Но ктиторство, или основаніе храма и самага корпуса русскихъ келій, исключительно принадлежитъ вятчанамъ: Ѡ. Г. Чернову, И. И. Стахѣву и другимъ, имена коихъ вѣдаетъ только Всѣвѣдецъ; и мы, хотя тоже хорошо знаемъ ихъ, но обязаны скрыть отъ всѣхъ и почтительнымъ молчаніемъ запечатлѣть тайну ихъ смиренія и сердечной привязанности къ намъ, предоставляя загробному суду оцѣнить ихъ драгоценныя жертвы и приношенія Богу и Божіей Матери. Что прикажете дѣлать въ такомъ случаѣ?... Дивитесь скромности русскихъ благотворителей, и, при всемъ

усердіи и готовности—высказать имъ въ слухъ всего свѣта движенія и чувства признательныхъ сердецъ нашихъ, оставаться въ тяжелой нѣмотѣ и младенческомъ безгласіи!... А это тѣмъ невыносимѣе, чѣмъ болѣе видишь драгоценныхъ приношеній нашему Покровскому храму! Что дѣлать! предоставимъ подобныя вещи цѣнить суду Божию. Теперь займемся бесѣдою объ освященіи нашего храма, который, надо сказать въ заключеніе, имѣетъ особое достоинство предъ всѣми соборными храмами на св. горѣ, потому что, вмѣсто мрамора, помость его изъ дерева, что предохранить насъ отъ убійственныхъ слѣдствій простуды и невыносимаго ревматизма въ ногахъ.

Освященіе храма, какъ сказано выше, совершилось 10 января нынѣшняго 1853 года, Преосвященнымъ архіепископомъ Макаріемъ, пребывающимъ на покой въ здѣшнемъ Хилендарскомъ монастырѣ. Разумѣется, освященіе могло происходить и безъ высшей іерархической особы; однакожъ, всѣмъ хотѣлось, особенно русскимъ, видѣть совершеніе этого важнаго торжества не иначе, какъ архіереемъ; вслѣдствіе чего старцы рѣшились пригласить означеннаго владыку, и порученіе это возложено было на меня и на одного изъ греческихъ калогеровъ, который состоялъ въ родственной близкой связи съ нимъ. Такимъ образомъ я имѣлъ случай странствовать по оконечности западной стороны св. горы,—былъ въ нѣсколькихъ обителяхъ, и видѣлъ то, что до сихъ поръ ускользало отъ моего вниманія и наблюдательности, и чего, конечно, не могли и вы замѣтить. Не совсѣмъ увлекательные предметы—въ сторону, такіе притомъ предметы, которые, хотя и имѣютъ свою цѣнность или въ литературномъ, или другомъ какомъ-нибудь отношеніи, но по существеннымъ

своимъ качествамъ и достоинству требуютъ строгаго и долгаго разбора и многостороннихъ очерковъ, а по этому самому и не могутъ входить въ составъ пріятельскаго письма; я скажу вамъ объ одной истинно-важной и занимательной вещи, на которую случайно попалъ въ Эсфигменскомъ монастырѣ. Надобно замѣтить, что моя поѣздка въ Хилендарь была 7-го Января, то-есть на другой день Богоявленія; а это-то самое торжество церковное доставило мнѣ случай видѣть въ Эсфигменѣ часть роскошной боевой палатки Наполеона. Царственная ткань эта шита цвѣтными шелками и золотомъ; нѣсколько языческихъ мѣзовъ и три небесныхъ знака по ней разсыпаны творческой, истинно-геніальной рукой художника, или художницы; снизу она подложена чуднымъ малиновымъ бархатомъ, отъ времени уже стершимся по мѣстамъ. Эта драгоценная ткань или часть палатки Наполеона—есть памятникъ его Египетскихъ битвъ. И какъ бы вы думали, что она украшаетъ собою въ настоящее время, когда новый Наполеонъ, по низложеніи древняго, становится царственнымъ лицомъ сильно потрясенной политическими замѣшательствами Франціи?... Ткань служить завѣсомъ, отдѣляющимъ притворъ церковный отъ главнаго соборнаго святилища! Подобная вещь, съ изображеніями языческихъ мѣзовъ и божествъ не совсѣмъ прилична для церкви,—эта драгоценность своего рода никакъ не подходитъ къ мѣсту ея настоящаго назначенія, потому что на цвѣтной ткани съ лѣвой стороны изображена Минерва съ ея мѣологическими атрибутами, а съ правой—какъ будто Юнона, въ царственномъ видѣ: въ одной рукѣ она держитъ скипетръ, а въ другой корону, между тѣмъ красивый мальчикъ, или купидонъ, слагаетъ къ ея ногамъ вѣнецъ и ро-

скошную цѣпь.... Срединѣ завѣсы занята угрюмымъ и строгимъ Юпитеромъ. При тумбѣ разбитой колонны онъ сидитъ, и глубокая царственная дума просвѣтливается въ его очахъ. Слѣва при нихъ Ганимедъ, или кто-то въ видѣ этой фигуры. Въ числѣ другихъ изображеній двѣ фигуры наигрываютъ въ военные литавры. Любуясь на эту вещь, я невольно спросилъ отца Агаангела, откуда она досталась имъ. И онъ мнѣ вотъ что отвѣчалъ на это: когда Наполеонъ воевалъ въ Египтѣ, кромѣ пустынныхъ тамъ Арабовъ, и Греки не дремали: они какъ-то успѣли вѣроломно, при своихъ краткихъ развѣздахъ по Средиземному морю, напасть на одинъ изъ французскихъ военныхъ корветовъ, который и прибрали къ рукамъ. Въ числѣ драгоценной добычи они нашли въ корветѣ и боевую палатку Наполеона. Три части палатки достались по жребію раздѣла кому-то изъ главныхъ предводителей отчаянной шайки, и были проданы на сторону; а эта четвертая—была на показъ доставлена Константинопольскому Патріарху Григорію, впоследствии убитому Турками и почивающему въ Одессѣ. Блаженной памяти Владыка убѣдилъ Грека, которому эта часть палатки досталась по раздѣлу, не продавать ее, а пожертвовать во спасеніе души своей въ какую нибудь изъ обителей Аѳонскихъ, и онъ пожертвовалъ нашему монастырю эту драгоценную и рѣдкую вещь. Значитъ она,—присовокупилъ отецъ Агаангелъ,—находится здѣсь съ первыхъ годовъ нынѣшняго вѣка. Какъ рѣдкость, мы ее рѣдко употребляемъ для притвора, потому-то, кромѣ васъ, ее еще никто не видалъ изъ русскихъ здѣсь, Чтожъ касается до разсказа въ разсужденіи страннической судьбы этой палатки, истинно царской по своему велико-

лѣпію,—замѣтилъ мнѣ наконецъ отецъ Агаѳангель,—
разсказъ о ней у насъ сохранился между старожилами
точно въ такихъ чертахъ, какъ я передалъ вамъ.....

1852 года, Янв. 14 дня, св. горы Аѳонскія Козмодамиановская пустынь,
близъ Русика. (Москвитянинъ 1853 г., Июнь, № 11.)

РУССКІЕ ИНОКИ НА СВ. ГОРѢ АѦОНСКОЙ.

ОТЪ ИСХОДА X ДО ПОЛОВИНЫ XIX ВѢКА.

Восемь слишкомъ столѣтій протекло уже съ той благословенной поры, какъ на св. горѢ АѦонской впервые отозвались звуки хвалебныхъ пѣсней Богу на нашемъ родномъ языкѣ ; скоро исполнится девять вѣковъ съ того времени, какъ вознеслись съ нея молитвы къ небесамъ о спасеніи русской земли, тогда только что просвѣтившейся свѣтомъ Божественнаго Евангелія, и о величїи, славѣ и долгоденствїи перваго изъ самодержавныхъ владыкъ всея Руси, великаго Князя Владиміра. И эти хвалебные и молитвенные гласы Антонія, впоследствии кїевопечерскаго угодника, вначалѣ своемъ одинокіе и тихіе, какъ говоръ пустынной горлицы, отзываясь и послѣ него на св. горѢ постоянно, въ теченіе осьми слишкомъ вѣковъ, наконецъ въ наше счастливое время уже такъ звучны, что не только въ отдѣльныхъ иноческихъ общинахъ, собственно русскихъ, но въ нѣкоторыхъ и греческихъ обителяхъ открыто возносятся къ небесамъ. Самыя

молитвы о славѣ и величіи русской земли уже такъ торжественны, многолѣтія ея державному вѣнценосцу уже такъ на св. горѣ неумолкаемы, что и на ея пустынныхъ высотахъ, вдали отъ Россіи, русскіе иноки возглашаютъ ихъ не такъ, какъ на иноземной и чуждой имъ, но какъ будто въ родственной странѣ, какъ будто въ предѣлахъ отечественнаго края.... Предоставляя таинственные судьбы грядущаго единому Всевѣдущему, вся строящему къ собственной славѣ и благу челоѣчества, прослѣдимъ по св. горѣ Аѳонской сквозь мракъ истекшихъ вѣковъ, при свѣтѣ историческихъ свидѣтельствъ, и посмотримъ на иноческій бытъ Русскихъ, спасавшихся на ней и уложившихъ свои кости, или только временно принимавшихъ здѣсь уроки подвижничества, какъ въ высшей духовной школѣ.

По убѣжденію ли сердечному и искренней увѣренности въ высококомъ достоинствѣ аѳонскаго подвижничества, или по чувству и сознанію собственной немощи въ отношеніи къ подвигамъ, — но чрезвычайно вѣрно выражено нашими православными предками понятіе о св. горѣ въ *совѣтованіи о благочестіи или православіи*. Тамъ, въ правилѣ 22-мъ, говорится такъ: «предстоитъ духовная потребность, чтобы Русскихъ, искренно расположенныхъ къ добродѣтельной жизни, посылать на Аѳонъ, какъ въ школу духовную» (*). Школа посвоему назначенію и цѣлямъ-такое мѣсто, гдѣ по принятіи начатковъ и по окончаніи образованія, съ какими бы то ни было успѣхами, нельзя образовавшимся тамъ оставаться навсегда, потому что

(*) Памятники, изданные Кіевскою комиссіею, том. 1, стр. 248.

долгъ и право требуютъ отъ нихъ — быть впоследствии свѣтлымъ образцомъ подражанія и наставниками для другихъ.

Такова точно, въ аскетическомъ отношеніи, и св. гора Аѳонская всегда была для Русскихъ: это въ полномъ значеніи — школа духовная! Въ чувствѣ подобнаго значенія, Савва, игумень Тверской, въ XV вѣкѣ, сложивъ съ себя управление своею обителию, отправился на Аѳонскую гору, какъ въ высшее училище духовныхъ подвиговъ (*). Между тѣмъ, въ теченіе осьми слишкомъ вѣковъ видится, кромѣ Саввы, много русскихъ иноковъ здѣсь; не было, можетъ статься, и промежутка времени, когда бы св. гора не видѣла ихъ на своихъ священныхъ высотахъ, во множествѣ обителей, скитовъ и келий; и всѣ Русскіе были на ней не иное что, какъ случайные странники, какъ ученики въ подвижнической школѣ. Столь высокое значеніе и достоинство св. горы, удовлетворительнымъ и самымъ торжественнымъ образомъ, оправдалъ XV вѣкъ: когда, по случаю исправленія церковныхъ книгъ, вызванъ былъ отсюда въ Россію, на столь важный и священный трудъ, инокъ Максимъ Грекъ, какъ мужъ ученый, какъ богословъ, и какъ пустынный подвижникъ, проявившій въ лицѣ своемъ правоту вѣрованій и чистоту подвижнической аѳонской школы.

Конечно, нельзя сказать, что всѣ, приходившіе на св. гору изъ отдаленныхъ странъ Россіи, имѣли въ виду временное только странствіе на ней; можетъ быть, многіе располагались здѣсь кончить въ духовныхъ по-

(*) Прибав. къ изданію Твореній Св. Отцовъ, въ русскомъ переводѣ, стр. 137, годъ 6.

двигахъ свое земное поприще, и кончили бы безъ сомнѣнiя, если бы самъ Богъ не вызвалъ ихъ изъ глубины пустыни Аѳонской въ отчизну, для назиданiя и водительства другихъ по крестнымъ стезямъ иноческой жизни. Такъ препод. Антонiй Печерскiй оставилъ свое пустынное безмолвiе вопреки собственной волѣ, по волѣ Божией, для славы и пользы русской церкви и русскаго иночества. Но нельзя притомъ несогласиться, съ другой стороны, и съ Барскимъ, что нѣкоторые изъ Русскихъ оставляли св. гору по своему собственному произволу, оправдывая себя немощами и тяжестью работъ, входящихъ въ составъ прочихъ занятiй аѳонской жизни (*). Самыя всенощныя бдѣнiя, простирающiяся отъ 9 иногда до 14 часовъ безрасходнаго молитвословiя и болѣе, бывають уважительнымъ предлогомъ для нѣкоторыхъ принимать св. гору не за постоянное мѣсто своего подвижничества, а только за школу духовную.

Изъ историческихъ фактовъ, уцѣлѣвшихъ на св. горѣ Аѳонской, послѣ всѣхъ политическихъ переворотовъ Востока, послѣ нещаднаго истребленiя Греками славянскихъ манускриптовъ (**), и наконецъ послѣ святотатственной продажи и греческихъ и славянскихъ книгъ и рукописей (***) на Западъ, видно, что преподобный Антонiй прибылъ на св. гору въ исходѣ X вѣка, въ какомъ именно году — неизвѣстно, и поселившись первоначально въ лаврѣ св. Аѳанасiя, какъ гласитъ преданiе, въ *девять сотъ восемьдесятъ*

(*) Пѣшеходца В. Г. Барскаго путешествiе къ св. мѣстамъ. Спб. 1793 г. част. 2, стр. 691.

(**) В. Григоровича Очеркъ путешеств. по Европейской Турци, Казань. 1848 г. стр. 97.

(***) Письма съ востока част. 1. стр. 213.

третьемъ году постриженъ въ иночество (*). Значить, это было еще при препод. Аѳанасіѣ, великомъ основателѣ здѣшной лавры, находившемся въ живыхъ, какъ видно изъ лаврскихъ актовъ (**), въ *девятьсотъ девяносто седьмомъ году*. Тѣмъ болѣе можетъ быть это справедливымъ, что слава Аѳанасіевой жизни и дивныхъ подвиговъ привлекала въ стройный ликъ его братства не только людей простыхъ, но многихъ съ іерархическихъ каѳедръ, не только изъ ближнихъ, но и изъ отдаленныхъ странъ, даже съ Калаврійскихъ горъ, каковъ былъ препод. Никифоръ (***). Можетъ статья, самое иноческое многолюдство лавры было для Антонія побужденіемъ и уважительною виною въ послѣдствіи — искать себѣ пустынной тишины и безмолвія, чего не могло доставить ему общежитіе: и выборъ его палъ на эсѳигменскую прибрежность скалы, гдѣ, при всѣхъ условіяхъ строгаго уединенія, онъ могъ оставаться во всегдашнемъ общеніи съ своимъ духовнымъ старцемъ, игуменомъ Теооктистомъ, обитель котораго — Эсѳигмень живописно красовалась въ виду сосѣдственной горы Самары и самой, избранной юнымъ отшельникомъ, скалы. По собраннымъ (даскаломъ Іаковомъ) на самомъ мѣстѣ свѣдѣніямъ, препод. Антоній пришелъ въ Эсѳигменскую обитель къ тогдашнему игумену Теооктисту, выше упомянутому, и отъ него получилъ благословеніе — уединенно проводить жизнь на избранномъ имъ самимъ мѣстѣ (****). Однакожъ недолго оставался здѣсь юный отшель-

(*) Словарь Историческій о Святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви. С. II. б., 1836 г. стр. 30.

(**) Указатель актовъ въ обителяхъ св. горы Аѳон.

(***) Славопѣніе св. преп. отцемъ, священномуч. и мученик. св. горы Аѳон. печ. 1810 г. въ будивѣ, сербской рецензій.

(****) Письма съ Востока ч. 1. стр. 212 и 213.

*

никъ. Богу угодно было вызвать препод. Антонія со св. горы въ Россію; и на этотъ Божественный зовъ дважды отвѣчалъ онъ безусловною покорностію и смиреннымъ ввѣреніемъ себя волѣ Божіей. Въ первый разъ онъ оставилъ св. гору въ 1013 году (*); впрочемъ ненадолго. Ни одинъ изъ возникавшихъ тогда въ Россіи монастырей, подъ вліяніемъ перваго изъ митрополитовъ кievскихъ Михаила, пришедшаго съ греческимъ иночествомъ для крещенія русской земли, не понравился св. Антонію, желавшему пустыни, а немногочеловѣчества. На Берестовѣ, пещера варяжская, въ Кіевѣ, хотя и показала ему удовлетворительною для его подвижническаго духа, но варварство Святополка и смуты, возникшія по смерти св. Владимира, снова увлекли Антонія на Аѳонскую гору: въ 1015 г. онъ опять увидѣлъ свою Эсфигменскую пустыню, и погрузился въ ея пещерный затворъ! Въ послѣдній разъ, 1017 г. (**), по новому званію свыше, онъ простился навсегда съ св. горою; и уже не съ ея заоблачныхъ высотъ, а съ живописныхъ кievскихъ горъ, какъ свѣтильникъ съ высокаго свѣщника, началъ разливать, и разлилъ на всѣ стороны Россіи немерцающій свѣтъ святой иноческой жизни, и, такимъ образомъ, сталъ во главѣ русскаго иночества и сдѣлался его первенцомъ.

Преподобный Антоній, послѣ 56 лѣтнихъ постническихъ трудовъ, мирно отошелъ ко Господу въ 1073 году; значить, онъ при жизни еще своей, хотя не могъ уже видѣть, но могъ, конечно, знать и слы-

(*) Краткое историческое описаніе Кіево—печерской Лавры, 1798 г. стр. 4.

(**) Тамъ же стр. 5.

шать, что начатки его пустынного безмолвія на св. горѣ неостались туне, а принесли обильный плодъ. По всей вѣроятности, его собственные отзывы обезмятежи Аѳонской горы, благословіемъ которой онъ утверждалъ основаніе возникающей своей лавры кievской, повлекли съ тѣхъ поръ Русскихъ на востокъ, по слѣдамъ, проложеннымъ самимъ св. Антоніемъ. Изъ среды даже его печерскаго братства были усердные подражатели ему въ странническихъ трудахъ, какъ напр. Варлаамъ и Ефремъ Евнухъ, ходившіе, съ его старческаго благословія, на востокъ къ св. мѣстамъ (*). И вотъ во второй половинѣ XI вѣка, спустя только семь лѣтъ послѣ кончины препод. Антонія, мы видимъ уже русское иночество на св. горѣ, съ самостоятельностью и правами. На мѣстѣ нынѣшняго скита болгарскаго Богородицы *Ксилуриу* или *древодья*, существовалъ уже монастырь Руссовъ, который велѣно было отдать собственно во владѣніе русскимъ инокамъ, по указу царя Алексѣя Комнина, въ 1080 г. (**). Даже ранѣ этого, именно въ 1052 (6600) г., основанъ и понынѣ видный въ живописныхъ развалинахъ, перевитыхъ пустыннымъ плющемъ, старшій собственно русскій Пантелеймоновъ монастырь. Ктиторами его поставляютъ великихъ князей русскихъ, Владиміра и Ярослава (***). Нашъ пѣшеходецъ Барскій даже видѣлъ и прочелъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ соборной церкви славянскіе надписи. Монастырь основанъ при игуменѣ іеромонахѣ Арсе-

(*) Патерикъ Печерскій.

(**) Письма съ Востока ч. 1, стр. 187.

(***) Погодина Рукоп. Сборникъ № 94; Исторія г. р. томъ VI, прим. 629, стр. 163.

ни, съ приписью на церковной двери: *Христу Богу во иноцѣхъ послѣдній, Антоній таха* (*). Справедливо или нѣтъ приписываютъ основаніе стараго Русика великимъ русскимъ князьямъ Владиміру и Ярославу, трудно доказать исторически. Тѣмъ болѣе это можетъ затруднить, что мы видимъ изъ фактовъ переходъ русскихъ иноковъ изъ монастыря Ксилургу, съ своимъ игуменомъ Лаврентіемъ, на основаніи грамоты Алексѣя Палеолога (въ 1168 году) (**), не въ этотъ Русикъ-старый, будтобы основанный нашими в. Князьями, а въ солунскій монастырь св. Пантелеймо-на на взморьѣ. Тѣмъ развѣ можно пояснить такую несообразность, что не могъ Русикъ, какъ монастырь довольно обширный въ своихъ размѣрахъ, возникнуть вдругъ, безъ затрудненій въ отношеніи къ средствамъ, которыхъ надобно было ожидать только отъ Россіи: тогда какъ тамъ, по смерти св. Владиміра и впоследствіи, возникали смуты, конечно-имѣвшія вліяніе и на заграничныя судьбы русскихъ Святогорцевъ. — Впрочемъ, какъ бы то ни было, вѣрно только то, что въ XI вѣкѣ русское иночество на св. горѣ было очень значительно, и имѣло самостоятельный бытъ, оставаясь въ разсужденіи аскетическихъ правъ, наравнѣ съ прочими аѳонскими иноками, подѣ вѣденіемъ прота. Жаль только, что, — если перваго строителя русскаго монастыря, игумена Арсенія и таху Антонія, нельзя принять за чисто русскихъ, — исторія несохранила для насъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній о нашихъ соотечественникахъ, инокахъ на св. горѣ, въ теченіи XI вѣка.

(*) Пѣшеход. Барскаго, стр. 694.

(**) Указатель актовъ, ст. 9 акт. 2; В. Григоровича Очеркъ. путеш. Казань; 1848, стр. 78.

Спокоенъ былъ XI вѣкъ для иночества русскаго на Аѳонѣ: то же можно сказать и о XII вѣкѣ. Послѣдній замѣчательнѣе тѣмъ, что Русскимъ позволено было перейти, по причинѣ ихъ многочисленности, изъ Ксилургу въ солунскій монастырь св. Пантелеймона, существовавшій на взморьѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь живописно красуется новый Русикъ. Между тѣмъ и Ксилургу—монастырь остался ихъ же собственностію, только въ видѣ скита, какъ и по нынѣ это назначеніе у него не отнято. Переселеніе Русскихъ, какъ означено выше, совершилось въ 1168 году. Можно думать безошибочно, что Русскіе пользовались особенною внимательностію своей отдаленной родины: потому что кромѣ позволенія со стороны греческихъ царей—имѣть на св. горѣ русскимъ инокамъ свою собственную обитель, не видно, чтобы они пользовались какими нибудь пособіями иноземныхъ странъ. Русскіе, значить, были во всѣхъ отношеніяхъ жизненнаго удовольствія обезпечены Россіею. Такъ протекло для нихъ два вѣка. Но вотъ странно: едва только заняли они Солунскій монастырь, въ 1168 г.,—въ Сербіи, при царскомъ дворѣ Стефана Неманя, въ числѣ прочихъ аѳонскихъ иноковъ, является и Русскій, притомъ не изъ Солунскаго уже Пантелеймонова, вѣроятно—тогда упраздненнаго, потому что это было спустя двадцать лѣтъ по переходѣ въ него Русскихъ (1186),—а изъ русскаго монастыря (*). Пособія родственной Россіи, какъ можно полагать, по причинѣ междоусобій и смутъ между Князьями, прекратились тогда для св. горы и для русскихъ ея иноковъ; а потому, для поддержанія

(*) Жизнь св. Саввы і архіеп. Сербскаго. Въ прибав. къ Твореніямъ Св. Отца, въ руск. переводѣ, Ч VIII, 1849 г.

своей обители. они вынуждены были обратиться въ Сербію за милостиннымъ сборомъ. Чрезвычайно важнымъ событіемъ или слѣдствіемъ ихъ тамошняго странствія было то, что русскій инокъ, къ сожалѣнію неизвѣстный по имени, привлекъ на св. гору, въ русскій монастырь, юнаго Сербскаго царевича Растко или, по выраженію греческому, Руссика.

По исторіи видно, что на 18 г. возраста, родители хотѣли юнаго Растко убѣдить ко вступленію въ бракъ, — тогда какъ въ сердцахъ его давно уже тайлось и зрѣло желаніе отречься міра и служить Богу въ иноческомъ образѣ. Въ то время, какъ пришли иноки со св. горы, въ числѣ коихъ былъ одинъ и русскій, Растко гостилъ у отца своего, прибывъ изъ своего удѣла, куда онъ съ пятнадцати лѣтъ возраста былъ отправленъ, въ обществѣ благородныхъ юношей, для невинныхъ забавъ и увеселеній и для воинскихъ упражненій. Тайнымъ образомъ Растко призвалъ къ себѣ русскаго инокъ и спрашивалъ его подробно о иноческой жизни на св. горѣ. Святогорецъ удовлетворилъ любопытству юнаго царевича: представилъ ему въ самыхъ высокихъ образахъ, въ увлекательномъ разнообразіи пустынные подвиги и труды Аѳонскихъ отцевъ, ихъ молитвенныя занятія, лишенія и крестныя свойства жизни иноческой; и вліяніе бесѣды этой такъ было сильно, такое произвела она дѣйствіе на сердце Растко, что, заливаясь слезами, онъ сказалъ: «теперь я понялъ, чего я такъ сильно желалъ! Блаженны тѣ, воскликнулъ онъ, которые сподобились вести такую безмятежную жизнь! Вижу, что Богъ, зная болѣзнь сердца моего, послалъ твою святыню утѣшить меня. Чтожъ мнѣ дѣлать? спросилъ онъ русскаго старца. Я бы полетѣлъ сію минуту на св. гору; но боюсь препятствій со стороны родителей.»

Видя въ Растко искренность желанія иноческой жизни; русскій старецъ взялся довести его до Аѳона. Подъ предлогомъ охоты за оленями, Растко оставилъ родительскій домъ; отдѣлился отъ своей свиты, и съ русскимъ инокомъ понесся къ св. горѣ. Родителямъ, знавшимъ склонность Растко къ иноческой жизни, не трудно было, при вѣсти, что онъ скрылся, понять цѣль и направленіе его тайнаго пути; не трудно было догадаться и о томъ, что русскій старецъ увлекъ его на Аѳонскую гору. Тотчасъ были посланы сановники сербскіе, съ письмомъ къ Солунскому градоначальнику отъ Стефана Неманея, чтобъ тотъ отыскалъ его царственного бѣглеца и возвратилъ съ Аѳона въ родительскій домъ. Такогожъ содержанія было предписаніе отъ солунскаго начальника проту св. горы. Такимъ образомъ Растко былъ открытъ и найденъ. Посланные узнали, что онъ — въ русскомъ монастырѣ, и, чтобъ куда нибудь не скрылся отъ нихъ, приставили къ нему стражу на время, пока они оправятся въ силахъ послѣ долгаго пути. Напрасно умолялъ Растко посланныхъ отца, чтобъ оставили его на св. горѣ: его и слушать не хотѣли! Царевичъ видѣлъ, съ своей стороны, невозможность ускользнуть отъ ихъ рукъ; принялъ веселый видъ; расположился отправиться къ отцу, и просилъ игумена, чтобъ онъ угостилъ путниковъ, открывъ ему свою тайную мысль — немедленно постричься въ монахи. Трапеза готова, посланные Неманея угощены съ возможнымъ радушіемъ и любовію; между тѣмъ раздаются звуки призывнаго била въ церковь на всенощное бдѣніе, такъ какъ на утро былъ недѣльный день. Вслѣдъ за игуменомъ идутъ гости на славословіе въ церковь; Растко при нихъ: они боятся упустить его изъ виду. Когда, послѣ утомительнаго

пѣмля, началось чтеніе, всѣ разсѣлись по мѣстамъ; сѣли при Раство и посланные за нимъ. Утомленные долгимъ путемъ, они скоро погрузились въ глубокой сонъ. Между тѣмъ Раство поднимается на высокій пиргъ, или четырехгранную башню, и по нынѣ еще существующую, и тамъ, въ маломъ придѣльномъ храмѣ, принявъ ангельскій образъ и произнесъ обѣты иноческаго постриженія. Когда спавшіе сановники Неманя проснулись: Раство уже былъ высоко отъ нихъ, въ башнѣ; башня была заперта изнутри; проникнуть туда небыло никакой возможности. Грозно приступили посланные къ монахамъ Русика, грозя имъ и требуя выдачи Раство; монахи указали, гдѣ скрывался сербскій царевичъ, уже принявшій постриженіе подъ именемъ Саввы, и предоставляли имъ самимъ взять его съ пирга. Тогда юный инокъ Савва подозвалъ ихъ къ столбу, и, явившись въ монашескомъ образѣ, сбросилъ имъ оттуда свои княжескія одежды со власами, которые и просилъ доставить его родителямъ при письмѣ, въ которомъ трогательно излагалъ свои чувства и просилъ молитвъ родительскихъ, какъ вѣрныхъ залоговъ преспѣянія въ подвигахъ благочестія, на избранномъ имъ пути къ небу.

Св. Савва прибылъ въ Русикъ 1186 г. Впрочемъ онъ недолго оставался въ немъ. Со временемъ, болѣе, кажется, по видамъ человѣческой немощи, чѣмъ душевной пользы, Савва оставилъ Русикъ и Русскихъ, перешедши въ Ватопедъ, во исполненіе воли прота и другихъ старцевъ, полагавшихъ унижительнымъ для царственнаго инока пребываніе въ бѣдномъ русскомъ монастырѣ. Съ одной стороны, и Савва имѣлъ уважительныя причины оставить Русикъ, что составляетъ для другихъ впрочемъ тайну, очень хорошо вѣдомую

намъ, святогорскимъ инокамъ. Какъ бы то ни было, а Савва и впослѣдствіи не забывалъ своего монастыря. Въ своемъ завѣщаніи онъ поставилъ въ обязанность Хилендарю, имъ самимъ и родителямъ его Симономъ основанной обители, помогать Русику въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ и неподавлять чувствъ взаимности и братскихъ отношеній (*). Удаленіе св. Саввы изъ русской обители было для нея началомъ несчастныхъ переворотовъ и запустѣнія на цѣлый почти слѣдующій XIII вѣкъ. Тѣмъ чувствительнѣе положеніе это дотолѣ славнаго Русика, что съ окончаніемъ XII вѣка кончился для русскихъ самостоятельный бытъ на св. горѣ и права на владѣніе монастыремъ, какъ своею собственностію; и утрата всего этого, даже до нашего времени, въ теченіе пяти слишкомъ вѣковъ, была невозвратима: хотя Русикъ и восходилъ впослѣдствіи, особенно въ XIV вѣкѣ, на высокую степень значенія и былъ называемъ *Царскою лаврою*. Можетъ быть, и тогда были Русскіе въ своей обители, но уже подъ вліяніемъ греческой власти или болгарскаго правленія.

По причинамъ, Богу вѣдомымъ, а частію и смиреннымъ пришельцамъ русскимъ незнаемымъ, русскій монастырь въ концѣ XII вѣка сдѣлался жертвою пожара (**). Русскіе иноки, говоря словами царской грамоты Стефана Душана, владѣтеля сербскаго, всеконечно оставили свой монастырь; разошлись кто куда могъ и кто куда хотѣлъ, и, такимъ образомъ, въ теченіе XIII в., судьбы ихъ скитальческой жизни на

(*) Въ актахъ Хилендара, мон. на св. горѣ, хранится самое жизнеописаніе св. Саввы въ рукописи, и находится въ его карейской кельѣ, извѣстной подъ названіемъ Типикарницы.

(**) Историч. записк. о Русикѣ, въ чтен. Моск. И. Общ. 1846, № 4.

Аѳонъ, равно какъ и ихъ обители, покрыты глубокою таинственностью и мракомъ неизвѣстности. Даже нельзя положительно сказать, были ли тогда Русскіе на св. горѣ. Самыя обстоятельства и событія этого вѣка какъ въ Россіи, такъ и на Востокѣ, лишали Русскихъ возможности проникнуть на св. гору (Ипатіев. Лѣтоп. стр. 201.) Въ XIII в. нахлынулъ на Россію Батый; иго монгольское отяготѣло надъ нею; между тѣмъ опустошительнѣе полчищъ монгольскихъ неистовствовали въ Греціи крестоносцы, шедшіе на защиту св. земли, и внесшіе въ Константинополь мечъ, огонь, жадность къ корысти и плотоугодію, мерзость въ св. храмы и безнравственное святотатство (*). Къ этимъ политическимъ событіямъ XIII в. присовокупилось гораздо горшее уклоненіе Палеолога и патріарха Векка къ западной Уніи. Св. гора, какъ оплотъ восточной церкви, была исключительнымъ поприщемъ миссіонерскихъ подвиговъ, по преданіямъ аѳонскимъ, самого римскаго папы или его кардиналовъ. Императоръ Палеологъ и патріархъ Веккъ оказывали имъ свое содѣйствіе; грабительствами, пытками и страдальческими казнями иноковъ они силились увлечь за собою въ папизмъ св. гору. Множество иноковъ пострадало въ эту искуссительную годину; и ихъ подвиги и смерть за православіе въ здѣшнихъ синодикахъ обозначены именно 1284 годомъ (**).

Если бы пожаръ не истребилъ Русика: думается, и тогда немногимъ бы изъ Русскихъ пожелалось, при такихъ политическихъ и церковныхъ замѣшательствахъ

(*) Иннокентія, Церков. Истор. вѣкъ XIII.

(**) Въ Зографскомъ синодикѣ и въ печатныхъ Болгарскихъ святцахъ.

и смутахъ, оставаться на св. горѣ на произволь случайностей. Впрочемъ, не смотря на все это, въ XIII в. странствовалъ на св. горѣ Кіевопечерскій архимандритъ Досифей. Его описаніе правилъ аѳонской жизни, какъ видно, собственно отшельнической или пустынной, крайне умиительно и дышетъ искренностью и теплотою сердечнаго чувства (*). А Галичскіе князья Даниилъ и Василько вызвали отсюда, въ этомъ вѣкѣ, добродѣтельныхъ иноковъ Іоасафа и Василя, которые и занимали святительскую кафедру владимірскую (**).

Но протекло это крестное для Русика время, и вотъ, послѣ тяжелой години, наступилъ наконецъ XIV в., самый для него счастливый: въ половинѣ сего вѣка онъ удостоился посѣщенія Сербскаго царя, Стефана Душана сильнаго (***) ; ни прежде ни послѣ Русикъ не пользовался такою внимательностію и державнымъ покровительствомъ греческихъ императоровъ и сербской владѣтельной династіи, какъ въ теченіе этого вѣка, доставившаго ему высокое значеніе въ виду св. горы.

Въ началѣ сего вѣка, а именно 6820—1312 г. (****), греческій императоръ Андроникъ Комнинъ, по ходатайству сербскаго краля Стефана Уроша, своего зятя, склоняясь на просьбы греческихъ иноковъ, поставлявшихъ ему на видъ—истребленіе, случившимся въ концѣ прошедшаго вѣка въ Русикѣ, пожаромъ всѣхъ царскихъ грамотъ на владѣніе метолами и землями, возобновляетъ пожертвованіе прежнихъ царей; вводитъ монастырь въ права неотъемлемаго владѣнія ими, и, та-

(*) Приб. къ Твор. Св. Отц. въ р. перев. голъ 6. 1848, на стр. 134.

(**) Тамъ же.

(***) Хрисов. Сербск. царя Стефана—6853—1345 г., въ хиландарскомъ архивѣ; см. Письма съ Востока ч. 1, стр. 248.

(****) Хрисов. Андроника Дуки ангела Комнина.

кимъ образомъ, дѣлается благотворителемъ Русика. Во второй половинѣ того же вѣка, греческіе императоры, Іоаннъ Палеологъ (*) и Алексѣй Комнинъ (**), продолжаютъ царственные дары и приношенія обители. Между тѣмъ, въ то же время Стефанъ, Царь и Самодержецъ Серблемъ и Грекомъ, Душанъ сильный, видѣвъ послѣднюю нищету и еще же о нѣ Русие всеконечное оставленіе (***), принимаетъ на себя долгъ и обязанности ктиторъ; препровождаетъ безцѣнный даръ Русику— главу св. великомученика и цѣлебника Пантелеймона; осыпаетъ обитель своими милостями, и возводитъ ее на степень первоклассныхъ аеонскихъ монастырей. Четыре грамоты сего державнаго владыки Сербіи остаются въ Русикѣ священнымъ памятникомъ его благочестія и ктиторскихъ щедротъ, истинно — царскихъ (****). Впрочемъ, не диво, что Сербскій Самодержецъ съ такимъ сердечнымъ сочувствіемъ, съ такою заботливостью и усердіемъ, принялъ участіе въ грустныхъ судьбахъ Русика: Стефанъ, въ свое четырехмѣсячное странствіе по св. горѣ, лично видѣлъ несчастное положеніе обители русской, родственной ему славянизмомъ, духомъ священнаго церковнаго языка, которому онъ далъ сильный перевѣсъ и преимущества на св. горѣ предъ языкомъ греческимъ (*****), съ цѣлю— послѣдній если несовершенно вывести изъ церковнаго употребленія, то, по крайней мѣрѣ, и въ собственно

(*) Хрисов. Іоанна Палеолога 6862 г.

(**) Алексія Палеолога 6881 г. Три послѣдніе акта въ архивѣ Русика хранятся.

(***) Слова изъ Хрисовула Стефана Царя Серблемъ и Грекомъ (6857—1349, хранящагося въ монаст. архивѣ.

(****) Хрисов. 6850—1342 г., 6855—1347 и два 6856—1348 годовъ. Всѣ они хранятся въ Русикѣ.

(*****). Письма съ Востока Ч. 1, стр. 248.

греческихъ обителяхъ ограничить, предоставивъ славянскимъ всевозможныя со своей стороны пособія, преимущества и исключительныя права на владѣніе, въ его областяхъ, множествомъ метоховъ (дачъ), земель и проч. Могущество, личныя достоинства сербскаго героя и родственныя его связи съ Константинопольскимъ дворомъ невольно заставили Грековъ молчать предъ нимъ, и хотя не навсегда, но безусловно уступать его требованіямъ и царственной волѣ. Вслѣдъ за многими пожертвованіями сего царя Стефана, въ исходѣ того же вѣка, сербскіе владѣтели (*), Стефанъ Урошъ, Лазарь, Драгошъ и Константинъ съпали неистощимо Русіку свои милости и щедроты, такъ что монастырь, забытый отъ Русіе, остался подъ вліяніемъ сербской царственной династіи, составлялъ предметъ ея особенныхъ заботъ и попечительности; былъ величаемъ *обителію царскою* и даже собственностію сербскою (**).

Но при такомъ высокомъ значеніи Русіка въ теченіе всего XIV вѣка, были ли въ числѣ его братства Русскіе?

Съ одной стороны трудно рѣшить подобный вопросъ тѣмъ болѣе, если нѣтъ на него прямыхъ указаній исторіи, и тѣмъ еще труднѣе, что при тяжкомъ положеніи Россіи отъ ига монгольскаго, и на св. горѣ XIV вѣкѣ смутенъ броженіемъ умовъ, подъ вліяніемъ Варлаамова заблужденія, и потрясеніями чрезъ то самой восточной церкви; съ другой стороны этотъ вопросъ отчасти разрѣшается нѣкоторыми мѣстами

(*) Граматы ихъ хранятся въ числѣ прочихъ, въ Русікѣ.

(**) Грамата Георга. Году не обозначено; но, судя по содержанію, она относится къ XV вѣку.

царскихъ грамотъ; значить, отвѣчать на него можно съ нѣкоторою положительностію и вѣрованіемъ. Поговоримъ прежде объ аскетическихъ смутахъ на св. горѣ въ XIV в., а потомъ взглянемъ и на нашихъ Русскихъ этого времени; то и другое необходимо для исторической послѣдовательности моего заграничнаго письма.

Варлаамъ, калабрійскій выходецъ, монахъ, увлекательный въ силѣ краснорѣчія, бойкій и острый въ оборотахъ слова и мыслей, вѣроятно, по порученію римской церкви, хотѣлъ поколебать и смутить, если не потрясти въ самомъ основаніи, православіе нашей церкви. Для этого собственно, по прибытіи въ Солунь, онъ скинулъ съ себя калабрійскую власяницу, отвергая латинство, и приложился къ числу православныхъ. Въ доказательство догматической правоты нашей церкви, написалъ нѣсколько статей, и, такимъ образомъ, обратилъ на себя вниманіе императора Кантакузена, вкрался въ довѣріе его, и, подъ личиною православія, началъ дѣйствовать въ пользу папскаго престола. Зная же, что греческое иночество служитъ оплотомъ православія, изъявилъ желаніе къ иноческимъ подвигамъ. Чтобъ изучить духъ и характеръ иночества, онъ удалился на св. гору, прилѣпился къ одному изъ здѣшнихъ пустынниковъ, и просилъ открыть способъ къ постепенному возвышенію въ таинствахъ созерцательной жизни. Когда же узналъ, что аѳонскіе пустынники вѣрятъ созерцанію свѣта Божія, и приготавлиются къ тому хотя молитвою, но чувственнымъ образомъ, донесъ о семъ императору, какъ о важномъ заблужденіи, доказывая со своей стороны, что свѣтъ, видѣнный Апостолами на Фаворѣ, есть твореніе, что несотворенъ единъ Богъ, и что никакою молитвою

нельзя достигнуть осіянія небеснымъ свѣтомъ. Извѣстно, что, по сему случаю, были три собора въ Константинополѣ, подъ предсѣдательствомъ императоровъ Андроника и Кантакузена. Григорій Палама, Аѳонскій инокъ, отъ лица всего иночества здѣшняго, вышелъ на единоборство съ Варлаамомъ, вооруженный истиною и простотою; уничтожилъ всѣ возраженія Калабрийца; оправдалъ чистоту Аѳонскаго подвижничества, и возвратился изъ Константинополя въ санъ Солунскаго Митрополита. Варлаамъ, торжественно уничтоженный и посрамленный, не терпя проклятія, возвратился въ Калабрию и въ нѣдра, постыжденной въ лицѣ его, западной церкви (*).

Пока продолжались такія смуты, клеветы на св. гору и споры о чистотѣ ея подвижничества, — не могъ ли каждый изъ Русскихъ смотрѣть на Аѳонъ съ тайнымъ предубѣжденіемъ, до тѣхъ—конечно—поръ, пока онъ былъ признанъ чистымъ отъ примѣси заблужденій и оправданъ верховною властію и Соборами Церкви? Не мудрено. Потому—то, можетъ быть, самому мы и не видимъ, въ первой половинѣ XIV в., ни одного изъ Русскихъ ни въ числѣ братства Русика, имѣвшаго высокое значеніе, ни въ случайныхъ паломникахъ того времени. За то, впоследствии, находимъ ясное свидѣтельство, что наши соотечественники не только считались между братствомъ русскаго монастыря, но и имѣли отдѣльный храмъ, и, какъ должно полагать, составляли значительную общину, съ самостоятельностью и полными правами на владѣніе царственными пожертвованіями князя Стефана Лазаря, чего не удостоивались ни Греки, ни родственные ему Сербы и Болга-

(*) Все это происходило въ концѣ 1-й половины XIV вѣка.

ры. Двѣ его граматы остались памятникомъ такой исключительной внимательности къ Русскимъ, и объ одного года. Вотъ извлеченіе изъ нихъ:

1. «Великую славу улучшить желающе, священныхъ Евангельскихъ заповѣдехъ дѣлательіе, свѣтло во умѣ воспріемше закона Господня достохвальное ученіе. Аще бо любите мя, рече, заповѣди моя соблюдете; тѣмъ же различными добродѣтелями, якоже райскіе цвѣтцы, достолюбно украсившеса, въ слѣдъ потекоша благоуханія божественнаго разума. Елицы бо, рече, Духомъ божественнымъ водятся, сіи суть сынове Божіи. Тѣмъ же и съ Христомъ водворяются въ свѣтѣ невечернемъ. Той бо самъ рече: идѣже есмь Азъ, ту и слуга мой будетъ.... Сихъ блаженству и славѣ и азъ наслѣдникъ быти вожделѣхъ, иже въ Ха Ба благовѣрный и христоролюбивый кнезь Серблемъ и по Дунавию Стефанъ Лазарь. Еже и получитьи надѣюся помощію и поспѣшеніемъ моего пособника и помощника Святаго Великомученика Христова Пантелеимона, иже въ св. горѣ Аѳона рекоми Руси, ему же и приложихъ церкву Спасову и Хвосну Конь митрополіе хвостыньское со всѣмъ, що имъ пише у хрисовулихъ Краль прежде бывшихъ, що сія держала церковь, тази такози *да имаю Руси* церковь тузи... и съ людьми, и съ винограды, и съ овоціемъ, и съ воденичіемъ, съ бродомъ, съ полямъ и съ ливадами, и совсѣмъ малемъ и големемъ (большимъ), и съ мѣрами сель тѣхъ зи да си има тузи церкву *церква Рушка* до вѣка.... Кто ли дерзнетъ отыти отъ рукъ, или потворитъ что отъ сихъ мною записанныхъ вышеписанныхъ, такового да разоритъ Господь Богъ и Пречистая Его Мати. И да ча порази сила честнаго и животворящаго креста. И да есть проклетъ отъ св. 12 верховныхъ Апосто-

ловъ. И отъ 318 св. отецъ иже въ Никеи. И отъ св. всѣхъ отъ вѣка Богу угодившихъ. И да есть причтенъ къ Іудѣ и Арію и съ рекою кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ. И вмѣсто помощи да му есть суперникъ Великомученикъ Христовъ Панделеимонъ. И здѣ и въ будущемъ вѣцѣ. Аминь. Въ лѣто 6889—1381. Индиктъ 4.

2. Того же князя Стефана Лазаря, того же и года. — «Понеизрѣченному челоуѣколюбію Владыки моего Христа въ Ха Ба благовѣрніе Стефанъ кнезь Лазарь Серблемъ и по-Дунавію. По просьбѣ брата ми чельника млы-е и вспомень братами чельника млы-е и сестры Драганы и ныи синовъ...даеть церкви Рушкой Великомученика Панделеимона село Длабе, рекоми горній Закутъ съ заселкомъ у Транова» и проч. и проч.

Между тѣмъ двое изъ Русскихъ иноковъ остаются замѣчательными посѣтителами св. горы, во второй половинѣ XIV в., а именно духовникъ Сергіевой лавры препод. Епифаній (*), и препод. Арсеній Коневскій. Первый изъ нихъ, ученикъ препод. Сергія и описатель его дивной жизни, заслужившій названіе *Премудрѣйшаго* (**), былъ другомъ Стефана, просвѣтителя великой Перми. А препод. Арсеній, не малое время странствовавшій на св. горѣ, возвратился отсюда въ Россію въ исходѣ XIV в., въ княженіе Василя Дмитріевича, съ безцѣннымъ сокровищемъ—съ иконою Божіей Матери, въ честь которой, въ 1393 г., при святительствѣ новгородскаго архіепископа Іоанна II, воздвигъ храмъ на островѣ Коневцѣ, устроилъ оби-

(*) Прибавленія къ Творен. Св. Отц. въ р. перев., годъ 6, 1848.

(**) Смотр. Истор. Описаніе Свато-Троицкія Сергіевы лавры 1842 г. Москва, стр. 58.

тель, и съ той поры какъ самая обитель, такъ и чудотворная икона Богоматери, извѣстны подъ именемъ Коневскихъ. Была ли икона Божіей Матери спискомъ съ другой, подобной ей, или находилась только здѣсь въ подлинникѣ,—Богъ вѣсть: при всемъ желаніи разузнать, это для насъ пока остается невозможнымъ (*).

При такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ, при такомъ аскетическомъ значеніи Русика, наступилъ XV в., утѣшительный для Россіи и блистательный рѣшительнымъ сверженіемъ двухвѣковаго съ половиною монгольскаго рабства, а для востока убійственный и несчастный паденіемъ Константинополя и всей греческой имперіи предъ Портою Оттоманскою. И для св. горы это время было смутно, тяжело и огорчительно. При всемъ томъ Русикъ и Русскіе не теряли своего значенія. Всѣ почти описатели св. горы и Русика замѣчали и замѣчаютъ, что никогда въ нашей русской обители небывало настоятеля изъ Русскихъ. Такъ можетъ быть, случилось до паденія восточной имперіи, но впоследствии—напротивъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется. Смѣю выставить, со своей стороны, на видъ грамату сербскаго деспота Гюрга, какъ можно полагать, дарованную Русику во второй половинѣ XV в., и предоставить вашему собственному суду рѣшить, правъ ли я въ своемъ личномъ мнѣніи. Вотъ извлеченіе изъ граматы Гюрга (или Георга), сына Стефана, деспота сербскаго:

«Мною царіе царствуютъ и сильни власти придерживать, рече премудрымъ Соломономъ, Царь вѣкомъ, Вседержитель Господь..... въ Христа Бога, милостію Божією благовѣрныи Господинь Срблем Гюргъ...при-

(.) Истор. Изображеніе о началѣ Конев. Обители С. П. Б. 1817 г.

идоше господству ми отъ честнаго монастыря обители св. славнаго великомученика Христова Пантелеймона, иже въ св. горѣ Аѳонскѣй, глаголемыи Рушки, честнѣйшій игумень Рушки іеромонахъ Кир. Харитонъ.... и вспоменуше господству ми о нуждахъ и о отступленіи метохій, вышереченнаго монастыря нашего..... Къ симъ же и еще сотвори милость господство ми вышереченному монастырю нашему... а що су учелѣтхя воищатику, оно зи да се собирая у Кукю господства ми да се тѣмъ зи отпраля воиска, и аще благоволить Богъ и приступить земля Сербская опеть наше у руки, шое было отступило у Турске руки.... да си ихъ имаю опеть и проч.» Годъ необозначенъ: но видно, что эта грамота дарована въ исходѣ XV вѣка.

Извините, если принимая буквально грамоту, я рѣшительно выскажу собственное мнѣніе, вопреки другимъ, что, если когда, то въ это время, то есть, въ концѣ XV вѣка, легко могло статьсѣ рѣдкое явленіе въ Русикѣ—русскій настоятель. Чтобъ это болѣе усилить, слѣдуетъ указать на бѣдственное положеніе Востока и на могущество и силу Россіи. Греческая имперія пала; Сербія обезсилена, если и несовсѣмъ подчинена высокой Портѣ; всѣ надежды, весь оплотъ православнаго Аѳона пали на Россію, куда и были, раньше или позже игуменства въ Русикѣ рушкаго іеромонаха Харитона, — неизвѣстно, — посланы для сбора милостины олять русскій игумень монастыря Пантелеимонова Паисій и съ нимъ три старца (*). Самыя обстоятельства тогдашняго времени требовали подобнаго исключенія, то есть, чтобъ Греки и Болгаре усту-

(*) Истор. Госуд. Россійс, т. VI, стр. 163.

пили права настоятельства Русскимъ: иначе Россія могла бы смотрѣть на монастырь съ предубѣжденіемъ и не питать родственнаго сочувствія къ грустнымъ судьбамъ его и къ его страдальческому положенію. Впрочемъ, личное мнѣніе—не безъ условій.

Тяжелы были потрясенія Константинопольскаго престола, шаткаго и уже клонившагося къ паденію въ 1-й половинѣ XV в.: политическія смуты волновали Востокъ; но при всемъ томъ, въ началѣ сего вѣка, мы видимъ странствующими на св. горѣ Аѳонской Троицкой Сергіевой лавры іеродіакона Зосиму (въ 1420) (*) и Савву игумена Тверскаго. Послѣдній, сложивъ съ себя обязанность настоятеля, удалился на Аѳонъ, какъ высшее училище подвижничества. По слѣдамъ его, туда же стремился старецъ Митрофанъ Бывальцевъ, котораго можно называть не столько странникомъ, сколько дѣйствительнымъ святогорцемъ, потому что цѣлыхъ девять лѣтъ онъ провелъ на Аѳонской горѣ, изучая характеръ его подвижничества многосторонняго, и самъ совершенствуясь въ искусахъ и опытахъ созерцательной жизни. Слѣдствіемъ его долгаго пребыванія на св. горѣ было то, что и наши русскіе иноки смотрѣли на него, какъ на свѣтлый образецъ истиннаго подвижничества, достойный, по свойствамъ и качествамъ ангельской чистоты, подражанія. Св. Іосифъ Волокаламскій называетъ старца митрофана великимъ (**).

Тогда же безмолствовалъ на св. горѣ Аѳонской (въ 1431 г.) въ обители царстѣй, въ лаврѣ великаго Аѳанасія, подъ крыліемъ св. Григорія Паламы и препод. Петра Аѳонскаго, въ кущѣ св. и славнаго Пророка

(*) Путеш. рус. людей, Ч. II. стр. 45.

(**) Препод. Іосифа Духов. Грам. гл. 10, въ Чтен. Моск. И. Общ. 1847, № 7.

Иліи, Іона игумень Угрѣшскій, занимаюсь перепискою книгъ. Къ сожалѣнію, не осталось свѣдѣнія, долго ли онъ на этомъ аѳонскомъ Кармилѣ (такъ называется и по нынѣ одинокая куща или келья св. Прор. Иліи) созерцалъ таинства грядущей славы Божіей, и что особеннаго, кромѣ письменныхъ занятій, почерпнулъ на св. горѣ для своей аскетической любознательности (*). За то препод. Нилъ Сорскій (**), изъ рода Майковыхъ, посѣтившій св. гору въ сопутствіи преп. Иннокентія (***), боярича и родственника князей Хворостинныхъ, долго здѣсь, какъ райская пчелка, носился по заоблачнымъ высотамъ, въ кругу Аѳонской братіи, и подарилъ наше Русское иночество дивными произведеніями своего благочестиваго пера, изъ подъ котораго текли ненаучныя и вычитанныя истины скитскаго безмолвія, а дознанныя опытомъ, пройденныя искусомъ и запѣчатлѣнныя опытами его собственной жизни, безстрастной—ангельской. Плодомъ его странствія на св. горѣ было, въ удовлетворительной степени точное, изученіе правилъ пустыннаго уединенія и безмолвія; почему, если препод. Антонія Печерскаго мы называемъ первоначальникомъ иночества въ Россіи, то, по всей справедливости, преподоб. Нила можно назвать первенцемъ скитскаго подвижничества. Любимымъ занятіемъ его было, по собственному его сознанію, «испытывать божественная писанія: прежде заповѣди Господня и толкованія ихъ и апостольская преданія, таже житіе и ученіе Св. Отецъ, и тѣмъ, го-

(*) Истор. опис. Святотроиц. Серг. лавры. Москва, стр. 138.

(**) Словарь историч. о святыхъ православ. въ Россійской Церкви, стр. 213.

(***) Тамъ же, стр. 119.

ворить онъ, внимаю, и яже согласно моему разуму. къ благоугожденію Божию, и къ пользѣ души, списую себѣ, и тѣми поучаюся, и въ томъ животъ и дыханіе мое имѣю». Преп. Нилъ скончался въ 1508 г., а спутникъ его, преп. Иннокентій—въ 1491 г.,—каждый въ своей собственной пустыни: первый въ Сорской, а послѣдній Вологодской губерніи, прп рѣчкѣ Эдѣ, въ 55 верст. отъ Вологды. Замѣчательно между прочимъ завѣщаніе преп. Иннокентія — непринимать и непо-стригать, въ его пустыни, безбрадыхъ. Эта черта пустыннаго характера занята на св. горѣ. Кромѣ этихъ путешественниковъ были, въ теченіе XV в., и другіе, какъ можно видѣть изъ лѣтописи (*). При освященіи большаго Успенскаго Собора въ Москвѣ, въ оправданіе митрополита Геронтія, ходившаго не посолонь или не посолнцу вокругъ церкви, иной рече: «во св. горѣ видѣлъ, что также святити церковь.»

Наконецъ наступило время, когда, при высококомъ политическомъ значеніи Россіи и при ея церковномъ мирѣ и тишинѣ, несчастный Востокъ страдалъ подъ игомъ Порты, и когда Греч. Церковь, какъ незадолго предъ тѣмъ было и съ Русскою, потекла по стезямъ крестнаго испытанія, очищаясь отъ примѣси заблужденій и порочныхъ навыковъ чадъ своихъ въ потокахъ ихъ собственной крови, проливавшейся вездѣ и всюду, по волѣ враговъ Креста Христова. Промыслу угодно было, чтобъ эти двѣ церкви, греческая и русская, тѣсно связанныя единствомъ православныхъ догматовъ, не выходя изъ взаимности общенія, и, такъ сказать, идя рука съ рукою, поддерживали одна другую въ крайнихъ случаяхъ. Если когда, то въ годину

(*) Ист. Росс. Гос. т. VI, § 104, стр. 34.

тяжкихъ искушеній, всего поразительнѣе открывались подобныя дѣйствія судьбъ божественныхъ: пока страдала подѣ игомъ монгольскимъ Россія, Востокъ, при самомъ своемъ изнеможеніи, могъ имѣть вліяніе на церковныя обстоятельства. Даже и тогда, какъ онъ палъ предѣ блистательною Портою, церковь русская, болѣе чѣмъ когда либо, имѣла необходимость и крайнюю нужду общенія и родственныхъ сношеній съ греческою, для коей св. гора была въ XVI в. оплотомъ и утвержденіемъ, при іерархическихъ замѣшательствахъ Восточ. патріарховъ, подѣ вліяніемъ узаконеній Порты. Въ XVI в., въ Россіи началось исправленіе церковныхъ книгъ; а между тѣмъ ея западныя области угнетались Уніею! и съ того времени св. гора сдѣлалась предметомъ особенной внимательности Россіи, для Русскихъ же—поприщемъ духов. подвиговъ или высшею школою иночества, съ правами особенными и съ исключительною заботливостію со стороны русскаго правительства о скитальческихъ судьбахъ ихъ заграничной жизни..... Это увидимъ впоследствии.

1853 г. Авг. 12 дня.

Св. гора Афонская.

Русикъ.

Р. S. Юлд 8 дня, по закатѣ солнца, нанесся на св. гору съ отдаленныхъ африканскихъ степей палачій, жгучій вѣтеръ, самунъ или хамсинъ, и въ теченіе $\frac{1}{2}$ часа душилъ насъ невыносимо. На террасахъ не было возможности оставаться; въ келіяхъ спиралось дыханіе. Подобнаго явленія никто не помнитъ на св. горѣ.

Съ 7 Авг. мы добуемся кометою. Она видна была при потухающей вечерней зарѣ, въ теченіе 2-хъ ч. почти. Видъ она имѣетъ довольно ясный; форма мечеобразная; хвостъ тянется вверхъ. Теченіе ея отъ юговостока на западъ. Тамъ она исчезаетъ къ 2-мъ часамъ ночи. (Изъ Христіанскаго Чтенія 1853 года Ч. II.)

МОИ КЕЛЕЙНЫЯ ЗАПИСКИ.

1852 года Июля 15 дня. Есть сны, которымъ нельзя вѣрить, и эти сны исчезаютъ и забываются, какъ и все прошедшее; но есть сны, которыхъ ни время, ни обстоятельства жизни, ничто не въ силахъ изгладить изъ памяти. И св. Отцы поэтому раздѣляли сны на три рода: на сонъ обыкновенный, гдѣ подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній играетъ природа; на сонъ, въ которомъ, или по Божію попущенію, или по нашей собственной безопасности и волѣ, когда остаемся не исправными въ порочной жизни, — дѣйствуетъ на мысль нашу и на всѣ движенія чувствъ сатана; и наконецъ на сонъ благодатный, посредствомъ коего самъ Богъ открываетъ свою волю и даже таинственныя судьбы будущаго. (О послѣднемъ говорить ясно св. Прор. Іоиль (гл. 11; 27.)

О снахъ я началъ говорить потому, что въ юности моей, когда я еще оканчивалъ курсъ ученія и то увлекался товарищескими разгулами, измѣняя долгу совѣсти и безщадно убивая время и нравственное чувство, то горько иногда сѣтовалъ и даже плакалъ о заблужденіяхъ перваго возраста и самыхъ лучшихъ лѣтъ, прося Господа Бога и Богоматерь устроить мою жизнь

къ сердечному благу и навести и управить стопы мои на путь истины и правды, — разъ я заснулъ, и мнѣ представилось, что я быстро несусь отъ запада на востокъ. За мною была чрезвычайная тьма, мракъ и ужасная дебрь, такъ что западъ весь былъ въ какомъ-то безжизненномъ, отверженномъ состояніи, а между тѣмъ востокъ игралъ свѣтомъ. Мнѣ казалось; что я изъ мрачной дебри вышелъ и быстро приближался къ храму на родинѣ, въ ту самую церковь, гдѣ я былъ крещенъ и принялъ печать, званіе и имя христіанина, съ принятіемъ частнаго имени, въ честь св. Сумеона Столпника. Радости сердца, восторговъ духа и истинно райскаго блаженства всѣхъ чувствъ моихъ я не могу выразить, когда, обратившись на мрачный западъ, увидѣлъ, что изъ такого страшнаго мѣста я вышелъ..... Весело и съ умиленнымъ чувствомъ вступилъ я въ теплую церковь, имѣющую два придѣла: правый во имя св. Соловецкихъ угодниковъ Зосимы и Савватія, а лѣвый пр. Сергія Радонежскаго; теплую церковь я прошелъ, не останавливаясь, а въ холодной Троицкой я сталъ по срединѣ, не преставая радоваться духовно, и въ этомъ положеніи проснулся.

«Вѣрно жить мнѣ велитъ Богъ у Троицы въ Сергіевой лаврѣ, подумалъ я, проснувшись, и всегда думывалъ такъ, не смотря на то, что дано было обѣщаніе—уйти въ Соловецкій монастырь.»

Вотъ уже 20 лѣтъ прошло послѣ этого сна, но онъ такъ живъ, что я, вспоминая его, и нынѣ прихожу въ тихій восторгъ. Былъ ли этотъ сонъ слѣдствіемъ какихъ думъ и предположеній кающагося сердца,—не знаю; а только по прибытіи сюда, на Аѳонскую гору, я принялъ въ 1844 г. Март. 23 д. (въ великій четвер-

докъ), схимническій образъ и нареченъ, въ честь Радонежскаго и всея Россіи Чудотворца, Сергіемъ.

Здѣсь замѣчу, что, по принятіи св. схимы, въ течение всей моей жизни на Аѳонѣ, я чувствовалъ, разумѣется по временамъ, истинно—райскій восторгъ и невыразимую радость, представляя себѣ—изъ какой мрачной житейской бездны и въ какую тихую пристань, въ какую живописную и заоблачную пустыню я призванъ Царицею Небесною и препод. Сергіемъ! О всемъ Слава Богу! Благодареніе Царицѣ Небесной и всемъ Святымъ!

Въ Вяткѣ, на моей родинѣ, чрезвычайное имѣють усердіе къ Святителю Христову Николаю, чудотворный образъ котораго находится въ кафедральномъ соборѣ.

Крестовой церкви Вятскаго архіерейскаго дома свѣщникъ старецъ Г. вотъ что рассказывалъ мнѣ, по прибытіи моемъ со св. Аѳонской горы на время въ Вятку. У одной дворянки А. И. Ш. пропала дорогой цѣны лошадь. По объявленіи объ этомъ полиціи, она, не вполне надѣясь на пособія человѣческія, съ вѣрою и молитвою обратилась къ св. Николаю, чтобъ Онъ самъ открылъ ей, гдѣ ея лошадь и кто укралъ ее. А ходила эта женщина не въ кафедральный, а въ спасскій соборъ, и тамъ предъ старымъ образомъ Мурликинскаго Чудотворца, молясь ему, обѣщалась, если Онъ откроетъ ей, гдѣ ея лошадь,—поставить предъ него рублевую свѣчу. Такимъ образомъ проходитъ недѣля, потомъ другая, а тамъ и мѣсяцъ,—старушка всякой день ходитъ ко св. Николаю и молится ему; но о лошади ея ни слуху ни духу. Наконецъ старушка приуныла, обидѣлась на угодника Божія, и пришедши разъ въ спасскій соборъ, въ огорченіи и какъ бы негодованіи

на неисполненіе ея молитвъ, строго посмотрѣла на ликъ Святителя, и, махнувши рукой, произнесла: «не только рублевой, да я тебѣ и грошовой свѣчи не поставлю!» Быстро потомъ отвернулась отъ св. иконы и въ крайнемъ смущеніи вышла въ притворъ. Только вдругъ идетъ ей на встрѣчу сѣдой благообразный старецъ и кротко спрашиваетъ: не ты ли А. И.? — Да я, отвѣчала она. — Пойди, возьми твою лошадь во дворѣ такого-то, — указывая ей домъ и фамилію одного изъ гражданъ. Старушка хотѣла было еще что нибудь услышать или спросить, но старецъ сдѣлался невидимъ.

Лошадь, по указанію таинственнаго старца, дѣйствительно была найдена, и признательная старушка не только поставила предъ икону св. Николая Чудотворца рублевую свѣчу, но сдѣлала серебряный окладъ на нее.

Тамъ же на родинѣ, въ г. Орловѣ есть священникъ о. М. Л., близкій мнѣ родственникъ; онъ передалъ мнѣ слѣдующее. Въ его приходѣ, въ разстояніи отъ города верстъ 10, жилъ крестьянинъ, отличавшійся кроткимъ характеромъ и скромностію. Въ 1848 или 1849 гг. не упомню хорошо, этотъ крестьянинъ отчаянно заболѣлъ; по желанію его, о. М. напутствовалъ его Св. Тайнами, и, по принятіи ихъ, вскорѣ больной умеръ. Его омыли, положили на столъ и приготовили гробъ. Прошло два часа, какъ больной испустилъ духъ, — вдругъ онъ открываетъ глаза, и садится на постелькѣ своей самъ собой, тогда какъ въ теченіе всей своей болѣзни онъ не могъ того сдѣлать, оставаясь въ крайнемъ изнеможеніи силъ. Первые слова его, какъ только открылъ глаза и сѣлъ, были: чтобъ по скорѣе послали за священникомъ, что и было тотчасъ же исполнено.

Когда я, говорить о. М., прибылъ въ ожившему,

онъ просилъ выйти изъ комнаты всѣхъ, объявляя, что онъ желаетъ на единѣ поговорить со священникомъ. Домашніе удалились, ожившій глубоко вздохнулъ и сказалъ: батюшка! я вѣдь умираю, былъ взятъ Ангелами и представленъ ко Господу. Когда я явился предъ Него, и поклонился Ему, Онъ посмотрѣлъ на меня такъ милостивно, съ такою любовію, что я не могу того выразить. Видъ его—не сказать, какъ хорошъ! Чтожъ вы взяли его, наконецъ кротко сказалъ Господь Ангеламъ, приведшимъ меня, а у него еще есть на душѣ грѣхъ, въ которомъ онъ никогда не исповѣдывался духовнику, забывши его по давности. И при этомъ Господь напомнилъ мнѣ мой несповѣданный грѣхъ. Я тогда только и самъ почувствовалъ, что точно было у меня такое дѣло, но я забылъ и никогда некался въ томъ священнику. Отведите жъ его, продолжалъ Господь, чтобъ онъ очистилъ свою совѣсть предъ духовникомъ, и тогда опять сюда возьмите его.

И самъ я не знаю, сказалъ послѣ того ожившій, какъ я опять сдѣлался живъ. Тутъ онъ съ чувствомъ рассказалъ забытый грѣхъ, и о. М. прочелъ надъ нимъ разрѣшительную молитву, прося вспомнить и его, какъ своего духовнаго отца, когда предстанетъ опять предъ Господомъ. Едва только о. М. отправился къ дому, ожившій мирно и безъ смущенія предалъ духъ свой Господу. Такъ-то милостивъ Господь!

Въ 1834 г., и въ прочія времена случался въ Вятской губерніи неурожай хлѣба, отъ чего хлѣбъ такъ дорожалъ, что иные—скупые могли тогда обогатиться, не имѣя состраданія къ бѣдствующимъ отъ глада. И вотъ одинъ крестьянинъ, жившій не подалеку отъ Вятки, накопилъ множество хлѣба и невывозилъ до тѣхъ поръ на продажу, пока цѣна невозвысилась до рубля

сер. за пудъ, что чрезвычайная рѣдкость въ нашихъ мѣстахъ. Большая выручка денегъ—обрадовала скупаго селянина; онъ приходитъ въ кафедральный соборъ и служить благодарственный молебенъ св. Николаю за то, что такъ подорожалъ хлѣбъ, и между тѣмъ молится, чтобъ еще повысились цѣны. Что же? Въ послѣдствіи было дознано, что въ то самое время, когда безумный безумно молился о несчастіи бѣднаго народа, откуда ни появился въ домъ его огонь, такъ что не только домъ, но и амбары съ хлѣбомъ, и рѣшительно все полизалъ жестокій пожаръ. На обратномъ пути изъ Вятки къ дому, несчастный скупецъ получилъ извѣстіе о постигшей его бѣдѣ, и вмѣсто того, чтобы познать въ семъ дѣйствіе гнѣва и правды Божіей и исправиться, въ отчаяніи удавился! Такимъ образомъ и исполнилось слово Псалмопѣвца: *и молитва его да будетъ въ зрѣхъ* (Пс. 108, 7.)

Вятскій живописецъ Х. рассказывалъ мнѣ, что онъ былъ отчаянно болѣнъ, такъ что никакія пособія медицины не могли возвратить ему жизни и здоровья. «При такомъ безнадежномъ положеніи, въ одинъ день подъ вечеръ, я лежу въ грустномъ раздумьи, не имѣя силъ подняться, говорилъ живописецъ; только вдругъ какъ будто кто-то у изголовья моего проговорилъ мнѣ въ слухъ: отслужи панихиду по Вятскомъ архіепископѣ Іонѣ, а потомъ сходи помолиться къ Іоанну Предтечѣ, что близъ Шустошенскаго села, тогда и будешь здоровъ. Мнѣ показалось при этомъ, что кто-то вышелъ изъ комнаты, проговоривши такъ. Когда вслѣдъ за тѣмъ вошла моя жена, продолжалъ живописецъ, я спросилъ ее, кто это былъ у насъ?—Богъ съ тобой, отвѣчала она, я все была дома, у самыхъ дверей, и никто сторонній неприходилъ къ намъ. «Въ слѣдующую

за тѣмъ ночь, живописецъ спалъ крѣпко, а на утро почувствовалъ себя хорошо.—Это все было великимъ постомъ, на послѣдней надѣтѣ. Живописецъ, немедля, отправился въ кафедральный соборъ, и не смотря на продолжительную службу великаго четверга, просилъ убѣдительно о. ключаря Г. И. П. о томъ, чтобъ отслужили по преосвященномъ Ionѣ панихиду. Когда о. ключарь узналъ причину такой просьбы,—исполнилъ ее; и живописецъ выздоровѣлъ совершенно. Онъ выполнилъ и второй совѣтъ благодатнаго посѣтителя: вскорѣ послѣ Пасхи ходилъ пѣшкомъ къ часовнѣ св. Иоанна Предтечи, что близъ Пустошенскаго села.

Въ 1849 г., при отъѣздѣ моемъ изъ Вятки, я заболѣлъ. Болѣзнь моя была убійственна: я недумалъ, что останусь живъ, потому что врагъ сильно возсталъ на меня. Ни какія средства обыкновенныя не могли меня возставить и возвратить мнѣ силу и здоровье. Я отчаялся. Только въ первый вечеръ 1850 г., вдругъ какъ будто кто-то тихо говоритъ мнѣ: «завтра день кончины о. Серафима, Саровскаго старца; отслужи по немъ заупокойную литургию и панихиду,—и онъ тебѣ исцѣлитъ.»

Это меня сильно утѣшило. А надобно сказать, что хотя я и не зналъ лично о. Серафима, но въ 1838 г., бывши въ Саровѣ, посѣщалъ его пустыньку; и съ той поры возымѣлъ къ нему вѣру и любовь. Эта сердечная къ нему привязанность и вѣра еще болѣе утвердилась во мнѣ, когда въ 1839 г. мнѣ снилось, что я служу молебень о. Серафиму, отъ всей души и громко воспѣвая: «Преподобие Отче Серафиме, моли Бога о насъ!» Только по 6-й пѣсни мнѣ надобно было читать евангеліе, и меня затрудняла мысль: какое же читать евангеліе, —преподобническое, или другое ка-

кое? Вдругъ кто-то говоритъ мнѣ: «читай отъ Маттея 36-е зачало.» При этихъ словахъ таинственнаго голоса я пробудился. Съ той поры и по нынѣ я искренно вѣрую, что о. Серафимъ великій угодникъ Божій. Но обращаюсь къ начатому.

По тайному внушенію, убѣждавшему меня къ поминовенію о. Серафима, я попросилъ, самъ будучи не въ силахъ, отслужить по немъ литургію и панихиду, и только лишь это сдѣлалъ, — болѣзнь моя миновалась: я почувствовалъ чрезвычайное спокойствіе, избавился отъ наслія непріязненнаго, и съ той поры по нынѣ, благодатию Божіею, здоровъ.

П. Я. С. генеральша, живя по началу въ Одессѣ, принимала къ себѣ странниковъ, и даже у нея были комнаты для спокойствія ихъ. Между прочими проѣзжалъ одинъ изъ дворянъ въ Іерусалимъ и рассказывалъ ей про себя слѣдующее: по духу времени, увлекаясь вольнодумствомъ и склоняясь на всѣ плотскія наслажденія онъ велъ себя совсѣмъ не по христіански: всякаго рода земныя удовольствія были его идоломъ. Наконецъ ему все насучило; въ душѣ его, при наслажденіяхъ грубой чувственности, царствовала убійственная пустота, такъ что онъ не зналъ, что и дѣлать, чтобъ сколько нибудь развлечь себя. При такомъ томительномъ положеніи и грустныхъ чувствахъ души, разъ онъ пошелъ прогуляться по городу, гдѣ жилъ; на ту пору совершалась въ церкви служба, и ему пришло на мысль, — пойти посмотреть, что такое дѣлается въ церкви, и зачѣмъ туда ходятъ люди, потому что онъ забылъ и думать о священномъ долгѣ — ходить въ церковь на общественныя молитвы. Итакъ онъ входитъ въ церковь. Красота внутренняго расположенія церкви, великолѣпный иконостасъ и яркое освѣщеніе

ликовъ божественныхъ, облаченія священно-служителей и невозмутимая тишина молящихся, при стройномъ пѣніи,—все это поразило его, заняло и невольно приковало къ мѣсту. Хотя и съ усиленіемъ и сердечною тревогою, но бѣдный выстоялъ службу, и по выходѣ изъ церкви почувствовалъ какое-то тихое удовольствіе и тайный восторгъ души. Между тѣмъ тоска, давленіе сердца и недовольство жизнію и всѣмъ въ жизни продолжались: онъ по прежнему скучалъ. Чтобъ разсѣять себя сколько нибудь,—онъ опять пошелъ въ церковь, и на этотъ разъ ужъ сладкія слезы умиленія навернулись на глазахъ его, когда онъ ощутилъ миръ въ душѣ, тихое волненіе духа и неизъяснимое удовольствіе молитвеннаго чувства. Когда кончилась служба, ему уже не хотѣлось и выходить; онъ самъ не могъ дать себѣ отчета въ чувствахъ райскаго утѣшенія, и дивился,—зачѣмъ онъ прежде не хотѣлъ знать церкви и молитвы, тогда какъ отъ нихъ истекаетъ такая благодать и такое ангельское блаженство. Такимъ образомъ дворянинъ исправился и поставилъ себѣ въ законъ— и въ церкви и дома по возможности молиться, оставивъ прежнюю безнравственную жизнь.

Однажды пришедши въ церковь, онъ подалъ просфору пономарю, чтобъ тотъ передалъ проскомисавшему тогда священнику; но пономарь, занимаясь своимъ дѣломъ, сказалъ, чтобъ онъ самъ пошелъ въ олтарь; тотъ такъ и сдѣлалъ. Но едва онъ вступилъ туда, какъ представилось ему адское страшилище, которое скрежеща на него зубами, грозно воцѣло: «ты хочешь отъ меня вырваться и бросить меня? Поздно: ты мой!» Отвратительный видъ и нестерпимый смрадь чудовища такъ поразили бѣднаго, что онъ упалъ безъ чувствъ. Черезъ полчаса времени онъ опомнился и видитъ, что

около него хлопочетъ много народу, старавшагося привести его въ чувство, — тутъ же вблизи и адское чудовище. Оно дыша яростью и невыносимымъ смрадомъ, неистовствовало и вопило: «не уйдешь ты отъ меня! Видишь, что задумалъ! Кто тебѣ сказалъ, что ты спасешься, когда весь мой—по твоимъ сквернымъ дѣламъ?» Отъ страха дворянинъ трепеталъ, какъ осино-вый листокъ, молился, крестился и давалъ Господу обѣтъ—исправиться и пойти въ монахи, если только избавится отъ чудовища; потомъ онъ впалъ въ горячку и двѣ недѣли пролежалъ безъ чувствъ. И во снѣ и на яву чудовище неотступало отъ него, грозясь задушить, если онъ обратится ко Христу. Наконецъ больной попросилъ, чтобъ его исповѣдали и приобщили Св. Таинъ. Священникъ незамедлилъ. Едва только началось таинство приобщенія, больной увидѣлъ, что чудовище, невынося божественной силы, какъ дымъ исчезло въ глазахъ его; и съ той поры оправившись, онъ распорядился своими дѣлами наскоро, испросилъ себѣ увольненіе въ Иерусалимъ, и далъ обѣтъ Господу: возвратясь оттуда, оставить все и прямо уйти въ монастырь. Этотъ дворянинъ проѣзжалъ за границу прежде меня; онъ уже оттуда прибылъ, и по обѣту, удалился въ одну изъ пустынныхъ нашихъ обителей.

Когда я былъ во св. градѣ Иерусалимѣ, въ 1844 и 1845 годахъ, одинъ поклонникъ, Воронежской губерніи, рассказывалъ въ виду его случившееся обстоятельство въ ихъ селеніи:

— Два брата изъ крестьянъ жили въ одномъ домѣ нераздѣльно; оба были женаты. У старшаго жена была здоровая, а у младшаго больная; первая вела себя хотя и неукоризненно, но и не такъ, какъ слѣдовало бы истинной христіанкѣ; а послѣдняя была очень набожна,

*

скромна и, что всего замѣчательнѣе, часто говѣла и причащалась Св. Таинъ. По обычаю крестьянскому, онѣ занимались хозяйствомъ понедѣльно. Каждая изъ нихъ знала свою череду. Случилось такъ, что болѣзненная женщина, на очереди старшей своей невѣстки, вздумала приобщиться; она отговѣла, и послѣ причастія, пришедъ домой, безмолвно удалилась на печку и тамъ, въ раздумьи сидѣла, ничѣмъ незанимаясь; старшая между тѣмъ хлопотала по хозяйству. Богъ вѣсть съ чего, вдругъ эта послѣдняя стала нападать на свою невѣстку, — она начала ее упрекать въ праздности, потомъ бранить и наконецъ бѣсъ до того овладѣлъ ею, что, въ неистовствѣ своемъ, она начала касаться святыни. «Монашинка ты! кричала она гнѣвно на свою невѣстку, — то и знай, говѣешь да причащаешься; молишься—молишься, а что отъ того добра? И больна ты завсегда и слаба; а я такъ вотъ 15 уже лѣтъ небывала на исповѣди и непричащалась, а видишь, — что мнѣ дѣлается: я здоровешенька! — А дай-ко я тебя причащу, запальчиво наконецъ она вскрикнула, — ты у меня будешь здорова! А то причастье—да причастье у тебя, монашинка!...» И въ бѣшенствѣ своемъ, несчастная схватила ощепокъ лучины, и быстро бросилась на печку, чтобъ поволокти причастнику, которая на всѣ безумныя слова ея ничего неговорила, а лишь молча плакала. Но едва только бѣшенная женщина занесла ногу, чтобъ ступить на первую ступеньку лѣстницы у палатей и печки, — вдругъ вскрикнула и упала.... На крикъ ея сбѣжались домашніе и мужъ ея; подняли и положили на лавку: она была уже безъ чувствъ, не могла ничего говорить, и только стонала и мрачно поводила глазами. ... Въ нѣсколько минутъ ногу, которую занесла она, чтобъ идти на печ-

ду, раздуло: нога заблагровѣла и сдѣлалась какъ бревно; между тѣмъ глаза несчастной выкатились, выступивъ изъ своихъ мѣсть, а богохульный и неистовый языкъ вытянулся самъ собою изъ гортани, распухъ; заблагровѣлъ и повисъ. Часа чрезъ два послѣ того эта женщина въ такихъ ужасныхъ признакахъ карающей правды Божіей, испустила духъ... Между тѣмъ ея младшая невѣстка, которую она такъ обидѣла, видя, что Богъ страшно поразилъ несчастную, заливаясь слезами, кланялась ей въ ноги, и горько приговаривала: если за меня тебя Богъ покаралъ, прости меня; я же тебя прощаю, и Богъ да проститъ тебя. Но вѣрно Богъ не услышалъ молитвъ ни ея, ни плачущаго семейства. Такъ съ выкатившимися глазами, съ высунувшимся языкомъ и чрезмѣрно распухшею ногою, похоронили несчастную. Вотъ что значитъ неистовство противъ Св. Таинъ! Избави Богъ отъ подобнаго несчастія и гибели!

Дивный и страшный сонъ. — 1852. г., Авг. 18 дня, въ сопутствіи нѣсколькихъ Русскихъ иноковъ, я отправился въ странствіе по св. горѣ—съ тѣмъ, чтобы побывать и на самой главной ея вершинѣ. А надобно сказать, что, за два дня предъ этимъ, тайный помысль постоянно твердилъ мнѣ, чтобъ я не иначе, какъ причастившись Св. Таинъ Христовыхъ, пускался въ такой дальній и трудный путь; но, занятый сторонними отвлеченіями, я пренебрегъ помысломъ, оправдывая себя тѣмъ, что на самомъ верху Аѳона, гдѣ предполагали мы отслужить литургію, могу удостоиться Св. Причащенія. Такого рода пренебреженіе къ тайнымъ побужденіямъ совѣсти и прежде мнѣ необходимо даромъ: я жестоко былъ караемъ искушеніями сатаны; но въ этотъ разъ чуть не сдѣлался жертвою вѣчнаго

осужденія. Если бы не Божія Матерь,—Богъ вѣсть, чтобы могло быть съ бѣдною душею моею.

И такъ мы собрались въ путь. Но я не успѣлъ еще выйти изъ кельи, чтобы сѣсть на мула, какъ сильныя лихорадочныя припадки и невыносимый внутренній жаръ обнаружились во мнѣ. Однакожъ я неприялъ этого за признакъ неизволенія Божія на то, чтобы мнѣ отправиться въ путь, а за лучшее счелъ вѣхать, въ той мысли и предположеніи, — авось дорогою пройдетъ лихорадка, а если и не пройдетъ, то съ перваго ночлега вернусь домой. Протекло два часа,—жаръ во мнѣ не только не утихалъ, но время отъ времени усиливался, такъ что кое-какъ добрался я до холоднаго ключа. Изъ предосторожности отъ простуды, мнѣ пришло на мысль растворить воду виномъ; я спросилъ лознаго, но товарищи отвѣчали, что его нѣтъ, а взято на случай нѣсколько раки (водки). Надобно замѣтить, что испытавши вредныя слѣдствія раки, я боялся употреблять это убійственное для меня питье, и далъ даже Господу Богу обѣтъ—ни подъ какимъ видомъ и ни въ какомъ случаѣ неупотреблять не только раки, но даже и винограднаго вина. На эту пору вкусъ соблазнилъ меня: подъ предлогомъ немощи, я выпилъ нѣсколько раки, которая и подѣйствовала на меня самымъ гибельнымъ образомъ. Въ первомъ монастырѣ Симопетръ я могъ еще спокойно ходить, хотя невыносимый жаръ палилъ внутренность и холодный потъ градомъ катился съ меня. Наконецъ мы прибыли въ Григоріатъ на ночлегъ. Признаки воспалительной горячки открылись у меня; призвали доктора; онъ осмотрѣлъ пульсъ и принялъ мѣры къ успокоенію моему. Я скоро забылся, и мнѣ представилось ужасное явленіе,

Какъ теперь помню, двое взяли меня и поставили

предъ Господомъ, сидѣвшимъ на возвышенномъ мѣстѣ. Двое представившихъ меня стали одинъ по правую, а другой по лѣвую сторону.—Тогда Господь сказалъ, обращаясь ко мнѣ: «онъ много Меня обижалъ и много грѣшилъ; возьмите и мучьте его!» При этихъ словахъ, поразившихъ меня чрезвычайно, Господь сдѣлался невидимъ, а я остался между двумя представившими меня предъ Его страшный судъ, и отъ строгаго приговора Судии горько заплакалъ, залился слезами, и всею силою кающейся души, всею вѣрою сердца, обратился къ Божіей Матери, призывая Ее въ помощь и заступленіе. Долго я и жалобно вопіялъ къ ней; а предстоявшіе мнѣ, неговоря ни слова, оставались въ неподвижномъ положеніи, какъ бы ожидая, чѣмъ рѣшится мой молитвенный и горькій вопль.

И чтоже?—Вдругъ предстательница и споручница кающихся, Пренепорочная Дѣва Марія Богородица предстала предо мною, и кротко и повелительно произнесла: «оставьте его: онъ покается!»

При этихъ радостныхъ словахъ Владычицы, видѣніе кончилось, и я, еще оставаясь въ безчувственномъ положеніи, торжественно началъ славить державное заступленіе Царицы Небесныя, призывая небо и землю, Ангеловъ и челоуѣковъ, въ величанію Богоблагодатной Дѣвы—Матери. Пока такимъ образомъ продолжалось видѣніе, мои спутники слышали мой вопль, потомъ радостныя хвалы Богоматери, и когда одинъ изъ нихъ о. М. подошелъ ко мнѣ, я опомнился со слезами на глазахъ.

Послѣ сего я погрузился въ тихій и живительный сонъ; а на утро возвратился домой, гдѣ съ 18 или 17 еще Августа, даже доселѣ (Сент. 10 д.) меня мучить и томить ужасная лихорадка. А записалъ я этотъ сонъ въ мою память и утѣшеніе.

Два разсказа о смерти иноков.—О. архим. А. разсказывалъ слѣдующее: «когда я былъ еще молодъ, и находился въ коренной пустыни, умеръ тамъ одинъ изъ братіи инокъ Д. На ту пору настоятель былъ въ Петербургѣ, а вмѣсто его управлялъ старецъ С.; но и тотъ, по какому-то дѣлу удалясь изъ обители, не могъ быть при погребеніи инока. Такимъ образомъ его похоронили въ отсутствіе старцевъ. О. С. впрочемъ прибылъ домой въ тотъ самый день къ вечеру, когда совершенно было погребеніе умершаго. Когда старецъ С. легъ отдыхать и задремалъ, ему видится, что душу покойнаго возносятъ, безъ задержанія на мытарствахъ воздушныхъ, два Ангела; когда жъ приблизились къ самымъ вратамъ райскимъ,—вдругъ они затворились, и оттуда послышался голосъ: «за такой-то грѣхъ не можетъ войти внутрь душа сія!» За какой именно грѣхъ,—этого не могъ разслушать старецъ С. Между тѣмъ Ангелы въ недоумѣніи стояли, не зная, что повелитъ имъ Господь, и какое назначеніе и судъ должна принять несчастная душа инока. Пока такимъ образомъ стояли Ангелы, вдругъ послышался другой голосъ: «ради безчестія, какое потерпѣло тѣло души сей при погребеніи его,—отпускается и прощается ей грѣхъ сей!» Старецъ С. видѣлъ тогда, что дверь райская растворилась, и Ангелы радостно ввели туда душу инока. Этимъ видѣніе кончилось. Старецъ С. пробудился, призвалъ братію и, разсказавши свой сонъ, спросилъ: правда ли, что, когда опускали гробъ съ тѣломъ покойника въ могилу, гробъ слетѣлъ съ поддержки, и тѣло безчестно выпало изъ гроба, съ такою силою, что даже покойному разбило чрезъ это голову, какъ онъ слышалъ отъ невѣдомаго гласа, исходившаго изъ рая, и, ради этого собственно безчестія, изрекшаго

душѣ прощеніе.... Братія объявили, что гробъ дѣйствительно обрушился въ могилу, по неосторожности опускавшихъ его туда, — что тѣло покойнаго вылетѣло, но пробила ли отъ того голова его, — они не замѣтили, тѣмъ болѣе, что покойникъ былъ весь завернутъ въ мантию. Старецъ С. удивился.... Съ согласія старшей братія, онъ рѣшился откопать гробъ и осмотрѣть покойнаго, чтобъ изъ этого убѣдиться въ справедливости сна своего. Такъ и сдѣлали. Тайно откопали гробъ, и точно нашли, что черепъ у покойнаго разбитъ отъ паденія тѣла въ могилу. Тысячи средствъ есть у Бога къ нашему помилованію. Слава Ему за Его неизсчѣдимое милосердіе и человеколюбіе!

Въ бытность о. архим. А. тамъ же въ пустыни, въ числѣ братства находился казначей о. А., жизни короткой, и казался странно простымъ: бывало — какъ надъ нимъ ни шутятъ, — все переноситъ съ любовью. Разъ въ 1831 г., когда открывалась холера въ Россіи, и свирѣпствовала въ К. уже, во время литургіи казначей стоялъ въ лѣвомъ предѣлѣ соборнаго храма. Только вдругъ служащій іеромонахъ и другіе замѣтили, что тамъ, гдѣ стоялъ казначей, сверху появился какъ будто огонь и прямо опустился надъ нимъ. Это невольно удивило зрѣвшихъ и стоявшихъ въ олтарѣ. Послѣ литургіи братія изъ любопытства спросили казначея: не видѣлъ ли онъ чего вблизи себя, и незамѣтилъ ли какъ будто огненнаго свѣта? — «Да, видѣлъ, видѣлъ, видѣлъ; это ничего.... Ангель Господень являлся мнѣ и сказалъ, что я чрезъ недѣлю умру.... Это ничего.—» Братія удивились... Чрезъ нѣсколько послѣ сего дней, рассказываетъ архим. А., казначей приходитъ ко мнѣ, и, такъ какъ дома небыло настоятеля, отдаетъ мнѣ

ключи отъ всѣхъ казенныхъ ящиковъ и говорить, что онъ скоро умретъ, какъ объявлено отъ Ангела. О. А. сталъ было отказываться отъ принятія ключей безъ вѣдома начальства, но казначей, положивши ихъ на столъ, проговорилъ: «какъ хочешь, а я умру скоро, я умру.... Бери или не бери ключей,—мнѣ нѣтъ нужды; а я уже отказываюсь отъ всего—за тѣмъ, что умру скоро....» И дѣйствительно чрезъ недѣлю послѣ Ангельскаго явленія, казначей мирно скончался, напутствованный христіански. Такъ-то Богъ любитъ своихъ избранныхъ! О, когда бы, ради Всепѣтой Владычицы Богородицы, и намъ былъ сказанъ день и часъ кончины нашей, да приготовимся покаяніемъ къ отшествію въ вѣчность къ Богу!

О преосв. арх. А. В. Покойный преосв. А. страдалъ меланхолическими припадками въ высшей степени,—бывало и за литургією, такъ что онъ выходилъ изъ себя, не зная что дѣлать. Само собою разумѣется, это его крайне тревожило. Сколько ни молился онъ Господу о избавленіи его отъ сихъ опасныхъ припадковъ, особенно страшась ихъ во время священнодѣйствія,—не было ослабы. Разъ въ такой молитвѣ онъ горько плакалъ и просилъ у Господа милости; и при семъ вдругъ замѣтилъ, что въ переднихъ комнатахъ разлился свѣтъ; потомъ свѣтъ становился поразительнѣе и наконецъ въ необыкновенной силѣ окружилъ и самого владыку и озарилъ его молитвенную. Въ этомъ необыкновенномъ свѣтѣ онъ видитъ нѣкую жену. Сначала онъ не узналъ ее; но потомъ, при внимательномъ взрѣніи на явившуюся, чувствуетъ и узнаетъ, что это его мать. «Отчего ты такъ горько плачешь, чадо? спросила она преосвященнаго,—и понимаешь ли, чего ты просишь у Господа? Ты плачешь

и молишься—отнять у тебя болѣзненные припадки и, разумѣется, для Господа не трудно исполнить твою молитву: одно только соизволеніе Господне на твои слезныя прошенія, и твоя болѣзнь исчезнетъ. Но знаешь ли, чего ты чрезъ это лишаешь себя? Ты и самъ не знаешь, чего себѣ просишь!... Ты не понимаешь, что отнимаешь у себя самага, если исполнить Господь молитву твою!»—«Но я боюсь, возразилъ владыка, что бы неслучилось со мною какой бѣды во время священнодѣйствія; по крайней мѣрѣ—это бы отвратилъ Господь. Впрочемъ, да будетъ во всемъ Его св. воля!»

Вслѣдъ за тѣмъ явившаяся что-то объяснила владыкѣ и стала невидима.

Про это видѣніе рассказывалъ мнѣ о. Самуилъ, авва нашъ братъ, пользовавшійся расположеніемъ покойнаго владыки А.

Видѣніе о. С.—Прошедшаго года (1851) въ Ноябрь, отправились отъ насъ пѣвчіе наши въ Іерусалимъ; въ драгоманы данъ имъ былъ монахъ Н., немного ранѣ этого смущавшійся и хотѣвшій уйти изъ обители. Богъ вѣсть, какова была жизнь брата Н. въ пути, и особенно въ Іерусалимѣ; только впослѣдствіи было открыто его злоупотребленіе именемъ обители: онъ сдѣлалъ ложную подпись игумена на листѣ, съ казенной монастырской печатью, и съ нимъ производилъ сборъ въ Палестинѣ. Счастливо кончился срокъ ихъ тамошняго странствія; протекла Пасха; наши пѣвчіе уѣхали изъ Яфы на Синай, а Н. въ числѣ Русскихъ поклонниковъ, направлявшихся къ намъ на Аѳонъ, отправился изъ Яфы на кораблѣ. Въ первую же ночь, по отбытіи ихъ отъ пристани, море разыгралось, вѣтеръ ходилъ бурный и катилъ корабль по грознымъ волнамъ быстро.—Н. былъ веселъ и спокоенъ. Когдажъ уле-

глись всё по мѣстамъ на кораблѣ, въ ночной темнотѣ при бурной качкѣ, Н., одѣтый въ русскую шубу, за чѣмъ-то пробрался на переднюю часть корабля, и Богъ въстѣ—какъ оборвался съ корабля и полетѣлъ въ море. На кораблѣ сдѣлалась тревога: бросились къ лодкѣ, чтобъ спустить ее въ море для спасенія бѣднаго Н.; но на ту пору капитанъ, предчувствуя бурю, крѣпко приковалъ лодку къ палубѣ; пока суетились около нея, корабль между тѣмъ летѣлъ подъ всѣми парусами; вернуться назадъ небыло возможности. Вѣтеръ бурно свистѣлъ; море шумѣло и играло; наступала темнота... И въ этой картинѣ страха и смятенія стихій—нѣсколько замѣтно было вдали, какъ несчастный Н. боролся со смертію, носясь по волнамъ и держась на ихъ зыбкомъ пространствѣ вздувшимся тулупомъ. Раза три доносился до корабля его умоляющій голосъ «спасите! спасите!»—Но чрезъ нѣсколько минутъ и эти слова замерли въ отдаленіи, и самый звукъ голоса слился съ воемъ вѣтра и бури, съ мятежнымъ шумомъ морскихъ волнъ. Утопающій потерялся изъ глазъ, и корабль, лишенный такимъ ужаснымъ образомъ одного изъ своихъ пассажировъ, бурно полетѣлъ впередъ... Н. утонулъ!.....

Когда обитель узнала объ этомъ грустномъ событіи, когда найдена была бумага покойнаго, объяснявшая его злоупотребленіе, — печаль была непритворная! По долгу и чувству братскаго союза съ покойнымъ, мы озаботились поминовеніемъ души: сорокоустъ и обыкновенное число поклоновъ были исправлены, и мы оставались покойны, уповая, что благій Господь такую страдальческою кончиною оправдаетъ нашего брата. Мы уповали, но скоро удостовѣрились, что прав-

да Божіи еще требуютъ отъ насъ большихъ молитвенныхъ жертвъ за покойнаго.

Назадъ тому съ недѣлю, въ концѣ Ноября (52 г.) братъ С. вдругъ былъ пораженъ видѣніемъ Н. — Н. входитъ къ С. въ келью, и только что переступилъ чрезъ порогъ, сказалъ: «непугайся меня: я непривидѣніе, а дѣйствительно Н.» — Братъ С. всмотрѣлся въ лицо покойнаго и съ недовѣрчивостью спросилъ: «да не бѣсъ ли ты?» — «Нѣтъ, отвѣчалъ Н., я истинно Н.» «А прочитай: *да воскреснетъ Богъ*, сказалъ ему С., и перекрестись; тогда повѣрю, что ты не бѣсъ.» — «Ты меня перекрести, замѣтилъ на это явившійся; ты прочитай и *да воскреснетъ Богъ*, — тогда и убѣдишься, что я точно Н.» — С. перекрестился и началъ читать молитву кресту, т. е., *да воскреснетъ Богъ* и проч. Когда дошло до словъ: *такъ да погибнуть бѣси отъ лица любящихъ Бога* и проч., — Н. перебилъ С. и прочиталъ: *такъ да погибнутъ грѣшницы отъ лица Божія, а праведницы да возвеселятся*, — и глубоко вздохнувъ, задумался. Потомъ онъ смиренно началъ просить, чтобы помолились о немъ. — «Развѣ ты нуждаешься въ нашихъ молитвахъ?» спросилъ С. — «Ахъ! и какъ еще нуждаюсь!» отвѣчалъ онъ со вздохомъ, взявши С. за руку, и, крѣпко сжавши ее, продолжалъ: «помолись пожалуйста обо мнѣ.»

— Да я и о себѣ-то незнаю, какъ молиться, возразилъ С.; объ этомъ надобно духовника просить.

— И попроси, сказалъ явившійся, попроси и всю братію, чтобъ помолились о мнѣ.

Да садись же, сказалъ С. ему; — Ахъ, нѣтъ! мнѣ вѣдь немного дано времени; и я далеко, — далеко летѣлъ и спѣшилъ сюда.....

Тутъ вдругъ пришло на мысль С. просить Н. о томъ,

чтобъ онъ примирился съ братіею: С., казалось что покойный несовсѣмъ былъ миренъ къ обители.

Н. задумался. Потомъ вздохнулъ и горько произнесъ: не то ужъ теперь время!....

Между тѣмъ С. замѣтилъ, что у покойнаго пробить головной черепъ. «Это что у тебя—отъ чего?» спросилъ онъ явившагося, указывая на раны.

—«А когда меня принесло по волнамъ къ берегу, такъ разбило о камни голову.»—И еще попросивъ, чтобъ молились за него, Н. торопливо произнесъ, что ему уже время возвращаться, и исчезъ. Въ ту же минуту ударили въ колоколъ на канонъ. Когда С. передалъ это видѣніе духовнику и братіи, по Н. отслужили панихиду, озаботились поминовениемъ, и Богъ вѣсть, что теперь происходитъ съ нимъ въ загробномъ мірѣ. Если онъ и неоправданъ,—есть надежда, что оправдается: иначе непозволено бы было ему возвращаться къ братіи и просить о себѣ молитвъ. Да упокоить его Господь въ царствіи своемъ, и насъ да помилуетъ. Слава Богу и Владычицѣ о всемъ!..

Нынѣшняго года (1852), въ концѣ Іюля прибылъ на св. гору инокъ—Молдаванъ Л., впрочемъ уроженецъ Русскій, а впоследствии проведеншій многіе годы въ Молдавіи, близъ Нямецкаго монастыря, у одного старца пустынника, коего убили въ виду его разбойники, требуя денегъ. Пустыня старца находилась въ разстояніи 4-хъ верстъ отъ Нямца. Послѣ нашего Пантелеймонова праздника, онъ отправился въ путешествіе по св. горѣ. Въ одинъ изъ дней своего путешествія, когда прибылъ онъ къ лаврѣ св. Аѳанасія, почему-то его непустили въ монастырь и непустили ночевать: вѣроятно оттого, что солнышко еще было высоко. Тронутый отказомъ, вмѣсто того, чтобъ уныть духомъ,

онъ поблагодарилъ Бога, и рѣшился провести ночь подъ открытымъ небомъ, въ пустыни, съ надеждою, что Богъ покажетъ ему какихъ нибудь сокровенныхъ рабовъ Своихъ. Въ этой мысли, помолившись Богу, Л. пустился одинокимъ въ гору и погрузился въ самыя внутреннія пустыни Аэона. На закатѣ солнышка, во внутренней пустынѣ вдругъ ему попадается отшельникъ, мужалый и высокій ростомъ, въ длинной срачицѣ, и съ желѣзными веригами на ногахъ. Привѣтствуя отшельника, Молдаванинъ спросилъ было его объ имени, но тотъ, поклонившись ему въ ноги, быстро удалился и исчезъ изъ виду въ пустынныхъ скалахъ.

На утро Молдаванинъ, по совершеніи правила, погрузился далѣе въ пустыню; и вотъ видитъ, что изъ нодъ одной навислой скалы вышелъ пустынный старецъ, кое какъ опоясанный лохмотьемъ. Старецъ не хотѣлъ было показаться Молдаванину, но Молдаванинъ приблизился къ нему и палъ въ ноги, прося благословенія. По молитвѣ, старецъ ввелъ его въ свою пещеру, и на вопросъ: давно ли онъ живетъ въ той пустынѣ?—отвѣчалъ: «двадцать два года». Кромѣ старца скитскаго, доставляющаго сухари пустыннику, никто не видалъ пустытника сего, какъ онъ самъ сказывалъ Молдаванину. Тронутый его жизнію, истинно ангельскою, Молдаванинъ началъ умолять старца, чтобъ позволилъ ему остаться при немъ; но старецъ не согласился, объясняя, что онъ не можетъ сносить пустынныхъ подвиговъ и демонскихъ искушеній, и что ему лучше жить въ обители.

Проходя далѣе, Молдаванинъ вдругъ слышитъ, что на одной горной скалѣ читаютъ по русски правило. Прислушавшись къ звукамъ чтенія, Молдаванинъ пошелъ въ ту сторону, откуда они доносились до него, и на-

шелъ двухъ русскихъ иноковъ, подвизавшихся на пустынной скаль. На вопросъ: давно ли они поселились тамъ?—отвѣчали, что только еще два года. Къ этому присовокупили они и то, что, согласившись между собою поселиться въ Аѳонской пустынѣ, они положили поступить такъ: гдѣ ихъ высадятъ съ корабля, тамъ и поселиться.—Случилось, что корабль, на которомъ они прибыли изъ Константинополя, присталъ около скита св. Анны. Тамъ они выступили на берегъ, и поднявшись въ гору, избрали одну изъ пустынныхъ скаль себѣ въ жилище. Работая ложечки, они сдаютъ ихъ въ скиту св. Анны, а въ замѣнъ того имъ даютъ сахарей,—и такимъ образомъ ихъ жизнь течетъ тихо и мирно, подъ кровомъ Пресвятой Богородицы.

1853 г. Мая 16 дня.—По случаю разрыва и наступающей войны, и я бѣдный долженъ оставить, и оставлю, конечно, безцѣнный Аѳонъ на время, дондеже мимо идетъ гнѣвъ Господень. Если продлитъ Богъ жизнь,—одно мое желаніе и было и есть,—умереть на Аѳонѣ—св. горѣ. И я надѣюсь, вѣрую, вѣрую, вѣрую, и непрестану вѣрить, что умру на св. горѣ. Поручкою въ томъ моя своручница, моя радость, надежда и спасеніе, Царица Небесная!

Господи! помяни мя во Царствіи Твоемъ! Помяни и всѣхъ моихъ друзей и враговъ: вси бо есмы чловѣцы: слабость и немощи—это принадлежность нашего сердца и ума. Потому-то, Господи, всѣхъ насъ прости, помилуй и спаси, яко единъ безгрѣшный и непостижимо благій и милостивый. Аминь. Слава Богу о всемъ! Слава и Царицѣ Небесной о всемъ!

Космодамиановская пустыня на Аѳонѣ, близъ Русика.

Д. А. В-НУ.

Конечно, ты уже хорошо знаешь послѣднія событія Востока, а съ тѣмъ вмѣстѣ и то, что Россія идетъ войною на Порту за православіе, за страдальческое положеніе Восточнаго народа и за прочія дѣйствія неприязненной породы: Греки называютъ эту войну—*священною*.... Надобно полагать, что много прольется крови, много будетъ смуть, но не смотря на все то, мы пока въ невозмутимомъ спокойствіи и тишинѣ. Всеобщій отзывъ увѣряетъ насъ, что св. гора останется въ сторонѣ; Турковъ, тѣмъ болѣе состоящихъ въ службѣ Султана, мы не боимся, потому что они будутъ оберегать во всякомъ случаѣ гору, какъ доставляющую значительный сборъ податей; мы только ожидаемъ нападеній отъ пиратовъ и разбойническихъ скопищъ; но для отстраненія подобныхъ случайностей правительство принимаетъ мѣры. Кътому же, около Дарданеллъ крейсируетъ Англійскій флотъ, для безопасности здѣшняго края. При такомъ внѣшнемъ положеніи горы, мы останемся въ своей пустынѣ, въ чаяніи спасенія Божія. Итакъ молись за меня усерднѣе. Если Богъ сохранитъ мою жизнь, по окончаніи войны, напишу тебѣ, а умру, какимъ бы то нибыло страдальческимъ или

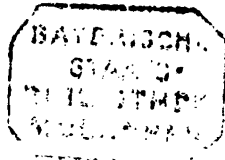
обыкновеннымъ образомъ—прощай на вѣки. Надѣюсь, что Царица Небесная неразлучитъ насъ за гробомъ, потому что ради Бога мы добровольно разлучились здѣсь. Молись, проси и другихъ молитвъ о мнѣ.

Насъ Вятчанъ здѣсь трое : бывшій учитель А. И. П., а нынѣ А., внокъ, и со мною отправившійся Л., нынѣ въ иночествѣ А... Двое изъ Вятчанъ—схимникъ Силуанъ, извѣстный тебѣ Семень Никитичъ Косаткинъ, и Елабужскій почетный гражданинъ Пупышевъ, въ схимѣ Митрофанъ, сладко уже спятъ смертнымъ сномъ въ Аюонской землѣ, на нашемъ кладбищѣ.

Еще прощай и можетъ быть навсегда!..

10 Юля 1853 года.

Св. гора,
Русикъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Святогорець. Біографическій очеркъ	v
Письмо съ Аѳона	лп
Написанное о Святогорцѣ и его «письмахъ къ друзьямъ своимъ о св. горѣ Аѳонской» въ Сѣверной Пчелѣ, С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ, вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи, Москвитянинѣ, Сыніи Отчества, Отечественныхъ запискахъ и Витскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ	i

СОЧИНЕНИЯ И ПИСЬМА СВЯТОГОРЦА:

Дневникъ	1
Письмо изъ Одессы	12
Письмо изъ Одессы	14
Палестинскія записки	19
Письмо изъ Палестины	38
Краткая историческая записка о монастырѣ Русскомъ Св. Велкомученика Пантелеймона, находящемся на св. горѣ Аѳонской.	46
Освященіе храма въ русскомъ монастырѣ на Аѳонской горѣ	54
Описаніе Спасо-орловскаго монастыря	60
Письмо изъ Константинополя.	80
Письмо съ Аѳона	86
Эсфигмено-Вознесенскій монастырь на Аѳонѣ	134
Письмо изъ Константинополя	141
Письмо съ Аѳона	145

Письмо съ Аѳона	160
Русскіе на Аѳонѣ	164
Русскіе иноки на св. горѣ Аѳонской отъ исхода X до половины XIX вѣка	175
Келейныя записки	202
Послѣднее письмо съ Аѳона	225

